

Благотворительный фонд «Наследие тысячелетий»
ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН»

**КРЫМ В САРМАТСКУЮ ЭПОХУ
(II в. до н. э. – IV в. н. э.)
VI**

Сборник научных статей

Симферополь
2020

ББК 63.4(49Кр.-6)273.1
К 852

**Рекомендовано к изданию Ученым советом
ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН»**
(Протокол заседания Ученого совета №2 от 09.10.2020 г.)

Рецензенты: д. и. н. С. И. Лукьяшко, д. и. н. А. П. Медведев

Редколлегия:

М. С. Гаджиев, д.и.н. (Махачкала)
М. М. Казанский, д.и.н. (Париж, Франция)
В. Кульчар, к.и.н. (Сегед, Венгрия)
В. В. Майко, д.и.н. (Симферополь)
В. Ю. Малашев, к.и.н. (Москва)
А. М. Обломский, д.и.н. (Москва)
А. С. Скрипкин, д.и.н. (Волгоград)
А. А. Стоянова, к.и.н. (Симферополь, ответственный секретарь)
А. Д. Таиров, д.и.н. (Челябинск)
И. Н. Храпунов, д.и.н. (Симферополь, ответственный редактор)

Состав редколлегии утвержден Ученым советом
ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН» (протокол № 3 от 24.10.2016 г.)

К 852

Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). VI. Сб. научных статей /
Отв. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: ООО «Фирма «Салта» ЛТД»,
2020. – 288 с.

ISBN 978-5-6044507-4-1

Читатели сборника познакомятся с результатами исследований погребальных сооружений и инвентаря, открытых археологическими раскопками последних лет в Крыму и на Нижнем Дону. Представлена реконструкция женского костюма. Описана деятельность Тавро-скифской экспедиции.

На первой странице обложки — Вариант реконструкции костюма погребенной в могиле №583 могильника Нейзац

© Авторы, текст, 2020
© Храпунов И. Н., сост., 2020
© Фонд «Наследие тысячелетий»,
оригинал-макет, 2020
© Институт археологии Крыма
РАН, оригинал-макет, 2020

ISBN 978-5-6044507-4-1

“Heritage of Millennia” Non-Profitable Foundation
Institute of Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences

**THE CRIMEA
IN THE AGE OF THE SARMATIANS
(200 BC – AD 400)
VI**

Collected papers

Simferopol
2020

БК 63.4(49Кр.-6)273.1
К 852

**Recommended for publication by the Scholarly Council of the Institute of
Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences**

(protocol no. 2 of 09.10.2020)

Reviewers: DSc S. I. Luk'yashko, DSc A. P. Medvedev

Editorial board:

M. S. Gadzhiev, DSc (Makhachkala)
M. M. Kazanski, DSc (Paris, France)
V. Kulcsár, CSc (Szeged, Hungary)
V. V. Mayko, DSc (Simferopol)
V. Yu. Malashev, CSc (Moscow)
A. M. Oblomskiy, DSc (Moscow)
A. S. Skripkin, DSc (Volgograd)
A. A. Stoyanova, CSc (Simferopol, executive secretary)
A. D. Tairov, DSc (Chelyabinsk)
I. N. Khrapunov, DSc (Simferopol, editor-in-chief)

The Editorial Board's composition is approved by the Scholarly Council of the Institute
of Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences
(protocol no. 3 of 24.10.2016)

К 852

The Crimea in the Age of the Sarmatians, 200 BC – AD 400. VI. Collected
papers / Edited by Igor' Khrapunov. Simferopol: Salta LTD, 2020. — 288 p.

ISBN 978-5-6044507-4-1

The readers of this collective volume will get acquainted with the results of researches
of burial constructions and grave goods uncovered in recent years by archaeological
excavations in the Crimea and the Lower Don area. A reconstruction of the female costume
has been suggested. The works of the Tauric-Scythian Expedition have been discussed.

*Cover photo: A reconstruction drawing of the dead woman's costume from grave no. 583
of the cemetery of Neizatsi*

ISBN 978-5-6044507-4-1

© The authors, 2020
© Igor' Khrapunov, the editor, 2020
© "Heritage of Millennia" Foundation, 2020
© Institute of Archaeology of the Crimea
of the RAS, 2020

Содержание Contents

От ответственного редактора	9
<i>Editor-in-Chief's Preface</i>	
■ Э. Иштванович, В. Кульчар, А. А. Стоянова. Бусы в costume населения сарматского времени Крыма и Альфёльда	10
<i>Ester Istvánovits, Valeria Kulcsár, Anastasiya Stoyanova. Beads in the costume of the Sarmatian Age population in Crimea and Great Hungarian Plain</i>	
■ С. Б. Шабанов. Каменный склеп с коллективными погребениями у с. Межгорье в предгорном Крыму	44
<i>Stanislav Shabanov. A Stone Burial Vault with Collective Burials near Mezghor'e Village in the Sub-Mountainous Crimea</i>	
■ И. Н. Храпунов, А. А. Стоянова. Каменный склеп Опушкинского могильника	66
<i>Igor' Khrapunov, Anastasiya Stoyanova. A Stone Burial Vault at the Cemetery of Opushki</i>	
■ А. С. Намойлик. Граффити и дипинти из могильника Нейзац, поселения на могильнике Нейзац и поселения в Барабановской балке	113
<i>Anna Namoylik. Graffiti and Dipinti from the Cemetery of Neyzats, the Settlement in the Territory of the Cemetery, and the Settlement in Barabanovo Ravine</i>	
■ А. А. Труфанов. Керамика из культурного слоя могильника у с. Курское (по материалам исследований 2000 г.)	136
<i>Aleksandr Trufanov. Ceramic Pottery from the Cultural Layer on the Cemetery near Kurskoe Village (According to 2000 Researches)</i>	

■ М. Ю. Трейстер. Позднеэллинистические и римские стеклянные сосуда в сарматских погребениях Подонья	154
<i>Mikhail Treister. Late Hellenistic and Roman Glass Vessels from the nomadic burials of the Don Basin</i>	
■ В. К. Гугуев, А. А. Нечипорук. Погребение с римским импортом из некрополя Темерницкого городища	189
<i>Vladimir Guguev, Aleksandr Nechiporuk. A Grave with Imported Artefacts at the Cemetery of Temernik Fortified Settlement</i>	
■ С. И. Безуглов, Л. Ю. Нидзельницкая. Позднесарматский курган у станицы Мариинской на Дону	215
<i>Sergei Bezuglov, Larisa Nidzel'nitskaia. A Late Sarmatian Barrow at Mariinskaia Cossack Village in the Don Area</i>	
■ Н. Н. Чемодуров. Деятельность Тавро-скифской экспедиции: к 75-летию научного предприятия	260
<i>Nikolai Chemodurov. The Works of the Tauric-Scythian Expedition: To the 75th Anniversary of the Scholarly Project</i>	
Список сокращений	284
<i>Abbreviations</i>	
Сведения об авторах	286
<i>Contributors</i>	

От ответственного редактора Editor-in-Chief's Preface

Уважаемые читатели!

Вы держите в руках очередной выпуск сборника «Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.)». Стратегия редколлегии заключается в том, чтобы публиковать статьи об истории и археологии обширного сарматского ареала, а также тех территорий, которые испытывали влияние сарматов.

Открывается сборник статьей Э. Иштванович, В. Кульчар и А. А. Стояновой о том, как использовались бусы в украшении женского костюма на окраинах сарматского ареала — в Крыму и в Альфельде. С. Б. Шабанов публикует результаты раскопок специфически крымского погребального сооружения — каменного склепа с многократными погребениями. Еще один каменный склеп, единственный обнаруженный на территории грунтового могильника, раскопан в некрополе Опушки. О нем статья И. Н. Храпунова и А. А. Стояновой. А. С. Намойлик изучила граффити и дипинти на греческом языке, обнаруженные при раскопках нескольких варварских памятников. А. А. Труфанов на примере могильника

Курское исследовал во многом загадочный феномен образования культурного слоя над погребальными сооружениями.

В серии статей публикуются результаты исследований нижнедонских памятников сарматского времени. М. Ю. Трейстер изучил стеклянные сосуды из сарматских погребений. В. К. Гугуев и А. А. Нечипорук публикуют результаты раскопок погребения с римскими импортами из некрополя донских меотов. С. И. Безуглов и Л. Ю. Нидзельницкая раскопали выдающийся погребальный комплекс позднесарматского времени. Его публикация позволяет рассуждать о феномене воинской всаднической культуры. Н. Н. Чемодуров на основании изучения архивных материалов восстанавливает историю деятельности Тавро-скифской экспедиции, сыгравшей важнейшую роль в развитии крымской археологии.

Редколлегия сборника не собирается останавливаться на достигнутом. В следующем году появится следующий сборник. Всех, кто держит в руках эту книжку, приглашаем к сотрудничеству.

Э. Иштванович, В. Кульчар, А. А. Стоянова

Бусы в костюме населения сарматского времени Крыма и Альфёльда

Ключевые слова: Крым, Карпатский бассейн, сарматская культура, погребальный инвентарь, костюм, бусы, контакты

Резюме

Статья посвящена сравнительному анализу бус из памятников сарматского времени предгорного Крыма и Венгерской низменности. Выделены наиболее характерные типы пронизей, бытовавших в обоих регионах, дана краткая характеристика распространения бус из различных материалов, показаны специфические и общие для Крыма и Альфёльда традиции использования бус в костюме. В результате проведенного исследования выяснилось, что бусы — самый массовый материал в погребениях двух районов. И в Крыму, и в Венгрии количество бус существенно превышает число пронизей, найденных в степных сарматских комплексах Евразийских степей. Они сопровождают преимущественно женские и детские захоронения, а в мужских погребениях единичны. Бусы использовались не только для составления ожерелий и браслетов, но и для обшивки одежды и обуви. Причем прослеживаются некоторые общие тенденции в составлении наборов, которыми женское население обоих регионов украшало нижнюю часть одежды. По всей видимости, это свидетельствует о контактах между населением крымских предгорий и Карпатского бассейна в римский период.

Eszter Istvánovits, Valéria Kulcsár, Anastasiya Stoyanova

Beads in the costume of the Sarmatian Age population in Crimea and Great Hungarian Plain

Keywords: *Crimea, Carpathian Basin, Sarmatian culture, burial inventory, costume, beads, contacts*

Abstract

This paper focuses on the comparative analysis of the beads known from the sites of the Sarmatian Age in the Crimean sub-mountainous area and the Great Hungarian Plain. We selected the most characteristic types of these decorations used in both regions; shortly characterized the distribution of beads made of different materials; displayed traditions of bead usage in the costume, specific and common for the Crimea and Hungarian Plain. As a result of the examination, we assumed that beads were the most numerous finds in the burials of the two regions. Both in the Crimea and Hungary, the number of beads is much higher than in the Sarmatian assemblages of the Eurasian steppe. They are typically found in female and child graves and come to light in male burials only sporadically. Beads were used not only as parts of necklaces and bracelets but also for embroidering the clothes and shoes. We could trace some common tendencies in the composition of the sets used by the women of both regions for decorating their costumes. In all probability, this points to contacts between the population of the Crimean sub-mountainous area and Carpathian Basin in the Roman Age.

Традиционный костюм является одним из наиболее консервативных элементов материальной культуры древних этносов. Его трансформации происходят под влиянием существенных общественных изменений, поэтому костюм выступает важным маркером, диагностирующим этнокультурные взаимодействия, влияния и контакты, происходившие между представителями различных культур. В этой связи сравнительная характеристика костюма населения двух удаленных друг от друга регионов распространения сарматской культуры — Крыма и Венгерской низменности — представляет особенный интерес. Данное исследование подчинено цели изучения общих и особенных черт культуры, формировавшихся у кочевников, оседавших на землю на значительном расстоянии друг от друга, в разных географических и исторических условиях, в разном этническом окружении.¹ Стандартным аксессуаром костюма жителей крымских предгорий и Альфёльда, прежде всего женщин и детей, на протяжении всей сарматской эпохи являются бусы, поэтому исследованию этой категории находок будет посвящена первая статья в серии публикаций о костюме.

АЛЬФЁЛЬД

В сарматских погребениях Карпатского бассейна бусы являются самой многочисленной категорией вещей. Не случайно М. Пардуц в первом серьезном своде алфёльдского материала отметил их датирующую роль (Párducz, 1950, S. 215–260). Тем не менее, специальное исследование этой группы инвентаря еще не проводилось. В данной статье предпринята попытка обобщить некоторые наблюдения, получен-

ные при анализе материалов из базы данных по сарматским погребениям Алфёльда². Возможно, это позволит наметить направления дальнейшего изучения бус из сарматских погребений Венгрии. Кроме того, сравнение венгерского материала с северопричерноморским и, в частности, с крымским, необходимо, поскольку в венгерской специальной литературе укоренилось мнение о том, что сарматские бусы Венгерской низменности «отчасти идентичны понтийским» (Vaday, 1989, S. 98). Сходство алфёльдского женского костюма, в котором подол платья обшивали бусами, с костюмом женщин, похороненных в могильнике Нейзац в Крыму, а также близость многих типов пронизей и состав наборов бус подчеркивала М. Надь в своей недавней работе (Nagy, 2018, p. 210, 211).

В настоящий момент в нашей базе данных собрано 97125 вещей из 2447 погребений. 89,75% учтенных находок составляют бусы (87171экземпляр), которые сопровождали 1192 погребения (48,7% от общего количества) из 152 памятников.

Половозрастное распределение и способ ношения бус

В подавляющем большинстве бусы сопровождали женские захоронения. Детских погребений с бусами всего 116 (9,73%). Можно утверждать, что бусы в качестве элемента костюма присутствуют в погребениях детей разных возрастов, начиная с младенческого (*Infans I*). При этом прослеживается серьезная разница в количестве пронизей в захоронениях и способах их использования. Бусы находят и в мужских погребениях, но здесь гораздо меньше, чем в женских и детских, и использовались они по-другому.

¹ Статья продолжает серию работ, целью которых является систематическое сравнение наиболее характерных типов вещей сармат Крыма и Алфёльда (Храпунов и др., 2019; 2020). Настоящая работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 19-59-23001 «Население горного Крыма и Венгерской низменности в римское время: миграции и контакты» и проекта № 124944 Венгерского бюро по исследованиям, развитию и инновации (NKFIH) «Онлайн публикация погребений римского времени и ранней эпохи переселения народов Барбарикума Карпатского бассейна».

² Компьютерную базу данных сарматских погребений Алфёльда Э. Иштванович и В. Кульчар составляют с участием нескольких коллег с 2013 г. с целью уточнить внутреннюю хронологию сарматского времени при помощи сериации датирующих вещей в комплексах. Конечным результатом проекта намечается онлайн доступ к данным базы. Данные базы отражают состояние августа 2020 г.

В отношении всех приведенных ниже данных следует учитывать сильную ограбленность могил, поэтому новые археологические исследования могут либо подтвердить, либо скорректировать представленные количественные показатели.

Рассмотрим сначала распределение бус по возрастным группам погребенных и способам их использования в костюме. В тех случаях, когда бусина или низка бус были найдены *in situ*, мы наблюдаем следующую картину (табл. 1).

Табл. 1. Использование бус в костюме погребенных разных возрастных групп

Возраст	Памятники с погребениями, содержащими бусы	Погребения с бусами в составе инвентаря	Ожерелье (кол-во погребений)	Пояс (кол-во погребений)	Браслет (кол-во погребений)	Низ платья/обувь (кол-во погребений)	Сумка (кол-во погребений)
<i>Infans I</i> (дети до 6 лет)	19	104	45	1	12	8	–
<i>Infans II</i> (7 – 14 лет)	18	49	17	2	9	6	–
<i>Juvenis</i> (15 – 19 лет)	15	36	6	–	9	8	–
<i>Adultus</i> (20 – 44 года)	34	286	64	19	21	94	3
<i>Maturus</i> (45 – 60 лет)	30	149	36	4	15	44	3
<i>Senilis</i> (старше 60 лет)	12	32	9	1	2	11	–
Без определения	–	536	70	25	24	96	
Всего	152	1192	247	52	92	267 (53 памятника)	

Конечно, цифры сами по себе могут неточно передавать ситуацию из-за ряда искажающих факторов. Сохранность детских костяков гораздо хуже, чем взрослых, часто невозможно сказать, ограблены детские могилы или нет. По этой же причине не всегда возможно определить, с какой частью костяка связана та или иная вещь. У алфёльдских сармат число детских погребений вообще гораздо меньше, чем взрослых могил, а захоронения младенцев встречаются очень редко (Vörös, 2005, p. 138; Sóskuti, 2015, p. 353, 354).

Некоторые тенденции в использовании бус населением Альфёльда все же просле-

живаются (рис. 1). Если проанализировать расположение бус на костяках, то видно, что ожерелья или обшивка шейного выреза платья бусами, обшивка рукавов или браслеты из бус, а также обшивка нижнего края платья или обуви независимы от возрастных групп. При этом бусы на костях ног фиксируются, главным образом, у взрослых (*adultus–maturus*) женщин³. Разница наблюдается и в случае поясов и сумок: пояс является принадлежностью, главным образом, женщин возраста *adultus*, а сумки присутствуют и у них, и у женщин возраста *maturus*.⁴ Пояс у детей фиксируется в исключительных случаях, и всегда в богатых погребениях.

³ Подобный вывод был сделан соавторами Gulyás, Sóskuti, 2017, p. 222 (они предположили, что этот обычай «может быть связан с моментом перехода девочек во взрослое поколение» (там же, p. 231), но в этом случае как объяснить те несколько погребений возраста *Inf. I – II*, где обшивка подола все же встречается? (Kőhegyi, Vörös, 2011, p. 312).

⁴ Обсуждение вопроса, как интерпретировать отдельные элементы костюма, выходит за рамки статьи. Проблематично, например, выяснить, обшивали ли бусами низ шаровар, платья или обувь, предполагать наличие пояса или фартука. А если речь идет о поясе, неясно, как его реконструировать. Литературу по реконструкциям костюма см.: Istvanovits, Kulcsar, 2001, p. 139, сн. 1, Fig. 3. Здесь мы употребляем общепринятые понятия, но помним о том, что способ использования отдельных элементов костюма должен быть темой специального глубокого исследования. Речь идет, например, о том, как сопоставить характерное для самых ранних алфёльдских погребений украшение одежды золотыми нашивками с более поздней традицией обшивать одежду бусами, и еще о многочисленных подобных проблемах.

Рис. 1. Характерный алфёльдский сарматский женский костюм IV в., Кишкундорожма–Шубаша, погр. 121 (по: Bozsik, 2003, Fig. 8; 10)

Так же редко пояс сопровождается захоронения представителей наиболее пожилой возрастной группы. Возможно, он был атрибутом костюма замужних женщин. Примечательно, что самые малочисленные наборы бус связаны с возрастными группами *infans II* и *juvenis*, то есть с погребениями девочек/девушек 7–20 лет. А вот в области шеи бусы очень часто расположены у девочек *infans I*: в 45 погребениях было найдено 795 бус. Встречаются и уникальные случаи. Например, в погребении 4 могильника

Арад–Барьера/Arad–„Barieră” во рту ребенка нашли большую полихромную бусину. Возможно, она использовалась в качестве замены оболы (Grumeza, 2020, p. 440: несколько подобных случаев известно на расположенной к северу от Альфёльда территории германцев).

Наряду с женскими и детскими захоронениями, бусы, хотя гораздо реже, находят в мужских погребениях. Нам известны 63 такие могилы из 22 памятников⁵. Судить о хронологических различиях в исполь-

⁵ Мы принимали во внимание только те случаи, когда антропологическое определение подтверждалось инвентарем или полевыми наблюдениями.

зовании бус проблематично, так как мы не располагаем достаточным объемом достоверных данных. Бусы присутствуют в мужских погребениях начиная с самого раннего периода, то есть с I до конца IV в. н. э. На основании небольшого числа неогрбленных или частично ограбленных могил (13) можно выделить следующие случаи расположения бус в погребении. На левой стороне костяка: в трех случаях у плеча или лопатки, в двух — у локтя или руки. На правой стороне костяка: у ключицы, у руки, около таза, у головы (по два случая); в трех случаях пронизи, предположительно, относились к мечу. Как правило, речь идет об 1–2 экземплярах, обычно это изделия

из полихромного стекла или известняковые бусы бочковидной формы. За исключением одного погребенного возраста *juvenis*, бусы сопровождали взрослые мужские захоронения (*adultus* или *maturus*). По мнению А. Вадаи, одна или несколько крупных бусин, найденных на руке, на груди, иногда в районе пояса, могли служить пуговицами или, возможно, замком сумки (Vaday, Szőke, 1983, p. 110).

О хронологии бус

В хронологическом отношении, анализируя материалы из крупных могильников, мы получаем ситуацию, отраженную в таблице 2.

Табл. 2. Число бус, найденных в могильниках Альфёльда разных хронологических периодов

Памятник	Общее число погребений	Число погребений с бусами	Бусы, шт.	Хронология могильника	Среднее кол-во бус в погребении (учитываются только комплексы с бусами), шт.
Фюзешабонь–Каштей-дюлё/ Füzesabony–Kastély-dűlő	7	6	189	Конец I – начало II вв. н. э.	31
Эндрёд–Суйокерест/ Endrőd–Szu jókereszt	25	13	425	начало II – начало III вв.	33
Деречке–Дарабош-дюлё/ Derecske–Darabos-dűlő	22	12	3752	начало II – начало III вв.	313
Ньиредьхаза–Фелшёшима/ Nyíregyháza–Felsősimá	140	85	9065	II – III вв. н. э.	107
Сёдлигет–Чёрёр/ Szó dliiget–Csörög	41	16	811	конец II – начало III вв.	51
Сегвар–Ором-дюлё/ Szegvár–Orom-dűlő	63	18	1052	конец II – III вв.	58
Абонь–Татарханьяш-дюлё/ Abony–Tatárhán yás-dűlő	59	34	3276	конец II – III вв.	96
Будапешт–Пецели ут/ Budapest–Péceli út	302	133	6081	вторая половина II – рубеж IV – V вв.	46
Мадараш–Халмок/ Madaras–Halmok ⁶	632	230	24412	рубеж II – III вв. – рубеж IV – V вв.	106
Эндрёд–Кочорхеды/ Endrőd–Kocsorhegy	29	7	22	III – IV вв.	3

⁶ Единственный полностью раскопанный некрополь с большим количеством погребений.

Хортобадь–Порошхат/ Hortobágy–Poroshát	220	90	1913	III – IV вв.	21
Юллё мн. 5/Üllő 5. lelőhely	108	40	2826	III – IV вв.	71
Лайошмиже–Конья-майор/ Lajosmizse–Kónya-majör	28	20	2403	III – IV вв.	120
Мезёсемере–Кишмарифенек/ Mezőszemere–Kismarifenék	29	11	836	IV в.	76
Почпетри–Ньирьеш/ Pócspetri–Nyírjes	19	4	868	Вторая половина IV в.	217
Апатфалва–Надъут-дюлё/ Apátfalva–Nagyút-dűlő	48	22	1089	Конец IV – начало V вв.	50
Дьял–7б/ Gyál–7/b.	39	8	114	конец IV – начало V вв.	14
Суботица–Верушич/ Szabadka–Verusics	67	20	212	конец IV – начало V вв.	11
Всего	1878	769	59346		77

На первый взгляд, данные таблицы свидетельствуют, что количество бус в костюме сармат Карпатского бассейна не меняется со временем. На самом деле это не совсем так. Если внимательно посмотреть на материалы самого раннего периода — так называемого золотого горизонта (т. е. рубежа I – II вв.) — можно определить, что бусы присутствовали в очень многих погребениях.

Причина этого в том, что подавляющее большинство таких комплексов — женские, притом они неграбленные⁷. Из 7 погребений самого крупного могильника этого периода Фюзешабонь–Каштей-дюлё бусы были найдены в 6 могилах. Характеристика бус из этого памятника представлена в таблице 3 (по: Farkas, 2000, tabl. 3).

Табл. 3. Распределение бус могильника Фюзешабонь–Каштей-дюлё по материалам и способу использования в костюме (по: Farkas, 2000, tabl. 3)

Номер погр.	Кол-во бус	Материал					Функция в костюме		
		сердолик	стекло	янтарь	камень/глина	металл	украшение	обшивка одежды, пояс	пуговица
60	75	75	–	–	–	–	ожерелье, браслет	–	–
65	3	2	–	1	–	–	ожерелье	–	–
66	1	–	1	–	–	–	–	–	+
140	5	–	5	–	–	–	ожерелье	?	+
150	97+5	3	92	2	–	5	ожерелье, браслет	подол платья	–
155	1	–	–	–	1	–	ожерелье	–	–

⁷ На малочисленность мужских погребений этого горизонта уже не раз обращалось внимание исследователей (Vaday, 1982/83, S. 178).

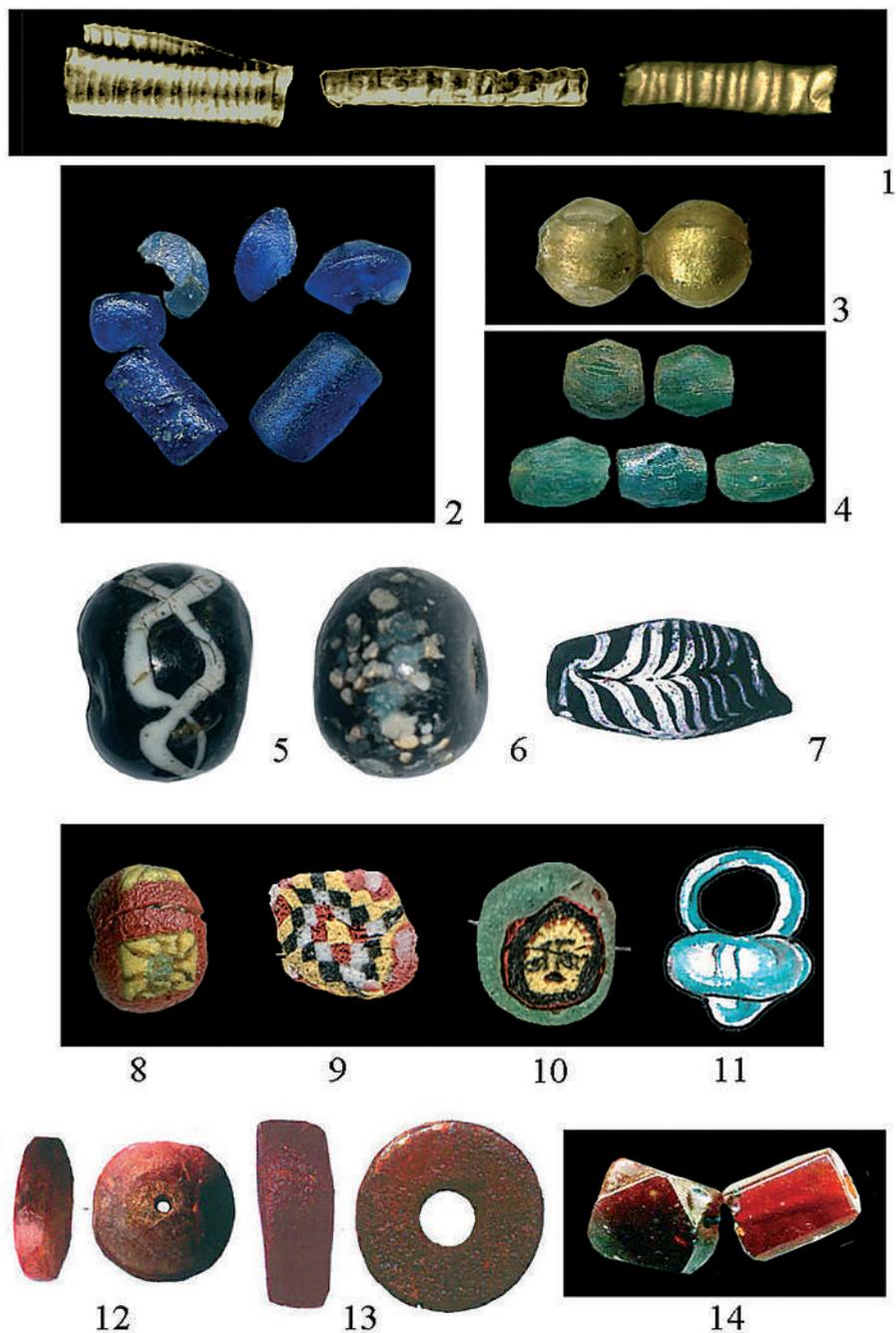

Рис. 2. Некоторые типы бус из сарматских погребений Альфёльда: 1 — золотые пронызы раннего периода (по: Istvánovits, Kulcsár, 2017, Fig. 153); 2 — синие стеклянные бусы, Ньиредьхаза–Дьебраш-танья, погр. 144 (фото: Э. Иштванович); 3 — двухчастная бусина с золотой прокладкой, Ньиредьхаза–Дьебраш-танья, погр. 192 (фото: Э. Иштванович); 4 — т. н. бусы «с грудкой», Ньиредьхаза–Часарсаллаш, Халоми-дюлё, погр. 13 (фото: Э. Иштванович); 5 — стеклянная бусина с волнистым орнаментом, Тибискум (по: Grumeza, 2020, Fig. 4); 6 — стеклянная бусина с пятнистым орнаментом, Тибискум (по: Grumeza, 2020, Fig. 4); 7 — стеклянная бусина с фестончатым орнаментом (по: Nagy, 2018, Fig. 93); 8 — стеклянная бусина, украшенная розеткой, Ньиредьхаза–Дьебраш-танья, погр. 315 (фото: Э. Иштванович); 9 — мозаичная бусина, Дунакеси-Секеш-дюлё, погр. 118 (по: Korom, 2018, рис. 4, 31); 10 — бусина с изображением лица, Дунакеси-Секеш-дюлё, погр. 118 (по: Korom, 2018, рис. 4, 31); 11 — бусина-подвеска «с петелькой», Апатфальва–Надьут-дюлё, погр. 178 (по: Kujani, 2016, Pl. 5, 7); 12 — точеная янтарная бусина, Будапешт–Пецели ут, погр. 51 (по: Nagy, 2018, Fig. 93); 13 — шлифованная янтарная бусина, Будапешт–Пецели ут, погр. 93 (по: Nagy, 2018, Fig. 93); 14 — сердоликовые бусы, Ньиредьхаза–Дьебраш-танья, погр. 369 (фото: Э. Иштванович)

Как видно из таблицы, доминируют ожерелья (включая случаи, когда украшение состоит лишь из одной или нескольких бусин). Шейные украшения из золотых пронизей (рис. 2, 1) встречаются исключительно в раннем периоде. Для этого же времени характерны сферические сердоликовые бусы с узким каналом отверстия, которые потом были в ходу еще полвека⁸. В низке их располагали по порядку в соответствии с размером — от мелких к крупным или наоборот (Farkas, 2000, p. 24). Обращает на себя внимание, что в большинстве случаев число сердоликовых сферических бус в погребениях более или менее одинаково (в среднем по 36–38 штук). Возможно, это объясняется тем, что их покупали в низках с определенным числом пронизей (рис. 3) (Istvánovits, Kulcsár, 2006, p. 220). Такие бусы наряду с ожерельями встречаются и в составе браслетов.

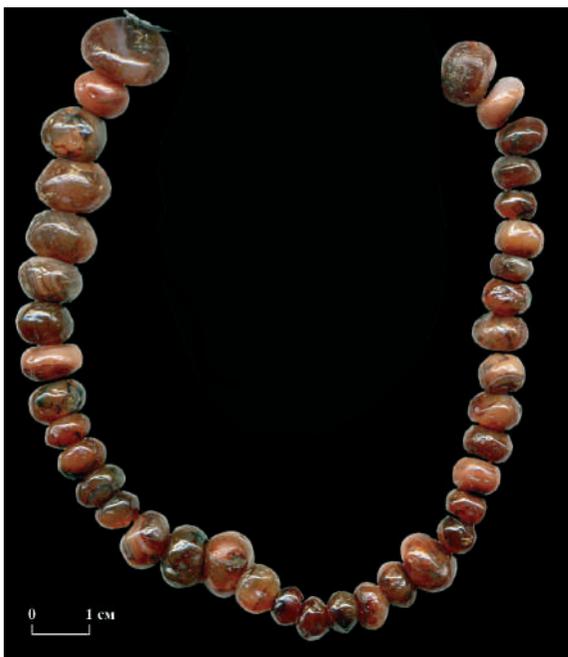

Рис. 3. Сердоликовое ожерелье, Ньиредьхаз-Дьебраш-танья, погр. 250 (фото: Э. Иштванович)

Уже в конце I – начале II вв. н. э. бусы фиксируются на костях ног погребенных. Характерно, что только в одном случае они украшали платье молодой женщи-

ны (*juvenis/adultus*). В четырех случаях в погребениях лежали индивиды возраста *maturus*, а в одном — *adultus*. Такой костюм дополнялся свисающим поясом, декорированным бусами. Золотые и сердоликовые бусы дополняются единичными пронизями из янтаря и камня, а наиболее многочисленными уже в это время становятся украшения из стекла. Они отличаются маленьким или средним размером: даже самые крупные из стеклянных бус не превышают в диаметре 1,7 см, большинство — менее 1 см. Преобладает темная цветовая гамма (коричневые, зеленые, синие), наборы дополняют лишь несколько светло-зеленых и белых экземпляров. Пронизии более ярких цветов (красный, оранжевый) отсутствуют. Этот факт интересен, в частности, потому, что для локализации места производства наиболее надежной отправной точкой могут служить материалы-красители. В этом отношении заслуживает внимание замечание автора публикации могильника Фюзешабонь: «Различные типы стеклянных бус в одном комплексе обычно смешаны. В то же время, разные технологии характерны для отдельных хронологических периодов» (Farkas, 2000, p. 23).

Хронологически близкая группа из 6 погребений из могильника Мезёчат-Хёрчөгёш/Mezőcsát-Hörcsögös опубликована А. Вадаи (Vadai, 1982/83). Здесь наряду с золотыми и сердоликовыми бусами также имеются янтарные и стеклянные. Уникальным можно назвать случай, когда одна из янтарных бусин была надета на золотую гривну (Vadai, 1982/83, Taf. 6, 5). Еще одной особенностью этого памятника является находка цилиндрической железной пронизи. Стеклянные бусы обнаружены в районе голени погребенных, в одном погребении их 287 штук, в другом — 120. Однако, принадлежность этих двух могил к раннему некрополю, датированному золотыми предметами и фибулой, проблематична, так как они располагались отдельно от него в слое

⁸ Отметим, что потом они надолго исчезают, и снова входят в моду во второй половине IV в. н. э.

Рис. 4. Бусы в районе ног в процессе расчистки, Ньиредьхаза–Дьебраш-танья, погр. 311 (фото: Э. Иштванович)

более раннего поселения⁹, поэтому их хронологическое положение не совсем ясно.

В настоящее время считается, что обычай обшивать бусами подол платья (рис. 1; 4) распространяется со II в. н. э. (Kulcsár, 1998, p. 50). Изучение эволюции этого обычая со II в. до конца IV в. позволяет установить, что хронологические различия проявляются только в количестве и составе бус в наборе. В Алфёльде встречаются

сарматские погребения, где находят сотню, в отдельных случаях по 100–300 экземпляров бус, но известно погребение и с 600 пронизями в наборе, и даже могилы, где их число приближается в тысяче¹⁰. К середине IV в. н. э. число бус в могилах существенно сокращается. Цвета в позднее время (см. ниже) от характерной для второй половины II – III вв. яркой окраски переходят в темные тона (синий, коричневый, зеленый), а размеры бус увеличиваются.

Возвращаясь к форме, цвету и составу бус (в одном погребении или украшении) можно констатировать, что начиная с середины – второй половины II в. н. э. наборы бус в могильниках становятся более сложными и по комплекту типов. В то же время наблюдаются серьезные различия между одновременными некрополями. Причина этого явления пока не ясна. Она может заключаться в появлении новых волн сарматских мигрантов с востока или в культурных особенностях отдельных групп населения. Существование таких групп предполагают некоторые исследователи (Gulyás, Sóskuti, 2017. p. 228), так как в отличие от других регионов Алфёльда, в нижнем течении

Табл. 4. Распределение бус по материалу

	Кол-во памятников	Кол-во погребений	Кол-во бус (шт.)	Кол-во бус (%)
Стекло	128	967	65348	84,29
Янтарь	78	382	5308	6,85
Сердолик	90	388	3400	4,38
Коралл	44	193	1630	2,1
Известняк	63	237	1275	1,64
Кость	15	25	156	0,2
Камень	12	16	136	
Халцедон	35	67	121	
Глина	5	8	70	
Гагат	2	5	29	
Серебро	7	10	13	
Горный хрусталь	8	8	9	
Мрамор	3	3	6	
Золото	2	2	8	
Серебро	7	10	13	
Железо	4	4	4	
Бронза	5	5	5	
Фаянс	3	3	5	
Ракушка/улитка	1	1	4	
Всего	152	1192	77527	

⁹ Расстояние между могильником и поселением в публикации не указано. Судя по карте (Kalicz, 1999, p. 57, 58, Fig. 2), они расположены относительно далеко друг от друга.

¹⁰ К таковым принадлежат погребение 14 могильника Абонь–Татарханьяш-дюлэ (966 штук) (Gulyás, 2011, p. 127, 128) или погребение 16 из Домасек–Надь Матьяш-дюлэ/Domaszék–Nagy Mátyás-dűlő, где обнаружено 989 бусин (комплекс неопубликован, благодарим за информацию автора раскопок Корнела Шошкути).

Мароша в позднесарматское время среди бус, найденных у ног, доминируют коричневые и коричнево-лиловые экземпляры, имитирующие, по их мнению, сердоликовые, но известны также могильники, где преобладают синие бусы.

Рис. 5. Халцедоновое ожерелье из коллекции Венгерского национального музея, место находки неизвестно (инв. № 52.980.1) (фото: Э. Иштванович)

Материал бус

Найденные в сарматских погребениях Альфёльда бусы сделаны из различных материалов (табл. 4). Подавляющее количество украшений изготовлено из стекла. За ним следует янтарь, затем сердолик, кораллы, ракушки или известняк, кость, камень и халцедон. Бусы из других материалов единичны. Анализ репрезентативной выборки бус из комплексов, надежно датированных концом II – серединой IV в. н. э., показал, что можно выявить определенные тенденции в предпочтении материалов и цвета пронизей. Но состав бус в наборе в основном определялся индивидуальными вкусами представителей конкретных коллективов. Стекланные украшения бесспорно пользовались наибольшей популярностью — они были распространены повсеместно.

С течением времени наблюдаются некоторые изменения в предпочтении материалов (табл. 5). В периоде между концом II в. и серединой IV в. н. э. стекланные изделия, возможно отчасти местного производства, играли доминантную роль (они составляют около 90% от общего числа всех бус). Число каменных бус в пределах этого времени варьирует-

Табл. 5. Распределение материалов бус по периодам на основании данных некоторых могильников Альфёльда

Памятник	Всего бус	Стекло		Сердолик	Янтарь	Известняк	Коралл	Халцедон	С золотой прокладкой
		шт.	%						
II – III вв.									
Эндрёд–Суйокерест	425	369	87	3	6	20	12	7	
Деречке	3752	3710	98	3	8	4	26	1	
Ньиредьхаза	9065	8508	93	194	153	24	79	17	
Сёдлигет	811	786	97	5	11	1	6	1	
Сегвар	1052	927	88	84	17	22	1	0	
Абонь	3276	2924	89	121	191	25	4	2	
III – IV вв.									
Эндрёд–Кочорхедь	22	7	32	7	1	2	0	1	0
Хортобадь	3040	2175	71	370	373	85	18	0	186
Лайошмиже	2403	2160	90	176	24	21	7	0	2
Юллё	1913	1426	74	60	727	44	686	0	0
Конец IV – начало V вв.									
Апатфалва	1089	616	57	94	44	4	124	0	
Дьял	114	52	46	14	31	0	17	0	
Мезёсеме́ре	836	687	82	90	14	2	0	0	

Табл. 6. Распределение стеклянных бус по цветам на основании некоторых могильников Альфёльда II – III вв.

Памятник	Общее число стеклянных бус	Красные	Зеленые	Белые	Синие	Желтые	Коричневые	Лиловые	Черные	С золотой прокладкой	Бесцветные	Оранжевые
Эндрёд-С.	369	54	27	214	21	4	3	10	7	около 17	0	0
Деречке	3710	300	402	415	160	0	0	44	2	20	20	1046
Ньиредьхаза		1753	2358	1069	667	6	9	1088	286	18	30	1013
Сёдлигет	786	135	183	129	64	192 (5)	14	27	0	2	0	9
Сегвар	927	302	343	175	8	1	0	64	6	0	0	21
Абонь	2924	737	662	615	204	13	30 (3)	0	11	5	0	586

ся. Халцедоновые пронизи (рис. 5), бывшие в моде в самый ранний период, во II – III вв. н. э. используются в костюме редко, а после III в. н. э. практически исчезают (см. ниже).

Стеклянные бусы

Наши данные подтверждают общее наблюдение, согласно которому, во II – III вв. н. э. альфёльдские сарматы любили украшать себя множеством ярких бус. Наиболее распространенными цветами были красный, белый и зеленый (рис. 1; 6), в некоторых местах так же часто встречается оранжевый (рис. 6), но в разных некрополях они присутствуют в различных пропорциях. Относительно популярными были синие бусы (рис. 2, 2). Желтый, коричневый и черные цвета редки (в могильниках они представлены единичными экземплярами), немного чаще использовались лиловые бусы. Как видно из таблицы 6, в период после маркоманнских войн вплоть до конца III в. н. э. предпочтение отдавалось бусам ярких цветов. Очень малочисленны округлые бусы с золотой металлической прокладкой (рис. 2, 3), и совсем редко попадаются прозрачные бесцветные пронизи. По крайней мере, такое впечатление создается из описаний бус в публикациях, некоторые из которых могут быть не вполне корректными. В более позднее время появляется тенденция к использованию бус темных цветов (табл. 7). В могильниках конца IV – начала V вв. н. э. господство красного, белого и зеленого цветов в наборах бус исчезает или становится

редкостью, доминировать начинают темные тона (Istvánovits, 1993, S. 124, 125; Gulyás, Sóskuti, 2017, Fig. 4), в первую очередь, синий. Но есть некрополи, в которых, как отмечалось выше, преобладают украшения из коричневого или коричнево-лилового стекла, и еще сохраняется бытование красных бус (Gulyás, Sóskuti, 2017, p. 223, 228).

Рис. 6. Стеклянные бусы, Ньиредьхаза–Дьебраш-танья, погр. 100 (фото: Э. Иштванович)

Табл. 7. Распределение цвета стеклянных бус на основании нескольких могильников Карпатского бассейна конца III – IV вв.

Памятник	Общее число стеклянных бус, шт.	Красные	Зеленые	Белые	Синие	Желтые	Коричневые	Лиловые	Черные	Оранжевые
Апатфальва	616	0	4	212	30	0	120	3	1	1
Мезёсемере	687	2	76	34	522	2	11	2	25	1
Дьял	52	0	0	0	36	0	1	0	15	0

Несколько слов о типологии бус

Гораздо более сложным вопросом является типология бус. Ее основы заложила А. Вадаи (Vaday, Szőke 1983, p. 112, 113, Fig. 24; Vaday, 1989, S. 97–104, Abb. 20)¹¹. Она разбила простые серийные бусы альфёльдских сармат на основные формы (указав их размеры и декор). По мнению исследовательницы, «ни южнорусская, ни римская типология бус не применима без изменений», поэтому она разработала свою типологическую схему. С тех пор практически все ученые при работе с бусами используют систему А. Вадаи, включая авторов публикаций крупных могильников, таких, например, как Будпешт–Пецели ут (Nagy, 2018, p. 213–240, Fig. 90).

Большинство типов бус существует длительное время — на всем протяжении сарматского периода. Есть несколько типов, бытование которых укладывается в более узкие отрезки времени. В числе одноцветных стеклянных бус к таковым относятся так называемые бусы «с грудкой» (рис. 2, 4) (Kőhegyi, Vörös 2011, p. 311), мелкий бисер и многочастные бусы, а также маленькие дисковидные украшения (Vaday, Szőke 1983, p. 113; Kőhegyi, Vörös 2011, p. 311)¹². В случае с крупными полихромными экземплярами, особенно с бусами, сделанными индивидуально в сложной технике (инкрустированные, миллефиори, с аппликацией,

а также из смешанного материала), возможностей для уточнения хронологии больше¹³, чем у массово производимых одноцветных стеклянных бус. Среди особенных технологических приемов в производстве серийных бус следует упомянуть вторичную окраску, когда пигмент добавлялся не в первичное сырье, а уже разрезанные и нанизанные на нить бусины обмакивают в окрашенную жидкость. По определению А. Вадаи, в таких случаях красящий материал затекал во внутрь канала отверстия. По ее наблюдениям, бусы, сделанные с помощью этого приема, встречаются исключительно в комплексах второй половины II – начала III вв. н. э. (рис. 6) (Vaday, 1989, S. 101).

Хронологию монохромных серийных бус помогут в дальнейшем уточнить изменения в составе отдельных наборов. Это логично, ведь если повреждалось украшение или обшивка одежды из бус (чаще всего это происходило с бусами, использовавшимися в обшивке нижнего края штанов, платья или обуви), то их, скорее всего, не выбрасывали, а чинили, дополняли, причем делали это, уже используя бусы новых типов. Попытку разделить хронологические горизонты памятников на основании состава наборов бус предприняла М. Надь, пока без последователей (Nagy, 2018, p. 241–262).

В специальной литературе опубликованы хронологические данные по отдельным

¹¹ Здесь мы должны добавить, что определение формы во многих случаях проблематично: часто встречаются деформированные экземпляры неправильной формы, являющиеся последствием массового производства. Касательно этого вопроса, а также определения типов деформированных бус, см.: Vaday, Szőke, 1983. P. 112.

¹² Хронологию отдельных типов бус на основании их размеров см.: Vaday, 1989, S. 103, Abb. 21.

¹³ Л. Грумеца считает, что присутствие таких бус в инвентаре маркирует погребения богатых женщин (Grumeza, 2020, p. 441).

типам бус со сложной технологией. К ним относятся, например, бусы с золотой прокладкой. В нашей базе данных есть только 52 погребения, в которых обнаружено всего 120 таких бусин. В одном комплексе обычно встречается по 1–2 экземпляра, и крайне редко — больше 10. Хотя они присутствуют в погребениях начала IV в. н. э. (Nagy, 2018, р. 223–225), бóльшая часть бус попала в могилы до конца III в. н. э. Доказано, что такие типы пронизей производили в мастерской Тибискума (Дакия), которая снабжала бусами, в частности, альфёльдских сармат (см. ниже) (рис. 2, 3).

В сарматском материале относительно редки стеклянные бусы черного цвета, украшенные перекрещивающимися волнистыми линиями, чаще всего белыми, реже красными или желтыми (рис. 2, 5). В погребениях такие бусы единичны. В основном они фиксируются у запястья или таза. Этот тип привлек внимание некоторых исследователей. М. Темпельманн-Мончиньска в своем своде выделила их в группу XXII (Tempelmann-Mączyńska, 1985, р. 52–58). По ее мнению, такие бусы использовались с первой половины III в. до начала IV в. н. э. на обширной территории от Черного до Северного морей. А. Вадаи считает, что пронизы с волнистым орнаментом присутствуют в сарматских комплексах Альфёльда со II в. н. э. и продолжают существовать в этой среде до позднеимперского времени (Vaday, 1989, S. 104). Наш анализ подтверждает ее результаты.

К относительно редким типам относятся бусы с пятнистым орнаментом (группа XX, тип 198 по Темпельманн-Мончиньской) (рис. 2, 6). На северных территориях германцев они появляются уже в первой трети II в. н. э. Этот тип бус также изготавливали в Тибискуме. В сарматском Барбарикуме они встречаются в погребениях II – III вв. н. э., но бусы с черной основой больше характерны для комплексов IV – V вв. н. э. (Nagy, 2018, р. 234).

Продолговатые черные бусы с белым фестончатым орнаментом (рис. 2, 7) редки

в сарматских погребениях и если встречаются, то обычно по одному экземпляру. Этот тип распространен в Северной и Центральной Европе, редко, но попадает в комплексах черняховской культуры и крымских погребениях. Единый стиль декора и размеры таких пронизей позволяют предположить, что бусы были изготовлены в египетской мастерской (детально с литературой см.: Nagy, 2018, р. 227, 228).

Среди относительно редких типов следует упомянуть мозаичные бусы (рис. 2, 8) и пронизы, украшенные шахматным орнаментом или розетками (рис. 2, 9). Они также бытовали на широкой территории, присутствуют и в провинциальном, и в центрально-европейском и северном германском материале, а также в Северном Причерноморье. В публикации могильника Будапешт–Пецели ут М. Надь уделила большое внимание этим бусам, поэтому мы ограничимся кратким описанием ее главных наблюдений. Вещи, изготовленные в технике миллефиори или мозаики, украшали розетками или геометрическими мотивами. В Альфёльде шахматный и розеточный орнаменты распространяются с конца II в. н. э., особенно в позднеимперское время, однако такие вещи редко клали в сарматские могилы (также как и рассмотренные выше бусы с волнистым и пятнистым орнаментом). Некрополь Будапешт–Пецели ут, где насчитывается 20 мозаичных бус, самый «богатый» в этом отношении. Наиболее распространены бусы с красной и зеленой основой. Мастерская в Тибискуме производила бусы с розеткой с желтоватой/розоватой основой. Схожие украшения были найдены в могильнике Кишкундорожма–Шубаша/Kiskundorozsma–Subasa (Vaday, 1989, р. 103, 104; подробно, с дальнейшей литературой см.: Nagy, 2018, р. 228–233).

Наконец, необходимо отметить находки лицевых бус (рис. 2, 10). Их также считают египетскими по происхождению. Об их распространении в сарматском материале и аналогиях в подробностях писала А. Кором. Обычно, в том числе и у аль-

фёльдских сармат, это чрезвычайно редкие вещи. Экземпляры, представляющие раннюю группу таких бус с одной личиной, найдены в погребении в Дунакеси–Секешдюльё/Dunakeszi–Székes-dűlő. Варианты с несколькими личинами датируются IV–V вв. н. э. (Кором, 2018, с. 18–20).

К редким типам относятся так называемые бусы-подвески «с петелькой», собранные И. Куйани (рис. 2, 11). Они малочисленны и встречаются, главным образом, в комплексах позднеримского времени в южной части Альфёльда и в Бачке. Их делали из синего, зеленого и медово-желтого стекла, а также из янтаря (Kujáni, 2015, p. 38, сн. 43).

Кроме описанных выше несерийных и малочисленных типов бус, известны уникальные экземпляры, как, например, крупная полая толстостенная дутая бусина из погребения 8 некрополя Сольнок–Санда/Szolnok–Szanda. Этими специфическими случаями мы здесь не занимаемся, так как в хронологии они не играют роли.

Результаты естественнонаучных анализов

Химический анализ стекла проводился в редких случаях, и внимание исследователей фокусировалось в первую очередь на составе материала бус. Изучение материалов-красителей не осуществлялось. Для изготовления бус до эпохи средневековья применялось, в основном, содовое стекло. Его производили, используя флюс с высоким содержанием соды. Характер сырьевого стекла зависел от флюса (известково-натриевое стекло или диоксид кремния — зола растений) (Vajnácsi et al., 2018, p. 35). По нашим современным представлениям, на территории провинции Паннонии встречаются стеклянные предметы (за исключением импортов), сделанные только из римского сырьевого стекла, состав которого долгое время оставался неизменным

и включал в себя песок, известняк и натуральную соду. В то же время, сарматский материал неоднороден: в нем встречается сырьевое стекло римского, но в значительной мере и месопотамского типа, состав которого включает, наряду с песком и известняком, золу галофитов¹⁴. В этом отношении особенно интересно замечание И. Форижа, согласно которому «Hall (1998) на основании химического состава разделил южнорусские сарматские бусы IV в. до н. э. – II в. н. э. на пять групп, из которых состав группы 5 очень похож на ту часть сарматских и аварских бус, опубликованных Fórizs et al. (2001), которые были сделаны их сырьевого стекла месопотамского типа» (Fórizs, 2008, p. 115, 116, 118, 119).

Один из самых интересных для нас результатов естественнонаучных анализов связан с бусами, изготовленными из месопотамского сырьевого стекла. На основании различных характеристик удалось показать, что они производились в разных мастерских, в продукции которых чувствуются некоторые различия (Fórizs et al., 2001, p. 74). Это, в свою очередь, объясняет разницу в составе бус отдельных некрополей или, возможно, даже регионов. На основании находок стеклянного шлака на сарматских поселениях М. Надь считает (и мы с ней солидарны в этом мнении), что бусы более низкого качества могли производиться самими варварами (Nagy, 2018, p. 233).

Одним из возможных производственных центров, как уже отмечалось, мог быть Тибискум. В ходе раскопок здесь было найдено более десяти тысяч бус, а также тысячи их фрагментов: всего 11 типов монохромных и 7 типов полихромных изделий, а также многослойные, позолоченные стеклянные бусы, коралловые и сердоликовые. Одна из мастерских просуществовала до III в. н. э., и, вероятно, производство стекла в ней не прекратилось и после того, как римляне

¹⁴ Эту золу характеризует наличие в ней большого количества натрия, кальция, магнезия, калия, фосфора и серы. Для разделения типов сырья используется возможность выявления K_2O-MgO , $K_2O-P_2O_5$ и $MgO-P_2O_5$. Поэтому месопотамским может считаться стекло, в котором выявляются хотя бы два условия из следующих трех: $K_2O > 1,4\%$, содержание $MgO > 1,5\%$, содержание $P_2O_5 > 0,2\%$ (Fórizs et al., 2001, p. 73).

сдали провинцию Дакию. В другой мастерской, работавшей во II в. н. э., делали сердоликовые и коралловые бусы (Venea, 2004, S.139–144).

Янтарные бусы

Большинство наших наблюдений и данных, перечисленных выше, справедливы для отдельных могильников, и то же самое можно сказать о бусах из янтаря. М. Надь обратила внимание на некрополь из Почпетри, где янтарные изделия составили 70,94% от общего количества бус. Большая их часть была найдена в погребении 10,

содержавшем всего 600 пронизей (Nagy, 2018, p. 235). В некрополе Абонь–Татарйараш-дюлё была найдена 191 янтарная бусина, из которых 182 лежали в одном погребении (24) (Gulyás, 2011, p. 128, 129). Янтарь присутствует в вещевом материале сарматских погребений, начиная с самого раннего периода. В таблице 8 мы приводим выборку из четырех могильников, которые датируются в относительно узких хронологических рамках. На вопрос, наблюдается ли ощутимая разница между ними, ответ отрицателен.

Табл. 8. Хронологическое распределение янтарных бус в некоторых могильниках Альфёльда

Памятник	Датировка	Всего погребений с бусами	Погребения с янтарными бусами	Всего бус	Янтарные бусы
Ньиредьхаза	II – III вв.	85	28	9065	153
Абонь	Конец II – III вв.	34	3	3276	191
Юллё	III – IV	40	25	2826	724
Почпетри	2-я пол. IV в.	4	1	868	610

Среди янтарных бус удалось выделить две основные группы: шлифованные и точеные (рис. 2, 12, 13). Последние достаточно редки (Nagy, 2018, p. 235, Fig. 90; 93). Анализы янтарных украшений не проводились, поэтому источник сырья остается под вопросом. Мы также не можем ответить на вопрос, получали ли альфёльдские варвары необработанный янтарь или готовые изделия. В публикации некрополя Мадараш упоминается небольшое количество необработанного янтаря (Kőhegyi, 1979, p. 121), но этот факт сам по себе еще недостаточен для далеко идущих выводов.

Сердоликовые бусы

Как уже отмечалось выше, сердоликовые украшения были очень характерны для погребений раннего периода, когда преобладали бусы округлой формы (рис. 3). Они постепенно вышли из моды и после середины II в. н. э. встречаются sporadически, а затем, после временного отсутствия, вновь появляются в IV веке. Сам сердолик, как материал, однако никуда не исчезает, просто на смену шаровидной форме прихо-

дят прямоугольные — 14-гранные и призматические с шестиугольной основой — и их варианты (рис 2, 14) (Vaday, 1989, S. 104; Nagy, 2018, Fig. 90; 95).

Коралловые бусы

Коралловые бусы (рис. 7) были в ходу в сарматском Барбарикуме Альфёльда в относительно большом количестве начиная с рубежа I – II вв. н. э. (Dinnyés 1980, p. 201). В нашей базе данных учтено 1625 штук из 191 погребений 50 памятников. Часть этих кораллов обработана, другая часть состоит из отломанных веточек, которые нанизывались на нить через узкие естественные отверстия-каналы. Обработанные экземпляры имеют форму трубки, цилиндра, шара или приплюснутого шара, но встречаются и призматические (Адач/Adacs, Хортобадь-Порошхат погр. III/19, Ёчёд–Керекеш/Őcsöd–Kerekes), а также круглые и дисковидные (Хевиздьёрк/ Hévízgyörk погр. 14). В числе уникальных форм отметим бусину из могильника Тисафёльдвар/Tiszaföldvár (Vaday, 1989, Taf. 108, 4), а также экземпляр с двойным каналом из погребения 4919 некрополя

Рис. 7. Коралловое ожерелье, Ньиредьхаза–Дьебраш-танья, погр. 140 (фото: Э. Иштванович)

Юллё.¹⁵ Особенностью этого погребения является то, что в нем было найдено всего 115 коралловых бус. В публикации могильника Будапешт–Пецели ут говорится об окрашенных коралловых бусах (зеленых и красных) (Nagy, 2018, p. 240).

В случае с сердоликовыми, коралловыми и даже известняковыми бусами мы наблюдаем схожую с янтарными картину: обычно в наборы, состоящие в основном из стеклянных бус, вносят разнообразие несколькими пронизями из других материалов. В то же время, в некоторых случаях последние (нестеклянные) представлены значительным числом. Например, бусы из кораллов в ожерельях и, реже, в браслетах, представлены обычно 1–2 экземплярами, но есть и индивидуальные случаи с большим набором коралловых бус. Лучше всего коралловые бусы представлены в погребении 5909 могильника Юллё, где было найдено всего 158 штук: 4 — у шеи, и еще 97 под черепом (скорее всего, ими был расшит головной убор), 6 — на левой, а 26 — на правой стороне таза (возможно, браслеты), и 24 бусины у щиколоток (обшивка

подола платья), точное место одной бусины неизвестно¹⁶.

Хотя происхождение коралла под вопросом, несомненно, что он представлял ценность, и доступ к нему был ограничен. В могильнике Апатфальва–Надьют-дюлё во всех женских могилах с ожерельем присутствовали коралловые бусы, в некоторых погребениях в большом количестве (например, в погр. 154 — 70 штук). Могилы, где коралловые бусы входили в состав ожерелий, содержали богатый инвентарь (Kujáni, 2016, p. 25). На этом основании можно обоснованно предположить, что только богатые представители общества могли себе позволить украшения из кораллов.

Халцедоновые бусы

А. Вадаи писала, что халцедон «по общепринятому мнению поставляли с Востока» (Vaday, 1989, S. 104). Появление халцедоновых бус совпадает с распространением прямоугольных сердоликовых пронизей, начиная с последних десятилетий IV в. н. э. их число возрастает. Однако с середины III в. н. э. до последней трети IV в. н. э. они отсутствуют в сарматском материале Альфёльда (Vaday, 1989, S. 105).

Бусы из горного хрусталя

В раннем сарматском периоде Карпатского бассейна хрустальные украшения появляются одновременно с округлыми сердоликовыми бусами, хотя встречаются гораздо реже. Ожерелья, состоящие только из горного хрусталя, до сих были найдены только в некрополях Алшонемеди/Alsónémedi и в окрестностях Бекешчабы/Békéscsaba környéke. Несмотря на то, что в Карпатском бассейне этот минерал встречается практически во всех горных районах, альфёльдские бусы, вероятно, не местного происхождения, а привнесены с Востока. Они характерны, главным образом, для раннего периода (Vaday 1989, S. 106).

¹⁵ Неопубликованные раскопки В. Кульчар.

¹⁶ Неопубликованные раскопки В. Кульчар.

КРЫМ

В могильниках сарматского времени крымских предгорий бусы — наиболее многочисленная категория находок. Они не только составляли дополнительные украшения костюма — ожерелья и браслеты, — но и использовались для обшивки одежды. Поэтому нередко их число в индивидуальных погребениях составляет несколько сотен, а иногда и тысяч экземпляров. Так, в Нейзацком могильнике по предварительным подсчетам на 600 раскопанных комплексов приходится более 50 тысяч бус и подвесок (Храпунов, 2016, с. 12, табл. 1). В могильнике Бельбек IV в 96 погребениях обнаружено 7169 бусин, и, по данным Е. К. Столяровой, это около половины всех бус, найденных при раскопках некрополя, где исследовано 331 погребальное сооружение (Столярова, 2016, с. 201; Гущина, Журавлев, 2016, с. 5). Из опубликованных Т. Н. Высотской 149 могил Усть-Альминского могильника происходят около 25 тысяч бус (Высотская, 1994, с. 116). Коллекция бус из могильника у с. Кольчугино начитывает 3678 бусин (Храпунов, Масякин, Мульд, 1997, с. 100), из некрополя Дружное — 3788 экземпляров (Хайрединова, 1995, с. 59), а из могильника Совхоз 10 — около 7400 экземпляров (Высотская, Рыжова, 1999, с. 116).

В погребениях бусы распределяются неравномерно: подавляющее их большинство сосредоточено в женских захоронениях, значительно меньше — в детских, и лишь единичными экземплярами представлены эти украшения в мужских могилах. При этом доля погребений с наборами, содержащими большое количество бус, невелика. Подсчеты Е. К. Столяровой, сделанные для могильника Бельбек IV, показывают, что почти 36% бус приходятся на 7,3% погребений, в которых эта категория украшений была найдена (Столярова, 2016, с. 202, табл. 2).

Прослеживается зависимость количества бус в погребениях и от хронологии

памятника: особенно массовые бусинные наборы встречаются в комплексах I — первой половины III в. н. э., после середины III столетия количество бус в погребениях резко снижается. Показательны в этом отношении сопоставимые по количеству коллекции бус из Кольчугинского и Друженского могильников: если в первом случае около 3700 бусин приходится на 14 раскопанных могил, в целом датированных второй половиной I до н. э. — первой половиной I в. н. э. (Храпунов, Масякин, Мульд, 1997, с. 124, 125), то во втором случае близкое число украшений приходится на могильник с 88 погребальными сооружениями, большая часть которых относится к IV в. н. э. (Храпунов, 2002, с. 72).

Разное количество бус фиксируется в погребальных сооружениях разных конструкций. Большим числом и разнообразием этих украшений отличаются позднескифские грунтовые склепы I в. до н.э. — II в. н. э. (рис. 8). В некоторых из них обнаружено несколько тысяч пронизей (склеп №20 из могильника Левадки (Мульд, Масякин, 2003, табл. 1), грунтовый склеп №42 (Храпунов, Мульд, Стоянова, 2009, с. 19–29) и каменный склеп №250 могильника Опушки (см. публикацию комплекса в этом же сборнике), склеп №10 Кольчугинского некрополя (Храпунов, Масякин, Мульд 1997, с. 83–87). В некоторой степени такое количество бус в одном склепе объясняется совершенными в них многократными захоронениями — обычно такие склепы содержат несколько десятков погребений, однако прямой зависимости количества бус в склепе от числа погребенных в нем людей не наблюдается. В грунтовых и подбойных могилах с индивидуальными погребениями наборы бус не столь многочисленны и насчитывают в среднем 100–200 экземпляров, однако известны женские погребения второй половины II — первой половины III вв. н. э., в которых число украшений достигает полутора тысяч штук (Стоянова, 2004, с. 300).

Обнаруженные в крымских могильниках бусы сделаны из различных мате-

Рис. 8. Набор бус из позднескифского склепа №78 в могильнике Опушки в Крыму (фото: С. Мульд)

риалов — одноцветного и полихромного стекла, гагата, египетского фаянса, янтаря, полудрагоценных камней, преимущественно сердолика, халцедона и, реже, горного хрусталя, а также металла, кости, глины. По количеству существенно доминируют стеклянные, фаянсовые и гагатные изделия, составляя в сумме от 80 до 99% всех бус (табл. 9). Соотношение бус из этих материалов в разных памятниках отличается в зависимости от хронологии могильников и их месторасположения. По всей видимости, высокий процент стеклянных бус в могильниках Дружное и Совхоз 10

объясняется преобладанием в этих памятниках погребений конца III – IV вв. н. э., когда массовое использование фаянсовых и гагатных украшений в предгорном Крыму практически прекращается. Региональные различия в распространении бус из фаянса и гагата свидетельствуют о том, что в могильниках юго-западного Крыма (Совхоз 10, Бельбек IV, Заветное) удельный вес фаянсовых изделий значительно меньше, чем в памятниках центральной части крымских предгорий (Кольчугино, Нейзац, Дружное), а ситуация с гагатными украшениями прямо противоположная¹⁷.

¹⁷ Это наблюдение сделано без учета Усть-Альминского могильника — самого крупного и наиболее полно изученного некрополя юго-западного Крыма. Несмотря на большое число публикаций материалов этого памятника, каких-либо обобщающих статистических данных о коллекции усть-альминских бус до сих пор нет.

Рис. 9. Некоторые распространенные типы бус из погребений предгорного Крыма сарматского времени: 1 — округлые из сердолика; 2 — округлые из одноцветного стекла; 3 — шаровидные из стекла с внутренней металлической прокладкой; 4 — короткоцилиндрический бисер из египетского фаянса; 5 — короткоцилиндрические из гагата; 6 — цилиндрические и граненые из одноцветного стекла; 7, 8 — стеклянные с глазчатым орнаментом; 9, 10 — мозаичные из полихромного стекла; 11 — бусина с изображением лица из полихромного стекла (фото, рисунок: А. Стоянова)

Табл. 9. Распределение бус по материалу в некоторых крымских памятниках (в процентах)

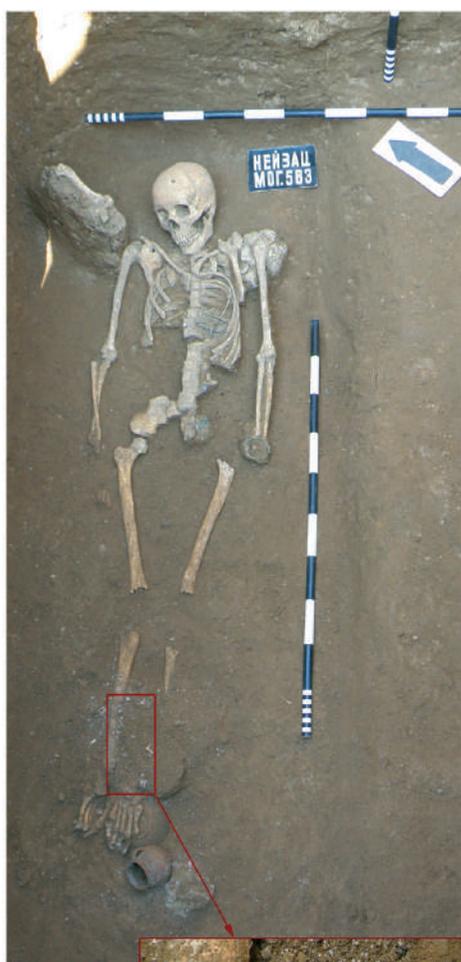
	Кольчугино (Храпунов, Масякин, Мульд, 1997, с. 119)	Бельбек IV (Столярова, 2016, с. 201, табл. 1)	Нейзац (Стоянова, 2004, с. 299, табл. 1)	Совхоз 10 (Высотская, Рыжова, 1999, с. 116)	Дружное (Хайрединова, 1995, с. 86, прил. II)
Стекло ¹⁸	38	34,8	49	63	64,5
Египетский фаянс	53,7	14,3	37	4,9	28
Гагат	6,8	33	10,9	12,3	3,8
<i>Всего из трех материалов</i>	<i>98,5</i>	<i>82,10</i>	<i>96,9</i>	<i>80,2</i>	<i>95,80</i>
Янтарь	0,8	4,12	1,3	9,04	3,7
Сердолик	0,3	13	1,4	4,08	0,5
Прочие материалы	0,4	0,78	0,52	6,68	0,22

Рис. 10. Бусы из одноцветного стекла, янтаря и сердолика из погребений предгорного Крыма IV в. н. э. (фото: А. Стоянова)

Обнаруженные в могильниках предгорного Крыма бусы чрезвычайно многообразны: их анализ позволил выделить 575 типов (Стоянова, 2006, с. 7). Но наиболее массовых типов, составлявших основу индивидуальных наборов, немного. В течение I – первой половины III вв. н. э. к их числу относились округлые, цилиндрические и призматические бусы из красного, белого, зеленого и синего стекла (рис. 9, 2, 6), округлые бусы из стекла с внутренней металлической прокладкой (рис. 9, 3), шаровидные и бочковидные из сердолика (рис. 9, 1). Среди полихромных существенно преобладали бусы с глазчатым орнаментом (рис. 9, 7, 8), а в первые два столетия нашей эры значительную группу многоцветных стеклянных пронизей составляли бусы со сложными орнаментами, выполненные в технике миллефиори (рис. 9, 9–11). Среди изделий из гагата и фаянса доминирующим типом является бисер в виде коротких цилиндров (рис. 9, 4, 5), который, в основном, использовался для расшивки одежды (Стоянова, 2010, с. 403–407). В IV в. н. э. наблюдается изменение преобладающих типов бус (рис. 10). Наиболее популярными в этот период становятся не крупные округлые бусы из синего или зеленого стекла и янтарные украшения (Высотская, Рыжова, 1999, с. 127; Стоянова, 2006, с. 9, 10; Хайрединова, 1995, с. 82).

¹⁸ Группа стеклянных бус включает в себя пронизы из одноцветного, многоцветного стекла и стекла с внутренней металлической прокладкой.

1

2

Рис. 11. Бусы в предгорно-крымском женском costume первой половины III в. н. э.: 1 — женское погребение в мог. №583 могильника Нейзац с зафиксированными *in situ* рядами бус в районе голени (фото: С. Мульд); 2 — вариант реконструкции costume погребенной в мог. №583 могильника Нейзац (рисунок: А. Стоянова)

Индивидуальные наборы из крымских погребений по количеству бус и их сочетанию достаточно разнообразны. Тем не менее, выделяется ряд устойчивых закономерностей в подборе типов бус в наборах, характерных для женских погребений.

1. Наборы бус, состоящие из пронизей одинакового типа, расположенных горизонтальными рядами поперек костей голени погребенных. Основу этих наборов составляют цилиндрические бусы из глухого красного и белого стекла, призматические пронизи из красного, белого и зеленого стекла, часто дополненные округлыми бусами из стекла с внутренней прокладкой из металла белого или желтого цвета. Такие наборы всегда многочисленны, количество бус в них исчисляется сотнями экземпляров. Зафиксированы они в погребениях Нейзацкого могильника (Стойнова, 2011а, с. 120), Усть-Альмы (Пуздровский, Труфанов,

2016, с. 43, 44, 71, 80; Пуздровский, Труфанов, 2017а, с. 60, 82, 84; Пуздровский, Труфанов, 2017б, с. 54), некрополя у с. Курское (Труфанов, 2004, с. 499, 507, 511; Труфанов, Колтухов, 2001–2002, с. 283), могильника Фонтаны (Стойнова, 2008, с. 26) и Левадки (Храпунов, Стойнова, Мульд, 2001, с. 143). Во всех случаях наборы сопровождали женские погребения второй половины II – первой половины III в. н. э. (рис. 11).

2. Наборы с преобладанием короткоцилиндрических гагатových пронизей, дополненных округлыми бусами из белого стекла и сердолика. Такие наборы могут состоять от одного десятка до нескольких сотен экземпляров. Фиксируется устойчивое расположение таких наборов на костяке — они располагаются в районе груди или на запястьях рук погребенных, нередко — в обоих местах одновременно (рис. 12). В женских захоронениях из Нейзацкого могильника

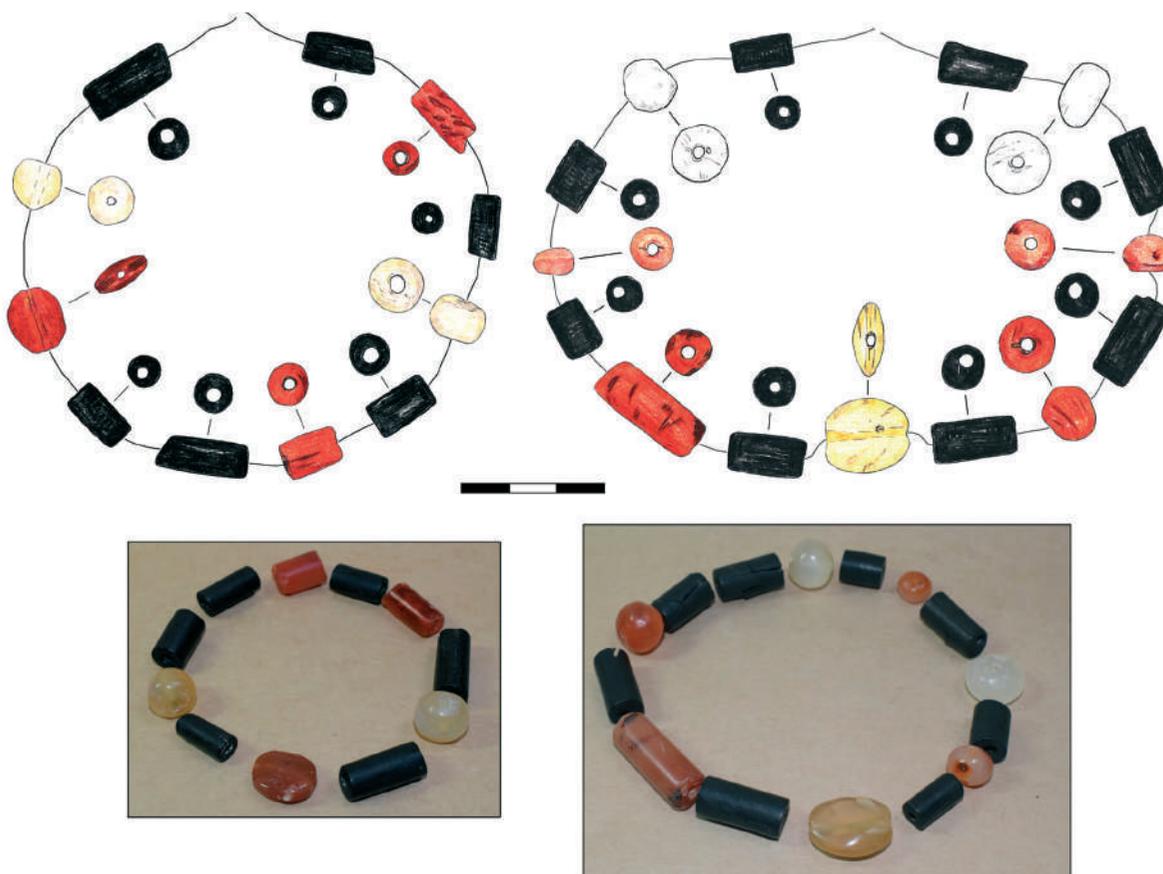

Рис. 12. Браслеты из гагатových, сердоликовых и халцедоновых бус, могильник Опушки, мог. №179 (по: Стойнова, 2018, рис. 7, 27, 28)

Рис. 13. Наборы бус из детских погребений могильника Опушки (по: Стоянова, 2012, рис. 59; 60)

такие наборы бус чаще всего зафиксированы в погребениях II – первой половины III в. н. э. (Стоянова, 2011а, с. 119), отмечены аналогичные наборы в синхронном погребении некрополя у с. Фонтаны (Стоянова, 2008, с. 26), в могильнике Опушки (Стоянова, 2018, рис. 7, 27, 28). В Усть-Альминском могильнике такие наборы встречаются реже и, как правило, они дополнены янтарными пронизьями (Пуздоровский, Труфанов, 2017б, с. 68, 69).

3. Самые многочисленные наборы бус состоят из короткоцилиндрического фаянсового бисера. Часто он сочетается с округлыми бусами из белого и синего стекла, а также с пронизьями из стекла с внутренней металлической прокладкой. Фиксируются такие скопления в ногах погребенных. Такие наборы бус отмечены во многих могилах II – первой половины III в. н. э. из Нейзацкого могильника (Стоянова, 2004, с. 302; 2011, с. 119; Храпунов, 2007, с. 32–37, 44–49), синхронных захоронениях могильника Опушки (Храпунов, Стоянова, 2013, с. 185), в подбойных могилах №3 из могильника Фонтаны и №71 из восточного некрополя Неаполя (Пуздоровский, 1992, с. 187, 188; Стоянова, 2008, с. 25). К этой же группе погребений относятся и два наиболее ранних захоронения в южном подбое могилы №67 из Дружного (Храпунов, 2002, с. 31).

4. Небольшие наборы, в которых сочетаются мелкие округлые бусы из синего или зеленого стекла с янтарными пронизьями и подвесками, чаще всего восьмерковидными¹⁹, распространяются со второй половины III в. и особенно характерны для комплексов IV в. н. э. (рис. 10). Такие комбинации бус, расположенные в районе груди и составлявшие ожерелья, известны в поздних погребениях Нейзацкого могильника, некрополей Опушки, Дружное и Совхоз 10 (Высотская, Рыжова, 1999, с. 117, 127; Хайрединова, 1995, с. 8; Стоянова, 2010, с. 407, 408; Храпунов, Стоянова, 2013, с. 190).

В отличие от женских, наборы из детских захоронений I – первой половины III в. н. э. характеризуются небольшим числом составляющих их бус и индивидуальностью композиций (рис. 13). Какие-либо устойчивые комбинации типов в них не выделяются. Бусы в детских погребениях использовались преимущественно в виде ожерелий, мелкий бисер — для обшивки верхней части одежды. Ожерелья отличаются полихромией, в них обычно присутствуют крупные бусы из многоцветного стекла, а также ребристые пронизи и разнообразные амулеты из египетского фаянса (Стоянова, 2012, с. 84–84; Храпунов, 2006). Особый интерес представляет набор бус из могилы №73 Опушкинского могильника, в которой была похоронена девочка 10–11 лет²⁰. Комбинация типов бус, зафиксированная в районе голени, аналогична наборам группы 1, типичных для женского костюма. Не исключено, что украшенная таким образом одежда маркировала социальный статус девочек-подростков, отражая их принадлежность к членам взрослого коллектива (Стоянова, 2012, с. 88).

В женском и детском костюме бусы использовались для обшивки одежды и в качестве составных дополнительных украшений (ожерелий и браслетов). В погребениях фиксируется три основных места скопления бус — в районе шейных позвонков и грудной клетки, на запястьях рук, в районе голени и щиколоток ног. Нередко ожерелья и браслеты, зафиксированные в одном погребении, выполнены в едином стиле. По наблюдениям Е. К. Столяровой, в могильнике Бельбек IV в браслетах чаще всего использовалось сочетание гагатовых и сердоликовых бус (Столярова, 2001, с. 208). Такая же ситуация наблюдается в женских захоронениях II – первой половины III в. н. э. из Нейзацкого могильника (Стоянова, 2011а, с. 122). В одном из погребений второй половины I – начала II в. н. э. некрополя Опушки гагатовые и сердоликовые бусы

¹⁹ В литературе часто такие подвески называют грибовидными.

²⁰ Антропологическое определение В. Ю. Радочина.

в браслетах дополнялись халцедоновыми пронизями (Стойнова, 2018, с. 87, 88, рис. 7, 27, 28). Нити бус, расположенные поперек костей голени, обвивают обычно обе ноги умерших, составляя, скорее всего, обшивку подола платья или распашного халата (Стойнова, 2011а, с. 121). Иногда бусы располагаются вокруг костей каждой ноги. Ширина обшивки в этом случае сильно варьируется — от 1–2 тонких рядов бисера до 30 см плотных колец, состоящих из 2–3 десятков

горизонтальных нитей (рис. 11). В этих случаях бусами украшалась либо нижняя часть штанов, либо голенища высокой обуви (Столярова, 2001, с. 208; Стойнова, 2011а, с. 121; Яценко, 2006, с. 151).

В некоторых женских и детских погребениях единичные крупные бусы вместе с мелкими предметами (подвесками, кольцами, обломками зеркал и т. п.) составляют скопления, расположенные у костяка (рис. 14). Иногда эти скопления предметов

Рис. 14. Зафиксированное *in situ* скопление бус и других предметов инвентаря в могиле №300 могильника Нейзац (фото: С. Мульд)

лежат на пятне темного тлена — вероятно, изначально вещи были помещены в тканевую или кожаную сумочку (Хайрединова, 1995, с. 79; Храпунов, 2011, с. 21; Высотская, Рыжова, 1999, с. 131; Пуздровский, Труфанов, 2017б, с. 25, 26, рис. 47, с. 82, 83, рис. 174; Храпунов, Стоянова, 2016, с. 205; Храпунов, 2018, с. 138). Традиция класть в погребение мешочки с мелкими вещами и бусами известна в сарматское время и на других территориях (Хайрединова, 1995, с. 79; Захаров, 2000, с. 28).

Зафиксированы случаи, когда в детских и женских могилах мелкие бусы рассыпаны по всему костяку или большей его части. В Друженском могильнике такая ситуация отмечена в двух погребениях (Хайрединова, 1995, с. 80), в Нейзацком — в трех комплексах (Храпунов, 2004, с. 297; Храпунов, Стоянова, 2016, с. 205; Храпунов, 2011, с. 38). Видимо, бусами расшивались покрывала, которыми укрывали тела умерших. О наличии расшитых покрывал или кусков ткани, опускавшихся в могилу при погребении, свидетельствуют и случаи фиксации больших скоплений бус у стенки могилы на значительном расстоянии от костяка. Такое скопление размером 80х10–15 см расчищено в нейзацкой могиле №417 (Храпунов, 2011, с. 38).

В мужских погребениях бусы встречаются нечасто и в единичных экземплярах. Обычно это крупные пронизы, иногда — орнаментированные из многоцветного стекла, расположенные на груди, рядом с тазом, в некоторых случаях вместе с предметами вооружения. Судить об их назначении проблематично, возможно, они использовались в качестве пуговиц, подвесок, фиксаторов ремней (Хайрединова, 1995, с. 78; Храпунов, 2011, с. 38; Столярова, 2001, с. 209; Волошинов, Масыкин, 2007, с. 292, 293).

Химический состав и происхождение крымских бус. Следует признать, что на сегодняшний день мы имеем крайне мало данных о химическом составе стекла,

из которого были сделаны бусы, обнаруженные в крымских предгорных могильниках. Анализ стекла и фаянса был предпринят только для небольшой выборки бус (28 экземпляров) из могильника Бельбек IV. Он показал, что щелочным сырьем для стекла выступали зола (22 экземпляра) и сода (6 экземпляров). Для окраски бус использовались красители — оксиды меди (чаще всего), кобальта и железа. Специальные примеси — оксиды сурьмы и марганца и их сочетания, применялись для обесцвечивания стекла, а сурьма также выступала глушителем для получения непрозрачного стекла. По заключению Е. К. Столяровой, найденные в Бельбекском могильнике бусы могли импортироваться в Крым из Рима и ближневосточных римских провинций (юго-западная Азия, Восточное Средиземноморье, Египет) (Stolyarova, 2012).

Ю. Л. Щапова, сделав первые химические анализы позднеантичных стеклянных бус еще в 70-х гг. прошлого столетия, пришла к выводу, что эти изделия на северные берега Понта поступали из трех центров — египетских, месопотамских и италийских или провинциально-европейских мастерских (Щапова, 1978), что, в целом, подтверждается и результатами исследований Е. К. Столяровой. На сегодняшний день наиболее детальное изучение вопроса происхождения причерноморских бус из стекла представлено Н. П. Довгалюк по материалам некрополей эллинистического и римского времени Азиатского Боспора (Довгалюк, 2007; 2008; 2011). Результаты этого исследования выглядят следующим образом. На протяжении III – I вв. до н. э. свыше 93% одноцветных бус и бус из стекла с внутренней металлической прокладкой были произведены в мастерских прибрежной Сирии, остальная незначительная часть — из Египта (Довгалюк, 2007, с. 189–191). В I – III вв. н. э. доля бус сирийского производства сокращается до 44–50%, при этом увеличивается число пронизей египетских и месопотамских мастерских (Дов-

галюк, 2008, с. 203–304; 2011, с. 318–319). В IV в. н. э. появляются совершенно новые типы бус, изготовленные способом винтообразной навивки, производство которых связано с зарождающейся византийской школой стеклоделия (Довгалюк, 2011, с. 319). Безусловно, переносить в полной мере эти данные на предгорный Крым не совсем корректно, хотя состав стекла бус из могильника Бельбек IV и некрополей северо-восточного Причерноморья во многом сходен²¹. Тем более, что даже в расположенных недалеко друг от друга и синхронных могильниках Цемдолинском и Широкая балка процент изделий египетских и месопотамских мастерских существенно отличается: 11,8% и 30,4% соответственно в Широкой балке

Выводы

В погребениях сарматского времени предгорного Крыма и Альфёльда бусы — самый массовый материал погребального инвентаря, однако назвать их неотъемлемой частью костюма вряд ли возможно, учитывая, что обнаружены эти украшения не во всех раскопанных комплексах. Бусы сопровождают преимущественно погребения женщин и детей, гораздо реже фиксируются пронизи в мужских могилах. В мужском костюме пронизи, как правило, единичны, в основном это крупные экземпляры, выступавшие застежками или фиксаторами ремней. В детском и женском костюме бусы использовались более разнообразно — в качестве самостоятельных украшений (ожерелья, браслеты), для обшивки одежды, обуви или аксессуаров (сумок, поясов). Бусы изготавливались из различных материалов, значительная их часть, прежде всего стеклянные украшения, производилась серийно и поступала к местному населению из античных мастерских. Наборы бус формировались, в основном, на месте исходя из индивидуальных вкусов

(Довгалюк, 2011, с. 318, 319) и 55% и 0,5% соответственно — в Цемдолинском некрополе (Довгалюк, 2008, с. 203, 204). Однако очевидно, что стеклянные бусы из памятников предгорного Крыма составляли значительную часть импорта стеклянных украшений, поступавшего через античные центры, в частности, Боспор, и распространявшегося не только в предгорные районы полуострова, но и в Предкавказье, и на обширной территории Восточно-Европейской степи. Поэтому скорректировать и дополнить полученные Н. П. Довгалюк результаты позволят только новые анализы состава стеклянных бус из крымских памятников и сравнение полученных данных с уже существующими результатами.

и предпочтений, хотя можно говорить о присутствии определенных закономерностей в подборе пронизей и существовании более или менее устойчивой локальной моды. Эти выводы самого общего характера справедливы не только для двух интересующих нас регионов, но и для всей территории распространения сарматской культуры, и в этом отношении предгорья Крыма и Карпатский бассейн являются, безусловно, ее частью. Однако при более детальном анализе имеющихся данных выделяются факторы, с одной стороны, общие для памятников сарматского времени крымских предгорий и Венгерской низменности и отличающие оба региона от остального сарматского мира, с другой стороны — определяющие локальную специфику каждой конкретной территории.

Прежде всего, стоит обратить внимание на то, что в сарматских комплексах Венгрии и в памятниках Крыма количество бус существенно превышает их число в синхронных погребениях Евразийских степей, а процент погребений с бусами выше, чем

²¹ Стоит отметить, что анализы стеклянных бус и из могильника Бельбек IV, и из некрополей Азиатского Боспора (Раевский, Цемдолинский, Широкая балка) были сделаны эмиссионно-спектральным методом в Лаборатории археологической технологии ИИМК РАН А. Н. Егорьевым.

в остальном ареале сарматской культуры. В Альфёльде погребения с бусами составляют 48,7%, в Крыму — от 43 до 65%, в то время как в степных сарматских памятниках восточнее Дона таких захоронений 33,5% (Скрипкин, 1990, с. 30), в Донском регионе — около 40% (Максименко, 1998, с. 121), в Северном Причерноморье — от 12 до 33% (Дзনেладзе, 2016, с. 12). Нельзя исключить, что степень распространенности бус в регионе зависит от близости к античным центрам, из которых эти изделия поступали к варварам, и в этом отношении и Крым, и Альфёльд, безусловно, занимают выгодное положение. С другой стороны, не лишено оснований мнение о том, что в культуре оседлого населения бусы играли более значимую роль, чем у кочевников (Хахонина, 2009, с. 127, 128), соответственно, процент погребений с этими украшениями в грунтовых могильниках выше, чем в курганах: в некоторых некрополях оседлого населения Боспора и Нижнего Поднепровья число захоронений с бусами составляет от 45 до 83% (Алексеева, 1970, с. 150; Довгалюк, 2008, с. 188; Довгалюк, 2011, с. 303; Мордвинцева, 2015, с. 123).

Еще одно явление, отличающее крымские и венгерские погребения от степных сарматских комплексов, заключается в специфических наборах, зафиксированных в районе голени погребенных. Традиция расшивать подол платья, нижнюю часть штанов или голенища сапог бусами отражена в многочисленных подкурганых захоронениях, начиная с раннесарматского времени. Для этих целей кочевники использовали, преимущественно, стеклянный или гагатовый бисер или бусы небольших размеров, которые составляли 1–2 тонкие нити (Боталов, Гуцалов, 2000, с. 50–53, 109; Власкин, 2000, с. 14; Захаров, 2000, с. 28; Беспалый, Лукьяшко, 2018, с. 146; Лимберис, Марченко, 2019, с. 179, 182).

В предгорном Крыму и Альфёльде, напротив, фиксируются многочисленные (по несколько сотен экземпляров) наборы стеклянных бус с устойчивыми комбинациями пронизей определенных форм и цветов (преимущественно белых, красных и зеленых), расположенных в 10 и более рядов поперек берцовых костей (рис. 1; 11). Иногда ширина обшивки достигает 20 см. Подобных наборов нет ни в степных сарматских погребениях, ни в могильниках античных городов и их ближайшей округи²². И в Крыму, и в Венгрии такие наборы сопровождают, преимущественно, погребения женщин старше 20 лет, они появляются в середине II в. н. э. и используются на полуострове до середины следующего столетия, в Альфёльде — в течение всего III в. н. э. и, реже, в IV в. н. э. Вероятнее всего, бусы, из которых состояли наборы, производились в разных мастерских (характерные для венгерских комплексов этого времени пронизи, изготовленные с применением приема вторичной окраски, в Крыму неизвестны) и попадали в оба региона разными путями. Типы бус в наборах Крыма и Карпатского бассейна не полностью идентичны. Наиболее заметным отличием является незначительное число в составе альфёльдских украшений пронизей из стекла с внутренней позолотой, типичных для крымских наборов. Тем не менее, сложно предположить, что такой способ декора подола платья или штанов сепаратно возник в двух удаленных регионах в одно и то же время. Скорее всего, можно говорить о «миграции» идеи с одной территории на другую. Возможно, трансляторами традиции могли быть какие-то группы сармат, пришедшие в Карпатский бассейн с востока, и в составе этих групп были выходцы из предгорного Крыма, причем не только мужчины, но и женщины. Однако без проведения дополнительного анализа содержащих такие наборы ком-

²² Нам известно только два погребения с близкими, но не идентичными, наборами — в кургане 61 Вязовского могильника на Верхнем Дону и в кургане 18 могильника Высочино V в Нижнем Подонье. В обоих случаях наборы сопровождали женские захоронения первых десятилетий/второй половины II – первой половины III в. н. э. (Медведев, 1990, с. 146, 147; Беспалый, 2000, с. 163).

плексов и химического состава стеклянных пронизей, это предположение останется умозрительным.

Вполне естественно, что бусы из удаленных друг от друга регионов имеют локальную специфику. Крымские украшения отличаются от альфёльдских по соотношению количества бус из разных материалов. Так, в сарматских погребениях Венгерской низменности абсолютно преобладают изделия из стекла, а пронизы из гагата и египетского фаянса, составляющие значительную долю в крымских памятниках, единичны. Крайне малочисленны в Альфёльде бусы с внутренней позолотой, несмотря на их производство в расположенном недалеко Тибискуме. Примечательно отсутствие глазчатых бус, очень распространенных в Крыму в I – III вв. н. э. В то же время, в обоих регионах встречаются полихромные стеклянные бусы одинаковых типов, например, с изображением лиц, фестончатым, пятнистым или волнистым орнаментом. Вероятно, произведенные в одном центре, такие бусы распространялись по обширной территории в результате торговли. Украшения из сердолика и янтаря в памятниках обоих регионов в процентном соотношении сопоставимы.

В Альфёльде незначительно число детских погребений с бусами — всего 9,7%. Воз-

можно, это в какой-то степени объясняется немногочисленностью детских погребений по сравнению с раскопанными захоронениями взрослых. В крымских могильниках доля детских захоронений значительна, и почти все они сопровождаются бусами, причем нередко это единственная категория погребального инвентаря. Например, в Опушкинском могильнике из 37 детских погребений бусы зафиксированы в 35, а всего детские погребения с бусами составляют 43% от общего числа раскопанных могил²³ (Стоянова, 2012, с. 76). Есть некоторые отличия и в использовании бус в женском костюме. В частности, в крымских предгорьях не зафиксирована традиция украшения бусами поясов, а расположенные в области таза единичные крупные бусы, часто — вместе с другими предметами, вероятнее всего являлись содержимым сумочек. Уникальный для Альфёльда случай находки бусины, надетой на гривну, напротив, типичен для полуострова: здесь такие украшения встречаются в I – первой половине III в. н. э. (Стоянова, 2011б, с. 125). Наряду с рассмотренной выше традицией украшения нижней части одежды большими наборами стеклянных бус, этот факт может свидетельствовать о контактах между населением предгорного Крыма и Альфёльда в римский период.

Литература

- Алексеева Е. М. Классификация бус некрополя у деревни Ново-Отрадное // МИА. 1970. №155. С. 150–169.
- Беспалый Е. И. Позднесарматское погребение из могильника Высочино V на водоразделе между Кагальником и Доном // Сарматы и их соседи на Дону / Отв. ред. Ю. К. Гугуев. Ростов-на-Дону: ООО «Терра»; НПК «Гефест», 2000. С. 156–168. (Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. I).
- Беспалый Е. И., Лукьяшко С. И. Древнее население междуречья Дона и Кагальника. Т. 2: Курганный могильник у с. Новоалександровка. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2018. 224 с.
- Боталов С. Г., Гуцалов С. Ю. Гунно-сарматы Урало-казахстанских степей. Челябинск: Изд-во «Рифей», 2000. 265 с.

²³ Данные по материалам раскопок 2003 – 2009 гг.

- Волошинов А. А., Масыкин В. В.* Погребения с оружием из некрополя римского времени у с. Заветное в юго-западном Крыму (раскопки 2005 – 2007 гг.) // Древняя Таврика / Под общ. ред. Ю. П. Зайцева, В. И. Мордвинцевой. Симферополь: Универсум, 2007. С. 291–302.
- Власкин М. В.* Раннесарматские погребения могильника Северо-Западный I // Сарматы и их соседи на Дону / Отв. ред. Ю. К. Гугуев. Ростов-на-Дону: ООО «Терра»; НПК «Гефест», 2000. С. 9–26. (Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. I).
- Высотская Т. Н.* Усть-Альминское городище и некрополь. Киев: Киевская Академия Евробизнеса, 1994. 208 с.
- Высотская Т. Н., Рыжова Л. А.* Бусы могильника «Совхоз-10» («Севастопольский») // Древности. 1997–1998. Харьковский историко-археологический ежегодник / Ред. В. И. Кадеев. Харьков: АО «Бизнес-Информ», 1999. С. 116–133.
- Гущина И. И., Журавлев Д. В.* Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму. В 2-х кн. М.: Исторический музей, 2016. 272 с., 320 с.
- Дзনেладзе О. С.* Намисто та підвіски сарматів Північного Причорномор'я: автореф. дис. ... канд. іст. наук. Київ: б. в., 2016. 16 с.
- Довгалюк Н. П.* Бусы Раевского некрополя // Юго-восточная периферия Боспора в эллинистическое время: по материалам Раевского некрополя / Отв. ред. А. А. Малышев. М.: Гриф и К, 2007. С. 177–226. (Некрополи Черноморья. Т. I).
- Довгалюк Н. П.* Бусы Цемдолинского некрополя // Аспургиане на юго-востоке Азиатского Боспора: по материалам Цемдолинского некрополя / Отв. ред. А. А. Малышев. М.: Гриф и К, 2008. С. 188–243. (Некрополи Черноморья. Т. II).
- Довгалюк Н. П.* Бусы из некрополя Широкая Балка // Население предгорий Северо-западного Кавказа в римскую эпоху: по материалам некрополя в Широкой Балке / Отв. ред. А. А. Малышев. М.: Институт археологии РАН, 2011. С. 303–368. (Некрополи Черноморья. Т. IV).
- Захаров А. В.* Сарматское погребение в кургане «Крестовый» // Сарматы и их соседи на Дону / Отв. ред. Ю. К. Гугуев. Ростов-на-Дону: ООО «Терра»; НПК «Гефест», 2000. С. 27–45. (Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. I).
- Кором А.* Сарматское женское погребение в окрестностях Дунакеси // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). III / Отв. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: ИП Бровка А. А., 2018. С. 9–36.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И.* Сарматское погребение из кургана «Кирпичный» в Прикубанье // НАВ. 2019. Т. 18. №1. С. 178–191.
- Максименко В. Е.* Сарматы на Дону (археология и проблемы этнической истории). Азов: Азовский краеведческий музей, 1998. 304 с. (Донские древности. Вып. 6).
- Медведев А. П.* Сарматы и лесостепь (по материалам Подонья). Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1990. 220 с.
- Мордвинцева В. И.* Социальная структура населения городища у с. Золотая Балка // Stratum plus. 2015. №4. С. 115–142.
- Мульд С. А., Масыкин В. В.* Позднескифский склеп №20 могильника у с. Левадки // МАИЭТ. 2003. Вып. X. С. 5–31.
- Пуздровский А. Е.* Новый участок Восточного некрополя Неаполя скифского // РА. 1992. №2. С. 181–191.

- Пуздровский А. Е., Труфанов А. А.* Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2008 – 2014 гг. Симферополь: ИП Бровка А. А., 2016. 308 с.
- Пуздровский А. Е., Труфанов А. А.* Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2004 – 2007 гг. Симферополь: ИП Бровка А. А., 2017а. 372 с.
- Пуздровский А. Е., Труфанов А. А.* Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2000 – 2003 гг. Симферополь: ИП Зуева Т. В., 2017б. 300 с.
- Скрипкин А. С.* Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1990. 300 с.
- Столярова Е. К.* Бусы могильника Бельбек IV // Поздние скифы Крыма / Отв. ред. И. И. Гущина, Д. В. Журавлев. М.: ГИМ, 2001. С. 194–222. (Труды ГИМ. Вып. 118).
- Столярова Е. К.* Бусы некрополя Бельбек IV // Гущина И. И., Журавлев Д. В. Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму. Ч.1. М.: Исторический музей, 2016. С. 201–213.
- Стоянова А. А.* Бусы и подвески из могильника Нейзац (по материалам раскопок 1996–2001 гг.) // БИ. 2004. Вып. V. С. 263–320.
- Стоянова А. А.* Намисто і підвіски населення Криму III ст. до н. е. – IV ст. н. е. Автореф. дис. ... канд. іст. наук. Київ: б. в., 2006. 20 с.
- Стоянова А. А.* Бусы из могильника Фонтаны // Храпунов И. Н. Позднескифский могильник Фонтаны (по результатам раскопок 2000 – 2001 гг.). Симферополь: Издательство «Доля», 2008. С. 17–26.
- Стоянова А. А.* Наборы бус в костюме населения предгорного Крыма во II в. до н.э. – IV в. н.э. // БИ. 2010. Вып. XXIV. С. 401–410.
- Стоянова А. А.* Аксессуары женского костюма II – первой половины III в. н. э. из могильника Нейзац // Исследования могильника Нейзац / Ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: Издательство «Доля», 2011а. С. 115–152.
- Стоянова А. А.* Гривны из памятников Крыма сарматского времени // МАИЭТ. 2011б. Вып. XVII. С. 116–140.
- Стоянова А. А.* Детские погребения из могильника Опушки (по результатам раскопок 2003 – 2009 гг.). Симферополь: Издательство «Доля», 2012. 100 с.
- Стоянова А. А.* Погребение с провинциально-римским зеркалом и двумя курильницами из могильника Опушки в Крыму // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). IV / Отв. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: ИП Бровка А. А., 2018. С. 83–101.
- Труфанов А. А.* Подбойные могилы III в. н. э. некрополя у с. Курское (по материалам раскопок 2001 г.) // Сугдейский сборник / Гл. ред. Н. М. Куковальская. Киев – Судак: «Академперіодика», 2004. С. 495–521.
- Труфанов А. А., Колтухов С. Г.* Исследование позднеантичного некрополя у с. Курское в Юго-Восточном Крыму // Stratum plus. 2001–2002. №4. С. 278–295.
- Хайрединова Э. А.* Бусы из могильника Дружное // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма / Ред.-сост. Ю. М. Могаричев, И. Н. Храпунов. Симферополь: «Таврия», 1995. С. 59–87.
- Хахонина Т. Е.* Бусы из погребений некрополя Кобякова городища (сравнительный анализ по материалам раскопок 2007 г.) // Записки Института истории материальной культуры. 2009. №4. С. 122–130.
- Храпунов И. Н.* Могильник Дружное (III – IV вв. н. э.). Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2002. 314 с.

- Храпунов И. Н.* Этническая история Крыма в раннем железном веке // БИ. 2004. Вып. VI. 240 с.
- Храпунов И. Н.* Две могилы с погребениями женщин из некрополя Нейзац // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII. С. 31–55.
- Храпунов И. Н.* Некоторые итоги исследований могильника Нейзац // Исследования могильника Нейзац / Ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: Издательство «Доля», 2011. С. 13–60.
- Храпунов И. Н.* Исследования могильника Нейзац в 2011 – 2015 гг. // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). II. 20 лет исследований могильника Нейзац / Отв. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: Наследие тысячелетий, 2016. С. 11–36.
- Храпунов И. Н.* Склеп с вещами в догуннском полихромном стиле из могильника Опушки // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). III / Отв. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: ИП Бровко А. А., 2018. С. 137–169.
- Храпунов И. Н., Масякин В. В., Мульд С. А.* Позднескифский могильник у с. Кольчугино // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. I / Ред.-сост. И. Н. Храпунов. Симферополь: Таврия, 1997. С. 76–155.
- Храпунов И. Н., Мульд С. А., Стоянова А. А.* Позднескифский склеп из могильника Опушки. Симферополь: Издательство «Доля», 2009. 96 с.
- Храпунов И. Н., Стоянова А. А.* Три подбойные могилы из некрополя Опушки в Крыму // Варварский мир северопонтийских земель в сарматскую эпоху: сборник статей к 60-летию А. Н. Дзиговского / Отв. ред. Е. В. Смынтына. Киев: Видавець Олег Філюк, 2013. С. 184–207.
- Храпунов И. Н., Стоянова А. А.* Ранние погребения в могильнике Нейзац // ИАК. Вып. III / Отв. ред. В. В. Майко. Симферополь: Наследие тысячелетий, 2016. С. 200–234.
- Храпунов И. Н., Стоянова А. А., Мульд С. А.* Позднескифский могильник у с. Левадки // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. II / Ред.-сост. Ю. М. Могаричев, И. Н. Храпунов. Симферополь: Таврия-Плюс, 2001. С. 105–168.
- Щапова Ю. Л.* О происхождении некоторых типов позднеантичных стеклянных бус // Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. М.: Наука, 1978. С. 98–100. (САИ. Вып. Г1-12).
- Яценко С. А.* Костюм древней Евразии (ираноязычные народы). М.: Восточная литература, 2006. 664с.
- Bajnóczi B., Fintor K., Szabó M., Tóth M.* Archaeological study of face beads excavated from an Early Sarmatian grave // „Hadak útján”. A népvándorláskor fiatal kutatóinak XXVI. konferenciája. Gazdaság – kereskedelem – kézművesség. 26th Conference of Young Scholars on the Migration Period. Economy — trade — craftsmanship. Budapest, 2016, november 3–4. Dissertationes Archaeologicae ex Instituto Archaeologico Universitatis de Rolando Eötvös nominatae, Supplementum 2 / Eds. Zs. Rácz, I. Koncz, B. Gulyás. Budapest: Eötvös Loránd University, Institute of Archaeological Sciences, 2018. P. 33–44.
- Benea D.* Die römischen Perlenwerkstätten aus Tibiscum. Atelierele romane de mărgele de la Tibiscum. Timișoara: Editura Excelsior Art, 2004. 287 S.
- Bozsik K.* Szarmata sírok a kiskundorozsma–subasai 26/78. számú lelőhelyen // Úton útfélen. Múzeumi kutatások az M5 autópálya nyomvonalán. On the road! Museum research along the intended route of the M5 motorway // Szerk. Cs.Szalontai. Szeged: Móra Ferenc Múzeum, 2003. P. 97–106.
- Dinnyés I.* II – III. századi szarmata sírok Tápiószelén // Studia Comitatus. 1980. 9. P. 187–234.

- Farkas Cs. Kora szarmata sírok Füzesabony határában (Füzesabony–Kastély dűlő I.) // A népvándorlaskor fiatal kutatóinak kilencedik konferenciája / Szerk. T. Petercsák, A. Váradi. Heves Megyei Régészeti Közlemények 2. Eger: Dobó István Vármúzeum, 2000. P. 15–50.
- Fórizs I. Üvegekészítés Magyarországon a kezdetektől a XVIII. századig // A Miskolci Egyetem Közleménye A sorozat, Bányászat. 2008. 74. P. 113–136.
- Fórizs I., Pásztor A., Nagy G., Tóth M. Avar és szarmata gyöngyök Csongrád megyéből. Az anyaguk is különbözik vagy csak a típusuk? // A Wosinsky Mór Múzeum Évkönyve XXIII, „Hadak Útján”. Szekszárd: Wosinsky Mór Megyei Múzeum, 2001. P. 69–89.
- Grumeza L. The more colourful, the better! Polychrome glass beads of the 2nd–4th century cemeteries in Banat (Romania) // Beauty and the eye of the beholder. Personal adornments across the millennia / Eds. M. Mărgărit, A. Boroneanț. Târgoviște: Cetatea de scaun, 2020. P. 437–445.
- Gulyás Gy. Szarmata temetkezések Abony és Cegléd környékén // Studia Comitatus. 2011. 31. P. 125–254.
- Gulyás Gy., Sóskuti K. „s okát itt sem kereshetjük másban, mint a visszajáró halottól való félelemben.” Megjegyzések a késő szarmata gyöngyös viselet kérdéséhez (Óföldrak-Ürmös) // Út(on) a kultúrák földjén. Az M43-as autópálya Szeged-országhatár közötti szakasz régészeti feltárásai és a hozzá kapcsolódó vizsgálatok / Szerk. T. Gábor Sz., P. Czukor. Szeged: Móra Ferenc Múzeum, 2017. P. 217–256.
- Istvánovits E. Das Gräberfeld aus dem 4.–5. Jahrhundert von Tiszadob–Sziget // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. 1993. XLV. S. 91–146.
- Istvánovits E., Kulcsár V. Az első szarmaták az Alföldön (Gondolatok a Kárpát-medencei jazig foglalásról) // A Nyíregyházi Jósza András Múzeum Évkönyve. 2006. XLVIII. P. 203–237.
- Istvánovits E., Kulcsár V. Sarmatians through the eyes of strangers. The Sarmatian warrior // International Connections of the Barbarians of the Carpathian Basin in the 1st–5th centuries A.D. Múzeumi Füzetek (Aszód) 51. – Jósza András Múzeum Kiadványai 47 // Eds. E. Istvánovits, V. Kulcsár. Aszód–Nyíregyháza: Jósza András Museum, Osváth Gedeon Museum Foundation, 2001. P. 139–169.
- Istvánovits E., Kulcsár V. Sarmatians. History and Archaeology of a Forgotten People. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 2017. 491 p. (Monographien des Römisch-Germanischen Zentralmuseums 123).
- Kalicz N. A késő rézkori Bádén kultúra temetője Mezőcsát-Hörcsögösön és Tiszavasvári-Gyepároson // A Herman Ottó Múzeum Évkönyve. 1999. 37. P. 57–101.
- Kőhegyi M. Borostyángyöngyök szarmata sírokban // Savaria. 1973–74 (1979). 7–8. P. 121–132.
- Kőhegyi M., Vörös G. Madaras–Halmok. Kr. u. 2–5. századi szarmata temető. Szeged: Szegedi Tudományegyetem Régészeti Tanszéke, 2011. 455 p. (Monográfiák a Szegedi Tudományegyetem Régészeti Tanszékéről 1).
- Kujáni Y. Női és gyermekviseleti elemek egy 4–5. századi dél-alföldi temetőben. Az amulettek jelentősége a paleopatológia tükrében // Acta Iuvenum Sectio Archaeologica. 2015. II. P. 33–62.
- Kujáni Y. Viseleti elemek és mellékletadási szokások egy 4–5. századi dél-alföldi temetőben. Az apátfalvi temető elemzése III // Móra Ferenc Múzeum Évkönyve új folyam. 2016. 3. P. 25–85.
- Kulcsár V. A kárpát-medencei szarmaták temetkezési szokásai. Aszód: Osváth Gedeon Múzeumi Alapítvány, 1998. 153 p. (Múzeumi Füzetek 49).

- Nagy M.* A Budapest XVII. Rákosszaba, Péceli úti császárkori barbár temető (Kr. u. 2-4. század). I–II. Budapest, 2018. 182, 416 p.
- Párducz M.* Denkmäler der Sarmatenzeit Ungarns, III. *Archaeologia Hungarica* XXX. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1950. 260 S.
- Sóskuti K.* Gyermekmaradványok az alföldi szarmatáktelepülésein // *Hadak útján* XXIV. A népvándorlaskor fiatal kutatóinak XXIV. konferenciája, Esztergom, 2014. november 4–6. 1. kötet / Szerk. Cs. Balogh, B. Major Budapest–Esztergom: PPKE BTK Régészeti Tanszék – MTA BTK Magyar Őstörténeti Témacsoport, 2015. P. 341–370.
- Stolyarova E.* Chemical composition of glass and faience beads from the Belbek IV necropolis // *Annales du 18e Congrès de l'Association Internationale pour l'Histoire du Verre* / Eds. D. Ignatiadou, A. Antonaras. Thessaloniki: ZITI Publishing, 2012. P. 171–174.
- Vaday A.* Das Gräberfeld der Jazyges Metanastae in Mezőcsát–Höröcsögös // *Mitteilungen des Archäologischen Institut der Ungarischen Akademie der Wissenschaften*. 1982–1983 (1984). 12–13. S. 167–188.
- Vaday A.* Die sarmatischen Denkmäler des Komitats Szolnok. Ein Beitrag zur Archäologie und Geschichte des sarmatischen Barbaricums // *Antaeus*. 1988–1989 (1989). 17–18. 290 S.
- Vaday A., Szőke B. M.* Szarmata temető és gepida sír Endrőd–Szujókereszten // *Communicationes Archaeologicae Hungariae*. 1983. P. 79–132.
- Vörös G.* A szarmata kori gyermek temetkezések jellemzői néhány temető adatai alapján (Előtanulmány a Madaras–Halmok temető feldolgozásához) // *A Szántó Kovács Múzeum Évkönyve*. 2005. 7. P. 127–150.

С. Б. Шабанов

Каменный склеп с коллективными погребениями у с. Межгорье в предгорном Крыму

Ключевые слова: скифы, Межгорье, предгорный Крым, склеп, коллективные погребения

Резюме

Статья посвящена результатам исследования каменного склепа с коллективными погребениями у с. Межгорье Белогорского района Республики Крым, открытого в 2018 г. Конструкция погребального сооружения и особенности обряда позволяют отнести его к позднескифской археологической культуре, а многочисленный и разнообразный погребальный инвентарь указывает на активное использование склепа во II в. до н. э. – I в. н. э., хотя не исключает и совершение в нем более ранних захоронений.

Stanislav Shabanov

A Stone Burial Vault with Collective Burials near Mezghor'e Village in the Sub-Mountainous Crimea

Keywords: Scythians, Mezghor'e, sub-mountainous Crimea, burial vault, collective burials

Abstract

This paper addresses the researches of a stone burial vault with collective burials discovered in vicinity of the modern village of Mezghor'e in the Belogorsk district of the Republic of the Crimea in 2018. According to the construction of this grave and the features of the ritual, it belonged to the Late Scythian archaeological culture. Although numerous and varied grave goods indicate that this vault was actively used from the second century BC to the first century AD, there possibly were earlier burials made into this construction as well.

В крымских предгорьях, на северо-восточных отрогах массива Долгоруковской яйлы, силами сотрудников Благотворительного фонда «Наследие тысячелетий», Института археологии Крыма РАН, студентов исторического факультета Крымского федерального университета в 2018 году были проведены археологические исследования с целью выявления объектов культурного наследия, уточнения сведений о них и планировании мероприятий по обеспечению их сохранности. Ранее от местных жителей поступил

сигнал о находках археологического материала и обнаружении грабительских раскопов к югу от села Межгорье Зеленогорского сельского поселения Белогорского района (рис. 1). Здесь, на водоразделе двух безымянных левых притоков реки Бурульчи и в 300 м к востоку от широкой балки Дорт-Лемэ, на территории около 1,5 га выявлено несколько расположенных компактно объектов: разрушенные грабителями каменные ящики, грабительские шурфы и хорошо заметные в рельефе каменные наброски (Шабанов, 2018, с. 333).

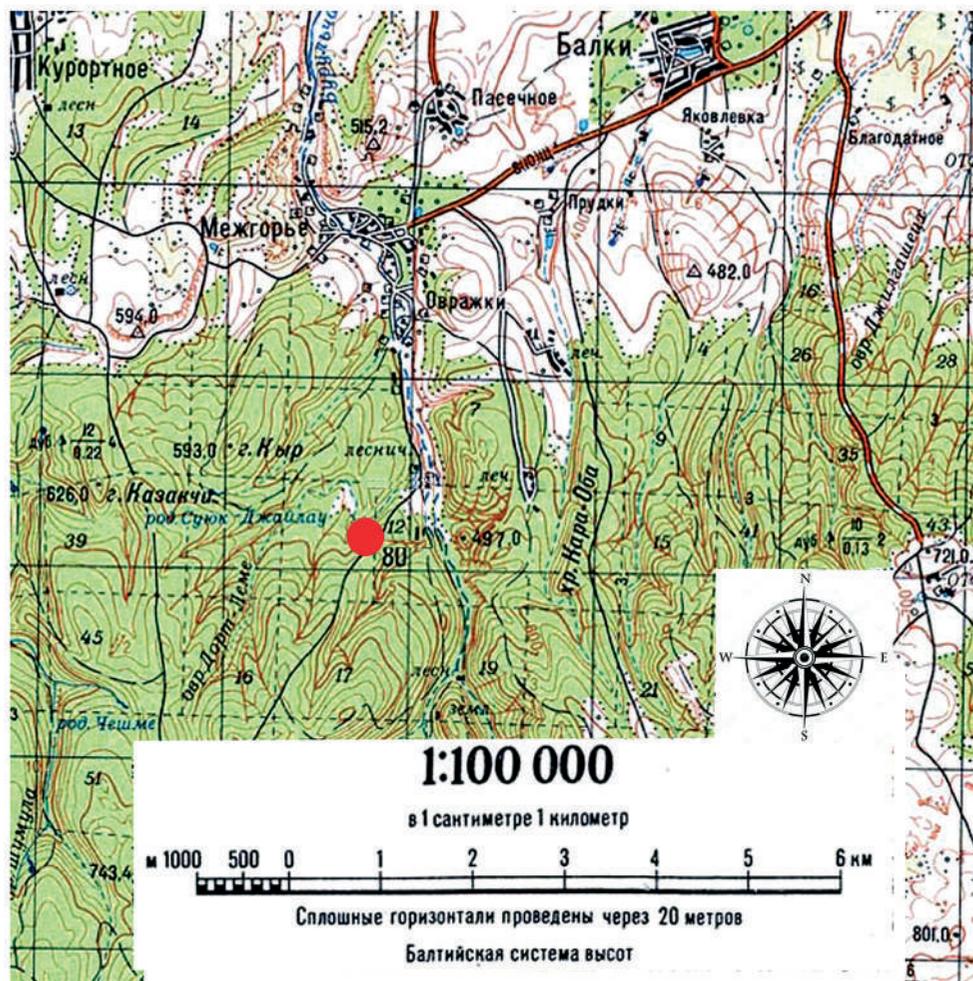

Рис. 1. Месторасположение склепа с коллективными погребениями у с. Межгорье (Белогорский р-н, Крым)

Каменный склеп с коллективными погребениями
у с. Межгорье в предгорном Крыму

Один из обнаруженных объектов исследован полностью. Им оказался каменный склеп с коллективными погребениями (рис. 2), над камерой которого грабители выкопали шурф размером 4,5х3,5 м. Шурф был засыпан отработанным грунтом, камнями и современным мусором. На грабительских отвалах вокруг склепа обнаружены многочисленные фрагменты человеческих костей. В заполнении шурфа при расчистке найдены бронзовые проволочные браслеты (рис. 6, 1–10), серьги (рис. 6, 11–16) и скобы (рис. 6, 17, 18), фрагменты бронзовых зеркал (рис. 6, 22, 23; 7, 1), бронзовые перстень (рис. 6, 21) и пронизи (рис. 6, 19, 20), керамические пряслица (рис. 8, 1–6), каменные оселки (рис. 8, 7–10), раздавленный лепной канфар (рис. 10, 1), железная пряжка (рис. 7, 2), бусы (рис. 7, 3–22), фрагменты амфор (рис. 9, 1–8), столовой гончарной (рис. 9, 9–22) и лепной керамики (рис. 10, 11), обломок рельефного керамического сосуда (рис. 9, 17), разломанные человеческие кости. В 1,5 м к югу от шурфа на поверхности заметны две плиты, установленные вертикально и возвышающиеся над землей на 0,1–0,15 м. После расчистки от грабительского отвала здесь открыта входная яма склепа. Прямоугольная в плане, она выкопана в естественной возвышенности и ориентирована с юго-востока на северо-запад. Ее размеры 3х1,3 м, глубина от современной дневной поверхности составляла 1,3–1,5 м. Входная яма была полностью заполнена камнями, а пол ее представлял собой светло-серый плотный известняк, являющийся и материком. Уровень пола понижался к погребальной камере. Продольные стены были укреплены четырьмя большими известняковыми плитами по две с каждой стороны (рис. 4, 5). Плиты не были подогнаны друг к другу и в зазоры между ними вставлены небольшие камни. В центре, поперек входной ямы, установлена вертикально подпрямоугольная известняковая плита, вкопанная в материк на 0,2–0,3 м. Ее размеры — 0,95х0,5 м, а толщина —

0,2 м. Эта плита могла выполнять две функции. Во-первых, ее использовали как часть заклада погребальной камеры. Во-вторых, она удерживала боковые плиты, между которыми была плотно зафиксирована при помощи небольших камней, от падения. Входная яма не потревожена грабителями. В ее каменной забутовке обнаружены фрагменты светлоглиняных и красноглиняных амфор, в т. ч. ручка с клеймом (рис. 12, 1–3), раздавленная лепная миска (рис. 12, 4), фрагмент чернолакового сосуда (рис. 12, 5), фрагмент ручки столового гончарного сосуда (рис. 12, 6), фрагменты лепных сосудов (рис. 12, 7–27), орнаментированная костяная накладка (рис. 12, 28), деформированное бронзовое зеркало (рис. 12, 29).

Вход в погребальную камеру находился с северо-западной стороны (рис. 3; 4, 1–3). Пол у входа был выложен небольшими плоскими камнями и образовывал порог высотой 0,2 м, выступающий в камеру на 0,3–0,4 м. Размеры погребальной камеры — 5,9х4,2 м. Высота от пола до современной дневной поверхности варьировалась от 1,6 м до 2,2 м. Стены погребальной камеры выложены плоскими камнями разного размера, плотно подогнанными друг к другу (рис. 5). Погребальная камера склепа постепенно сужалась к полу, который представлял собой обработанную скалу. С севера на юг по полу проходил стык двух естественных скальных плит, представляющий собой расщелину шириной 0,1–0,2 м, заполненную плотным светло-серым известняком. Из-за такой геологической ситуации пол погребальной камеры не ровный и понижался к северо-восточной стене. Свод не сохранился. Он представлял собой, по-видимому, бревенчатый настил, поверх которого была совершена каменная наброска. После обрушения свода камни и грунт заполнили погребальную камеру, что привело к образованию провала и привлекло внимание грабителей. Возможно, склеп грабился неоднократно. Погребальная камера была

Рис. 2. Склеп с коллективными погребениями у с. Межгорье. Общий вид после расчистки:
а — с северо-запада, б — с юга

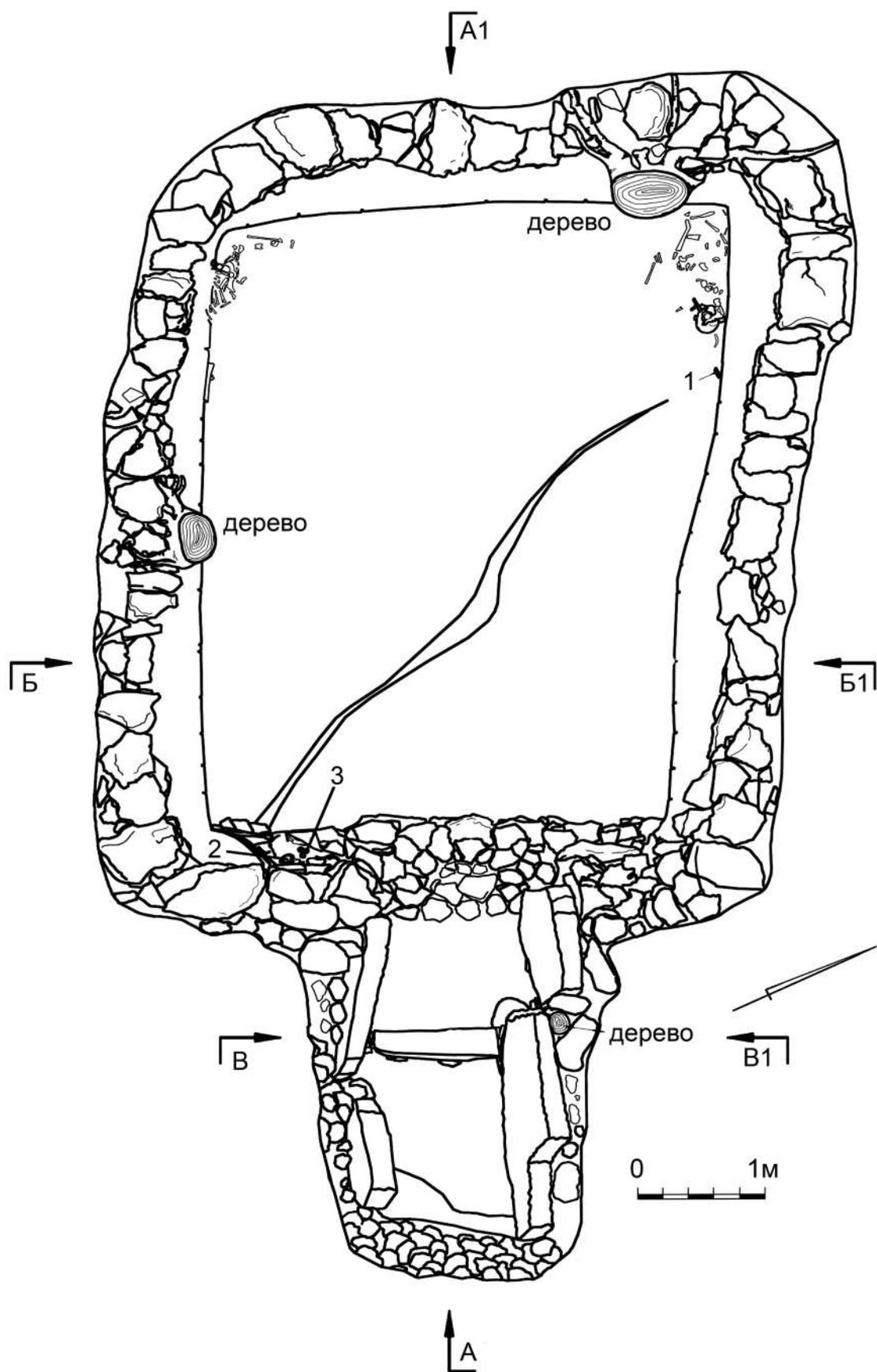

Рис. 3. Склеп с коллективными погребениями у с. Межгорье.
 План: 1 — изделие из кости, 2 — сосуд лепной, 3 — бусы

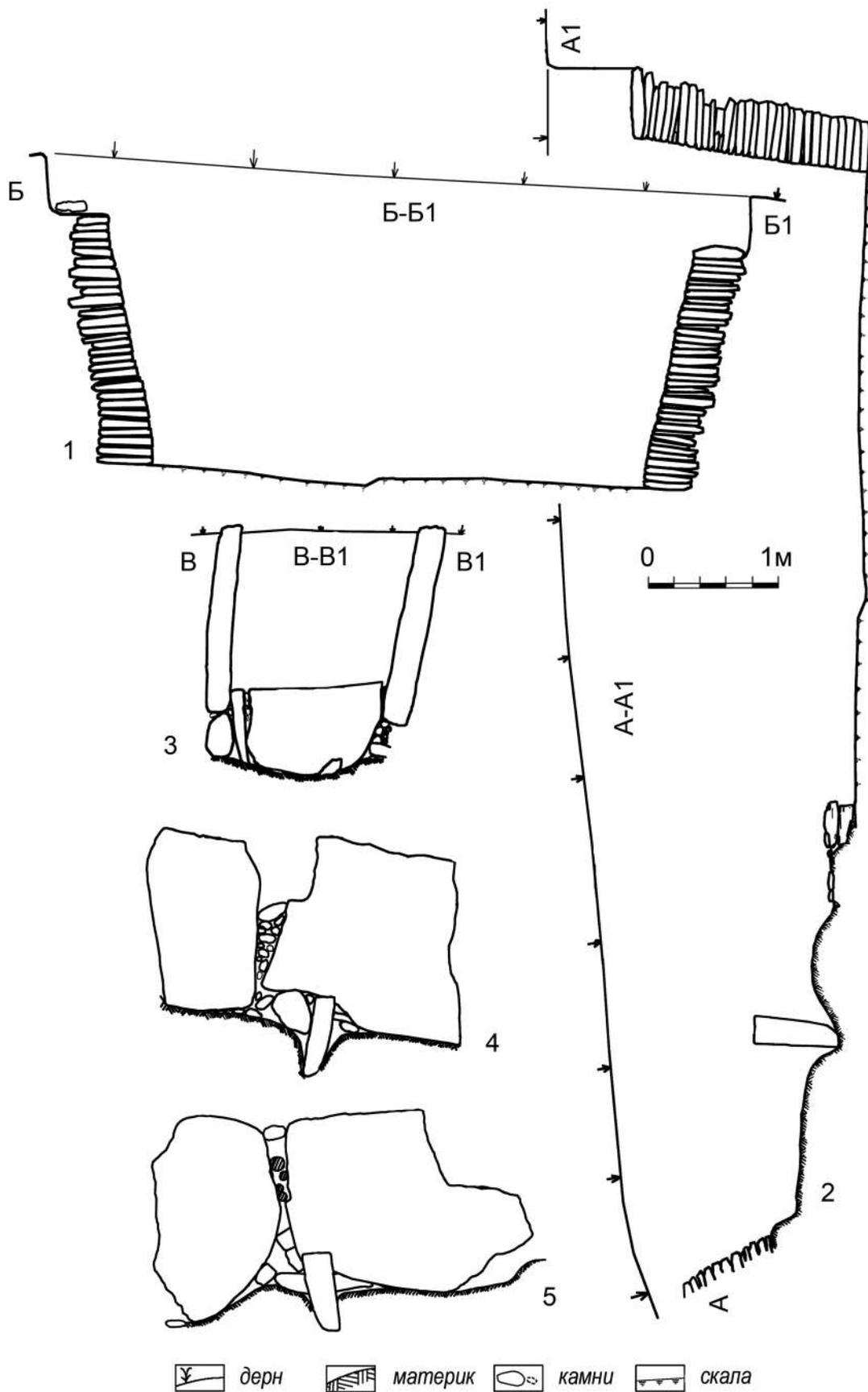

Рис. 4. Склеп с коллективными погребениями у с. Межгорье.
 1-3 — разрезы А-А1, Б-Б1, В-В1, 4 — фасировка юго-западной стены входной ямы,
 5 — фасировка северо-восточной стены входной ямы

разграблена почти полностью. Нетронутыми остались небольшие участки на полу. В северо-восточном углу камеры обнаружены *in situ* человеческие кости и изделие из кости животного (рис. 12, 30). На пороге у юго-восточной стены зафиксированы человеческие кости, лепной сосуд (рис. 12, 31) и бусы (12, 32–34). Сдвинутые кости обнаружены в углу у юго-западной стены.

Сохранившийся погребальный инвентарь может помочь в определении хронологии и культурной атрибуции памятника. Остановимся на нем подробнее. В заполнении грабительского шурфа были найдены фрагменты нескольких светлоглиняных и красноглиняных **амфор** IV – II вв. до н. э. производства Гераклеи (рис. 9, 3, 5, 7), Родоса (рис. 9, 1, 4, 6), Хиоса (рис. 9, 2), Менды (рис. 9, 8).¹ Из каменной забутовки входной ямы склепа происходит ручка и верхняя часть светлоглиняной родосской амфоры II – I в. до н. э. с клеймом [Σ...Σ] *цветок граната* (рис. 12, 1, 2), а также ручка красноглиняной амфоры II – III вв. н. э. (рис. 12, 3), близкой типу 72 по классификации И. Б. Зеест (Зеест, 1960, с. 111, табл. XXX, 72).

В склепе найдено несколько десятков фрагментов **гончарных сосудов** (рис. 9, 10–16, 18–22). Форму большей части из них восстановить не представляется возможным. Стоит упомянуть находки витых ручек от красноглиняных кувшинов (рис. 9, 15, 16; 12, 6), традиционно датирующихся III – I вв. до н. э. (Толстикова, Журавлев, Ломтадзе, 2003, с. 294; Гаврилов, 2004, с. 31, рис. 84, 32; 89, 38; 90, 16; Гаврилов, Труфанов, 2014, с. 77, 78, рис. 10, 32) и фрагмент венчика **краснолаковой миски** (рис. 9, 9), датирующейся первыми веками н. э.

В грабительской яме найден фрагмент дна рельефного сосуда — т. н. «**мегарской чаши**», украшенного двухслойной 12-лепестковой розеткой, помещенной в круг (рис. 9,

17). На позднескифских памятниках предгорного Крыма известны находки «мегарских» чаш местного и средиземноморского производства в комплексах II – I вв. до н. э. (Шапцев, 2008, с. 334; Пуздровский, Труфанов, Медведев, 2010, с. 200, рис. 3, 1; Шкрибляк, 2012, с. 204). В каменной забутовке входной ямы склепа найден небольшой фрагмент **чернолакового сосуда** (рис. 12, 5). По форме он напоминает ножку канфара или килика. Чернолаковые сосуды, получившие широкое распространение в Северном Причерноморье в IV – III вв. до н. э., за пределами античных городов не стали «устойчивым элементом погребального обряда» (Колтухов, 2012, с. 118, 119) и у поздних скифов встречаются не часто (Дашевская, 1991, с. 31).

В склепе найдено более 200 фрагментов **лепных сосудов** (рис. 10; 11; 12, 4, 7–27, 31). К сожалению, практически не сохранились целые или археологически целые формы. Стоит выделить миски с полусферической и усеченно-конической формой тулова (рис. 10, 5–15; 12, 4), кубок с округлым туловом на кольцевом поддоне (рис. 10, 2), курительницу с усеченно-коническим туловом и отбитой ножкой (рис. 12, 31), а также канфар (рис. 10, 1). Все они находят аналогии в материалах позднескифских памятников предгорного Крыма и могут датироваться эллинистическим и раннеримским временем (Дашевская, 1991, с. 28–31, табл. 20, 9, 10; 25, 7; Власов, 1997, табл. III, 17, 18; IV, 3, 4, 9; VIII, 5–7).

В заполнении грабительского шурфа найдены 10 целых и фрагментированных бронзовых **браслетов** разного размера из круглой в сечении проволоки, один из которых, видимо, был деформирован еще в древности (рис. 6, 10). Два браслета имеют перевязанные по ободу концы (рис. 6, 3, 4). Такие изделия часто встречаются в крымских предгорьях в комплексах II в. до н. э. – II в. н. э. (Сымонович, 1983, с. 94,

¹ Определение амфор сделал старший научный сотрудник Института археологии Крыма РАН, к.и.н. А. В. Гаврилов, за что выражаю ему глубокую благодарность.

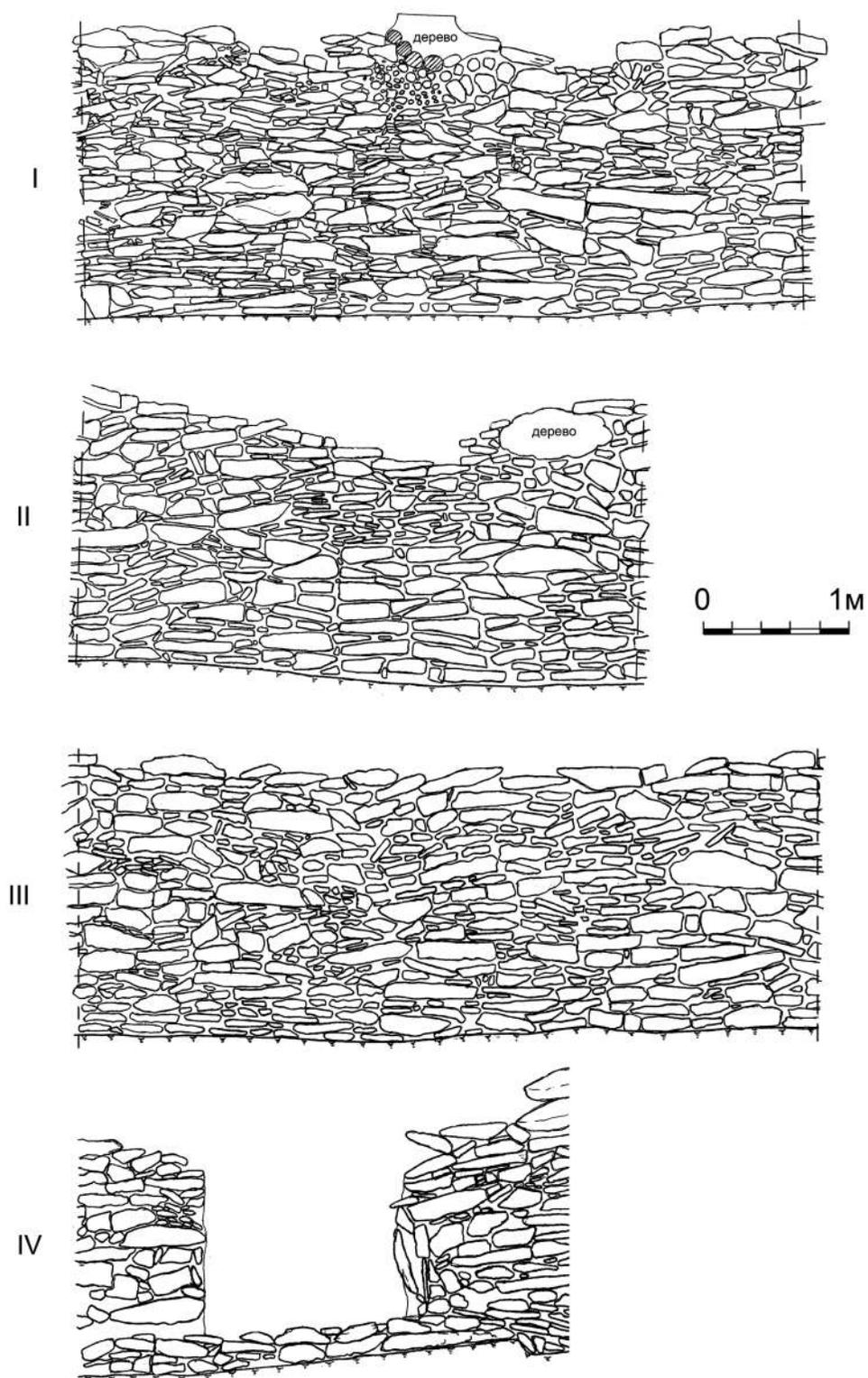

Рис. 5. Склеп с коллективными погребениями у с. Межгорье. Погребальная камера. Фасировка стен. I — юго-западная стена, II — северо-западная стена, III — северо-восточная стена, IV — юго-восточная стена

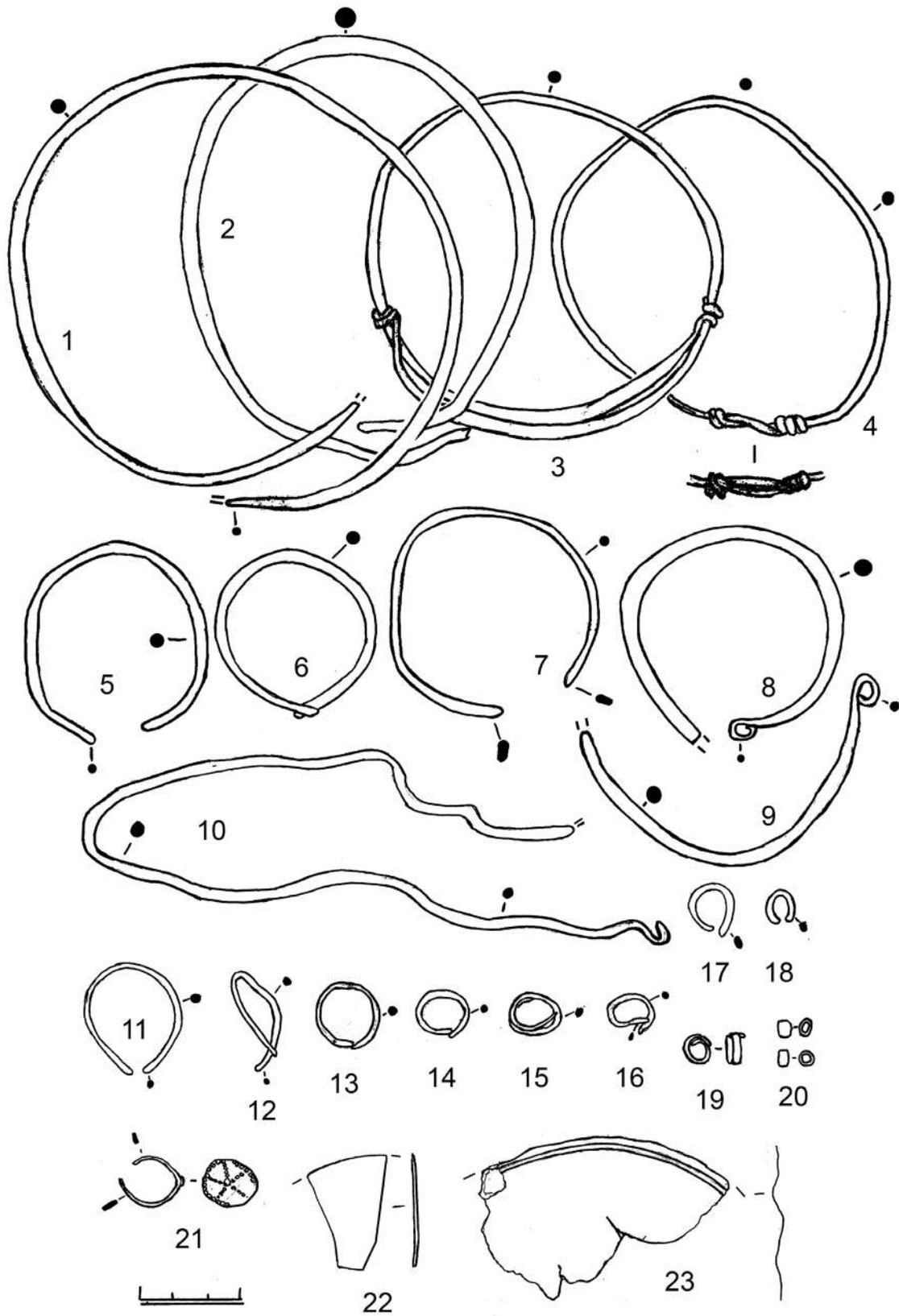

Рис. 6. Склеп с коллективными погребениями у с. Межгорье. Погребальный инвентарь. Грабительский шурф. 1-10 — браслеты, 11-16 — серьги, 17, 18 — скобы, 19, 20 — пронизи, 21 — перстень, 22, 23 — зеркала

табл. XXXI, 38, 42, 50; Катюшин, 1993, рис. 3, 5–8; Высотская, 1994, с. 110; Храпунов, Масыкин, Мульд, 1997, с. 99, рис. 19, 5, 7; 20, 9; Зайцев, 1997, рис. 2, 6, 7; Труфанов, 2004, рис. 1, 8, 9; Пуздровский, 2007, рис. 33, 1–3; 52, 13, 14; 55, 16; Стоянова, 2012, с. 71, рис. 43, 8, 9; Гаврилов, Труфанов, 2014, рис. 32, 2, 5; 33, 1, 2, 4, 6, 13; 34, 2). Браслеты с несомкнутыми и закрученными концами (рис. 6, 8, 9) известны в предгорном Крыму в захоронениях рубежа эр (Сымонович, 1983, с. 93, табл. XXXI, 52; Кропотов, Лесков, 2006, рис. 5, 6, 10; Пуздровский, 2007, рис. 50, 2).

Из грабительского шурфа происходит бронзовый **перстень** с овальным щитком, украшенным пуансонным орнаментом и небольшим пробитым отверстием в центре (рис. 6, 21). Несколько подобных орнаментированных перстней с незамкнутыми шинками встречаются в крымских предгорьях в комплексах II в. до н. э. – I в. н. э. (Сымонович, 1983, табл. XXX, 4, 5, 12, 13, 21, 27, 33, 41; Пуздровский, Труфанов, Медведев, 2010, с. 201, рис. 3, 9; Рукавишникова, Волошинов, Бейлин, 2019, с. 358, рис. 13).

В камере склепа найдены фрагменты трех бронзовых **зеркал** (рис. 6, 22, 23; 7, 1). Еще одно, деформированное (сложенное в несколько раз) дисковидное неорнаментированное зеркало (рис. 12, 29) происходит из нетронутого грабителями заполнения входной ямы. Его можно отнести к сарматским зеркалам типа VI по классификации А. М. Хазанова (Хазанов, 1963, с. 58, 62, 64, рис. 1), получившим распространение в крымских предгорьях в I в. до н. э. – I в. н. э. (Сымонович, 1983, с. 97, табл. XLI; Высотская, 1994, с. 117; Мульд, Масыкин, 2003, с. 7, рис. 4, 12; 6, 2, 7, 12; Пуздровский, 2007, с. 74, 75; Стоянова, 2012, с. 72).

Одна железная **пряжка** с неподвижным язычком обнаружена в грабительском

шурфе (рис. 7, 2). Такие пряжки известны в крымских погребениях II – I вв. до н. э. (Сымонович, 1983, табл. XXXIX, 1, 2, 10, 15, 19, 24, 25, 28, 31, 32, 38; Внуков, Лагутин, 2001, с. 116, рис. 2, 11, 16, 40, 50; Зайцев, Мордвинцева, 2003, с. 148; Храпунов, Мульд, 2004, с. 257, рис. 8, 7; 10, 24; Пуздровский, 2007, с. 70, 71, рис. 95, 10, 11, 18–20; Колотухин, Колтухов, 2016, с. 129, рис. 7, 17; Зайцев, Колтухов, 2016, рис. 15, 2; Зайцев, Шкрибляк, 2017, рис. 26, 3; Колтухов, 2019а, с. 316, рис. 2, 2).

Глиняные **пряслица**, найденные в склепе, имеют округлую (рис. 8, 1), усеченно-коническую (рис. 8, 2, 4), цилиндрическую (рис. 8, 3, 5) и биконическую (рис. 8, 6) форму. Они традиционно являются атрибутом женских позднескифских погребений и широко встречаются в варварских захоронениях предгорного Крыма (Дашевская, 1991, с. 33, табл. 59, 1–14). Мужские погребения часто сопровождают изготовленные из песчаника **точильные камни** или оселки (Дашевская, 1991, с. 34), представленные в рассматриваемом склепе (рис. 8, 7–20). Заметим, что такие орудия труда встречаются в скифских погребениях и более раннего времени (Колтухов, 2012, с. 129, 130, рис. 103, 1–4; 104, 18).

В погребальной камере и заполнении грабительского шурфа было найдено небольшое количество **бус** следующих типов.

Одноцветное стекло

Тип 1. Продольно вытянутая, подквадратная в поперечном сечении, из прозрачного бесцветного стекла с голубоватым оттенком (1 экз.). Ее размеры 0,5x1,9x0,5² (рис. 7, 3). Близка типу 139 по классификации Е. М. Алексеевой (Алексеева, 1978, с. 71).

² Размеры бус даны в сантиметрах и характеризуют высоту, длину и ширину изделия. Описание бус сделано старшим научным сотрудником Института археологии Крыма РАН, к.и.н. А. А. Стояновой, за что выражаю ей глубокую благодарность.

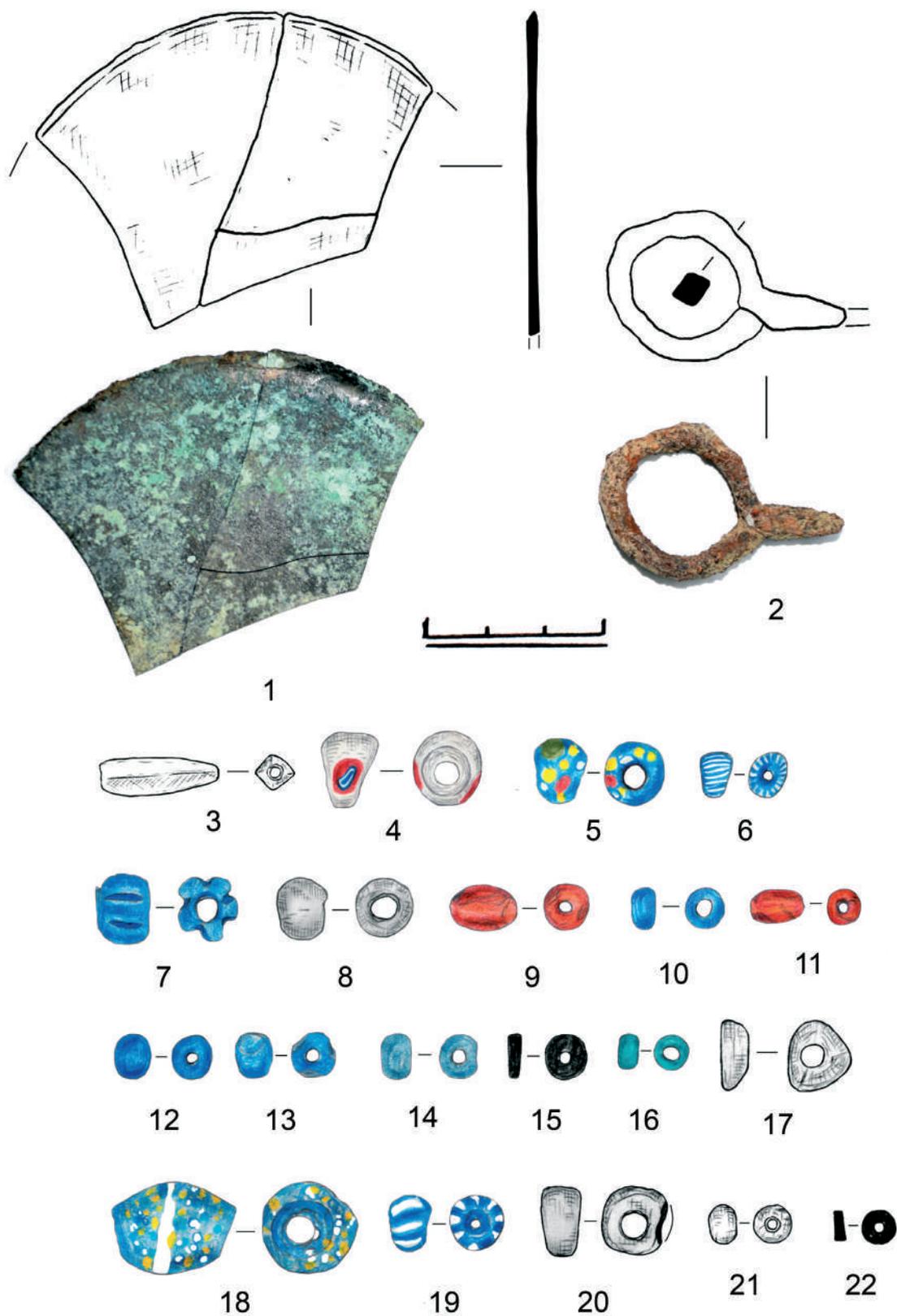

Рис. 7. Склеп с коллективными погребениями у с. Межгорье. Погребальный инвентарь. Грабительский шурф. 1 — фрагмент зеркала, 2 — пряжка, 3–22 — бусы

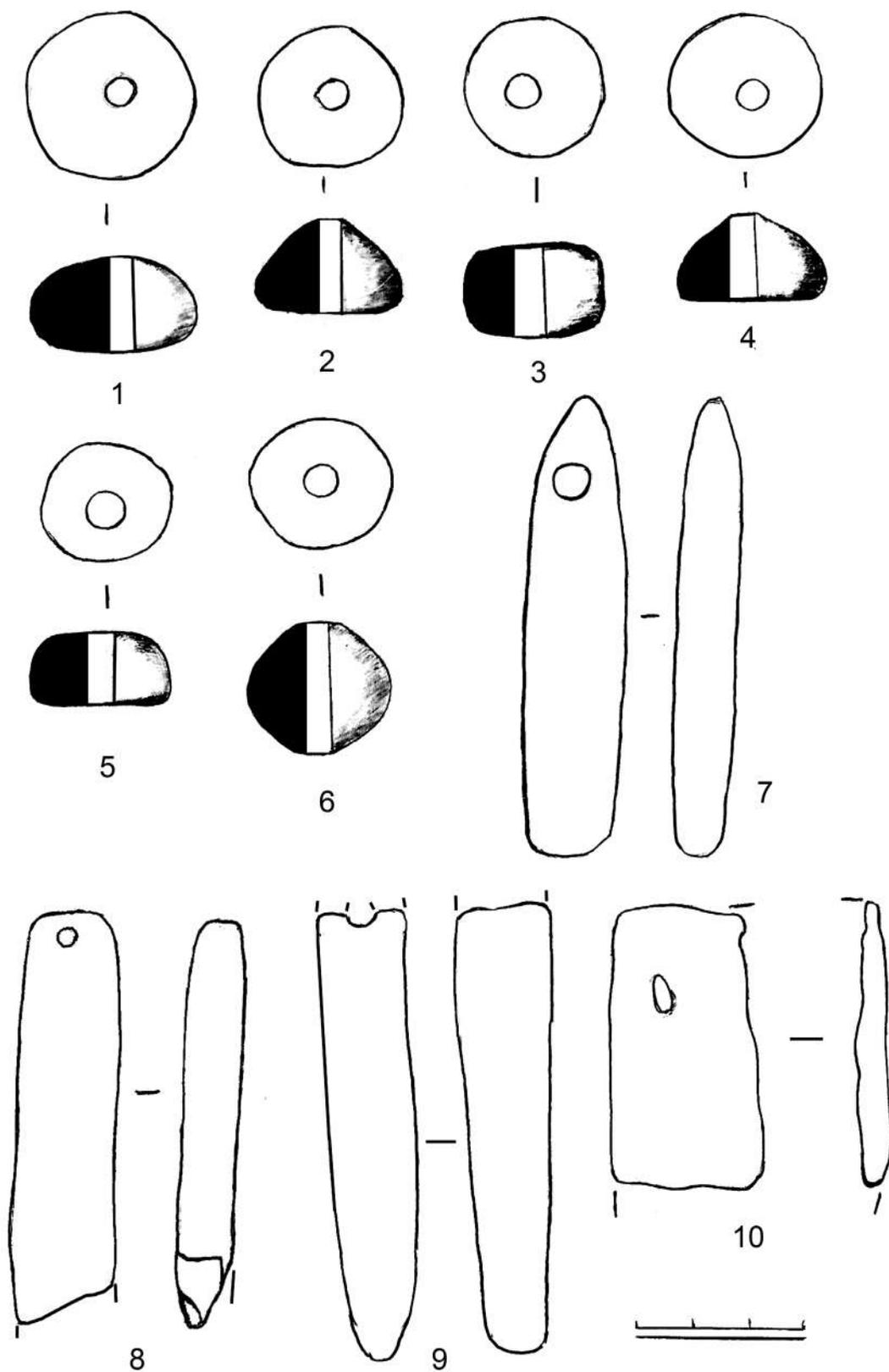

Рис. 8. Склеп с коллективными погребениями у с. Межгорье. Погребальный инвентарь. Грabitельский шурф. 1-6 — пряслица керамические, 7-10 — оселки

Тип 2. Округлая с ребристой поверхностью из глухого синего стекла. Дольки округлые, неодинаковые, расположены параллельно направлению канала отверстия (1 экз.). 1,0x0,9x1,1 (рис. 7, 7). Соответствует типу 149 (Алексеева, 1978, с. 71).

Тип 3. Шаровидная поперечно сжатая из глухого белого стекла (1 экз.). 1,0x0,8x1,0 (рис. 7, 8). Тип 21 (Алексеева, 1978, с. 65).

Тип 4. Бочковидная поперечно сжатая из глухого синего стекла (1 экз.). 0,7x0,4x0,7 (рис. 7, 10). Тип 29 (Алексеева, 1978, с. 65–66).

Тип 5. Шаровидная поперечно сжатая из полупрозрачного темно-синего стекла (1 экз.). 0,7x0,5x0,7 (рис. 7, 12). Тип 15 (Алексеева, 1978, с. 64–65).

Тип 6. Шаровидная поперечно сжатая из глухого голубого стекла (1 экз.). 0,7x0,5x0,7 (рис. 7, 14). Тип 16 (Алексеева, 1978, с. 65).

Тип 7. Уплощенная из прозрачного сине-зеленого стекла (1 экз.). 0,5x0,3x0,5 (рис. 7, 16). Близка бусам из могильника Нейзац группы III типа 2 по классификации А. А. Стояновой (Стоянова, 2004, с. 268).

Многоцветное стекло

Тип 8. Бочковидная поперечно сжатая из глухого белого стекла, украшенная тремя гладкими глазками, в которых центральный диск из полупрозрачного синего стекла окружен кольцами из глухого белого, синего и красного стекла (1 экз.). 1,2x0,8x1,2 (рис. 7, 4). Тип 26 (Алексеева, 1975, с. 59).

Тип 9. Шаровидная поперечно сжатая из глухого белого стекла, украшенная тремя гладкими глазками, в которых центральный диск из полупрозрачного синего стекла окружен широкими кольцами из белого и красного стекла и расположенным между ними узким кольцом из полупрозрачного синего стекла (1 экз.). 1,4x0,9x1,4 (рис. 12, 32). Аналогий найти не удалось.

Тип 10. Шаровидные поперечно сжатые из полупрозрачного синего стекла, украшенные тремя гладкими кольчатыми глаз-

ками, в которых центральный диск цвета ядра окружен широким кольцом из глухого белого стекла (2 экз.). 1,1–1,2x0,8x1,1–1,2 (рис. 12, 33, 34). Тип 33р (Алексеева, 1975, с. 62).

Тип 11. Шаровидная из полупрозрачного синего стекла, украшенная множеством пятнышек из глухого зеленого, белого, желтого и красного стекла (1 экз.). 1,0x0,8x1,0 (рис. 7, 5). Тип 18 (Алексеева, 1975, с. 58).

Тип 12. Бочковидная продольно вытянутая из глухого синего стекла. Украшена поперечной узкой полосой из глухого белого стекла, расположенной в центральной части ядра, и многочисленными пятнышками, расположенными по всей поверхности бусины, из глухого белого, желтого и голубого стекла (1 экз.). 1,5x2,0x1,5 (рис. 7, 18). Одна подобная бусина с т. н. «комбинированным» орнаментом найдена в позднескифском могильнике Фонтаны и может быть отнесена к эпохе эллинизма (Стоянова, 2008, с. 21, 22).

Тип 13. Шаровидные поперечно сжатые из полупрозрачного синего стекла, украшенные продольными полосами из глухого белого стекла (2 экз.). 0,7x0,5x0,7; 1,0x0,6x1,0 (рис. 7, 6, 19). Тип 190б (Алексеева, 1978, с. 43).

Стекло с внутренней металлической прокладкой

Тип 14. Шаровидная поперечно сжатая (1 экз.). 0,7x0,5x0,7 (рис. 7, 21). Тип 1а (Алексеева, 1978, с. 29).

Гагат

Тип 15. Короткоцилиндрические (2 экз.). 0,6x0,2x0,6; 0,6x0,2x0,6 (рис. 7, 15, 22). Тип 27а (Алексеева, 1978, с. 14).

Янтарь

Тип 16. Бочковидная поперечно сжатая (1 экз.). 1,1x0,7x1,1 (рис. 7, 20). Тип 5 (Алексеева, 1978, с. 24).

Сердолик

Тип 17. Бочковидные продольно вытянутые. Камень полупрозрачный темно-красного цвета, с черными прожилками. Канал

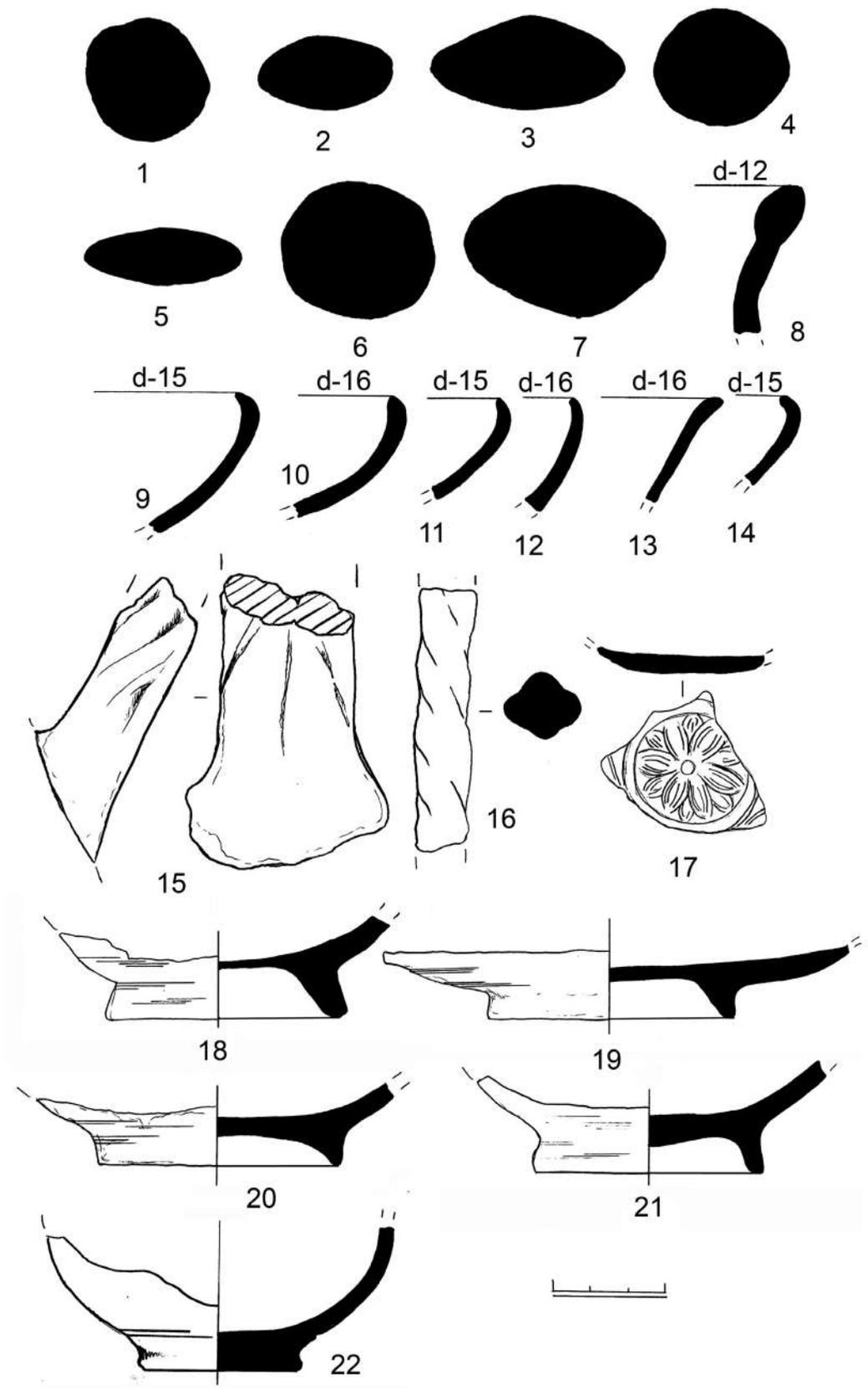

Рис. 9. Склеп с коллективными погребениями у с. Межгорье. Погребальный инвентарь. Грабительский шурф. 1-8 — фрагменты амфор, 9-16, 18-22 — сосудов гончарных фрагменты, 17 — сосуда рельефного фрагмент

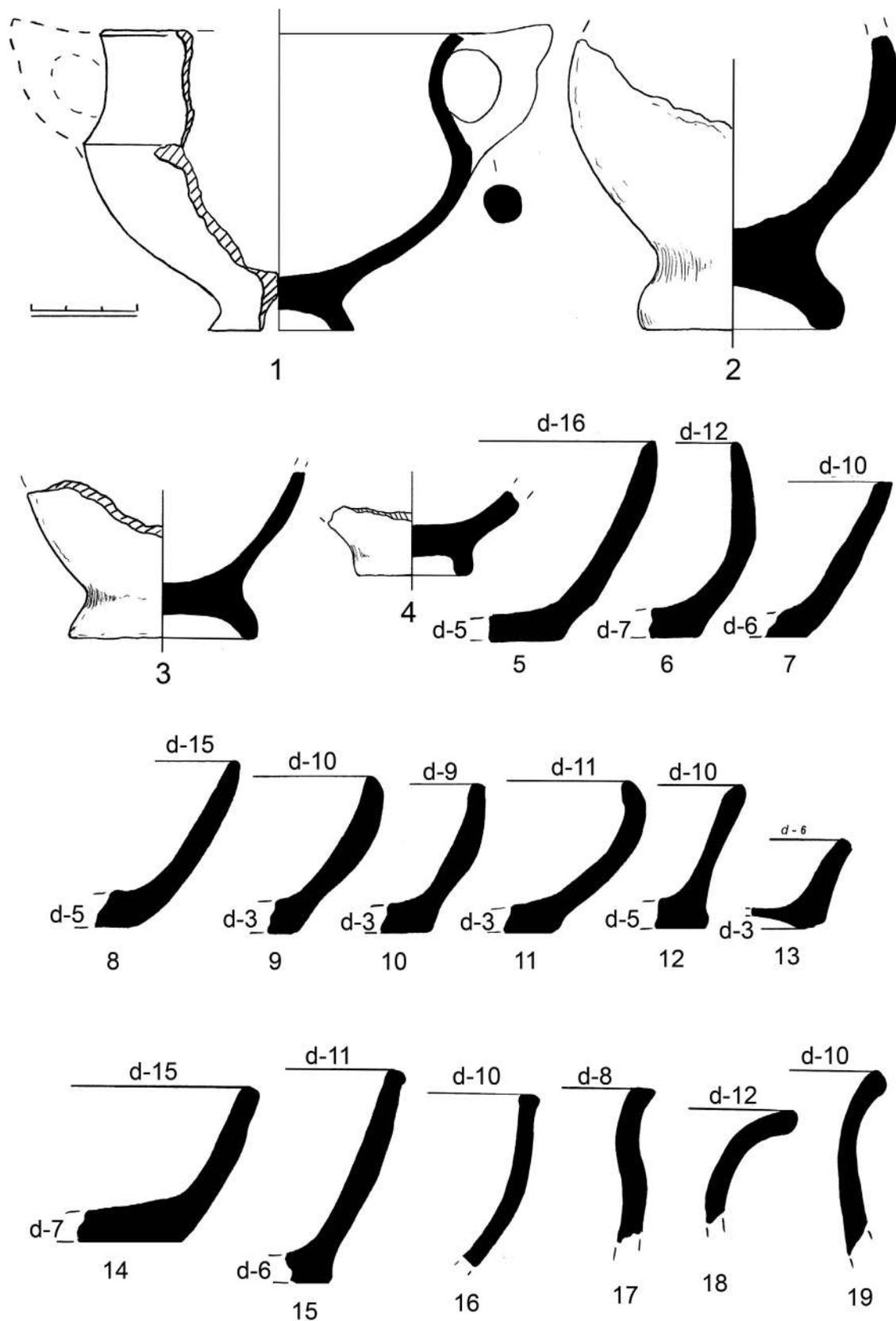

Рис. 10. Склеп с коллективными погребениями у с. Межгорье. Погребальный инвентарь. Грабительский шурф. Фрагменты лепных сосудов

отверстия узкий, просверлен с двух сторон (2 экз.). 0,75x1,0x0,75; 0,6x0,8x0,6 (рис. 7, 9, 11). Тип 3б (Алексеева, 1982, с. 16).

Кость

Тип 18. Залощенная треугольной формы со сквозным отверстием в центре (1 экз.). 1,0x0,5x1,0 (рис. 7, 17). Близка типу 5 (Алексеева, 1982, с. 31).

Одна бусина шаровидная из полупрозрачного синего стекла была украшенная тремя глазками, которые не сохранились. Поэтому отнести ее к какому-либо типу не представляется возможным. Ее размеры 0,7x0,6x0,7 (рис. 7, 13). В целом, набор бус из склепа у с. Межгорье характерен для варварского населения крымских предгорий в эллинистическое и раннеримское время.

На полу погребальной камеры *in situ* найден залощенный **костяной предмет** в виде округлого в сечении стержня с отверстием в центральной части (рис. 12, 30). По форме изделие близко костяным псалиям, известным в еще в эпоху поздней бронзы (Тереножкин, 1961, с. 98, рис. 63, 2), в том числе и в Крыму (Колотухин, 2003, с. 45, рис. 63, 21, 22; 65, 3, 4). Найденная в заполнении грабительского шурфа небольшая прямоугольная **костяная накладка** украшена врезным циркульным орнаментом (рис. 12, 28), получившим широкое распространение в скифское время в евразийских степях, Сибири и на Дальнем Востоке (Грач, 1966, с. 31).

Конструкция погребального сооружения, открытого в окрестностях с. Межгорье Белогорского района, позволяет отнести его к т. н. «каменным склепам с коллективными погребениями», хорошо известным в предгорном Крыму в скифское время (Троицкая, 1951, с. 94–98, 102, 103, рис. 8; Колтухов, 2001, с. 59, рис. 1; Зайцев, Мордвинцева, 2004, с. 175, рис. 1, 1; Кропотов, Лесков, 2006, с. 25, 26, рис. 2, 3; Пуздровский, 2004,

с. 50; Зайцев, Мордвинцева, 2010, с. 169–172; Колтухов, 2012, с. 106, 107; Троицкая, 2015, с. 54–61, рис. 1; Сенаторов, Колтухов, 2016, с. 180, 181; Колотухин, Колтухов, 2016, с. 117–131; Шульга, Колтухов, 2018, с. 120, рис. 3, 4). Практически все они являются подкурганскими сооружениями, по крайней мере, в тех случаях, где насыпь возможно проследить. Для них характерна большая погребальная камера, стены которой выложены каменными блоками или плитками, длинная входная яма или дромос. Если размеры камеры не позволяли перекрыть ее несколькими плоскими каменными плитами, то в качестве свода использовались деревянные бревна, которые со временем истлевали и приводили к обрушению части насыпи внутрь камеры³. Погребения в таких склепах располагались ярусами, которые во время совершения подзахоронений сдвигались и перемешивались. Иногда исследователи отмечают повторное захоронение в склепе извлеченных из камеры раздробленных и переломанных костей (Зайцев, Мордвинцева, 2004, с. 175; Зайцев, Мордвинцева, 2010, с. 175–176). Большое количество разломанных костей в заполнении погребальной камеры склепа у с. Межгорье наводит на мысль о возможном использовании подобного обряда и в данном случае, например, с целью обезвреживания покойников⁴.

Проблема происхождения и времени возникновения «коллективных погребений» у скифов в предгорном Крыму пока остается дискуссионной. Высказывались мнения об их появлении в III – II вв. до н. э. (Троицкая, 2015, с. 59; Колтухов, 2001, с. 61) и в конце V – IV вв. до н. э. (Кропотов, 2009, с. 221; Зайцев, Мордвинцева, 2010, с. 174, 176), о влиянии таврских (Троицкая, 2015, с. 60, 61), скифских степных (Катюшин, 1996, с. 26, 27) или даже антич-

³ В некоторых случаях исследователями отмечалась прекрасная сохранность подобных бревенчатых перекрытий (Колтухов, 2019б, с. 234, рис. 2).

⁴ Такую же цель могла преследовать и умышленная порча зеркала из входной ямы склепа, в соответствии с представлениями об обезвреживании души покойника, которая навсегда «запечатывалась» в нем (Фиалко, 2011, с. 82, 84).

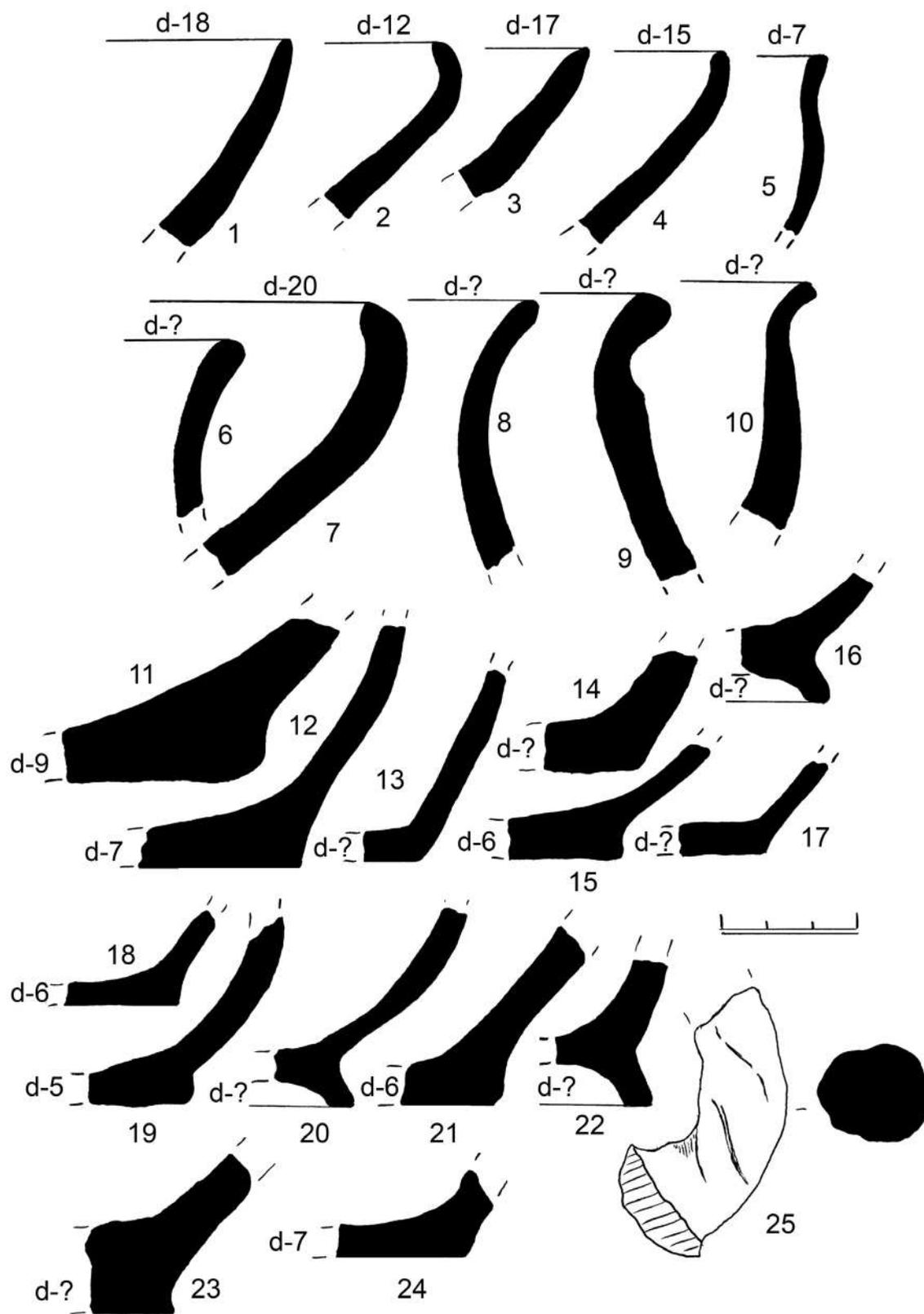

Рис. 11. Скелп с коллективными погребениями у с. Межгорье. Погребальный инвентарь. Грабительский шурф. Фрагменты лепных сосудов

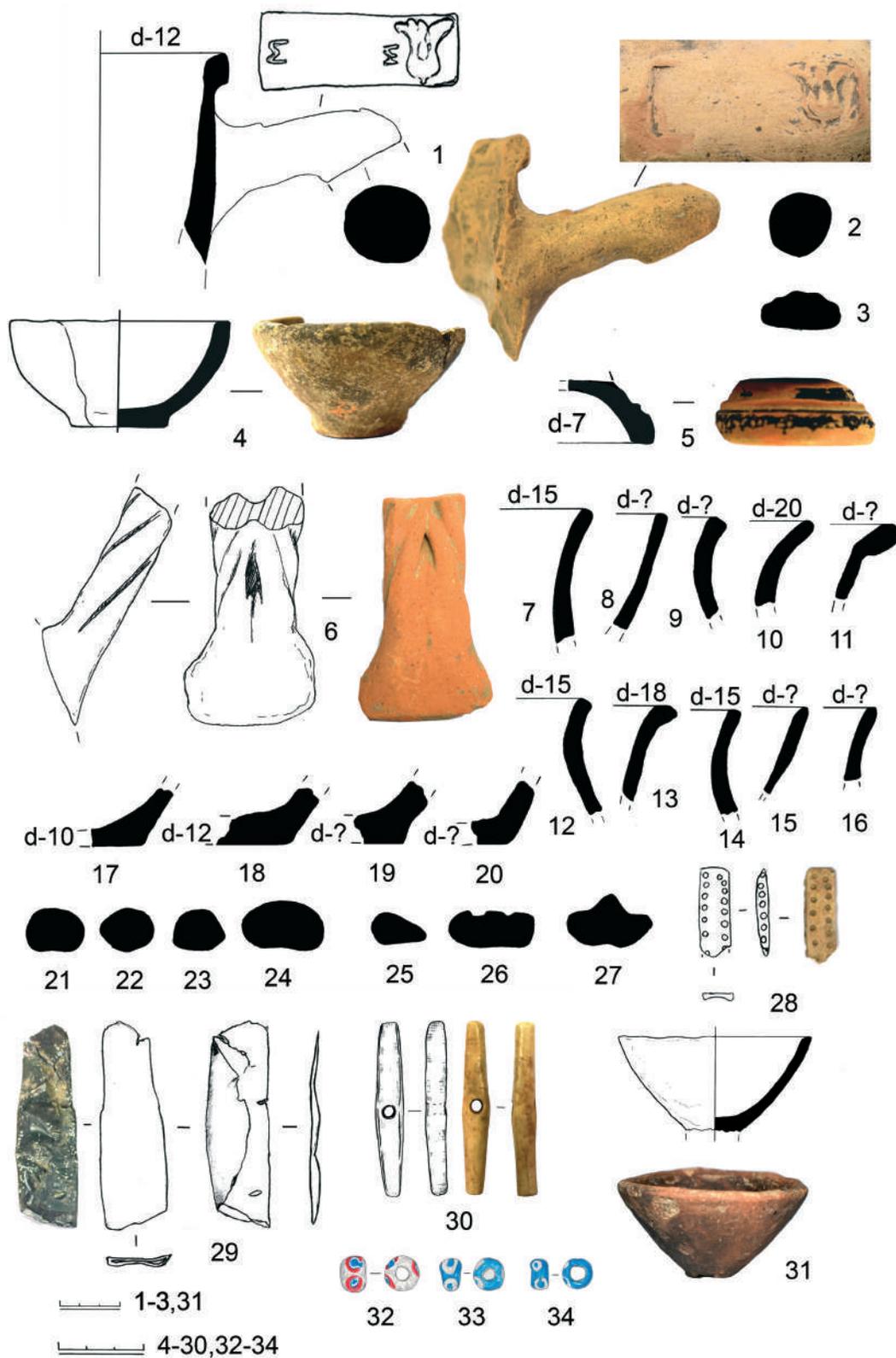

Рис. 12. Склеп с коллективными погребениями у с. Межгорье. Погребальный инвентарь. Заполнение входной ямы: 1–3 — фрагменты амфор, 4 — сосуд лепной, 5 — сосуда чернолакового фрагмент, 6 — сосуда гончарного фрагмент, 7–27 — сосудов лепных фрагменты, 28 — изделие из кости, 29 — зеркало. Погребальная камера: 30 — изделие из кости, 31 — сосуд лепной, 32–34 — бусы

ных традиций (Пуздровский, 2007, с. 52) на формирование обряда «коллективных захоронений» в каменных гробницах предгорного Крыма. При этом у исследователей не вызывает сомнения скифская принадлежность подобных погребений, возникших в процессе перехода кочевников к оседлости, и возможность повторного использования каменных сооружений в позднеэллинистическое и римское время. Исходя из этого можно сделать осторожное предположение, что наиболее активно склеп у с. Межгорье использовался во II в. до н. э. – I в. н. э., на что указывает большинство находок, обитателями одного из пока еще не выявленных позднескифских поселений, располагавшихся в верхо-

вах реки Бурульчи⁵. Однако и они могли повторно использовать склеп, сооруженный первыми поселенцами, появившимися здесь в IV – III вв. до н. э.

Пока не представляется возможным, без проведения полноценных археологических раскопок, сделать выводы о культурной принадлежности каменных ящиков и погребений под каменными насыпями, обнаруженными вокруг исследованного склепа. Но, несмотря на это, выявленные здесь объекты можно считать частью единого комплекса — могильника Дорт-Лемэ, дальнейшие исследования которого позволят предотвратить его разрушение грабителями, уточнить топографию, хронологию и культурную атрибуцию.

Литература

- Алексеева Е. М.* Античные бусы Северного Причерноморья. М.: Наука, 1975. 104 с. (САИ. Вып. Г1-12).
- Алексеева Е. М.* Античные бусы Северного Причерноморья. М.: Наука, 1978. 109 с. (САИ. Вып. Г1-12).
- Алексеева Е. М.* Античные бусы Северного Причерноморья. М.: Наука, 1982. 104 с. (САИ. Вып. Г1-12).
- Власов В. П.* Лепная керамика позднескифского Булганакского городища // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. I / Ред.-сост. И. Н. Храпунов. Симферополь: Таврия, 1997. С. 204–303.
- Внуков С. Ю., Лагутин А. Б.* Земляные склепы позднескифского могильника Кара-Тобе в Северо-Западном Крыму // Поздние скифы Крыма / Отв. ред. И. И. Гущина, Д. В. Журавлев. М.: ГИМ, 2001. С. 96–121. (Труды ГИМ. Вып. 118).
- Гаврилов А. В.* Округа античной Феодосии. Симферополь: Азбука, 2004. 368 с.
- Гаврилов А. В., Труфанов А. А.* Святилище Туар-Алан II в. до н. э. – первой половины I в. н. э. в Юго-Восточном Крыму // ИАК. Вып. I / Отв. ред. В. В. Майко. Симферополь: б. и., 2014. С. 73–152.
- Грач А. Д.* Новое о добывании огня, происхождении и семантике циркульного орнамента // КСИА. 1966. Вып. 107. С. 28–32.
- Дашевская О. Д.* Поздние скифы Крыма. М.: Наука, 1991. 141 с. (САИ. Вып. Д 1-7).
- Зайцев Ю. П.* Склеп №390 Усть-Альминского позднескифского некрополя // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. I / Ред.-сост. И. Н. Храпунов. Симферополь: Таврия, 1997. С. 156–166.

⁵ Пока неизвестны подкурганые коллективные погребения в каменных гробницах, которые можно было бы с достаточной уверенностью связать с конкретным позднескифским поселением (Храпунов, 2004, с. 84).

- Зайцев Ю. П., Колтухов С. Г.* Курган с коллективными погребениями III – I вв. до н. э. из некрополя Ак-Кая/Беш-Оба в Крыму // *Stratum plus*. 2016. №3. С. 99–128.
- Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И.* Подвязыные фибулы в варварских погребениях Северного Причерноморья позднеэллинистического периода // *РА*. 2003. №2. С. 135–154.
- Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И.* Варварские погребения Крыма 2 в. до н. э. – 1 в. н. э. // *Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Доклады к V Международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории»* / Отв. ред. Б. А. Раев. Краснодар: б. и., 2004. С. 174–204.
- Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И.* Курган с «коллективными» погребениями из окрестностей городища Ак-Кая // *Древняя и средневековая Таврика* / Отв. ред. Ю. П. Зайцев, А. Е. Пуздровский. Донецк: Донбасс, 2010. С. 169–176. (Археологический альманах. №22).
- Зайцев Ю. П., Шкрибляк И. И.* Горный массив Кубалач как новый феномен археологии Крыма (первые результаты исследований) // *Крым в эпоху эллинизма. Межкультурные процессы по данным новейших археологических исследований* / Под ред. Ю. П. Зайцева. Симферополь: Тарпан, 2017. С. 134–148.
- Зеест И. Б.* Керамическая тара Боспора // *МИА*. 1960. №83. 179 с.
- Катюшин Е. А.* Склеп первых веков н. э. у села Львовское // *МАИЭТ*. 1993. Вып. III. С. 14–16.
- Катюшин Е. А.* Курганный могильник I в. до н. э. – II в. н. э. в окрестностях Феодосии // *МАИЭТ*. 1996. Вып. V. С. 21–31.
- Колотухин В. А.* Поздний бронзовый век Крыма. Киев: Стилос, 2003. 139 с.
- Колотухин В. А., Колтухов С. Г.* Несколько погребений I тыс. до н. э. из восточной части Горного Крыма // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки»*. 2016. Т. 2 (68). №1. С. 117–133.
- Колтухов С. Г.* О крымских курганах с «коллективными погребениями» // *Поздние скифы Крыма* / Отв. ред. И. И. Гущина, Д. В. Журавлев. М.: ГИМ, 2001. С. 59–70. (Труды ГИМ. Вып. 118).
- Колтухов С. Г.* Скифы Северо-Западного Крыма в VII – IV вв. до н. э. (погребальные памятники). Донецк: Донбасс, 2012. 268 с. (Археологический альманах. №27).
- Колтухов С. Г.* О времени сооружения кургана Беш-Оба IV/3 Аккайского (Белогорского) курганного могильника // *Археологія і давня історія України*. 2019а. Вип. 2 (31). С. 315–319.
- Колтухов С. Г.* Каменный склеп кургана X Белогорского курганного могильника // *Археологія і давня історія України*. 2019б. Вип. 4 (33). С. 229–238.
- Кропотов В. В.* Курган с «коллективным погребением» IV в. до н. э. в предгорном Крыму // *Эпоха раннего железа* / Отв. ред. С. С. Бессонова. Киев – Полтава: б. и., 2009. С. 200–221.
- Кропотов В. В., Лесков А. М.* Курган с «коллективным погребением» у с. Кринички (по материалам работ 1957 г.) // *Культура народов Причерноморья*. 2006. Вып. 84. С. 25–39.
- Мульд С. А., Масыкин В. В.* Позднескифский склеп №20 могильника Левадки // *МАИЭТ*. 2003. Вып. X. С. 5–31.

- Пуздровский А. Е.* Крымская Скифия. III в. до н. э. – III в. н. э. Погребальные памятники. Симферополь: Бизнес-Информ, 2007. 480 с.
- Пуздровский А. Е., Труфанов А. А., Медведев Г. В.* Каменный подкурганый склеп с «коллективными» захоронениями у с. Брянское в Юго-Западном Крыму // Древняя и средневековая Таврика / Отв. ред. Ю. П. Зайцев, А. Е. Пуздровский. Донецк: Донбасс, 2010. С. 199–206. (Археологический альманах. №22).
- Рукавишникова И. В., Волошинов А. А., Бейлин Д. В.* Исследования позднескифского поселения Кермен-Бурун (у стены 2) в Севастополе // Крым — Таврида. Археологические исследования в Крыму в 2017 – 2018 гг. Т. 2 / Отв. ред. С. Ю. Внуков, О. В. Шаров. М.: Ин-т археологии РАН, 2019. С. 343–361.
- Сенаторов С. Н., Колтухов С. Г.* О времени сооружения скифской гробницы в кургане на земле С. И. Черкеса в предгорном Крыму (по материалам раскопок Н. И. Веселовского в 1895 г.) // БИ. 2016. Вып. XXXII. С. 180–191.
- Стоянова А. А.* Бусы и подвески из могильника Нейзац // БИ. 2004. Вып. V. С. 263–319.
- Стоянова А. А.* Бусы из могильника Фонтаны // Храпунов И. Н. Позднескифский могильник Фонтаны (по результатам раскопок 2000 – 2001 гг.). Симферополь: издательство «Доля», 2008. С. 17–26.
- Стоянова А. А.* Детские погребения из могильника Опушки (по результатам раскопок 2003 – 2009 гг.). Симферополь: издательство «Доля», 2012. 100 с.
- Сымонович Э. А.* Население столицы позднескифского царства (по материалам Восточного могильника Неаполя Скифского). Киев: Наукова думка, 1983. 173 с.
- Тереножкин А. И.* Предскифский период на Днепровском Правобережье. Киев: Изд-во АН УССР, 1961. 247 с.
- Толстиков В. П., Журавлев Д. В., Ломтадзе Г. А.* Керамический комплекс позднеэллинистического времени из Пантикапея // БИ. 2003. Вып. III. С. 289–314.
- Троицкая Т. Н.* Скифские курганы в Крыму // ИКОГО. Вып. 1 / Отв. ред. Я. Д. Козин, Н. А. Троицкий. Симферополь: Крымиздат, 1951. С. 85–112.
- Троицкая Т. Н.* Скифские коллективные погребения в курганах Крыма // ИАК. Вып. II / Отв. ред. В. В. Майко. Симферополь: б. и., 2015. С. 54–65.
- Труфанов А. А.* Дополнения к опубликованным материалам гробниц в «Тавельских» курганах 1897 г. // У Понта Эвксинского / Ред.-сост. С. Г. Колтухов, С. Б. Ланцов, А. Е. Пуздровский. Симферополь: Изд-во Крымского научного центра, 2004. С. 135–138.
- Фиалко Е. Е.* Зеркала в обрядах скифов // БИ. 2011. Вып. XXV. С. 79–94.
- Хазанов А. М.* Генезис сарматских бронзовых зеркал // СА. 1963. №4. С. 57–71.
- Храпунов И. Н.* Этническая история Крыма в раннем железном веке // БИ. 2004. Вып. VI. 240 с.
- Храпунов И. Н., Масыкин В. В., Мульд С. А.* Позднескифский могильник у с. Кольчугино // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. I / Ред.-сост. И. Н. Храпунов. Симферополь: Таврия, 1997. С. 76–155.

- Храпунов И. Н., Мульд С. А.* Катакомбы из могильников Фонтаны и Левадки в связи с происхождением позднескифской культуры // ПИФК. 2004. Вып. XIV. С. 239–269.
- Шабанов С. Б.* Археологические исследования в Белогорском районе Республики Крым в 2018 г. // ИАК. Вып. XI / Отв. ред. В. В. Майко. Севастополь: ООО Колорит, 2019. С. 333–336.
- Шапцев М. С.* «Мегарские» чаши позднескифского городища Булганак // ПИФК. 2008. Вып. XXI. С. 325–335.
- Шкрибляк И. И.* Мегарские чаши из раскопок Неаполя Скифского (предварительный анализ) // Древности Северного Причерноморья III – II вв. до н. э. Междунар. науч. конф., Тирасполь, 16 – 19 окт. 2012 г. / Отв. ред. Н. П. Тельнов. Тирасполь: Изд-во Приднестр. гос. ун-т им. Т. Г. Шевченко, 2012. С. 197–205.
- Шульга П. И., Колтухов С. Г.* Предгорный курган с «коллективным» погребением // ИАК. Вып. VII / Отв. ред. В. В. Майко. Симферополь: б. и., 2018. С. 119–131.

Каменный склеп Опушкинского могильника

Ключевые слова: предгорный Крым, могильник Опушки, каменный склеп, римское время, погребальный инвентарь, поздние скифы

Резюме

В статье публикуется каменный склеп с многократными погребениями, открытый в 2019 году в могильнике Опушки, расположенном в центральной части крымских предгорий. Погребальный инвентарь позволяет датировать комплекс I – первой половиной II в. н. э. Подобные склепы не характерны для грунтовых могильников предгорного Крыма римского времени. Но они сооружались крымскими скифами в курганах в IV в. до н. э., а в предгорной зоне эта традиция сохраняется и в позднескифское время. Опушкинский склеп использовался большим коллективом, вероятно, родом или кланом. Результаты его раскопок позволяют предположить, что население, оставившее могильник Опушки, не было вполне монолитно в культурном, а возможно и в этническом отношении. Выделялась группа людей, очевидно, родственников, которая, в отличие от всех остальных, сохраняла старые традиции сооружения каменных склепов, предназначенных для многократных погребений.

Igor' Khrapunov, Anastasiya Stoyanova

A Stone Burial Vault at the Cemetery of Opushki

Keywords: sub-mountainous Crimea, Opushki cemetery, stone burial vault, Roman period, grave goods, Late Scythians

Abstract

This paper publishes a stone burial vault with repeated burials which was uncovered in 2019 at the cemetery of Opushki located in the central sub-mountainous area of the Crimea. According to the grave goods, there are reasons to date the assemblage in question from the first to the first half of the second century AD. The vaults of the type were not typical of the flat cemeteries in the sub-mountainous Crimea in the Roman period. These structures were built by the Crimean Scythians under barrow mounds in the fourth century BC, though in the sub-mountainous area this tradition survived to the Late Scythian period. The Opushki vault was used by a big collective, perhaps a family or a clan. The excavation results suggest that the population which created the cemetery of Opushki was not homogenous in respect to its culture and, possibly, ethnicity. There was a specific group of persons, probably relatives, who, in contrast to the others, kept the tradition of stone-vault-making for repeated burials.

Могильник Опушки расположен в 15 км к востоку от Симферополя, в центре Крымских предгорий (рис. 1). Раскопки памятника ведутся, с перерывами, с 2003 г. За это время на площади свыше 3550 м² раскопано 318 погребальных сооружений, в том числе 39 грунтовых склепов,

112 подбойных могил, 164 грунтовые могилы, 1 каменный склеп, 1 каменный ящик, 1 плитовая могила. Исследованные погребальные сооружения в целом датируются I в. до н. э. – IV в. н. э. В 2019 г. раскопан единственный в могильнике склеп, сложенный из камней (рис. 2).

Описание результатов раскопок

Каменный склеп ориентирован с северо-запада на юго-восток. Он состоит из входной ямы и расположенной к востоку от нее погребальной камеры (рис. 3–15).

Размеры прямоугольной в плане входной ямы 2,8х0,9 м. Ее юго-западная и северо-восточная стены сложены из разномерных, но в основном, крупных камней. Обе стены сохранились в высоту на 0,8 м

(9 рядов кладки). Кладка иррегулярная. Стены двупанцирные. Толщина северо-восточной стены составляла 1,0 м, юго-западной — 0,5 м. Обе стены возвышались над уровнем древней дневной поверхности на 0,3 м. Вероятно, в древности высота стен была больше, частично они разрушились. Вход во входную яму находился с юго-запада. Пол входной ямы представлял собой слой плотного суглинка.

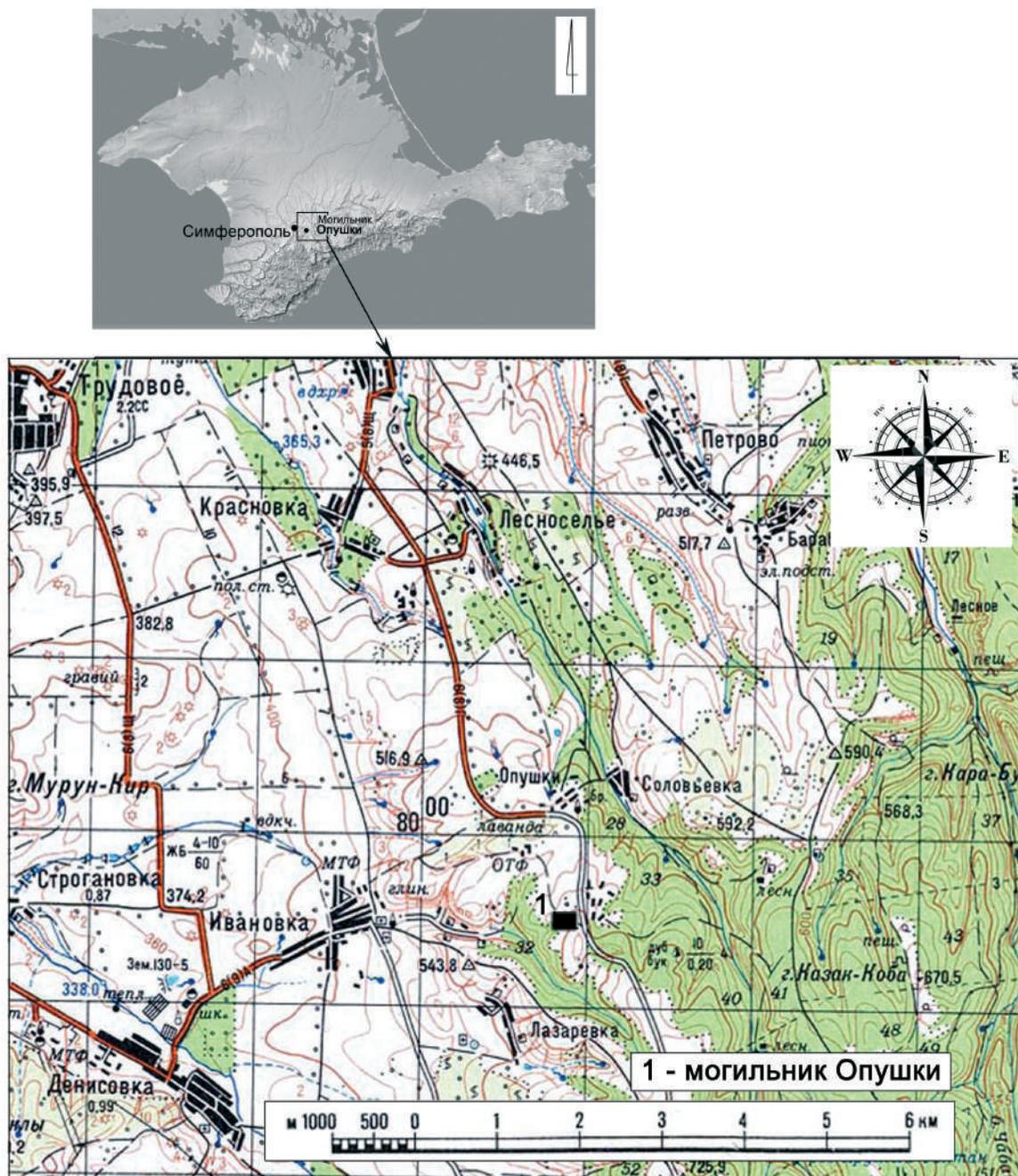

Рис. 1. Месторасположение могильника Опушки

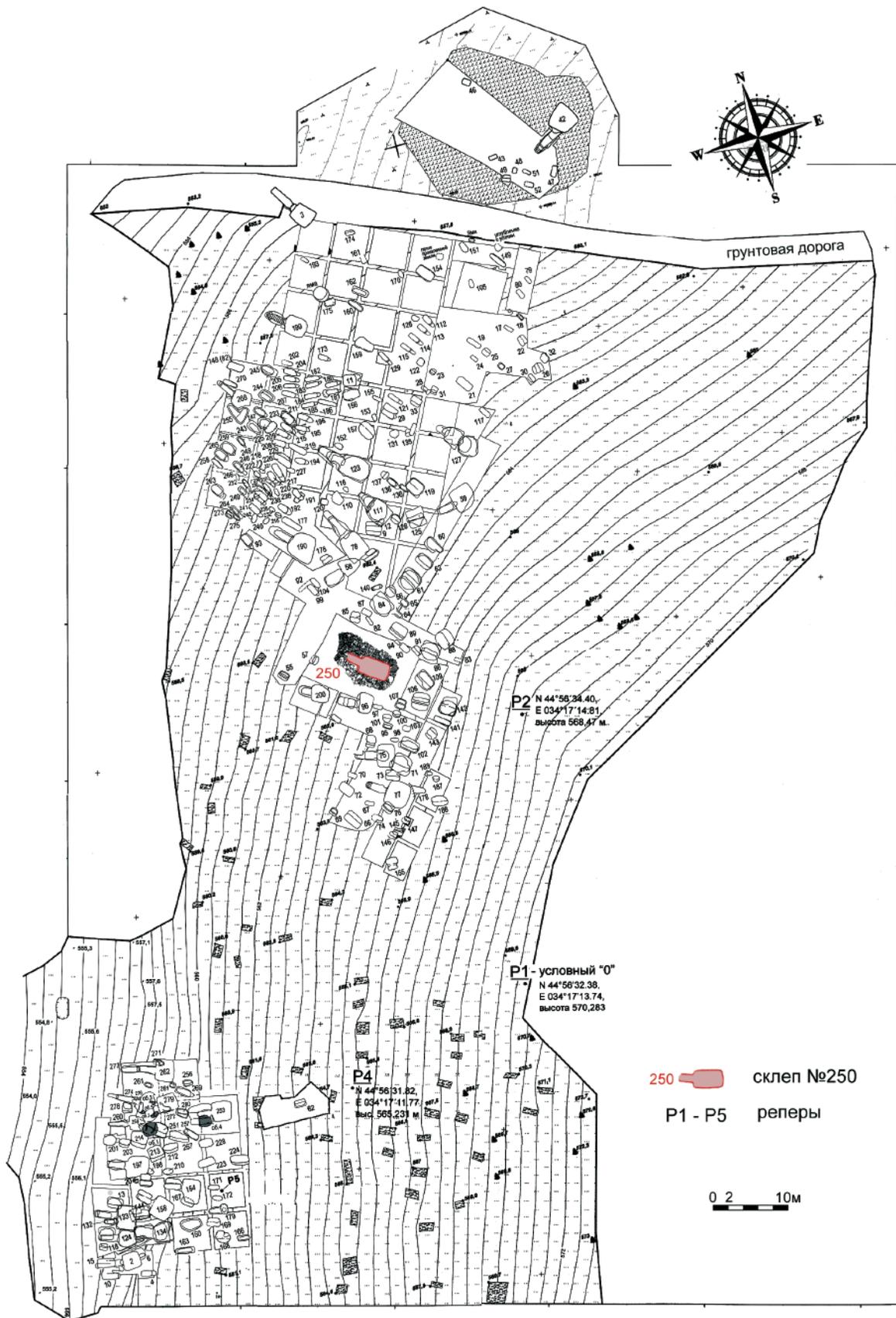

Рис. 2. Могильник Опушки. План северного участка со склепом №250

Погребальная камера прямоугольная в плане, вытянута с северо-запада на юго-восток. Ее размеры 4,0х2,1 м. Стены сохранились в высоту до 1,9 м (20 рядов кладки). Они двупанцирные, толщиной 0,5–0,9 м, возвышались над древней дневной поверхностью на 0,5–0,7 м. Юго-восточная стена, вероятно, сохранилась в высоту полностью, верхние части остальных стен немного разрушились. Кладка иррегулярная, сложена из разномерных камней. Вход в погребальную камеру сделан в ее северо-западной стене. Его ширина составляла 0,85 м. Пол погребальной камеры представлял собой слой плотного суглинка.

В полу погребальной камеры выкопаны две пары округлых в плане, симметрично расположенных ям. На дне каждой из них лежало по плоскому камню. Диаметр ям 0,25–0,4 м, глубина 0,1–0,15 м. Две пары симметрично расположенных округлых в плане ям выкопаны в полу входной ямы, у ее стен. Диаметр двух ям, расположенных ближе ко входу в погребальную камеру, 0,4–0,45 м, глубина — 0,3 м. На дне ямы, находившейся у южной стены, лежал плоский камень. Диаметр двух ям, расположенных ближе ко входу во входную яму, 0,2–0,25 м, глубина — 0,2 м. Очевидно, что описанные ямы — это остатки столбовых конструкций, поддерживавших перекрытие склепа.

Еще две ямы были выкопаны у самого входа во входную яму, по обе стороны от него, с внешней стороны. Их диаметр 0,6–0,7 м, глубина 0,45–0,5 м. Ямы были частично заполнены камнями, над ними нависали торцы стен входной ямы.

Погребальная камера была полностью, исключая только грабительский шурф, выкопанный у северной стены, заполнена перемещенными костями погребенных. Кости образовывали слой мощностью 0,5 м. Кости слоем мощностью 0,2 м заполняли также юго-восточную часть входной ямы. В северо-западной части входной ямы частично в анатомическом порядке

сохранились останки двух погребенных (рис. 9; 12). Вероятно, их похоронили последними в погребальном сооружении. Погребения совершили одно над другим. От нижнего погребенного сохранились кости ног и рук, позвоночный столб, нижняя челюсть. Он лежал наискось пересекая входную яму, ногами у ее северо-восточной стены, головой к юго-западу. От верхнего погребенного сохранились череп и часть позвоночного столба. Череп лежал на тазовых костях нижнего погребенного. На левой кисти нижнего погребенного и за головой верхнего стояла краснолаковая миска (рис. 17). В районе, где должен был находиться череп нижнего погребенного, зафиксировано скопление бус, возможно, являвшихся частью его погребального инвентаря (рис. 16, 21–34). Найденные среди костей частично сохранившихся в анатомическом порядке погребенных обломки гончарных сосудов (рис. 16, 36; 18, 1) и железный гвоздь (рис. 16, 35) нельзя с уверенностью отнести именно к этим погребениям.

Слой костей в погребальной камере был перекрыт каменными плитами. В древности они, несомненно, лежали на деревянной конструкции, представлявшей собой вместе с каменными плитами крышу склепа.

Вокруг склепа была сделана насыпь из камней, присыпанная к его стенам.

Поскольку все кости в склепе перемещены, погребальный инвентарь нельзя соотнести ни с одним из погребенных. Во входной яме найдены бусы (рис. 16, 37; 18, 4–21), бронзовый браслет (рис. 18, 3; 28, 3), обломки амфор, краснолаковых, гончарных и лепных (рис. 18, 2) сосудов, костяной плоский предмет (рис. 18, 22).

В погребальной камере обнаружены бронзовые целые и фрагментированные фибулы (рис. 19, 1–11; 27, 16, 17; 28, 2), антропоморфная подвеска (рис. 19, 12; 27, 18), кольца с «шишечками» и их обломки (рис. 19, 13, 14, 16–19; 27, 19, 20), колокольчики (рис. 19, 20–22), подвески в виде

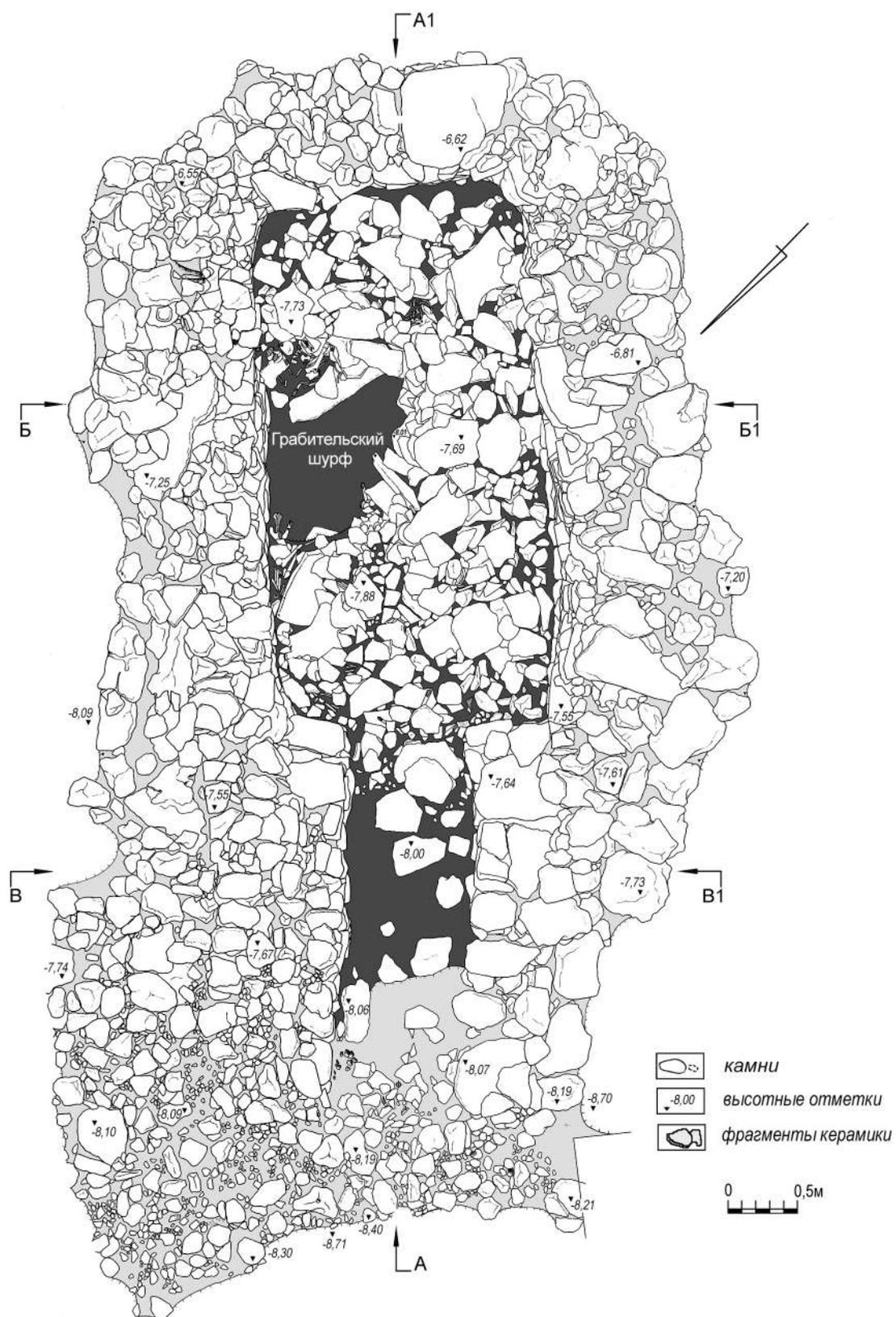

Рис. 3. Могильник Опушки. Склеп №250. План на уровне рухнувшего каменного перекрытия

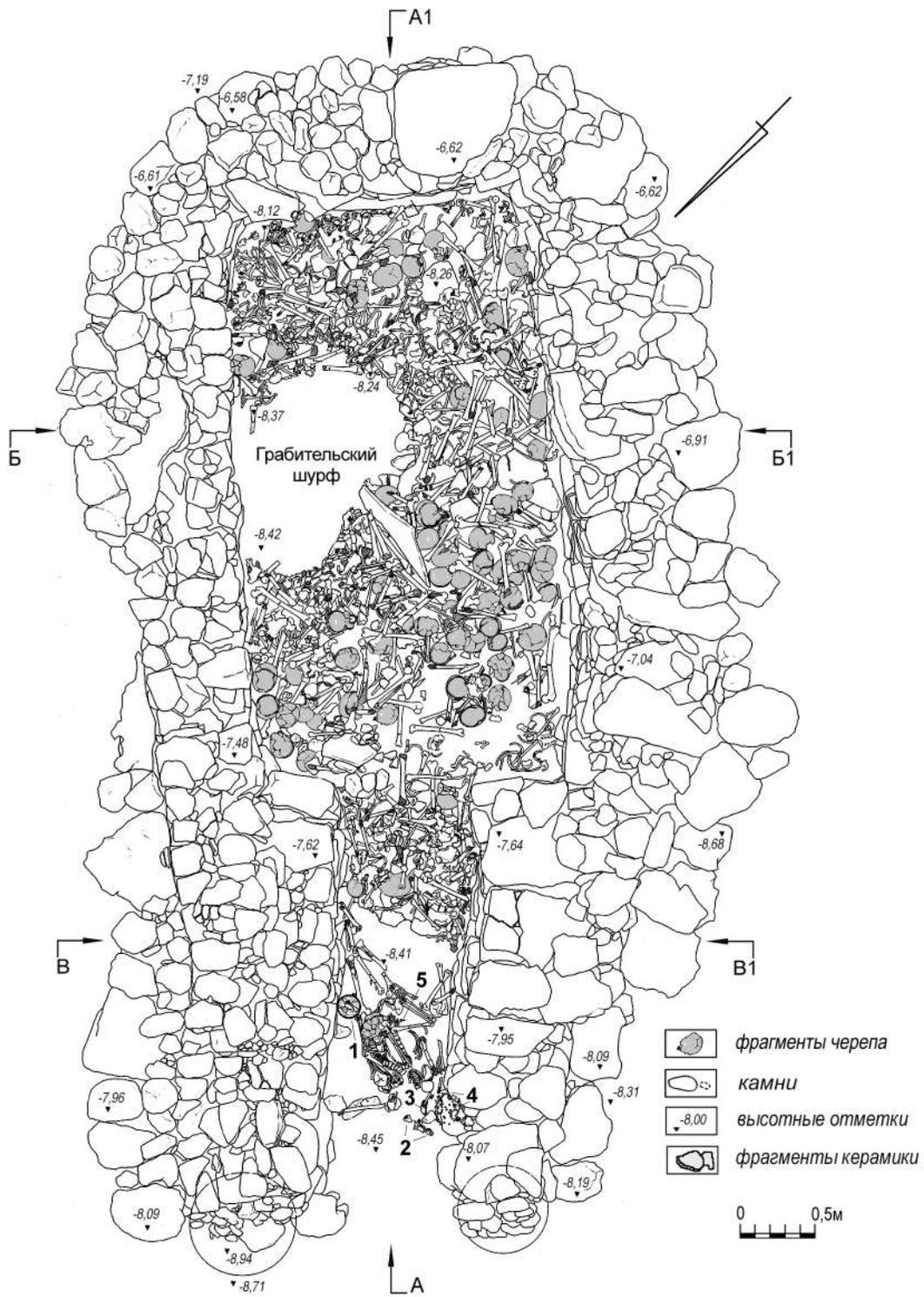

Рис. 4. Могильник Опушки. Склеп №250. План погребений: 1 — краснолаковая тарелка, 2, 3 — фрагменты гончарных сосудов, 4 — бусы, 5 — гвоздь железный

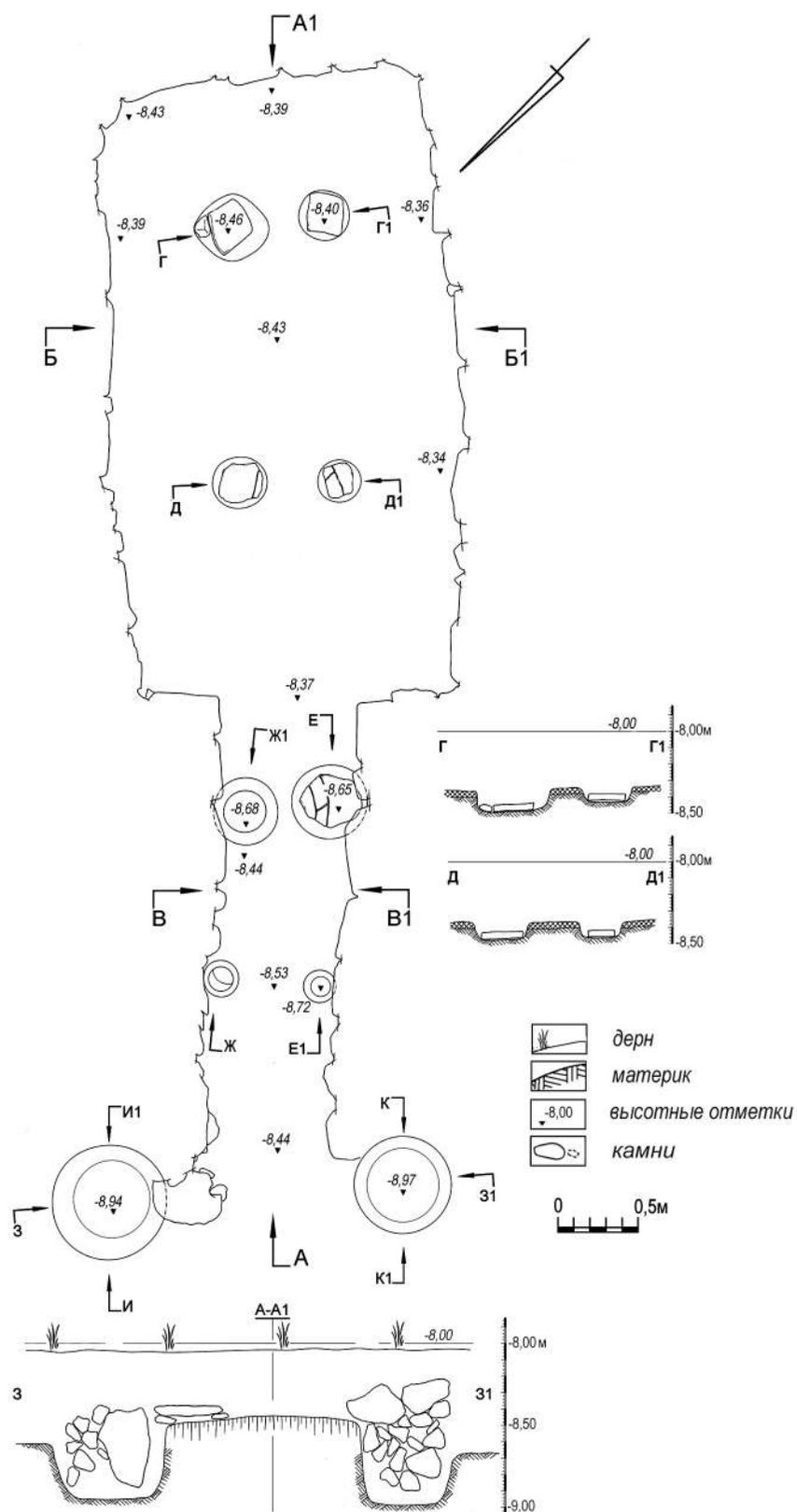

Рис. 5. Могильник Опушки. Склеп №250. План на уровне пола и разрезы столбовых ям

топорики (рис. 19, 23–25; 27, 21–23), две стертые пробитые монеты (рис. 19, 27, 28), обломок зеркала (рис. 19, 26), бронзовый предмет (рис. 20, 15; 28, 1), целая и фрагментированная иглы (рис. 20, 1, 2), обоймы с загнутыми длинными сторонами и пуансонным орнаментом (рис. 16, 20; 20, 4–14, 16–24), браслеты (рис. 20, 25–28, 31), перстни (рис. 20, 32–34; 28, 4), кольца (рис. 21, 1, 7, 18, 19), серьги (рис. 21, 2, 4, 20–25; 28, 5), цилиндрический предмет, украшенный двумя рядами «шишечек» (рис. 21, 26), пронизь (рис. 21, 33), фрагменты проволоочных и пластинчатых изделий (рис. 20, 3, 29, 30), обломок стеклянного сосуда (рис. 24, 10), раковины (рис. 27, 12–15), астрагалы (рис. 27, 1–11), фрагменты лепных (рис. 25, 3; 26, 5, 6), гончарных (рис. 25, 1, 2), краснолаковых (рис. 24, 11, 12; 26, 1–4) сосудов, целый лепной сосуд (рис. 26, 6; 28, 6), пряслице (рис. 21, 31; 28, 7), оселки (рис. 21, 27–29), каменные подвески (рис. 21, 17; 23, 45–47; 24, 6), фрагмент кремневой ножевидной пластины (рис. 21, 32), железные пряжка (рис. 21, 30) и ножи (рис. 16, 19; 24, 7–9), разнообразные бусы (рис. 16, 1–18; 19, 15; 21, 16; 22, 1–46; 23, 1–44; 24, 1–5; 26, 7, 8).

Погребальный инвентарь

Рассмотрим наиболее выразительные категории погребального инвентаря.

Бальзамарий (рис. 24, 10). Фрагмент горла из толстого с зеленым оттенком стекла. Верхний край сосуда загнут, а образовавшийся венчик оплавлен, горизонтально отогнут и слегка опущен. Такой признак можно встретить на бальзамариях из некрополей Боспора, отнесенных Н. З. Куниной и Н. П. Сорокиной к типу I 1 Б или В по их классификации (Кунина, Сорокина, 1972, с. 150–157; Алексеева, Сорокина, 2007, табл. 42, 3, 5; Медведев, 2013, с. 41, рис. 4, 5; Бейлин, Рукавишникова, Куликов, 2019, с. 33, рис. 5, 10), и на нескольких сосудах из крымских предгорий (Гущина, Журавлев, 2016, табл. 157, 19; 225, 8; Стржелецкий

и др., 2003–2004, табл. 46, 22; Гаврилов, Труфанов, 2014, рис. 17, 1). Все они датируются I – II вв. н. э.¹

Браслеты. Браслет с «шишечками» на концах (рис. 20, 28). Такие украшения массово использовались в I в. н. э., изредка встречаются в более поздних комплексах (Высотская, 1994, с. 110; Труфанов, 2005–2009, с. 225; Гущина, Журавлев, 2016, с. 89; Лысенко, Мордвинцева, 2019, с. 265, 266).

Браслеты с раскованными концами, которым придан вид змеиных головок. Концы одного из них украшены врезными полукругами (рис. 20, 27), другой не орнаментирован (рис. 18, 3). Браслеты с концами в виде змеиных головок — это массовый материал I – первой половины III вв. н. э. во всем Северном Причерноморье и за его пределами, но особенно в Крыму. В могильнике Нейзац, в могиле №139 браслеты, заканчивающиеся изображением змеиных головок, обнаружены в контексте второй половины III в. н. э. Это едва ли не самая поздняя из известных находок украшений такого типа (Храпунов, 2004, с. 300).

Публикуемые находки приблизительно соответствуют типу IV в классификации А. А. Труфанова с датой вторая половина I – II вв. н. э. (Труфанов, 2001, с. 75).

Зеркало (рис. 19, 26). От зеркала сохранилась только боковая петля, которая дает возможность отнести его к типу Хазанов IX, но не позволяет уточнить, к какому из его вариантов: с коническим выступом или орнаментом на обратной стороне.

Зеркала с коническим выступом датируются обычно в пределах I – начала II вв. н. э. (Хазанов, 1963, с. 65, 66; Скрипкин, 1990, с. 95, 153; Абрамова, 1993, с. 155; Марченко, 1996, с. 24; Труфанов, 2007, с. 175, 176), но отдельные экземпляры встречаются позднее. Общепринятая датировка зеркал с орнаментом на обратной стороне — II – III вв. н. э. (Хазанов, 1963, с. 66, 67; Абрамова, 1971, с. 129–131; Скрипкин, 1984, с. 47; Труфанов, 2007, с. 176–179).

¹ Искренне признательны С. Б. Шабанову, проделавшему за нас работу по изучению этого фрагмента.

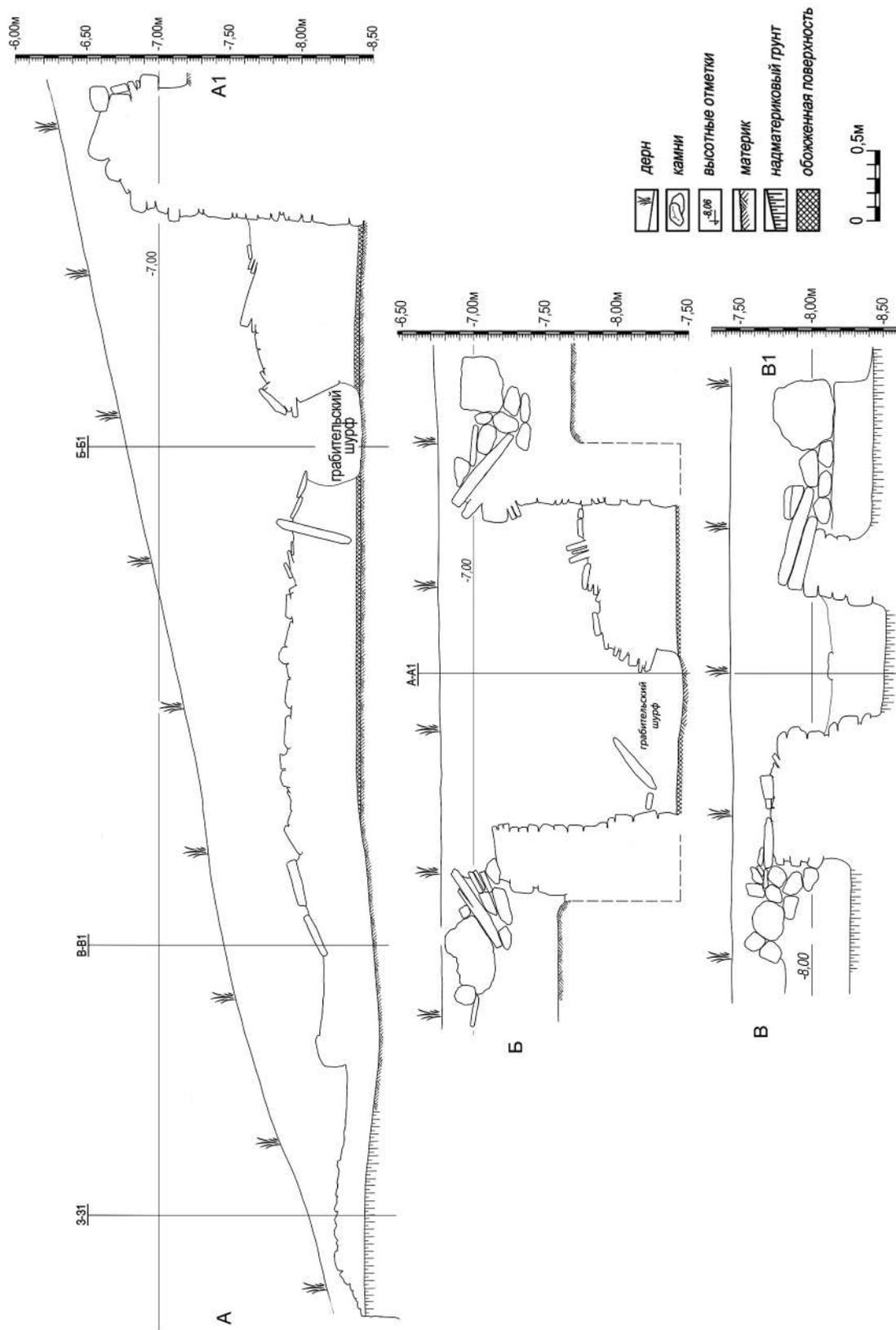

Рис. 6. Могильник Опушки. Склеп №250. Разрезы А-А1, Б-Б1, В-В1

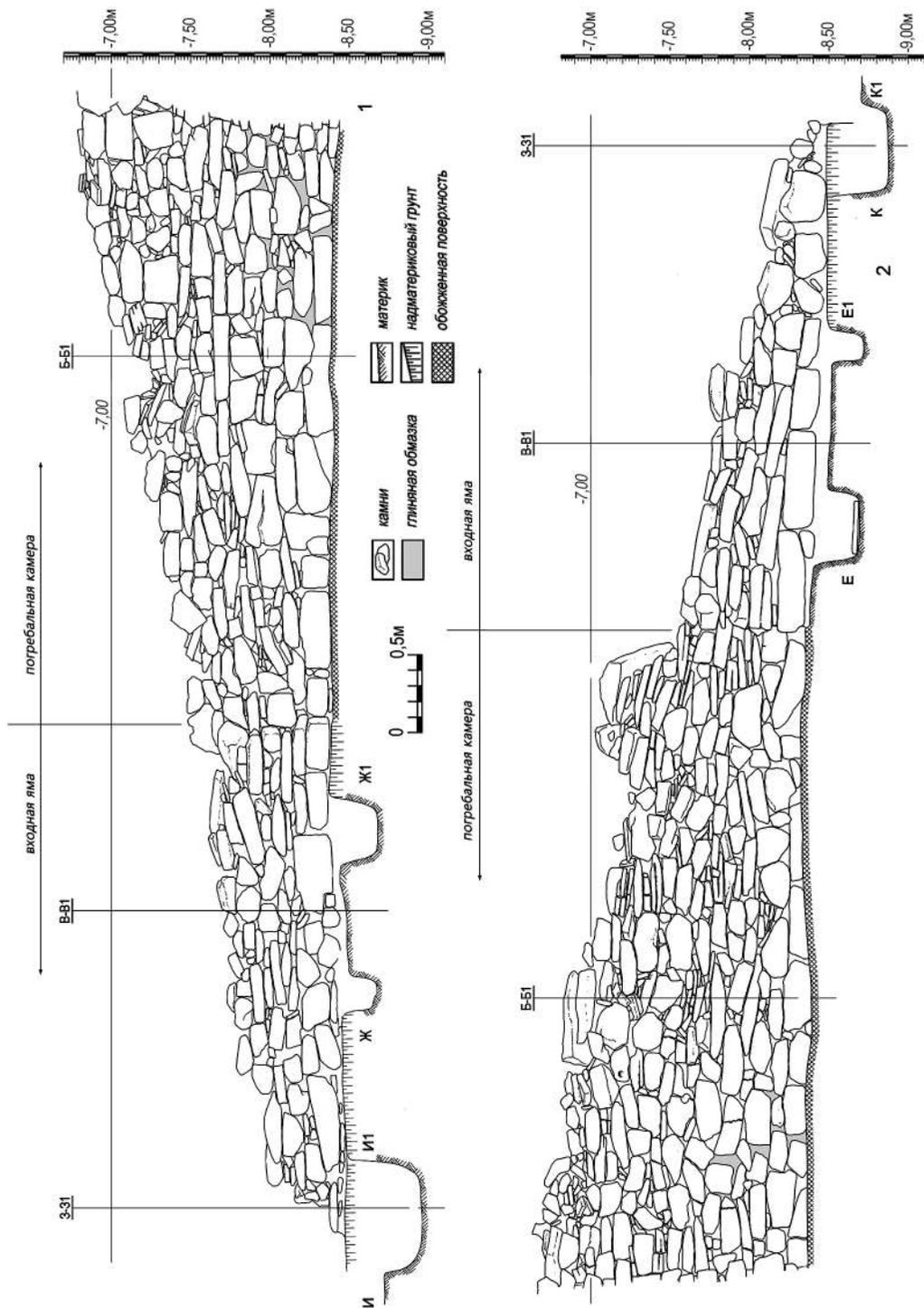

Рис. 7. Могильник Опушки. Склеп №250. Фасировки северо-восточной (1) и юго-западной (2) стен

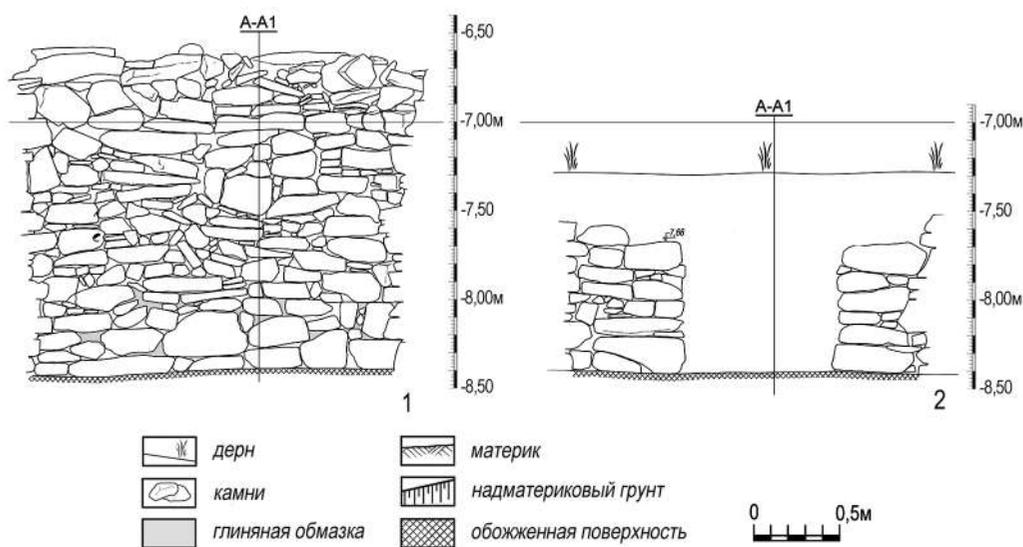

Рис. 8. Могильник Опушки. Склеп №250. Фасировки юго-восточной (1) и северо-западной (2) стен погребальной камеры

Краснолаковые сосуды. Чаша (рис. 24, 11) соответствует форме 30.2 по классификации Д. В. Журавлева краснолаковых сосудов из бельбекских могильников. Датируются такие чаши второй половиной I – началом II в. н. э. (Журавлев, 2010, с. 60).

Миска (рис. 24, 12) соответствует форме 14.1 с датой последняя четверть I – первая половина II в. н. э. (Журавлев, 2010, с. 54).

Тарелки (рис. 17; 26, 1) соответствуют форме 4.2. Они датируются II – первой половиной III в. н. э. (Журавлев, 2010, с. 46, 47). Одна из тарелок (рис. 17), судя по месту находки, это последняя вещь, оставленная в склепе.

Все краснолаковые сосуды относятся к типам, чрезвычайно широко распространенным в Северном Причерноморье и далеко за его пределами.

Монеты. В склепе найдены две монеты (рис. 19, 27, 28). Обе стерты и имеют отверстия для подвешивания. Определить их вряд ли удастся, возможно, до проведения металлографических анализов.

Серьги с концами в виде петельки и крючка, фрагментированы (рис. 21, 20, 25). Такие украшения появляются в начале

I в. н. э. или даже в I до н. э. и бытуют у населения предгорного Крыма, по крайней мере, до середины III в. н. э. Подавляющее их большинство сделано из бронзы, но встречаются экземпляры из серебра и золота (см. например: Богданова, 1989, с. 41, табл. XII, 5; Высотская, 1994, с. 106; Ахмедов, Гущина, Журавлев, 2001, с. 179, рис. 5, 7, 8; Внуков, Лагутин, 2001, с. 117, 118, рис. 7, 10а,б; Волошинов, Масыкин, Неневоля, 2007, с. 303, рис. 4, 23, 24; Мордвинцева, Трейстер, 2007, т. I, с. 112, 114; Пуздровский, 2007, с. 151, рис. 126, 18–21; Стоянова, 2012, с. 72; Лысенко, Мордвинцева, 2019, с. 260, рис. 3, 7, 8; 7, 1, 6).

Фибулы. Шесть фибул имели завиток на конце приемника (рис. 19, 1–6). А. К. Амброз отнес такие застёжки к группам 13 (Амброз, 1966, с. 45, 46), В. В. Кропотов — к группе 8 (Кропотов, 2010, с. 182–201). Фибулы с завитком на конце приемника были чрезвычайно широко распространены в Северном Причерноморье, в том числе в Крыму, главным образом, в I – начале II в. н. э., но иногда встречаются и позднее. Впрочем, сохранность приемника застёжек, изображенных на рис. 19, 1, 2 такова,

что не исключает наличие на конце приемника кнопки. В таком случае, их следует отнести к группе 12 А. К. Амброза (Амброз, 1966, с. 43, 44) или к группе 9 В. В. Кропотова (Кропотов, 2010, с. 209–224). На датировку это допущение принципиально не влияет. Лучковая одночленная подвязная фибула (рис. 26, 7; 28, 2) имеет сходство с вариантами 3 и 4 (Амброз, 1966, с. 49, 50; Кропотов, 2010, с. 74–80). Основное отличие между вариантами — степень изогнутости спинки. Смена вариантов приходится приблизительно на середину II в. н. э. Имеется

множество экземпляров переходных форм, что собственно и подтверждает тонкое наблюдение А. К. Амброза об изогнутости спинки как хронологическом показателе. Публикуемую фибулу, вероятно, следует датировать временем около середины II в. н. э. Она найдена не в склепе, а в камнях, которыми были обложены стены. По всей вероятности, фибулу, как и некоторые другие вещи, выбросили из погребальной камеры при подзахоронениях.

Бронзовые кольца с «шишечками» (2 целых экземпляра и фрагменты,

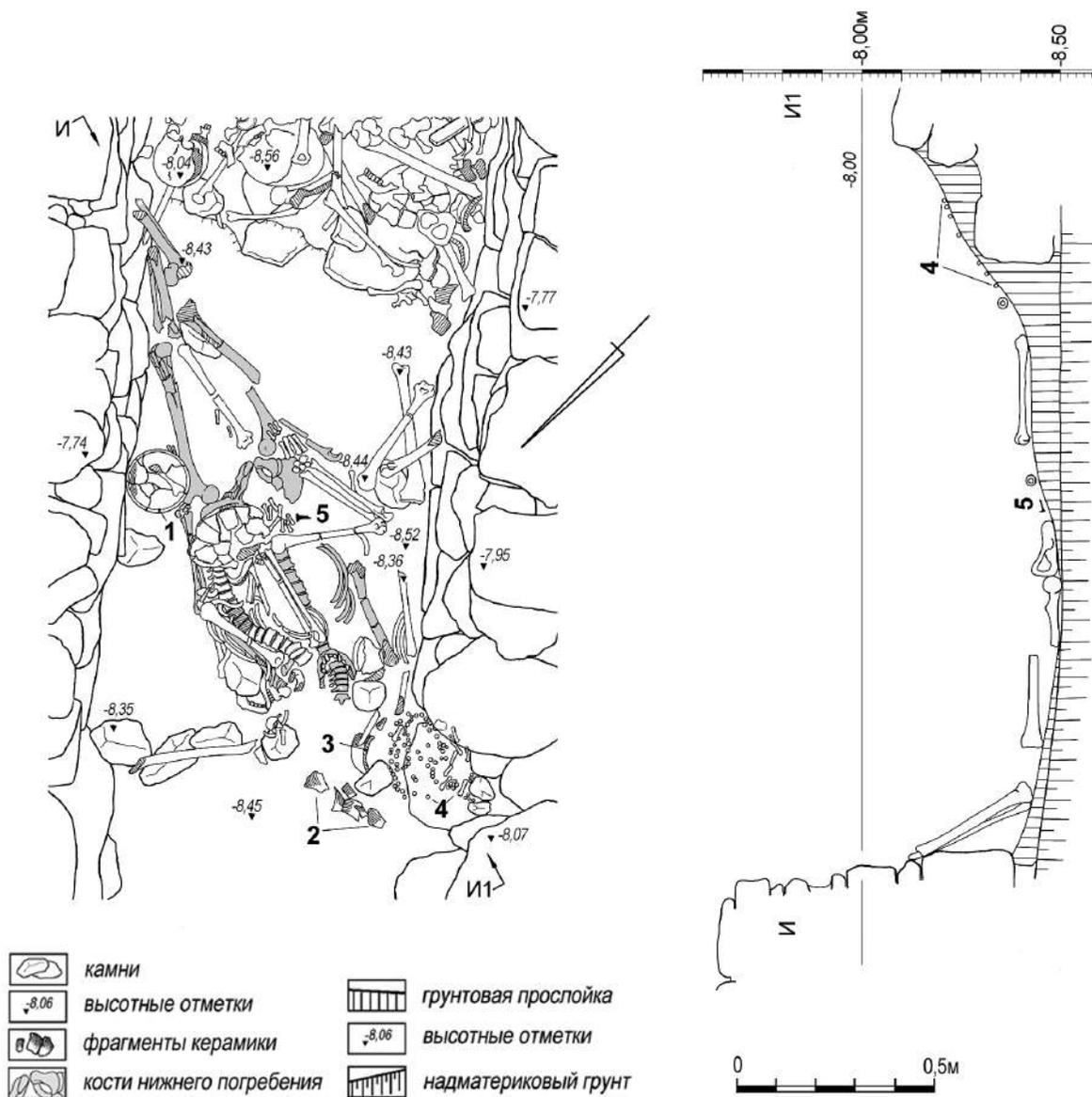

Рис. 9. Могильник Опушки. Склеп №250. План погребения во входной яме и разрез И–И1. 1 — краснолаковая тарелка, 2, 3 — фрагменты гончарных сосудов, 4 — бусы, 5 — гвоздь железный

Рис. 10. Могильник Опушки. Склеп №250. Плиты перекрытия погребальной камеры (вид с запада)

Рис. 11. Могильник Опушки. Склеп №250. Погребения в камере (вид с запада)

Рис. 12. Могильник Опушки. Склеп №250. Погребения во входной яме (вид с запада)

Рис. 13. Могильник Опушки. Склеп №250. Столбовые ямы в погребальной камере (вид с запада)

Рис. 14. Могильник Опушки. Склеп №250. Столбовые ямы во входной яме (вид с севера)

Рис. 15. Могильник Опушки. Склеп №250. Общий вид с востока (а) и запада (б)

рис. 19, 13, 14, 16–19) относятся к категории вещей, типичных для крымских погребений I – середины III в. н. э. Как правило, такие предметы находят рядом с погребенными, а не на костяке. Генезис и, тем более, семантика колец с «шишечками» являются предметом дискуссий. Им посвящена обширная литература (см. подробно с историографией: Balke, 1999; Rudnicki, 2010; Журавлев, 2014; Гущина, Журавлев, 2016, с. 103–107).

Бронзовые детали от головных уборов. В склепе найдены 23 прямоугольные бронзовые пластинки с загнутыми длинными сторонами. Лицевая часть в центре большинства пластин украшена пуансонным орнаментом, у некоторых экземпляров вдавленными точками нанесен орнамент в виде тамгообразных знаков (рис. 16, 20; 20, 4–14, 16–24). Такие предметы встречаются в предгорных могильниках Крыма римского времени. Во всех случаях, когда эти вещи были зафиксированы *in situ*, они располагались на черепе, поэтому их уверенно можно интерпретировать как остатки головного убора (Храпунов, 1999, рис. 2, 10; 2006, рис. 36, 5, 7–11; 2011, с. 37, рис. 34, 5–14; Пуздровский, 2007, с. 147; Мульд, Масякин, 2003, рис. 3, 1). В некоторых пластинах, в пространстве между лицевой частью и загнутым краем, сохранились остатки органического тлена. Очевидно, что они крепились на кожаную или тканевую ленту, ширина которой составляла от 1 до 3 см. Такая лента могла быть и самостоятельным украшением головы, т. е. использоваться как диадема, либо же выступала частью более сложного головного убора, например, удерживала на голове покрывало.

Ареал находок ограничен, в основном, центральной частью предгорного Крыма, аналогий рассматриваемым предметам нет ни в античных центрах, ни в сарматских степных комплексах, ни на других сопредельных с полуостровом территориях.

Вероятно, традиция ношения таких головных уборов имела локальный характер, а использовали их преимущественно женщины, иногда — дети.

Большинство комплексов, в которых обнаружены такие предметы, относятся ко II – первой половине III в. н. э., почти все они открыты в Нейзацком могильнике (Стоянова, 2011, с. 124). Находки бронзовых пластин в позднескифских склепах в могильниках Левадки и Опушки, к сожалению, ограбленных, которые в целом можно датировать I в. до н. э. – I в. н. э., позволяют отнести появление диадем в крымских предгорьях ко времени не позже I в. н. э.

В отдельную группу следует выделить набор подобных пластин из Чатырдагского некрополя (Мыц и др., 2006, табл. 17, 1), находку из святилища Эклизи-Бурун (Лысенко, Мордвинцева, 2019, рис. 3, 1) и аналогичную ей пластину из склепа 18 могильника Перевальное (Пуздровский, 2007, рис. 120, 9). В отличие от рассмотренных выше экземпляров из предгорного Крыма, пластины из этих памятников имеют загнутые короткие стороны и датируются более поздним временем — в пределах III – IV вв. н. э.² Чатырдагские обоймы вызвали дискуссию об их генезисе: по мнению авторов публикации материалов некрополя, традиция носить составные головные венки была привнесена в горный Крым балтами во второй половине II – первой половине III в. н. э. (Мыц и др., 2006, с. 158), что, правда, не согласуется с находками подобных украшений в Крыму в более раннее время (Храпунов, 2011, с. 37). Отличие предгорных находок от обнаруженных на Чатырдаге А. В. Лысенко и В. И. Мордвинцева объясняют региональной спецификой в их декоре (Лысенко, Мордвинцева, 2019, с. 255). Не исключено, что особенности декора пластин и их морфологические различия обуслов-

² Рисунок пластины из склепа 18 могильника Перевальное представлен в монографии А. Е. Пуздровского (2007, рис. 120, 9), однако сам комплекс не издан. Информация о погребальном инвентаре склепа, который позволяет отнести сооружение к III – IV вв. н. э., предоставлена А. А. Труфановым, за что выражаем ему благодарность.

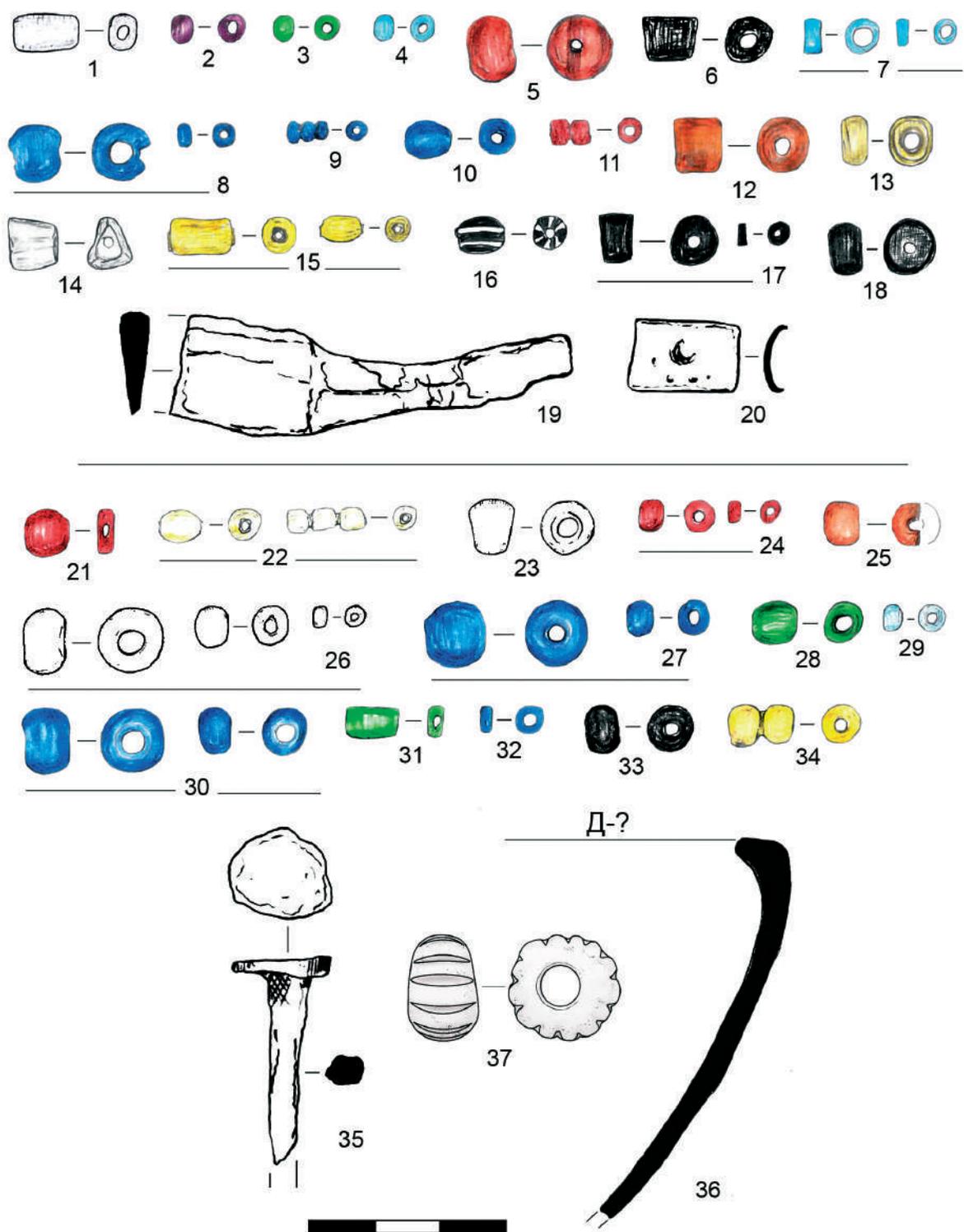

Рис. 16. Могильник Опушки. Склеп №250. Погребальный инвентарь: 1–18, 21–34, 37 — бусы, 19 — фрагмент железного ножа, 20 — бронзовая обойма, 35 — железный гвоздь, 36 — фрагмент гончарного сосуда

лены хронологически, т. е. бытовавшие до середины III в. н. э. пластины с длинными загнутыми сторонами в течение III столетия трансформировались в узкие пластины с загнутыми короткими сторонами, при этом их ареал, судя по имеющимся данным, сузился.

Очень похожие детали головных уборов получили распространение в лесной зоне Восточной Европы — в рязано-окских памятниках, раннесредневековых поволжских могильниках, в Прикамье, в культуре длинных псковских курганов, а также в балтских культурах (Михайлова, 2007; Кренке, 2011, рис. 165; Khomiakova, 2015, р. 26, fig. 9, 5, 6, 10–12). Собственно, именно с балтами некоторые исследователи и связывают появление на этих территориях головных уборов, содержащих такие ободы (Казанский, 1999, с. 407, 408). Но сходство крымских и лесных бронзовых пластин столь велико, что нельзя исключить и вариант контактов между населением обоих регионов, осуществлявшихся, скорее всего, во второй половине III в. н. э. (Храпунов, 2011, с. 37).

Перстни относятся к одному типу, они имеют пластинчатую шинку с раскованной жуковиной, к которой прикреплена вставка (рис. 20, 32–34). Вставки сохранились на двух перстнях, обе сделаны из прозрачного бесцветного стекла. У одного экземпляра вставка круглой формы, выпуклая (рис. 20, 34), у второго — плоский овальный литик (рис. 20, 32). Перстни со вставками, чаще всего сделанными из стекла и прикрепленными непосредственно к жуковине, без гнезда, представляют самую многочисленную группу перстней в варварских некрополях юго-западного Крыма, где в погребениях нередко встречаются по несколько экземпляров (Высотская, 1994, с. 114, 115; Гущина, Журавлев, 2016, с. 90; Волошинов, Мяскин, Неневоля, 2007, с. 307, рис. 8, 26–31).

На плоском литике размером 0,8х0,5 см, украшавшем один из опушкинских перст-

ней, вырезано изображение льва в профиль, с приподнятой передней лапой, грива передана короткими, отходящими от шеи, насечками (рис. 20, 32). Резьба неглубокая, плохого качества, детали слабо проработаны. Изображения на геммах львов в аналогичной позе, обращенных влево или вправо — достаточно распространенное явление, начиная с эпохи архаики вплоть до III в. н. э. (Неверов, 1983, вставка, табл. 2, №5; Неверов, 1988, с. 103, №203–206, 208; Островерхов, 2006, с. 135; Spier, 1992, р. 57, №111, № 387–389; Furtwängler, 1900, Т.1, Taf. VIII, 45, Т. 2, S. 40). Наиболее близкие опушкинскому изображения представлены на халцедоновых греческих вставках классической эпохи (Furtwängler, 1900, Т. 1, Taf. IX, 56; XI, 36, 61), сердоликовой вставке из Археологического музея в Измире (Lafli, 2012, S. 150, Res.100), стеклянной гемме I в. н. э. из коллекции Музея Гетти (Spier, 1992, р. 152, №426), литиках из Курджипского кургана (Островерхов, 2006, с. 135, рис. 1, 5) и Усть-Альминского некрополя. Последний найден в погребении II в. н. э. (Высотская, 1980, с. 101, рис. 1, 29).

Рис. 17. Могильник Опушки. Склеп №250. Погребальный инвентарь. Краснолаковая тарелка

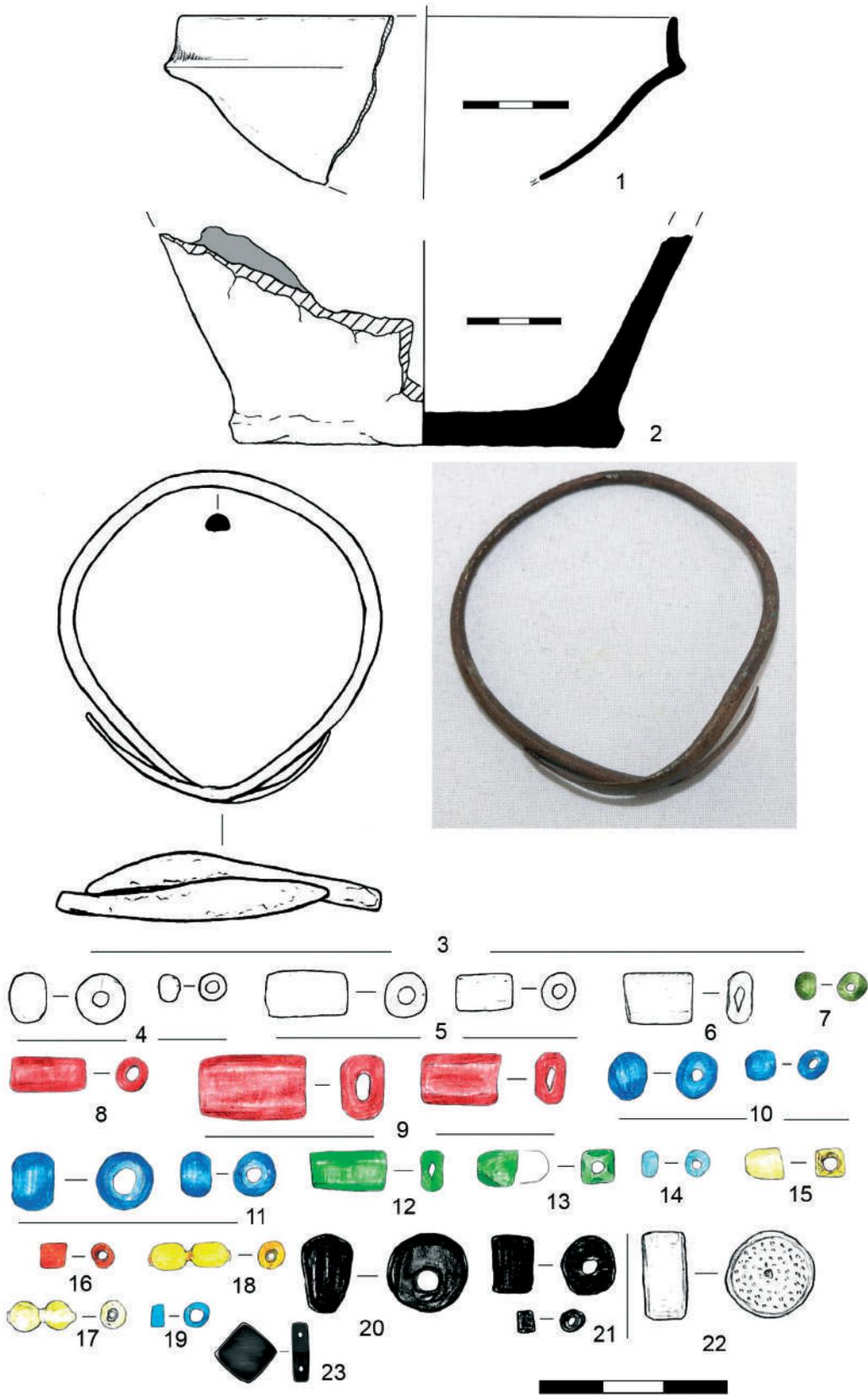

Рис. 18. Могильник Опушки. Склеп №250. Погребальный инвентарь: 1 — фрагмент краснолаковой миски, 2 — фрагмент лепного сосуда, 3 — бронзовый браслет, 4 — 21, 23 — бусы, 22 — предмет из кости

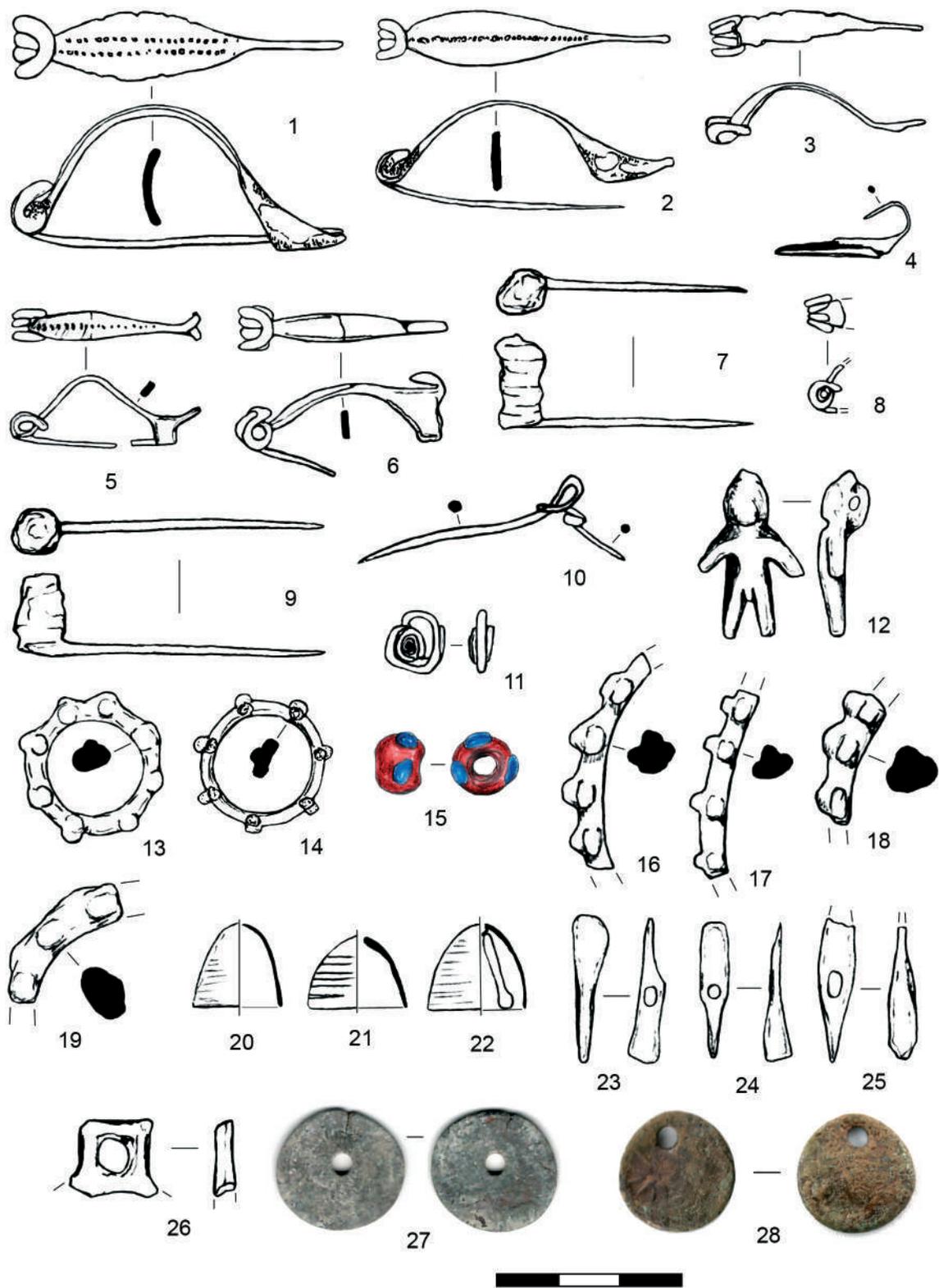

Рис. 19. Могильник Опушки. Склеп №250. Погребальный инвентарь: 1–3, 5, 6 — бронзовые фибулы, 4, 7–11 — фрагменты фибул, 12 — бронзовая антропоморфная подвеска, 13, 14, 16–19 — бронзовые кольца с «шишечками» и их фрагменты, 15 — стеклянная бусина, 20–22 — бронзовые колокольчики, 23–25 — бронзовые топориковидные подвески, 26 — фрагмент бронзового зеркала, 27, 28 — монеты

На некоторых геммах, так же как и в опушкинском образце, лев изображен стоящим на горизонтальной черте. А. Фуртвенглер в описании экземпляра из берлинской коллекции интерпретировал сюжет как лев, ломающий копье (Furtwängler, 1900, T.2, S. 219, №27). А. С. Островерхов предположил, что часть стеклянных гемм с изображением льва, обнаруженных в северопричерноморских памятниках VI – IV вв. до н. э., является продукцией местных мастерских (Островерхов, 2006, с. 135). Не исключено, что с местным производством связано и большинство стеклянных гемм первых веков н. э., украшенных разнообразными сюжетами (Неверов, 2016, с. 200).

Подвески. Антропоморфная литая из бронзы с петелькой на оборотной стороне. Размеры 2,7x1,8 см (рис. 19, 12; 27, 18). Соответствует типу 19а по Е. М. Алексеевой. Исследовательница датировала эту группу украшений I в. до н. э. – III в. н. э. (Алексеева, 1982, с. 24, 25). А. А. Труфанов внес коррективы в предложенную датировку, подняв нижнюю хронологическую границу существования подвесок до последней трети I в. н. э. По его наблюдениям, большинство содержащих их комплексов относится ко II в. н. э., и только два — к первой половине III в. н. э. (Труфанов, 2011, с. 232). С погребениями II в. н. э. связаны все изделия, найденные в Нейзацком могильнике (Храпунов, 2011, с. 40; Стоянова, 2016, с. 134). Подавляющее большинство литых антропоморфных подвесок сосредоточено в могильниках предгорного Крыма, только девять подвесок найдены на Боспоре (Труфанов, 2011, табл. 1) и три на Южном берегу (Новиченкова, 2002, с. 137). Все изделия выполнены в одной технике и лишь в деталях отличаются друг от друга. По мнению Е. М. Алексеевой, в римское время в юго-западном Крыму существовало производство разнообразных бронзовых амулетов, в том числе антропоморфных (Алексеева, 1982, с. 22–23).

Подвески бронзовые в виде двулезвийного топорика (рис. 19, 23–25; 27, 21–23). Лезвия расположены в двух плоскостях, перпендикулярных друг другу, канал отверстия — в центре. Длина 2,2–2,3 см. Аналогичные изделия известны в Херсонесе и большинстве могильников предгорного Крыма (Богданова, 1989, табл. XV, 7; Высотская, 1994, с. 177, табл. 32, 42, 45; Волошинов, Масыкин, 2007, с. 291, 292, 294, рис. 3, 5; Зубарь, 1982, рис. 68, 3–5, 7; Мульд, Масыкин, 2003, рис. 7, 34–36; Труфанов, 2004, рис. 1, 5; Стржелецкий и др., 2005, с. 180, рис. 35, 21, 22; Храпунов, Масыкин, Мульд, 1997, с. 99, рис. 20, 4). В могильнике Опушки три идентичные подвески найдены в позднескифском грунтовом склепе №42 (Храпунов, Мульд, Стоянова, 2009, с. 18). Время бытования таких изделий в крымских предгорьях относится к концу I в. до н. э. – середине II в. н. э. (Стоянова, 2005, с. 47–49).

Подвеска усеченно-пирамидальной формы из прозрачного синего стекла. Длина 1,7 см (рис. 22, 30). Соответствуют типу 113 по Е. М. Алексеевой (1978, с. 69). Период массового распространения таких подвесок приходится на IV – III вв. до н. э. В это время они встречаются на обширной территории от Волги до Дуная, в том числе в скифских и таврских памятниках Крыма, иногда целыми наборами (Яковенко, Черненко, Корпусова, 1970, с. 146, рис. 5, 8; Алексеева, 1978, с. 69, типы 112–115; Островерхов, 1985, с. 98; Скрипкин, 1990, с. 77, рис. 25, 89, 90; Колотухин, 2000, рис. 9, 4; 13, 6; 15, 7; 18, 5; Ольховский, 2004, с. 96, рис. 9, 18–22; Колтухов, Сенаторов, 2015, с. 72, рис. 4, 13). Многочисленность и широкий ареал находок позволили А. С. Островерхову высказать мнение об их местном, северопричерноморском, производстве (Островерхов, 1985, с. 98, 99). Со II в. до н. э. количество пирамидальных подвесок резко сокращается. Несколько экземпляров обнаружены в захоронениях

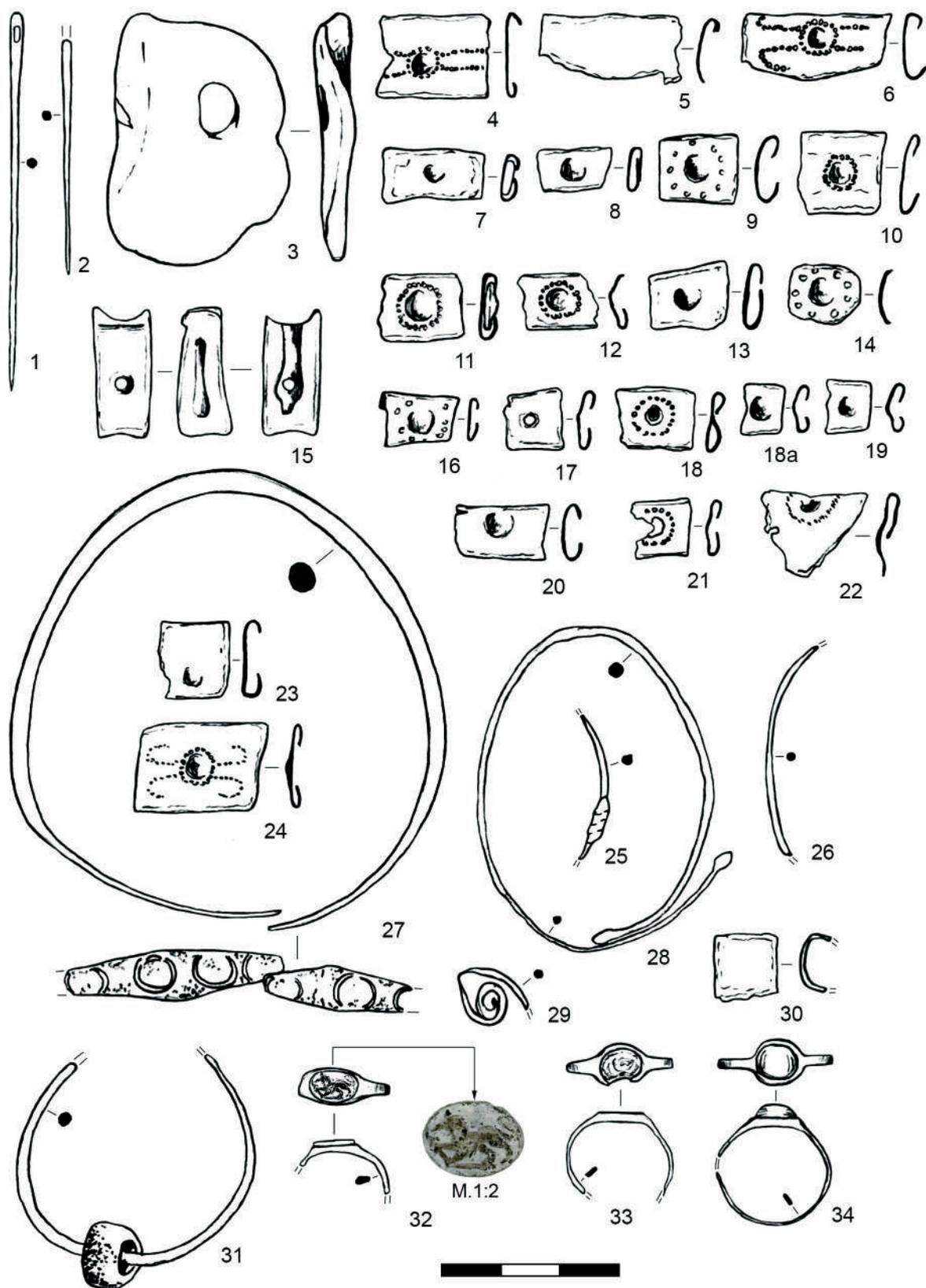

Рис. 20. Могильник Опушки. Склеп №250. Погребальный инвентарь: 1, 2 — бронзовые иглы, 3 — предмет из бронзы, 4–14, 16–24 — бронзовые детали от головных уборов, 15 — бронзовый предмет, 25–28, 31 — бронзовые браслеты, 29, 30 — бронзовые предметы, 32–34 — перстни

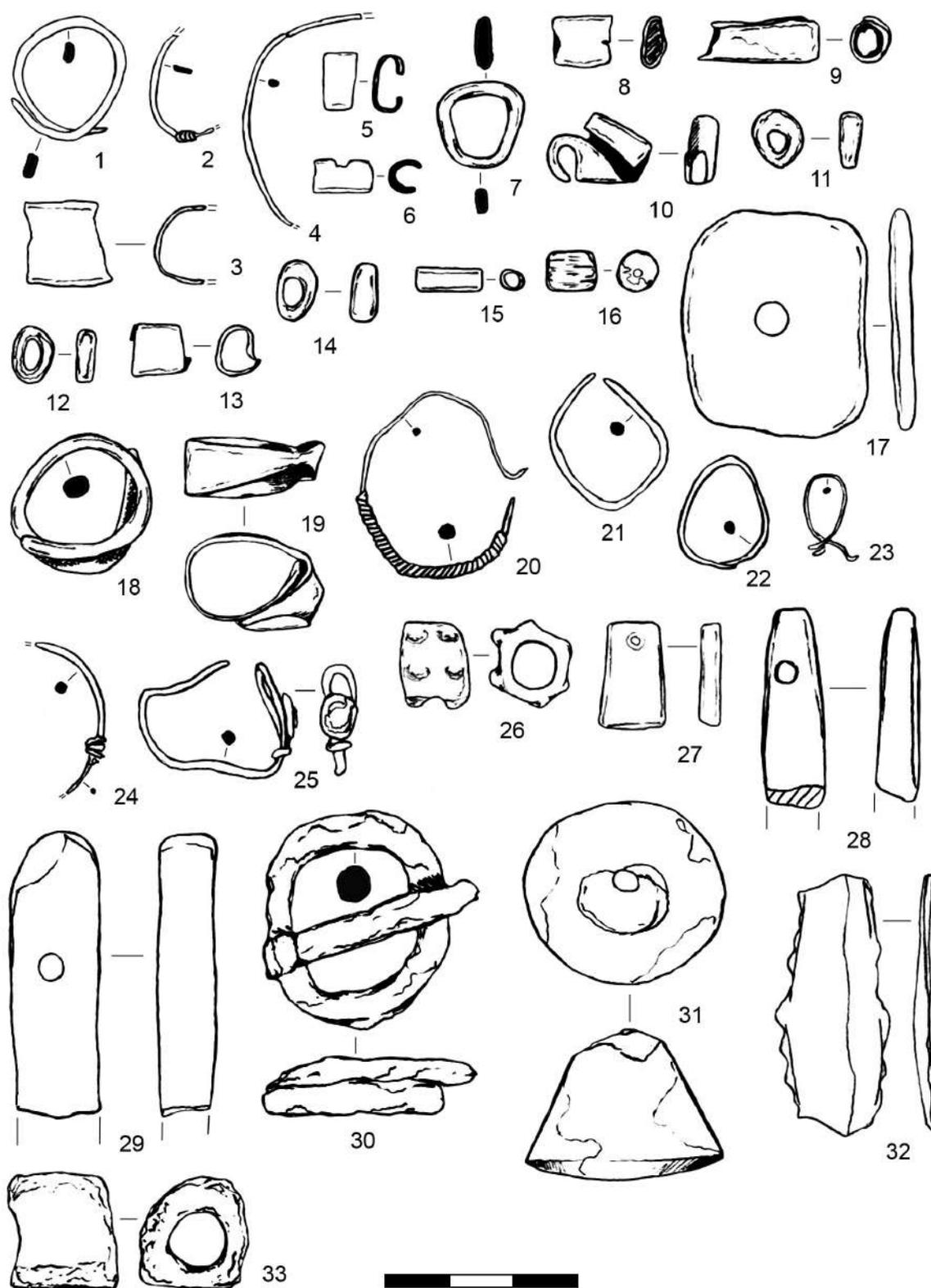

Рис. 21. Могильник Опушки. Склеп №250. Погребальный инвентарь: 1, 7, 18, 19 — бронзовые кольца, 2, 4, 20–25 — бронзовые серьги, 3, 5, 6, 8–15, 26 — бронзовые предметы, 16 — стеклянная бусина, 17 — подвеска из камня, 27–29 — каменные оселки, 30 — железная пряжка, 31 — глиняное пряслице, 32 — кремневая пластина, 33 — бронзовая пронизь

конца II – начала I в. до н. э. Беляусского могильника (Дашевская, 2014, с. 15, 16, табл. 15, 7; 16, 7). В крымских комплексах раннеримского времени они неизвестны, хотя встречаются в синхронных памятниках за пределами полуострова (Алексеева, 1978, с. 69, тип 112; Ильюков, Власкин, 1992, с. 100, рис. 25, 32). Незначительное количество усеченно-пирамидальных подвесок зафиксировано в погребениях конца II – IV вв. н. э. из могильников Нейзац, Курское и Совхоз 10 (Алексеева, 1978, с. 69, тип 113; Труфанов, Колтухов, 2001–2002, с. 288; Стоянова, 2016, с. 123), два экземпляра обнаружены в ареале черняховской культуры (Гопкало, 2008, с. 43, табл. IV, 8).

Подвески из египетского фаянса представлены двумя формами — в виде сдвоенных цилиндров бирюзового и фиолетового цвета (2 экз., рис. 22, 41) и в виде виноградной грозди бирюзового цвета (1 экз., рис. 22, 42). Подвески в виде сдвоенных цилиндров соответствуют типам 84 и 86 Е. М. Алексеевой в зависимости от цвета фаянса, в виде виноградной грозди — типу 76а (Алексеева, 1975, с. 45, 47). Характер распространения фаянсовых подвесок в предгорном Крыму полностью подтверждает наблюдения Е. М. Алексеевой, сделанные на основании изучения находок в античных памятниках (Алексеева, 1975, с. 30). Подавляющее большинство экземпляров происходит из комплексов второй половины I в. до н. э. – II в. н. э., причем особая их концентрация отмечена в погребениях I в. н. э. (Корпусова, 1983, с. 70; Высотская, 1994, с. 127, табл. 4; Стоянова, 2012, с. 74, 75). В указанный период некоторые типы фаянсовых амулетов распространяются на широкой территории от Волги до Дуная.

Колокольчики (рис. 19, 20–22). Три однотипных бронзовых колокольчика усеченно-конической формы, с отверстием в верхней части, находят многочисленные аналогии в комплексах первых веков н. э. По данным А. А. Труфанова, такие колокольчики массово распространяются со второй полови-

ны I в. н. э., в материалах I в. до н. э. – первой половины I в. н. э. они практически не встречаются (Труфанов, 2005–2009, с. 235). По нашим наблюдениям, в позднескифских склепах такие вещи действительно присутствуют довольно редко. Например, в склепе №42 из могильника Опушки не было найдено ни одного колокольчика (Храпунов, Мульд, Стоянова, 2009), также как и в склепах Кольчугинского некрополя и могильника Кара-Тобе (Храпунов, Масыкин, Мульд, 1997; Внуков, Лагутин, 2001). Единичные находки полусферических колокольчиков обнаружены в погребениях II – I вв. до н. э. Беляусского некрополя (Дашевская, 2014, с. 14–16, 19, 20, табл. 14, 16; 27, 11; 38, 23; 64, 1), по несколько экземпляров в склепах из Усть-Альминского и Неапольского могильников и могильника Левадки (Высотская, 1994, табл. 14–16, 24–27, 39, 40; Сымонович, 1983, с. 98; Пуздровский, 2003, с. 126, 129; Мульд, Масыкин, 2003, с. 11, рис. 6, 10–14). Значительно чаще колокольчики находят в индивидуальных женских и детских погребениях I – II вв. н. э. и, особенно, в комплексах второй половины II – первой половины III вв. н. э. (Высотская, 1994, с. 128; Сымонович, 1983, с. 98; Труфанов, 2005–2009, с. 235; Стоянова, 2016, с. 141, тип 34а).

Бронзовый литой предмет подквадратной в сечении формы, с отверстием в центре (рис. 20, 15; 28, 1). Размеры 2,0х0,9 см, торцы заглажены, но имеют следы слома. С двух сторон на предмете расположены углубления, придающие изделию сходство с литой формой. Возможно, это фрагмент какого-то более крупного артефакта, которому незначительной обработкой и сверлением отверстия придали форму астрагала и использовали вторично в виде подвески. В Крыму встречаются пронизи в виде астрагалов из разных материалов. В Пантикапее, например, халцедоновый астрагал найден в погребении II в. н. э. (Алексеева, 1982, с. 14, тип 26), в Херсонесе аналогичная пронизь, сделанная из меловой породы, обна-

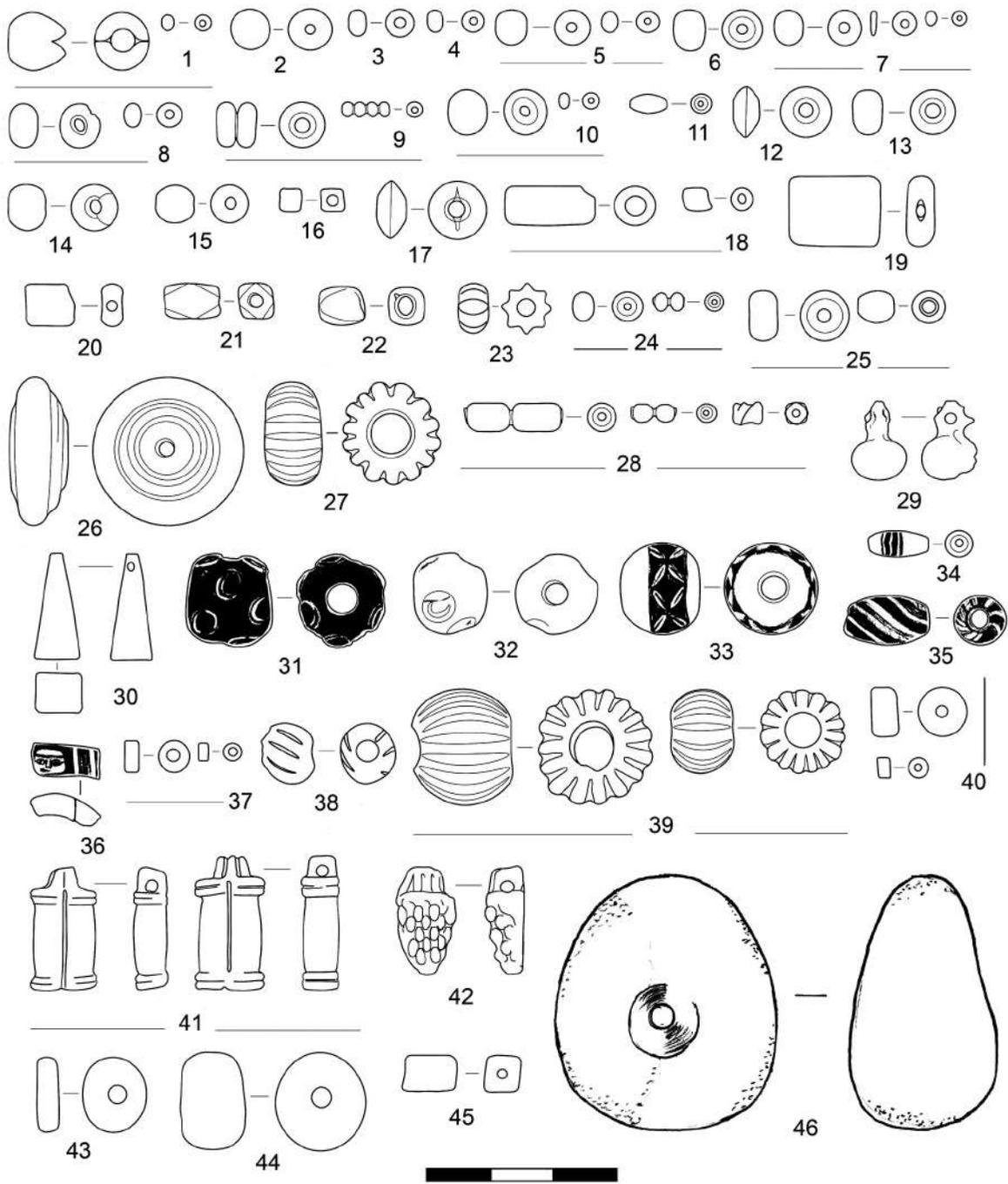

Рис. 22. Могильник Опушки. Склеп №250. Погребальный инвентарь. Бусы и подвески

Рис. 23. Могильник Опушки. Склеп №250. Погребальный инвентарь. Бусы и подвески

ружена среди инвентаря склепа первых веков н. э. (Алексеева, 1982, с. 30, тип 13), в боспорских комплексах I в. до н. э. – I в. н. э. известны аналогичные пронизи из одноцветного стекла (Алексеева, 1978, с. 74, тип 197). Чаще всего похожие на астрагалы пронизи делали из гагата. По данным Е. М. Алексеевой, они сосредоточены в погребениях I – II вв. н. э. (Алексеева, 1978, с. 19, тип. 104).

Бусы. Коллекция бус из склепа №250 представлена 4368 экземплярами 91 типа. Бусы сделаны из стекла, египетского фаянса, гагата, янтаря, камня, глины, кости. 27 выделенных типов бус (почти 30%) не имеют соответствия в типологии Е. М. Алексеевой (табл. 1).

Наиболее многочисленной категорией являются бусы из египетского фаянса и гагата (табл. 2), причем среди бус из этих материалов доминируют короткоцилиндрические пронизи типов 9 (фаянс) и 27а (гагат) по Е. М. Алексеевой, которые составляют, соответственно, 99,5% и 97% от всех обнаруженных бус из этих материалов и, в сумме, 70% от общего числа бус, найденных в склепе.

Е. М. Алексеева на основании материалов из античных городов и памятников их ближайшей округи отмечает, что наибольшее количество комплексов с фаянсовым бисером типа 9 относится к I – II вв. н. э., причем иногда в это время количество пронизей в одном погребении достигает нескольких сотен экземпляров. Примечательно, что в основном бусы этого типа зафиксированы на Боспоре, в Херсонесе и его округе они представлены единичными экземплярами (Алексеева, 1975, с. 32). В предгорном Крыму фаянсовый бисер распространяется с рубежа эр, но в погребениях раннеримского времени наборы такого бисера немногочисленны. Сопоставимый с публикуемым по количеству набор короткоцилиндрических фаянсовых пронизей зафиксирован в склепе №10 Кольчугинского некрополя, в кото-

ром в течение второй половины I в. до н. э. – I в. н. э. совершили 16 захоронений (Храпунов, Масякин, Мульд, 1997, с. 85, 87, 124). Основная же масса короткоцилиндрических фаянсовых бус из варварских памятников полуострова связана с погребениями второй половины II – первой половины III в. н. э., где количество пронизей в индивидуальных погребениях иногда достигает двух тысяч экземпляров (Стоянова, 2006, с. 8; 2011, с. 118, 119).

Подобная картина наблюдается и с распространением гагатовых пронизей-цилиндриков типа 27а. В предгорных крымских могильниках они часто сопровождают погребения в позднескифских склепах, но крайне редко для раннеримского времени отмечаются крупные наборы таких изделий. Несколько сотен бус этого типа найдено в склепе №20 из могильника Левадки (Мульд, Масякин, 2003, табл. 1, с. 20), более скромные наборы, насчитывающие около сотни экземпляров, зафиксированы в некоторых склепах Кольчугинского и Опушкинского некрополей (Храпунов, Масякин, Мульд, 1997, с. 117, 118; Храпунов, Мульд, Стоянова, 2009, с. 26). В то же время гагатовые пронизи присутствуют во многих индивидуальных погребениях в грунтовых и подбойных могилах, образуя основу небольших ожерелий, реже — обшивку рукавов платья или браслеты. Бусы именно этого типа существенно преобладают над изделиями из гагата других типов во многих памятниках — в могильнике Бельбек IV они составляют 94% гагатовых изделий, в могильнике Нейзац — 92%, Кольчугино — 97%, Левадки — 78%, Фонтаны — 76% (Храпунов, Масякин, Мульд, 1997, с. 117, тип 105, с. 119; Храпунов, Стоянова, Мульд, 2001, с. 156, 157; Стоянова, 2004, с. 289, табл. 1; Стоянова, 2008, с. 22; Стоярова, 2016, с. 206, табл. 7). Особенно многочисленны гагатовые наборы в погребениях второй половины II – первой половины III в. н. э.

Табл. 1. Типы бус из склепа №250

№ пп	Описание типа бус	Место находки и количество ¹			Размер, мм	Тип ²	Дата	Рисунок
		К	ВЯ	ГШ				
ОДНОЦВЕТНОЕ СТЕКЛО								
1	Шаровидные поперечно сжатые красные, стекло глухое	10	4	2	3-5x3-4x3-5	3	I – III вв. н. э.	16, 11, 24; 22, 5
2	Шаровидные поперечно сжатые черные, стекло глухое	11	1	1	4-7x3-5x4-7	1	II – III вв. н. э.	16, 2, 33; 22, 2
3	Шаровидные поперечно сжатые белые, стекло глухое	112	30	-	3-10x2-14x3-10	2	I – II вв. н. э.	16, 26; 18, 4; 22, 1
4	Шаровидные лиловые, стекло прозрачное	7	-	-	4x3x4	4	III в. до н. э. – III в. н. э.	22, 3
5	Шаровидные поперечно сжатые зеленые, стекло прозрачное	30	3	1	4-6x3-4x4-6	8	III в. до н. э. – IV в. н. э.	16, 3, 28; 18, 7; 22, 7
6	Шаровидные поперечно сжатые бирюзовые, стекло глухое	12	-	1	4-7x3-5x4-7	13	II – III вв. н. э.	16, 4; 22, 8
7	Шаровидные поперечно сжатые сине-зеленые, стекло прозрачное	1	-	-	7x5x7	-	-	22, 13
8	Шаровидные поперечно сжатые синие, стекло прозрачное	112	48	2	3-10x3-9x3-10	15	I – II вв. н. э.	16, 8, 27; 18, 10; 22, 10; 23, 19, 31
9	Шаровидные поперечно сжатые голубые, стекло прозрачное	-	8	-	3-4x2-3x3-4	-	-	16, 29; 18, 14
10	Шаровидные желтые, стекло глухое	23	-	-	3x2x3	5	Первые века н. э.	22, 4
11	Шаровидные поперечно сжатые оранжевые, стекло глухое	-	1	-	6x6x6	7	I – II вв. н. э.	16, 25
12	Шаровидные бесцветные, стекло прозрачное	7	-	-	4-7x3-5x4-7	17	I – II вв. н. э.	22, 14
13	Уплощенные пронизи синие, стекла прозрачное	46	1	3	4-7x2-4x4-7	-	-	16, 9, 32; 22, 9; 23, 30
14	Бочковидные продольно вытянутые черные, стекло глухое	1	-	-	6x11x6	19	I – II вв. н. э.	23, 5
15	Бочковидные продольно вытянутые красные, стекло глухое	1	-	-	6x10x6	22	I – II вв. н. э.	23, 11

¹ К — камера, ВЯ — входная яма, ГШ — грабительский шурф.

² Типы бус и их датировка определены в соответствии с классификацией Е. М. Алексеевой (1975; 1978; 1982). Указан период наибольшего распространения бус конкретного типа.

16	Бочковидные поперечно сжатые белые, стекло глухое	10	2	-	5-8x3-5x5-8	21	Первые века н. э.	16, 23; 23, 2
17	Бочковидные продольно вытянутые желтые, стекло глухое	1	-	-	6x9x6	-	-	23, 14
18	Бочковидные оранжевые, стекло глухое	6	-	-	5-6x3-5x5-6	24	I в. н. э.	22, 15
19	Бочковидные поперечно сжатые синие, стекло прозрачное	4	11	-	7-10x5-7x7-10	-	-	16, 30; 18, 11; 22, 6
20	Бочковидные продольно вытянутые синие, стекло прозрачное	4	-	1	3-5x5-7x3-5	-	-	16, 10; 22, 11
21	Бочковидные поперечно сжатые бесцветные, стекло прозрачное	1			5x7x5	-	-	23, 12
22	Яйцевидные синие, стекло прозрачное	1	-	-	6x6x6	42	Конец I – нач. II в. н. э.	23, 16
23	Цилиндрические белые, стекло глухое	44	13	2	6-7x10-15x6-7	55	I – III вв. н. э.	16, 1; 18, 5; 22, 18
24	Цилиндрические красные, стекло глухое	5	2	1	5-7x12-13x5-7	57	Первые века н. э.	18, 8; 23, 8
25	Цилиндрические оранжевые, стекла глухое	6	2	1	4-7x4-9x4-7	62	I – II вв. н. э.	16, 12; 18, 16; 23, 7
26	Цилиндрические зеленые, стекло прозрачное	11	-	-	4-8x6-12x4-8	63	I – II вв. н. э.	23, 10
27	Цилиндрические бирюзовые, стекло глухое	1	-	-	6x11x6	66	I – III вв. н. э.	23, 13
28	Короткоцилиндрические голубые, стекло глухое	1	-	-	5x4x5	-	-	23, 4
29	Усеченно-коническая поперечно сжатая зеленая, стекло прозрачная, сделана из широкого жгута	1	-	-	23x9x23	-	-	22, 26
30	Усеченно-конические продольно вытянутые бесцветные, стекло прозрачное	5	-	-	6-8x7-11x6-8	-	-	23, 15
31	Усеченно-биконические поперечно сжатые лиловые, стекло прозрачное	4	-	-	7-8x4x7-8	98	II – III вв. н. э.	23, 9
32	Усеченно-биконические поперечно сжатые синие, стекло прозрачное	3	-	-	7x6x7	100	II – III вв. н. э.	22, 12

33	Усеченно-биконические бесцветные, стекло прозрачное	4	-	-	10x5x10	102	III – I вв. до н. э.	22, 17
34	Треугольная в поперечном сечении, удлиненная, стекло прозрачное бесцветное	-	-	1	8x8x6	-	-	16, 14
35	Призматические белые, стекло глухое	9	5	-	8-9x11-15x5-6	116	I – IV вв. н. э.	18, 6; 23, 1
36	Призматические красные, стекло глухое	15	7	-	8-10x11-18x5-6	117	II – IV вв. н. э.	18, 9; 22, 19; 26, 10
37	Призматические зеленые, стекло прозрачное	19	7	-	5-7x6-13x3-4	120	II – IV вв. н. э.	16, 31; 18, 12; 22, 24; 23, 6
38	Призматическая синяя, стекло прозрачное	-	-	1	5x8x5	-	-	26, 11
39	В виде плоского диска красные, стекло глухое	-	1	-	7x6x3	71	I – IV вв. н. э.	16, 21
40	14-гранные белые, стекло глухое	2	-	-	6x9x6	126	I – II вв. н. э.	22, 21
41	14-гранные зеленые, стекло прозрачное	1	1	-	6x6x6	131	II – IV вв. н. э.	18, 13; 23, 41
42	14-гранные серо-голубые, стекло прозрачное	1	-	-	6x8x6	-	-	22, 22
43	В форме параллелепипеда желтые, стекло глухое	-	2	-	4x4x4	-	-	18, 15
44	В форме параллелепипеда красные, стекло глухое	1	-	-	4x4x4	104	II – III вв. н. э.	22, 16
45	Бисер из синего стекла, стекло прозрачное	52	-	-	3-4x2-3x3-4	166	II – I вв. до н. э., II – III вв. н. э.	16, 32
46	Шаровидная с ребристой поверхностью белые, стекло глухое	1	1	-	16x9-11x16	142	I – II вв. н. э.	16, 37; 22, 27
47	Бочковидная с ребристой поверхностью синяя, стекло прозрачное	1	-	-	8x6x8	149	I в. н. э.	23, 17
48	Бочковидные продольно вытянутые с гладкими валиками по краям зеленые, стекло глухое	5	-	-	3-5x10-13x3-5	-	-	23, 22
49	Бочковидные продольно вытянутые с гладкими валиками по краям сине-зеленые, стекло глухое	2	-	-	5x11x5	-	-	23, 21
50	Иризированное стекло	28	-	2		-	-	16, 6
	Всего из одноцветного стекла	622	150	19				

МНОГОЦВЕТНОЕ СТЕКЛО								
51	Бочковидная продольно вытянутая из темно-лилового стекла, украшенная шестью продольными нитями из глухого белого стекла	-	-	1	5x7x5	1906	II в. до н. э. – II в. н. э.	16, 16
52	Шаровидная поперечно сжатая из глухого красного стекла, с тремя рельефными накладными пятнышками из глухого синего стекла	1	-	-	10x8x10	-	-	19, 15
53	Неопределимой формы из прозрачного синего стекла с пятнышками из глухого желтого стекла фр-т	1	-	-	21x11	-	-	23, 40
54	Шаровидная поперечно сжатая из глухого красного стекла. Украшена тремя накладными глазками, в которых центральный диск из прозрачного темно-синего стекла окружен двумя кольцами из глухого белого стекла и одним кольцом из прозрачного темно-синего стекла	1	-	-	7x5x7	27г	II в. до н. э. – I в. н. э.	23, 32
55	Шаровидная поперечно сжатая из глухого синего стекла, украшена тремя глазками, в которых центральный диск из синего стекла окружен двумя кольцами из белого стекла и одним кольцом из синего стекла	1	-	-	7x6x7	33т	IV в. до н. э. – II в. н. э.	23, 27
56	Шаровидная поперечно сжатая из глухого красного стекла, украшенная тремя накладными рельефными глазками, в которых центральный диск из синего стекла окружен кольцом из глухого желтого стекла	1	-	-	10x8x10	27п	-	23, 29
57	Бочковидная поперечно сжатая из глухого зеленого стекла, украшенная четырьмя глазками, в которых центральный диск из синего стекла окружен кольцом из глухого белого стекла	1	-	-	8x10x8	-	-	23, 33

58	Бочковидная из глухого синего стекла, украшена девятью накладными глазками, в которых центральный диск из синего стекла окружен одним кольцом из глухого белого стекла	1	-	-	14x12x14	78a	-	23, 24
59	Бочковидная из полупрозрачного темно-синего стекла, с девятью рельефными глазками, в которых центральный синий диск окружен одним синим и двумя белыми кольцами	1	-	-	15x14x15	-	-	22, 31
60	Шаровидная серо-голубая, с четырьмя глазками, глаза утрачены	1	-	-	13x12x13	-		22, 32
61	Бочковидная продольно вытянутая из прозрачного желтого стекла. Украшена поперечными нитями из белого и синего стекла	1	-	-	4x9x4	165	-	22, 34
62	Бочковидная продольно вытянутая, украшена спиралевидным, продольно расположенным орнаментом из чередующихся полос из глухого зеленого, белого, синего, желтого стекла и прозрачного стекла с внутренней металлической прокладкой желтого цвета	1	-	-	8x13x8	249	I в. до н. э. – III в. н. э.	22, 35
63	Шаровидная поперечно сжатая из глухого голубого стекла. Украшена поперечным, расположенным в центральной части поясом из глухого темно-синего стекла, на которое нанесены четырехлистники из глухого желтого стекла	1	-	-	14x12x14	406	I в. н. э.	22, 33
64	Шаровидной (?), украшенной орнаментом в виде человеческого лица, фрагмент	1	-	-	6x10	?	-	22, 36
65	Уплощенная из глухого синего стекла, украшена тремя кольчатыми глазками, в которых центральный диск цвета ядра окружен кольцом из глухого белого стекла	1	-	-	10x7x10	33a	IV в. до н. э. – I в. н. э.	23, 30
	Всего из многоцветного стекла	14	0	1				

СТЕКЛО С ВНУТРЕННЕЙ МЕТАЛЛИЧЕСКОЙ ПРОКЛАДКОЙ								
66	Шаровидные	42	5	1	3-5x3-4x3-5	16	Первые века н. э.	16, 34; 18, 17; 22, 24
67	Бочковидные продольно вытянутые	227	6	6	3-6x5-11x3-6	26	Первые века н. э.	16, 15, 22; 18, 18; 22, 28
68	Бочковидные поперечно сжатые	14	-	-	5-8x4-6x5-8	3	I – II вв. н. э.	16, 13; 22, 25
69	Цилиндрические	1	-	-	3x12x3	4	I – II вв. н. э.	23, 43
70	Цилиндрические с тремя рядами бугорков	1	-	-	6x12x6	20	II в. н. э.	23, 34
71	Бочковидная с ребристой поверхностью	1	-	-	7x5x7	10	I в. до н. э. – I в. н. э.	22, 23
	Всего из стекла с внутренней металлической прокладкой	286	11	7				
ЕГИПЕТСКИЙ ФАЯНС								
72	Шаровидные поперечно сжатые	1	-	-	10x8x10	3г	I – II вв. н. э.	23, 23
73	Усечено-биконические	2	-	-	6-8x4x6-8	11	I – II вв. н. э.	23, 38
74	Короткоцилиндрический бисер	1886	2	54	2-5x2-4x2-5	9	I – II вв. н. э.	16, 7; 18, 19; 22, 37
75	Шаровидные с ребристой поверхностью	8	-	-	10-18x9-15x10-18	16	I – III вв. н. э.	22, 38, 39
	Всего из египетского фаянса	1897	2	54				
ГАГАТ								
76	Короткоцилиндрические	1102	3	39	4-9x2-6x4-9	27а	I – III вв. н. э.	16, 17; 18, 21; 22, 40, 43; 24, 1
77	Бочковидные поперечно сжатые	18	1	1	8-18x5-14x8-18	9а	Римское время	16, 18; 18, 20; 22, 44
78	Уплощенные пронизи	5	-	-	4-16x5-10x4-16	-	-	23, 35
79	14-гранные	7	-	-	6-8x9-12x6-8	61	I – III вв. н. э.	22, 45
80	Веретенovidная	1	-	-	4x8x4	25	II в. н. э.	23, 18
81	В форме параллелепипеда	1	-	-	12x15x12	42	I – II вв. н. э.	23, 26
82	Ромбовидные с двумя параллельными каналами отверстий	-	4	-	7x3x7	37	I – II н. э.	18, 23
	Всего из гагата	1134	8	40				

ЯНТАРЬ								
83	Уплощенные неправильной формы	8	-	-	8-13x9-15x5-7	44	I – II вв. н. э.	24, 5
84	Короткоцилиндрические	2	-	-	5x5-6x5	7	II – III вв. н. э.	23, 42
	Всего из янтаря	10	0	0				
КАМЕНЬ								
85	Шаровидные, с узким каналом отверстия из сердолика	99	-	2	6-17x3-12x6-17	2а	I – II вв. н. э.	16, 5; 24, 2
86	Бочковидные продольно вытянутые, с узким каналом отверстия из сердолика	6	-	-	5-7x6-11x5-7	3б	Римское время	24, 3
87	Бочковидная продольно вытянутая из камня светло-розового цвета, камень непрозрачный	2	-	-	7x11x7; 23x25x13	-	-	24, 4; 23, 28
88	Бочковидная продольно вытянутая из камня (сердолик? халцедон?). Часть бусины - красного цвета, часть - дымчатого. Камень полупрозрачный	1	-	-	8x9x8	-	-	23, 36
89	Шаровидная поперечно сжатая из непрозрачного камня белого цвета без прожилок	1	-	-	5x8x5	-	-	23, 37
	Всего из камня	109	0	2				
90	Цилиндрическая из кости	1	-	-	10x21x10	4	-	23, 20
91	Уплощенная из глины	1	-	-	13x17x3	-	-	23, 46
	ВСЕГО БУС:	4074	171	123				

Табл. 2. Количественная характеристика бус по материалу

Материал	Кол-во бус	%
Египетский фаянс	1953	44,70
Гагат	1182	27,04
Одноцветное стекло	791	18,11
Стекло с внутренней металлической прокладкой	304	6,96
Камень	111	2,55
Многоцветное стекло	15	0,35
Янтарь	10	0,23
Глина	1	0,03
Кость	1	0,03
ВСЕГО	4368	100

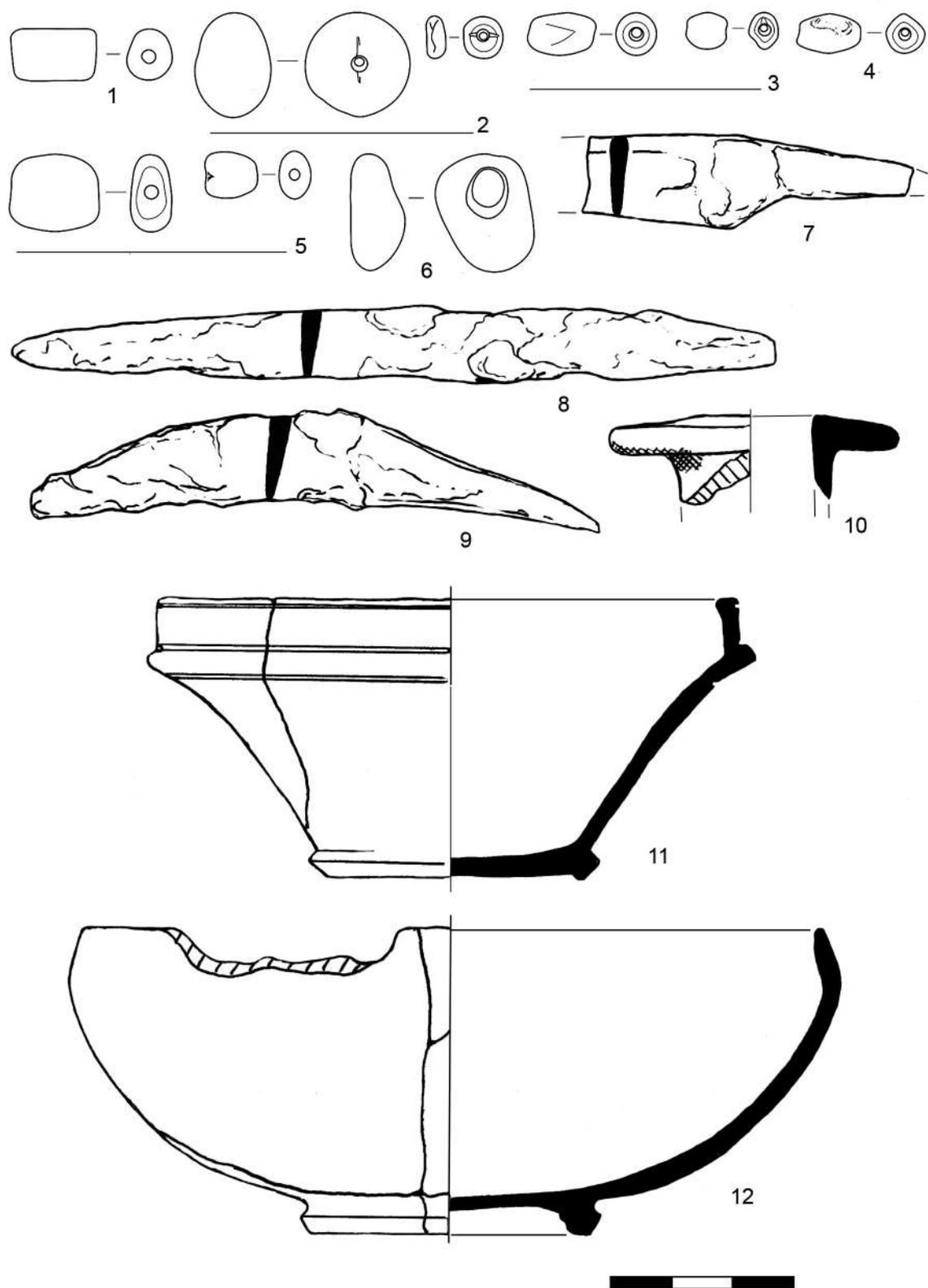

Рис. 24. Могильник Опушки. Склеп №250. Погребальный инвентарь: 1-5 —бусы, 6 — подвеска из камня, 7-9 — железные ножи, 10 — фрагмент стеклянного сосуда, 11, 12 — фрагменты краснолаковых сосудов

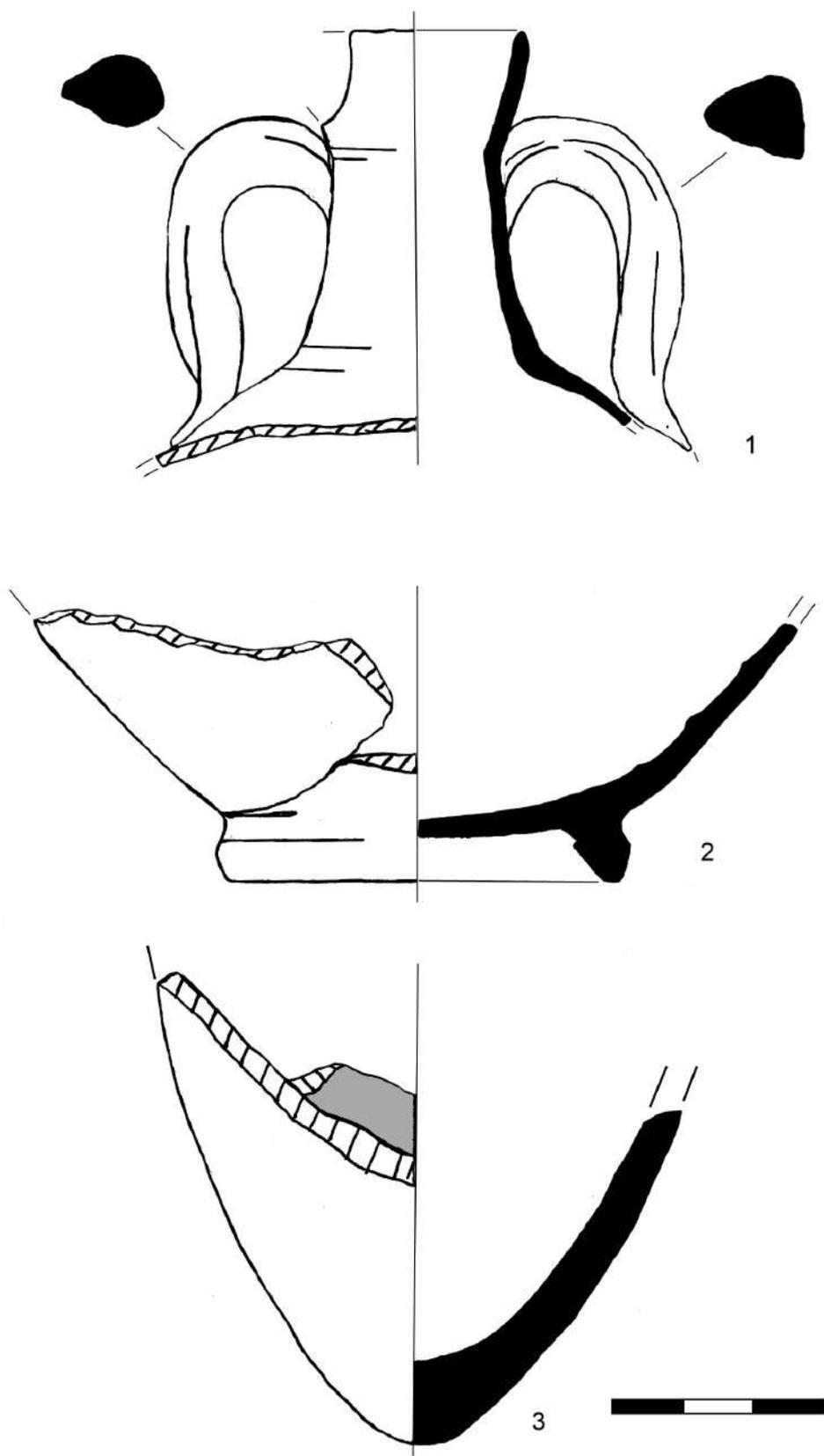

Рис. 25. Могильник Опушки. Склеп №250. Погребальный инвентарь:
 1, 2 — фрагменты гончарных сосудов, 3 — фрагмент лепного сосуда

Среди одноцветных стеклянных преобладают округлые бусы белого и синего цвета. Хронологический диапазон этих бус достаточно широк, в крымских предгорьях они сосредоточены, преимущественно, в погребениях I – первой половины III вв. н. э. Во второй половине II – первой половине III вв. н. э. такие бусы в сочетании с округлыми пронизьями из стекла с внутренней металлической прокладкой составляют устойчивые комбинации в индивидуальных наборах, которые чаще всего фиксируются на груди умерших (Стоянова, 2011, с. 119). Именно такой набор, дополненный единичными бусами из стекла других типов, зафиксирован, вероятно *in situ*, на месте черепа погребенного во входной яме публикуемого склепа — очевидно, самого последнего из захороненных в склепе.

Бусы из полихромного стекла немногочисленны — всего 14 экземпляров. Типы представлены единичными экземплярами. По сравнению с грунтовыми позднескифскими склепами раннеримского времени, коллекция полихромных бус из склепа №250 немногочисленна. Так, в склепе №42 из Опушкинского могильника бусы с орнаментом представлены 130 экземплярами (Храпунов, Мульд, Стоянова, 2009, с. 20–25), в склепе №20 из могильника Левадки — 78 экземплярами (Мульд, Масыкин, 2003, табл. 1), в Кольчугинском могильнике только 4 орнаментированные стеклянные бусины из 281 найдены в подбойных могилах, остальные — в склепах (Храпунов, Масыкин, Мульд, 1997, с. 119). В то же время, преобладание среди полихромных бус украшений с орнаментом в виде глазков, фиксируемое в публикуемом комплексе, типично для раннеримского времени — 85% таких бус, найденных в предгорном Крыму, сконцентрировано в могилах I в. до н. э. – I в. н. э., преимущественно в позднескифских склепах (Стоянова, 2006, с. 7). Обращает на себя внимание цветовая гамма глазков в полихромных бусах — в основном они сделаны из белого и синего

стекла. По наблюдениям Е. М. Алексеевой, бусы с такими глазками, выполненными из отрезков слоистых прутиков, массово распространяются в Северном Причерноморье к рубежу эр и продолжают бытовать в течение первых двух столетий нашей эры (Алексеева, 1975, с. 56).

В целом набор бус из склепа №250 достаточно стандартный для предгорного Крыма римского времени и находит соответствия как в грунтовых позднескифских склепах I в. до н. э. – I в. н. э., так и в индивидуальных погребениях II – первой половины III вв. н. э. Основной особенностью коллекции бус является ее многочисленность. Сопоставимое количество украшений обнаружено только в склепе №20 из могильника Левадки (4042 экз.), значительно меньше бус зафиксировано в склепах №42 (2150 экз.) (Храпунов, Мульд, Стоянова, 2009, с. 19–29) и №3 (около 1500 экз., комплекс не опубликован) Опушкинского некрополя. Такую ситуацию, видимо, можно объяснить многочисленными погребениями, которые совершались в позднескифских склепах, хотя прямой зависимости количества бус от числа погребенных не наблюдается: если в публикуемом склепе, по антропологическим данным, было захоронено не менее 130 человек, то в склепе №20 из могильника Левадки с примерно таким же количеством бус зафиксированы остатки лишь 29 костяков (Мульд, Масыкин, 2003, с. 5). Подобная ситуация наблюдается и в двух опушкинских склепах №3 и №42 с примерно одинаковым по количеству набором бус: число погребенных в первом случае составило 39 человек, во втором — не менее 125 человек (Храпунов, Мульд, Стоянова, 2009, с. 33). Следует, конечно, учитывать, что все склепы в той или иной степени потревожены грабителями, а антропологические данные по полу и возрасту сохранившихся костяков имеются не во всех случаях. Тем не менее, можно предполагать, что количество бус в комплексе может зависеть от числа погребенных в склепе женщин и детей.

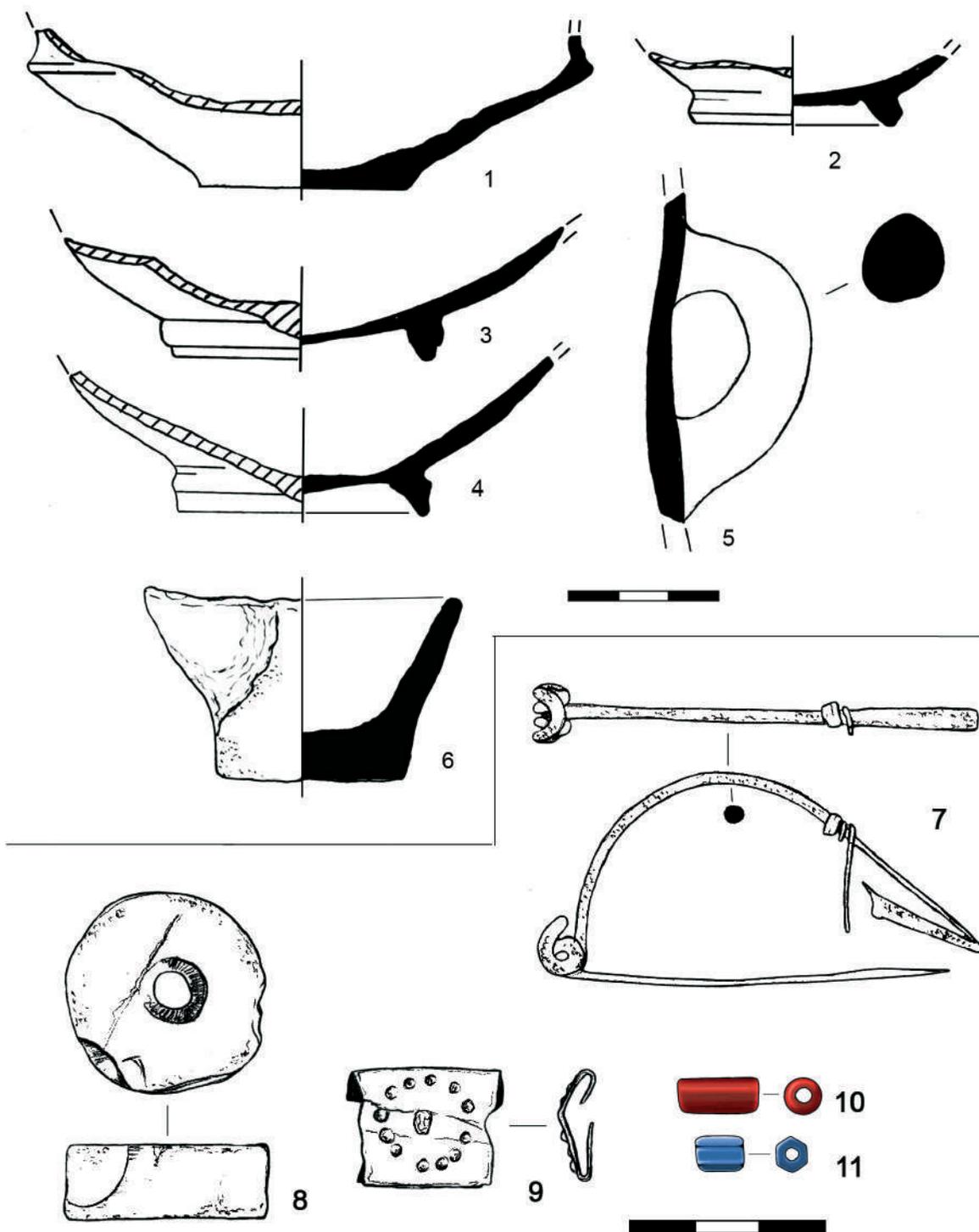

Рис. 26. Могильник Опушки. Склеп №250. Погребальный инвентарь: 1–6 —фрагменты краснолаковых (1–4) и лепных (5, 6) сосудов, 7 — бронзовая фибула, 8 — керамическое пряслице, 9 — бронзовая обйма от головного убора, 10, 11 — стеклянные бусы

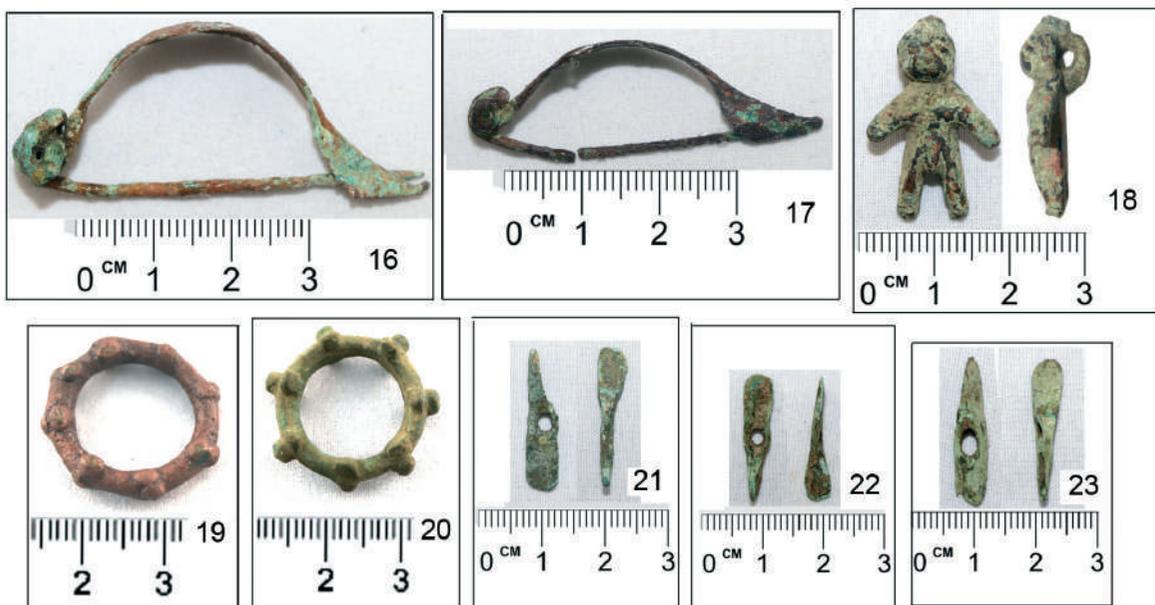
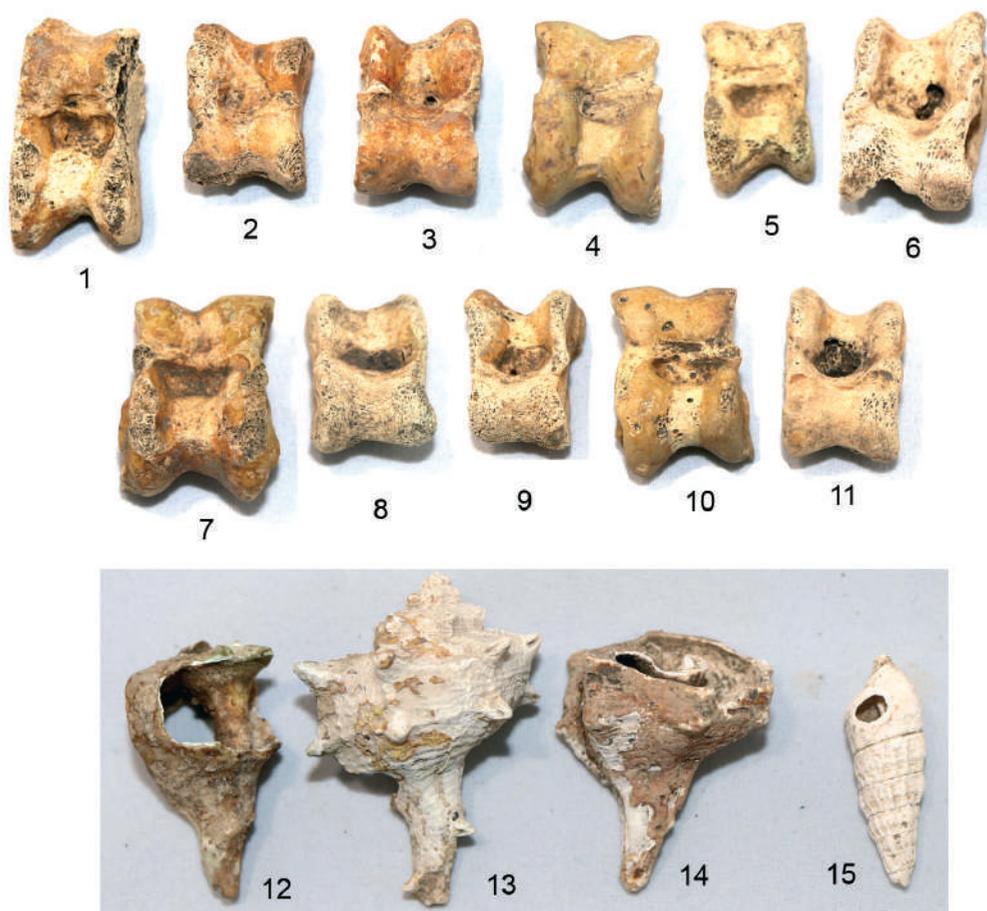

Рис. 27. Могильник Опушки. Склеп №250. Погребальный инвентарь: 1–11 — астрагалы, 12–15 — раковины, 16, 17 — бронзовые фибулы, 18 — бронзовая антропоморфная подвеска, 19, 20 — бронзовые кольца с «шишечками», 21–23 — бронзовые топориковидные подвески

Изучение погребального инвентаря показало, что захоронения в склепе совершались в течение I – первой половины II в. н. э.

Заключение

В IV в. до н. э. скифы сооружали каменные склепы и совершали в них многократные погребения по всему предгорному и степному Крыму. Их известно более 100. В большинстве случаев такие погребальные сооружения устраивали в курганах эпохи бронзы, но известны насыпи, перекрывавшие только каменные склепы (обзор см.: Колтухов, 2005, с. 277–283. Новые материалы: Зайцев, Мордвинцева, 2010; Шульга, Колтухов, 2018).

Освоение нового для них типа погребального сооружения было, вероятно, связано с переходом скифов к оседлости или к кочеванию по замкнутому маршруту, когда появилась возможность возвращаться к родовому погребальному сооружению каждый раз, когда умирал родственник.

В позднескифское время степная часть Крыма пустеет, но традиция сооружать каменные склепы для многократных погребений сохраняется в предгорной зоне. При этом размеры склепов, в среднем, увеличиваются, а количество погребенных в одном склепе возрастает, достигая иногда 100 и более погребенных. Во многих случаях в склепах обнаруживаются отдельные вещи IV в. до н. э. На этом основании предполагается либо их продолжительное непрерывное использование, либо повторное использование склепов IV в. до н. э. в позднескифское время (обзор см.: Колтухов, 2001).

Сравнение Опушкинского склепа с другими позднескифскими затруднено в силу того, что многие из них раскапывались и публиковались неудовлетворительно. Речь идет о раскопках XIX – начала XX в. Результаты недавних исследований еще не опубликованы, имеется только краткая информация.

По планировке и системе кладки склеп из Опушек, насколько можно судить по трем

опубликованным фотографиям, очень похоже на погребальное сооружение, раскопанное в могильнике Кара-Тау (Зайцев, Шкрибляк, 2017, рис. 31). Сближает эти два склепа еще и то, что все кости в них были перемещены (Зайцев, Шкрибляк, 2017, с. 148). Примерно такая же ситуация зафиксирована, вероятно, в одном из Тавельских курганов (Зайцев, Мордвинцева, 2004, с. 175).

Несмотря на то, что склеп из могильника Опушки принадлежит большой группе крымских каменных склепов с многократными погребениями, его отличает ряд существенных особенностей. Он единственный, расположенный в пределах большого грунтового некрополя. Склеп не был перекрыт насыпью, его стены возвышались над древней дневной поверхностью. Все остальные позднескифские склепы с многократными погребениями строили в специально выкопанных ямах. Они либо впускались в уже существующие курганы, либо перекрывались специальными насыпями. В опушкинском склепе зафиксированы ямы от столбов, поддерживающих деревянную конструкцию, перекрытую крышей из каменных плиток. Крыша закрывала и входную яму, и погребальную камеру. Две ямы, расположенные снаружи, у самого входа в склеп, судя по их размерам, не были столбовыми. Неизвестно, что было вкопано в столь ответственном месте. Это могли быть, например, крупные сосуды или, если дать волю фантазии, какие-то деревянные изваяния.

Рядом с каменным склепом, чуть ниже по склону располагался участок с синхронными ему, традиционными для поздних скифов склепами, выкопанными в земле. В них совершали многократные погребения, в некоторых случаях зафиксированы останки более чем 100 погребенных (Храпунов, Мульд, Стоянова, 2009). Погребальный инвентарь в каменном и в земляных склепах, в целом, однороден. Вещи, найденные в каменном склепе, можно охарактеризовать как типичные для позднескифской культуры и притом рядовые.

Рис. 28. Могильник Опушки. Склеп №250. Погребальный инвентарь: 1 — предмет бронзовый, 2 — бронзовая фибула, 3 — бронзовый браслет, 4 — бронзовый перстень, 5 — бронзовая серьга, 6 — лепной сосуд, 7 — керамическое пряслице

Нет находок, например, изделий из драгоценных металлов, которые выделяли бы одно или несколько погребений среди остальных. Если оставить в стороне конструкцию каменного склепа, требовавшую, конечно, значительных затрат, ничто не указывает на выдающееся социальное или имущественное положение коллектива, хоронившего в нем своих родственников.

По подсчетам антрополога В. Безбородых, в склепе похоронили более 130 человек. Склеп использовался приблизительно 100–150 лет. Следовательно, ежегодно в нем, в среднем, хоронили по одному человеку. При публикации выкопанного в земле склепа из могильника Опушки с примерно таким же, как в каменном склепе, количеством погребенных, уже обращалось внимание на то, что ни одна семья, даже расширенная, состоявшая из трех поколений родственников, не могла просуществовать долго, если приходилось хоронить одно-

го из своих членов раз в год. Очевидно, погребальное сооружение использовалось большим, чем семья коллективом, вероятно, родом или кланом (Храпунов, Стоянова, Мульд, 2009, с. 33). Это наблюдение полностью распространяется и на публикуемый склеп.

Результаты раскопок каменного склепа позволяют предположить, что население, оставившее могильник Опушки, не было вполне монолитно в культурном, а возможно и в этническом отношении. Выделялась группа людей, очевидно, родственников, которая, в отличие от всех остальных, сохраняла старые традиции сооружения каменных склепов, предназначенных для многократных погребений. Они использовали не применявшийся в других погребальных сооружениях обряд, при котором все кости ранее погребенных сдвигались и перемешивались, не оставалось ни одного целого костяка.

Литература

- Абрамова М. П.* Зеркала горных районов Северного Кавказа в первые века нашей эры // История и культура Европы по археологическим данным / Ред. С. М. Орешников. М.: Советская Россия, 1971. С. 121–132.
- Алексеева Е. М.* Античные бусы Северного Причерноморья. М.: Наука, 1975. (САИ. Вып. Г 1-12).
- Алексеева Е. М.* Античные бусы Северного Причерноморья. М.: Наука, 1978. (САИ. Вып. Г 1-12).
- Алексеева Е. М.* Античные бусы Северного Причерноморья. М.: Наука, 1982. (САИ. Вып. Г 1-12).
- Алексеева Е. М., Сорокина Н. П.* Коллекция стекла античной Горгиппии. М.: Интербук-бизнес, 2007. 160 с.
- Амброз А. К.* Фибулы юга европейской части СССР. М.: Наука, 1966. 111 с. (САИ. Вып. Д 1–30).
- Ахмедов И. Р., Гущина И. И., Журавлев Д. В.* Богатое погребение II в. н. э. из могильника Бельбек IV // Поздние скифы Крыма / Ред. И. И. Гущина, Д. В. Журавлев. М.: ГИМ, 2001. С. 175–186. (Труды ГИМ. Вып. 118).
- Бейлин Д. В., Рукавишникова И. В., Куликов А. В.* Погребения с монетами могильника Александровские скалы 1 // ДБ. 2019. Т. 24. С. 26–58.
- Богданова Н. А.* Могильник первых веков нашей эры у с. Заветное // Археологические исследования на юге Восточной Европы / Отв. ред. М. П. Абрамова. М.: ГИМ, 1989. С. 17–70. (Труды ГИМ. Вып. 70).

- Внуков С. Ю., Лагутин А. Б.* Земляные склепы позднескифского могильника Кара-Тобе в северо-западном Крыму // Поздние скифы Крыма / Ред. И. И. Гущина, Д. В. Журавлев. М.: ГИМ, 2001. С. 96–121. (Труды ГИМ. Вып. 118).
- Волошинов А. А., Масыкин В. В.* Погребения с оружием из некрополя римского времени у с. Заветное в юго-западном Крыму (раскопки 2005 – 2006 гг.) // Древняя Таврика / Под общ. ред. Ю. П. Зайцева, В. И. Мордвинцевой. Симферополь: Универсум, 2007. С. 291–302.
- Волошинов А. А., Масыкин В. В., Неневоля И. И.* Два комплекса с римскими импортами из Краснозоринского некрополя // Древняя Таврика / Под общ. ред. Ю. П. Зайцева, В. И. Мордвинцевой. Симферополь: Универсум, 2007. С. 303–318.
- Высотская Т. Н.* Геммы Усть-Альминского некрополя // ВДИ. 1980. №1. С. 96–105.
- Высотская Т. Н.* Усть-Альминское городище и некрополь. Киев: Киевская Академия Евробизнеса, 1994. 208 с.
- Гаврилов А. В., Труфанов А. А.* Новый античный памятник на горе Кара-Тау у северных склонов Внешней гряды Крымских гор // ДБ. 2014. Т. 18. С. 126–164.
- Гопкало О. В.* Бусы и подвески черняховской культуры. Киев: б. и., 2008. 252 с.
- Гущина, И. И., Журавлев, Д. В.* Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму. В 2-х кн. М.: Исторический музей, 2016. 272 с., 320 с.
- Дашевская О. Д.* Некрополь Беляуса. Симферополь: ЧП «Феникс», 2014. 284 с.
- Журавлев Д. В.* Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма I – III вв. н. э. (По материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины). Симферополь: б. и., 2010. 320 с. (МАИЭТ. Supplementum. Вып. 9).
- Журавлев Д. В.* «Браслеты» и кольца с выступами из позднескифских и сарматских памятников Северного Причерноморья // ПИФК. 2014. №1(43). С. 59–84.
- Зайцев Ю. П.* Неаполь скифский (II в. до н.э. – III в. н. э.). Симферополь: Универсум, 2003. 212 с.
- Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И.* Варварские погребения Крыма 2 в. до н. э. – 1 в. н. э. // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии / Отв. ред. Б. А. Раев. Краснодар: б. и., 2004. С. 174–204.
- Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И.* Курган с «коллективными» погребениями из окрестностей городища Ак-Кая // Древняя и средневековая Таврика / Отв. ред. Ю. П. Зайцев, А. Е. Пуздровский. Донецк: «ДОНБАСС», 2010. С. 169–176. (Археологический альманах. №22).
- Зайцев Ю. П., Шкрибляк И. И.* Горный массив Кубалач как новый феномен археологии Крыма (первые результаты исследований) // Крым в эпоху эллинизма. Межкультурные процессы по данным новейших археологических исследований / Гл. ред. Ю. П. Зайцев. Симферополь: Изд-во «Тарпан», 2017. С. 139–153.
- Зубарь В. М.* Некрополь Херсонеса Таврического I – IV вв. н. э. Киев: Наукова думка, 1982. 146 с.
- Ильюков Л. С., Власкин М. В.* Сарматы междуречья Сала и Маныча. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1992. 288 с.
- Казанский М. М.* О балтах в лесной зоне России в эпоху Великого переселения народов // Археологические вести. 1999. №6. С. 404–419.
- Колотухин В. А.* Киммерийцы и скифы Степного Крыма. Симферополь: СОНАТ, 2000. 120 с.

- Колтухов С. Г.* О крымских курганах с «коллективными погребениями» // Поздние скифы Крыма / Отв. ред. И. И. Гущина, Д. В. Журавлев. М.: ГИМ, 2001. С. 59–70. (Труды ГИМ. Вып. 118).
- Колтухов С. Г.* Склепы варварского населения степного и предгорного Крыма в скифское время // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. 2005. Т. XII. С. 259–299.
- Колтухов С. Г., Сенаторов С. Н.* Скифские погребения в курганах на землях Соломона Крыма // ИАК. Вып. II / Отв. ред. В. В. Майко. Симферополь: б. и., 2015. С. 66–78.
- Корпусова В. Н.* Некрополь Золотое. Киев: Наукова думка, 1983. 184 с.
- Кренке Н. А.* Дьяково городище: культура населения Москвы-реки в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. М.: ИА РАН, 2011. 548 с.
- Кропотов В. В.* Фибулы сарматской эпохи. Киев: ИД «АДЕФ-Украина», 2010. 384 с.
- Кунина Н. З., Сорокина Н. П.* Стекланные бальзамарии Боспора // ТГЭ. 1972. Т. XIII. С. 146–177.
- Лысенко А. В., Мордвинцева В. И.* Металлические украшения костюма — вотивы святилища римского времени Эклизи Бурун (к культурной атрибуции памятника) // ПИФК. 2019. №4(66). С. 240–296.
- Марченко И. И.* Сираки Кубани (по материалам курганных погребений Нижней Кубани). Краснодар: Кубанский гос. университет, 1996. 334 с.
- Медведев А. П.* Склеп с антропоморфным изваянием из Восточного некрополя Фанагории // Варварский мир северопонтийских земель в сарматскую эпоху / Отв. ред. Е. В. Смынтына. Киев: Видавець Олег Філюк, 2013. С. 39–49.
- Михайлова Е. Р.* Тисненые бляшки-обоймицы из памятников культуры Псковских длинных курганов // А. В.: сборник научных трудов в честь 60-летия А. В. Виноградова / Ред. С. В. Хаврин. СПб.: Культ-Информ-Пресс, 2007. С. 158–164.
- Мульд С. А., Масыкин В. В.* Позднескифский склеп №20 могильника у с. Левадки // МАИЭТ. 2003. Вып. X. С. 5–31.
- Мыц В. Л., Лысенко А. В., Щукин М. Б., Шаров О. В.* Чатыр-Даг — некрополь римской эпохи в Крыму. СПб.: Нестор-История, 2006. 208 с.
- Неверов О. Я.* Геммы античного мира. М.: Наука, 1983. 144 с.
- Неверов О. Я.* Античные камеи в собрании Эрмитажа. Каталог. Л.: Искусство, 1988. 192 с.
- Неверов О. Я.* Геммы из могильника Бельбек IV // Гущина И. И., Журавлев Д. В. Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму. Ч.1. М.: Исторический музей, 2016. С. 197–200.
- Новиченкова Н. Г.* Устройство и обрядность святилища у перевала Гурзуфское Седло. Ялта: б. и., 2002. 216 с.
- Ольховский В. С.* Хозяйство и материальная культура скифов Крыма (кон. VII – IV вв. до н. э.) // У Понта Евксинского / Ред.-сост. С. Г. Колтухов, С. Б. Ланцов, А. Е. Пуздровский. Симферополь: Изд-во Крымского научного центра, 2004. С. 79–99.
- Островец А. С.* Фаянсовые и стеклянные бусы в Скифии и Сарматии // ВДИ. 1985. №3. С. 92–108.
- Островец А. С.* Античная стеклянная глиптика на юге Восточной Европы (VI – II вв. до н. э.) // ВДИ. 2006. №2. С. 131–154.
- Пуздровский А. Е.* Крымская Скифия II в. до н. э. – III в. н. э. Погребальные памятники. Симферополь: Бизнес-Информ, 2007. 480 с.

- Скрипкин А. С.* Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1984. 150 с.
- Скрипкин А. С.* Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1990. 300 с.
- Столярова Е. К.* Бусы некрополя Бельбек IV // Гущина И. И., Журавлев Д. В. Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму. Ч.1. М.: Исторический музей, 2016. С. 201–213.
- Стоянова А. А.* Бусы и подвески из могильника Нейзац (по материалам раскопок 1996 – 2001 гг.) // БИ. 2004. Вып. V. С. 263–320.
- Стоянова А. А.* Металеві підвіски у формі сокирок із Криму // Археологія. 2005. №2. С. 47–55.
- Стоянова А. А.* Намисто і підвіски населення Криму III ст. до н. е. – IV ст. н. е. Автореф. дис. канд. іст. наук. Київ: б. в., 2006. 20 с.
- Стоянова А. А.* Бусы из могильника Фонтаны // Храпунов И. Н. Позднескифский могильник Фонтаны (по результатам раскопок 2000 – 2001 гг.). Симферополь: Издательство «Доля», 2008. С. 17–26.
- Стоянова А. А.* Аксессуары женского костюма II – первой половины III в. н. э. из могильника Нейзац // Исследования могильника Нейзац / Ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: Издательство «Доля», 2011. С. 115–152.
- Стоянова А. А.* Детские погребения из могильника Опушки (по результатам раскопок 2003 – 2009 гг.). Симферополь: Издательство «Доля», 2012. 100 с.
- Стоянова А. А.* Подвески из могильника Нейзац // Крым в сарматскую эпоху. II / Отв. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: Наследие тысячелетий, 2016. С. 122–165.
- Стржелецкий С. Ф., Высотская Т. Н., Рыжова Л. А., Жесткова Г. И.* Население округи Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз 10») // Stratum plus. 2003 – 2004. №4. С. 27–277.
- Симонович Э. А.* Население столицы позднескифского царства (по материалам Восточного некрополя Неаполя скифского). Киев: Наукова думка, 1983. 173 с.
- Труфанов А. А.* Подбойные могилы III в. н. э. некрополя у с. Курское (по материалам раскопок 2001 г.) // Сугдейский сборник. Вып. I / Гл. ред. Н. М. Куковальская. Киев – Судак: «Академперіодика», 2004. С. 495–521.
- Труфанов А. А.* Хронология могильников Предгорного Крыма I в. до н. э. – III в. н. э. // Stratum plus. 2005 – 2009. №4. С. 117–328.
- Труфанов А. А.* Зеркала-подвески первых веков н. э. из могильников Крымской Скифии // Древности Таврики / Под общ. ред. Ю. П. Зайцева, В. И. Мордвинцевой. Симферополь: Универсум, 2007. С. 173–186.
- Труфанов А. А.* Металлические амулеты-подвески Северного Причерноморья первых веков н.э. // Stratum plus. 2011. №4. С. 225–270.
- Труфанов А. А.* Подбойная могила с детским погребением из Усть-Альминского некрополя // ИАК. Вып. VII / Отв. ред. В. В. Майко. Симферополь: ИП Бровко А. А., 2018. С. 132–148.
- Труфанов А. А., Колтухов С. Г.* Исследование позднеантичного некрополя у с. Курское в Юго-Восточном Крыму // Stratum plus. 2001 – 2002. №4. С. 278–295.
- Хазанов А. М.* Генезис сарматских бронзовых зеркал // СА. 1963. №4. С. 58–72.

- Храпунов И. Н.* О позднесарматской археологической культуре в Крыму // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (К 100-летию Б. Н. Гракова) / Отв. ред. П. П. Толочко. Запорожье: б. и., 1999. С. 262–268.
- Храпунов И. Н.* Погребения детей в могильнике Нейзац // МАИЭТ. 2006. Вып. XII. Ч. 1. С. 161–250.
- Храпунов И. Н.* Некоторые итоги исследований могильника Нейзац // Исследования могильника Нейзац / Ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: Издательство «Доля», 2011. С. 13–60.
- Храпунов И. Н., Масякин В. В., Мульд С. А.* Позднескифский могильник у с. Кольчугино // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. I / Ред.-сост. И. Н. Храпунов. Симферополь: Таврия, 1997. С. 76–155.
- Храпунов И. Н., Мульд С. А.* Склепы с погребениями III в. н. э. из могильника Нейзац // БИ. 2004. Вып. VII. С. 299–326.
- Храпунов И. Н., Мульд С. А., Стоянова А. А.* Позднескифский склеп из могильника Опушки. Симферополь: Издательство «Доля», 2009. 96 с.
- Шульга П. И., Колтухов С. Г.* Дмитрово-2. Предгорный курган с «коллективным» погребением раннего железного века // Археология античного и средневекового города / Отв. ред. В. В. Майко. Севастополь – Калининград: РОСТ-ДООФК, 2018. С. 308–318.
- Яковенко Э. В., Черненко Е. В., Корпусова В. Н.* Описание скифских погребений в курганах Восточного Крыма // Древности Восточного Крыма / Отв. ред. А. М. Лесков. Киев: Наукова думка, 1970. С. 136–179.
- Furtwängler A.* Die antiken Gemmen. Geschichte der Steinschneidekunst im klassischen Altertum. 3 Bände (Band 1: Tafeln. Band 2: Beschreibung und Erklärung der Tafeln. Band 3: Geschichte der Steinschneidekunst im klassischen Altertum.). Leipzig – Berlin: Giesecke & Devrient, 1900. 794 s.
- Khomiakova O.* Disk brooches of Dollkeim-Kovrovo culture. The question of the origin of ornaments in the Southeast Baltic in the First centuries AD // *Archaeologia Baltica*. 2015. №21–22. P. 14–39.
- Spier J.* Ancient Gems and Finger Rings: Catalogue of the Collections of the J. Paul Getty Museum. Malibu – California: J. Paul Getty Museum, 1992. 200 p.
- Lafli E.* Izmir Müzesi'ndeki Intaglio ve Cameo Örnekleri: Ön Değerlendirmeler // *Arkeoloji ve Sanat*. 2012. No. 140. S. 133–154.

А. С. Намойлик

Граффити и дипинти из могильника Нейзац, поселения на могильнике Нейзац и поселения в Барабановской балке

Ключевые слова: граффити, дипинти, тамгообразные знаки, Крым, могильник Нейзац, поселение в Барабановской балке, сарматы, римское время

Резюме

В статье рассматриваются граффити и дипинти из раскопок трех памятников, расположенных в центральной части крымских предгорий: могильника Нейзац, поселения на могильнике Нейзац и поселения в Барабановской балке. Могильник Нейзац, относящийся к нейзацкой археологической культуре, функционировал во II – IV вв. н. э. В IV – начале V в. н. э. часть могильника оказалась занята поселением, принадлежащим той же культуре. Поселение в Барабановской балке, находящееся поблизости от могильника и ему синхронное, было оставлено поздними скифами.

Всего на этих памятниках обнаружено 34 сосуда и фрагмента сосудов с граффити и дипинти. Из могильника Нейзац происходит девять столовых сосудов с граффити. Четыре граффити — это личные имена владельцев, написанные целиком или в сокращении на древнегреческом языке: ΔΑΔΑ, ΕΡΩΦΙΛ, ΕΥΦ, ΑΜΑ. В аббревиации ΕΡΩΦΙΛ допущено две орфографические ошибки: здесь следует читать <H>ρ<o>φίλ(ου). Граффити на греческом языке известны и в других варварских могильниках Крыма первых веков новой эры. Вопрос о том, кем наносились эти надписи, пока остается без ответа. Среди остальных граффити выделяются изображение оленя и тамга, прочерченные до обжига на краснолаковом кубке группы Понтийской сигиллаты.

Дипинти на амфорах появлялись прежде, чем сосуды попадали к варварам, т. е. их содержание не связано с местом находки. По этой причине дипинти из трех памятников, в количестве 24, рассматриваются вместе. Четыре амфоры типа F по классификации Д. Б. Шелова помечены одиночными дипинти ΕΡΜ, ΤΡΥ, ΠΟΝ и ΜΥ. Вероятно, за сокращениями стояли имена изготовителей вина либо имена оптовых торговцев. На двух амфорах типов F и E читаются дипинти серии «α/π» (Ρ|Α|Π | ΕΥΛΟ; Α|Π[]), традиция нанесения которых бытовала во второй половине IV в. н. э. На трех фрагментах амфор типа 72 по классификации И. Б. Зеест сохранились цифровые символы ΝΘ (59), ΝΕ (55), ΟΗ (78), обозначавшие объем сосудов в ксестах.

Anna Namoylik

Graffiti and Dipinti from the Cemetery of Neyzats, the Settlement in the Territory of the Cemetery, and the Settlement in Barabanovo Ravine

Keywords: graffiti, dipinti, tamga-signs, Crimea, cemetery of Neyzats, settlement in Barabanovo Ravine, Sarmatians, Roman time

Abstract

The paper deals with *graffiti* and *dipinti* from the excavations of three sites situated in the central part of the Crimean foothills. These are cemetery of Neyzats, settlement in the territory of the cemetery, and settlement in Barabanovo Ravine. The cemetery of Neyzats belonging to the homonymous archaeological culture functioned from the 2nd to the 4th century AD. In the 4th –

early 5th century, a part of the site was occupied by a settlement attributed to the same culture. The settlement in Barabanovo Ravine neighbouring the cemetery and synchronous to it, belonged to the Late Scythians.

In total, 34 vessels and fragments of vessels with *graffiti* and *dipinti* were found during the excavations of the three sites. Nine table vessels with *graffiti* originate from the cemetery of Neyzats. Four inscriptions are owners' names written in full or abbreviated in Greek letters: ΔΑΔΑ, ΕΡΩΦΙΑ, ΕΥΦ, and ΑΜΑ. The abbreviation ΕΡΩΦΙΑ was inscribed with two spelling errors: it should be read as <H>p<o>φίλ(ου). *Graffiti* in Greek also occur in some other barbarian cemeteries in Crimea in the first centuries AD. The question who have made these inscriptions still remains unanswered. Among the *graffiti*, there is an image of deer and a tamga-sign scratched before firing on a red slip cup of *Pontic Sigillata* group.

Dipinti on amphorae had appeared before the vessels reached barbarian sites, i. e., their content is not connected with the place of discovery. This is why *dipinti* from the three sites, numbering 24, are considered all together. Four amphorae of the Type *F* according the classification of D. B. Shelov are marked with inscriptions ΕΡΜ, ΤΡΥ, ΠΟΝ, and ΜΥ. It is likely that the abbreviations derived from names of wine producers or wholesalers. *Dipinti* of the series “α/π” (P|A|Π | ΕΥΛΟ; A|Π[]) are read on two amphorae of the Types *F* and *E*. This kind of marking was spread in the second half of the 4th century AD. On three fragments of amphorae of the Type 72 according the classification of I. B. Zeest, there are numbers ΝΘ (59), ΝΕ (55), and ΟΗ (78) indicating capacities of the containers in *xestai*.

Могильник Нейзац и поселение в Барабановской балке расположены в крымских предгорьях, на противоположных берегах р. Зуя, на расстоянии около 200 м друг от друга. Несмотря на то, что эти памятники сосуществовали в течение длительного периода (II – IV вв. н. э.), их связывают с разными археологическими культурами: могильник относят к нейзацкой культуре, а поселение — к позднескифской (Храпунов, 2011а, с. 49–52; Храпунов, 2011б, с. 37; Храпунов, 2019, с. 32–49). В IV – начале V в. н. э. часть могильника оказалась занята другим поселением, жители которого хоронили своих сородичей на том же могильнике. Керамические изделия из культурного слоя этого поселения аналогичны тем, что помещались в могилы во время похорон (Власов и др., 2011, с. 205–207). На перечисленных археологи-

ческих памятниках обнаружены керамические сосуды с надписями и изображениями, процарапанными или выполненными краской. Эти граффити и дипинти из раскопок синхронных и соседних памятников имеет смысл рассмотреть вместе¹.

Могильник Нейзац

Среди предметов погребального инвентаря могильника Нейзац насчитывается девять столовых сосудов с граффити и пять амфор с дипинти (№№1–14)². Большинство граффити нанесено на краснолаковую посуду открытых форм, а все дипинти — на узкогорлые светлоглиняные амфоры типа *F* по классификации Д. Б. Шелова (Шелов, 1978, с. 19, рис. 10). Керамические изделия датируются в пределах второй половины I – начала V в. н. э. Все они сохранились в виде целых форм.

¹ Выражаю глубокую признательность руководителю раскопок могильника Нейзац и поселения в Барабановской балке проф. И. Н. Храпунову, а также хранителю музейных предметов Центрального музея Тавриды А. Кокчеевой за помощь в работе над статьей.

² В скобках здесь и далее указаны номера по каталогу, приведенному ниже. Все находки, описанные в каталоге, хранятся в Центральном музее Тавриды.

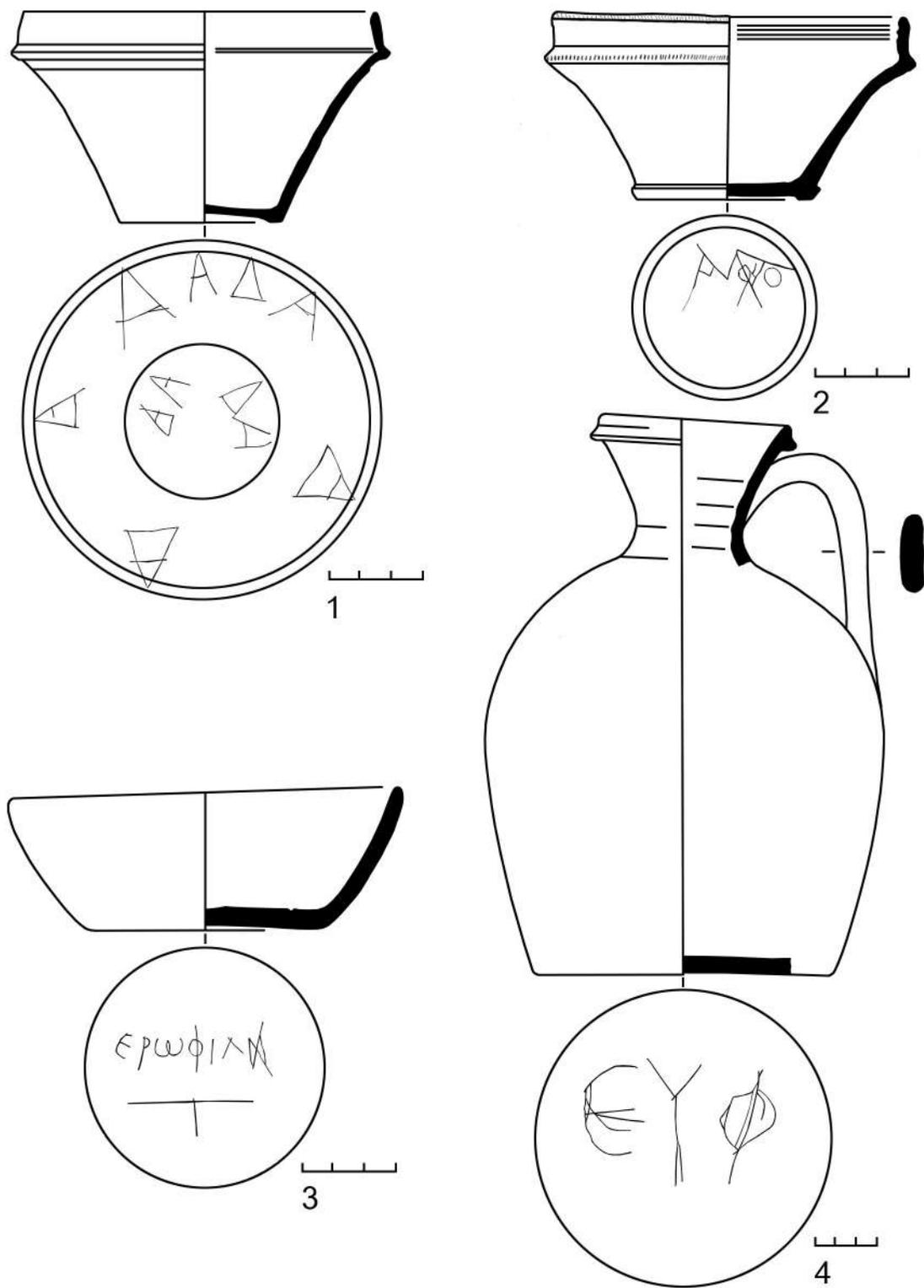

Рис. 1. Граффити из могильника Нейзац. 1–2 — краснолаковые чаши группы *ESB 2* (кат. №№1–2), 3 — краснолаковая миска группы *ESB 2* (кат. №3), 4 — красноглиняный кувшин (кат. №4)

1. Краснолаковая чаша с плоским вогнутым дном и вертикальным наклоненным внутрь бортиком (Храпунов, 2011а, с. 25, рис. 17, 2). *Eastern Sigillata B2*. Вторая половина I – начало II в. н. э. Раскопки 2003 г. Могила №209. КП 53805. Граффити на внешней стороне стенок и внешней стороне дна (рис. 1, 1):

a ΔΑΔΑ ΔΑ ΔΑ ΔΑ (три монограммы)
/на стенках/

b ΔΑ ΔΑ /на дне/

Доминантой среди надписей является слово ΔΑΔΑ, прочерченное крупными буквами на стенке чаши. Оно трижды повторяется на стенках в виде монограммы (Δ с перекладиной внутри) и дважды — на донце в сокращении ΔΑ. Δάδα — это Род. падеж мужского имени Δάδας, широко распространенного на Боспоре и в Малой Скифии в первые века новой эры (LGPN 4, P. 84). Этнолингвистическая принадлежность имени сильно размыта: антропонимы с основой Δαδ(α)- известны в Северном Причерноморье, на Балканах, в Малой и Передней Азии; встречаются они и в иранской среде (Тохтасьев, 1992, с. 189). Л. Згуста считал имя Δάδας малоазийским либо греческим (Zgusta, 1955, S. 301, 302). Очевидно, что оно относится к категории *Lallnamen* — именам, подвергшимся фонологическому упрощению в детской речи и вошедшим в общее употребление в таком виде.

Имя в Род. падеже, монограммы и аббревиации являются указаниями на принадлежность чаши некому Дадасу. Впрочем, нельзя исключать, что в надписи представлен Им. падеж однокоренного женского имени Δάδα. Однако, Им. падеж редко обозначал принадлежность; предполагать же иной смысл граффито нет оснований.

2. Краснолаковая чаша на низком кольцевом поддоне с вертикальным бортиком; ребро бортика и его верхняя часть орнаментированы насечками (Храпунов, Стоянова, 2016, с. 203, рис. 11, б). *Eastern Sigillata B2*. Конец I – начало II в. н. э. Раскопки 2014 г. КП 60100. Могила №577 (женская). Граффито на внешней стороне дна (рис. 1, 2):

ΑΜΑ (монограмма)

В надписи использованы две разные формы *альфы*: с ломаной и прямой перекладиной. К основной монограмме более тонким острием приписаны дополнительные символы (Ο и, возможно, Υ).

Согласно LGPN, известно несколько десятков имен с началом Αμα-; большинство из них негреческие. В монограмме зашифровано имя владельца (или владелицы) чаши.

3. Краснолаковая миска с плоским вогнутым дном и невыделенной закраиной; на внутренней стороне дна оттиснуто клеймо в виде ветви (Стоянова, 2013, с. 83–85, рис. 4, 7). *Eastern Sigillata B2*. Первая половина II в. н. э. Раскопки 2010 г. Могила №421 (детская). КП 58184. Граффити на внешней стороне дна (рис. 1, 3):

a ΕΡΩΦΙΛ, знак в виде «восьмерки»
из двух треугольников

b знак в виде Γ с удлиненной
горизонталью

Надпись ΕΡΩΦΙΛ является аббревиацией греческого имени, состоящего из двух основ. Судя по тому, что второй корень φιλ- представлен целиком, слову недостает только окончания (-ου или -ης). В LGPN имена с основой Ερωφιλ- не засвидетельствованы. Из композитов на Ερω- известно лишь два антропонима: Ἐρωμένη и Ερώβιος. Женское имя Ἐρωμένη, упомянутое четыре раза (трижды в Милете и однажды на о. Кос) во II – I вв. до н. э., по своему происхождению является причастием от глагола ἐράω («любить») и означает «возлюбленная»; здесь *омега* перед суффиксом — результат слияния гласных. Мужское имя Ερώβιος встречено один раз в эпитафии римского времени из Иасоса; в данном случае присутствие *омеги* перед второй основой объяснить проблематично. По этой причине издатель корпуса надписей Иасоса считал, что Ερώβιος — это искаженный вариант антропонима Ἦρόβιος (Blümel, 1985, № 389, 1). Аналогичный вопрос о трактовке Ω встает и для граффито ΕΡΩΦΙΛ на миске из

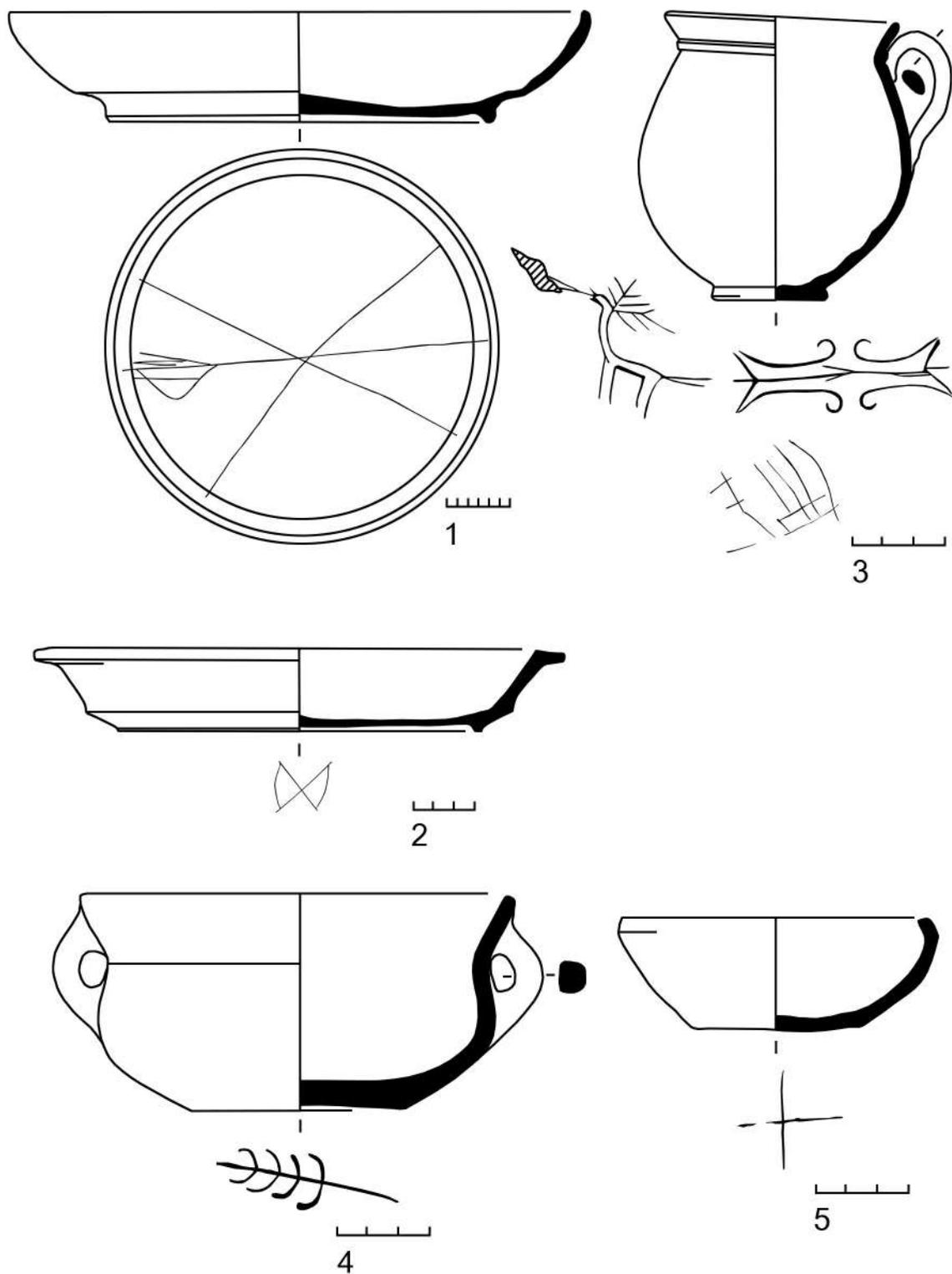

Рис. 2. Граффити из могильника Нейзац. 1–2 — краснолаковые блюда группы PS (кат. №№5–6), 3 — краснолаковый кубок группы PS (кат. №7), 4–5 — лепные миски (кат. №№8–9)

могильника Нейзац. Вероятно, перед нами специфическая графическая передача двусоставной основы Ἦροφίλ-. Из имен с этой основой, по информации *LGPN*, наибольшей популярностью пользовалось мужское имя Ἦρόφιλος, многократно засвидетельствованное в Малой Азии и Северном Причерноморье. Таким образом, оптимальный вариант прочтения граффито — <H>ρ<o>φίλ(ου). Вероятно, написание ΕΡΩΦΙΛ объясняется утратой греческими гласными количественных различий³ и неглубокими познаниями автора граффито в области орфографии.

Непосредственно за ΕΡΩΦΙΛ следует знак в виде «восьмерки» из двух треугольников. Аналогичный символ изображен также на краснолаковом блюде IV в. н. э. из нашей выборки (№6). Такие знаки нередко встречаются в граффити на античной керамике (Соломоник, 1984, № 419; Roller, 1987, Fig. 10, 2A–62; Журавлев, 2001, с. 191, рис. 1, 3; Сапрыкин, Масленников, 2007, №№ 916, 276 (1235), и др.). Подобные знаки известны и среди сарматских тамг⁴ Боспора (ср. Драчук, 1975, табл. IX, 710–711; Воронятов, 2012, с. 54, 55, рис. 1, 2).

4. Красноглиняный одноручный кувшин с плоским дном и воронковидным горлом. IV – начало V в. н. э. Раскопки 2015 г. Могила №595. КП 60566. Граффито на дне (рис. 1, 4):

ΕΥΦ

Надпись дополняется в одно из пространственных греческих имен, например, Εὐφάνης, Εὐφῆμος, Εὐφροσύνη.

5. Краснолаковое блюдо на кольцевом поддоне со слегка загнутым внутрь краем (Храпунов, 2011а, с. 25, рис. 17, 5; Храпунов, 2011б, с. 20, рис. 34, 2). *Pontic Sigillata*. IV в. н. э. Раскопки 2006 г. Могила №306. КП 56204. Граффито на внешней стороне дна (рис. 2, 1):

знак в виде трех линий, пересекающихся в центре донца

Линии вписаны в окружность поддона; средняя из них оформлена наподобие ретроградного *rho*.

Возможно, граффито является монограммой X и P. Подобным образом выглядела хризма — аббревиация имени Христа. В раннехристианских склепах Херсонеса хризма как элемент декора использовалась уже во второй половине IV – начале V в. н. э. (Туровский и др., 2012, с. 101, 102). Она встречается в граффити и дипинти из раскопок афинской агоры начиная с V в. н. э. (Lang, 1976, J 5, J 9, F 322). Это сокращение использовалось и в более раннее время, например, в качестве торговой метки (Lang, 1976, L 28: Афины, начало II в. н. э.). В латинских и греческих лапидарных надписях первых веков новой эры такой символ служил обозначением центуриона (Соломоник, 1983, с. 21, 25, № 1, I).

Граффито из могильника Нейзац прочерчено по всей плоскости донца, полукружие «*rho*» выполнено небрежно. Вполне вероятно, что знак не имеет буквенного значения.

6. Краснолаковое блюдо на кольцевом поддоне с отогнутым горизонтальным краем (Khrapunov, 2008, p. 208, fig. 10, 4; Храпунов, 2011а, с. 25, рис. 18, 1). *Pontic Sigillata*. IV в. н. э. Раскопки 2005 г. Могила №275. КП 55766. Граффито на внешней стороне дна (рис. 2, 2):

знак в виде «восьмерки» из двух треугольников

См. №3.

7. Краснолаковый одноручный кубок на плоском поддоне с овоидным туловом и отогнутым наружу венчиком (Храпунов, 2011а, с. 25, рис. 17, 4). *Pontic Sigillata*. Рубеж II –

³ Это явление отмечается в боспорских надписях начиная с I в. н. э. (КБН, с. 800–802, §§ 2, 11–12; 4, 7–8). Подобный пример путаницы в употреблении *омикрон* и *омега* находим в эпитафии II в. н. э. из Мирмекия: Ἀθηνώδωρος вместо Ἀθηνώδωρος (КБН, №886).

⁴ Тамга (у иранских народов древности) — это знак собственности определенного клана на отдельные вещи, скот и уголья и знак причастности человека или группы родственников к определенной акции (обряды при заключении разного рода договоров, связанные с произнесением клятв, религиозные церемонии, дружеские визиты, свадьбы, общественное строительство и т. д.) (Яценко, 2001, с. 22, 23).

III вв. н. э. Раскопки 1999 г. Могила №94 (женская). КП 50175. Граффити на тулове (рис. 2, 3):

а олень и тамгообразный знак (или два знака) /по сырой глине/

б сетка

Олень изображен схематически, но в то же время вполне узнаваемо благодаря характерной детали — крупным ветвистым рогам. Похожие граффити встречаются на лепных пряслицах из варварских могильников предгорного Крыма: по три пряслица с оленями обнаружено в могильниках Усть-Альма и Бельбек IV, по одному — в Завет-

нинском, Неапольском и Чернореченском могильниках (Труфанов, 2019, с. 282–299). Они происходят из женских и детских погребений II – III вв. н. э. Эти пряслица изготавливали в разных местах предгорного Крыма, а граффити наносили на уже готовые изделия. В нашем же случае олень нарисован в процессе производства, до обжига кубка.

За оленем следует составной знак либо два одинаковых соединенных между собой знака. По своему облику граффито более всего походит на сарматские тамги, характерными элементами которых являются завитки и линии, сходящиеся под острым

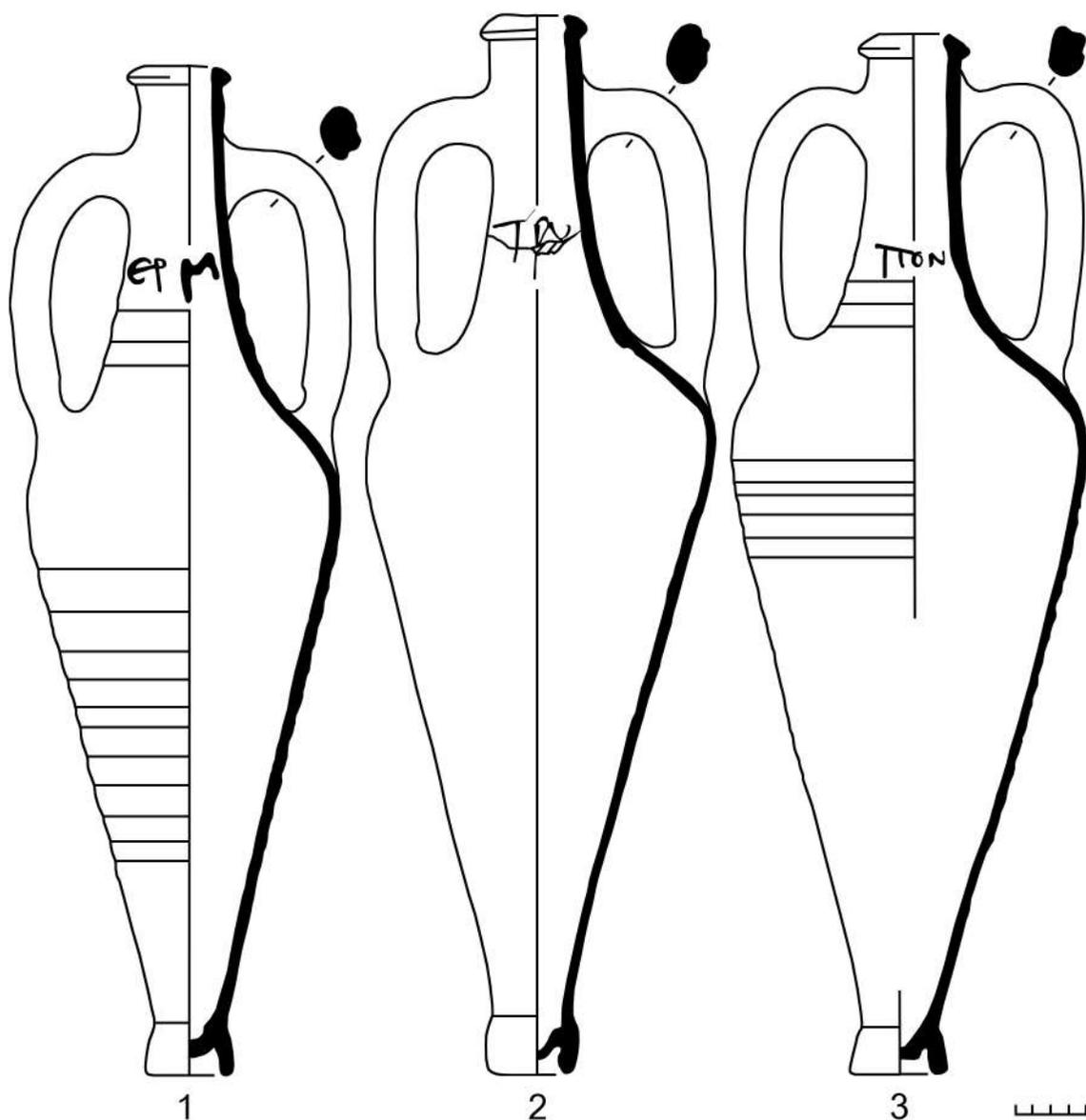

Рис. 3. Дипинты из могильника Нейзац. 1–3 — амфоры типа F по Д. Б. Шелову (кат. №№10–12)

углом⁵. Хотя идентичных тамг найти не удалось, по отдельным деталям и общей композиции граффито на кубке из могильника Нейзац имеет аналогии среди сарматских знаков Боспора (ср. Драчук, 1975, Табл. V, 350, 357; VI, 366; Сапрыкин, Масленников, 2007, № 294 (1259); Кучеревская, 2011, № 15). Как правило, элементы сложных тамг открыты наружу, в то время как рассматриваемый знак «закрит» с обеих сторон, а открытые части направлены вовнутрь. Необычная компоновка двусоставных тамг отмечается в контактных зонах (в том числе в Крыму), где взаимодействовали разные группы населения (Яценко, 2001, с. 20).

Граффито в виде сетки процарапано очень тонко и неглубоко после обжига сосуда. Подобные изображения встречаются на керамических изделиях в разные периоды во многих областях античного мира (ср. Соломоник, 1984, № 43; Roller, 1987, Fig. 6; Малышев, 2005, рис. 5, 10–13; Сапрыкин, Масленников, 2007, №№ 229–234, 923). Вероятно, таким знакам приписывали магическое значение (Намойлик, 2017, с. 203).

8. Лепная двуручная миска с плоским вогнутым дном и отогнутым наружу краем. IV в. н. э. Раскопки 2004 г. Могила №263. Д 13633 н. в. Граффито на внешней стороне дна (рис. 2,4):

ветвь /по сырой глине/

Изображение нанесено на сосуд в процессе производства. Является меткой ремесленника.

9. Лепная миска с плоским дном и загнутым внутрь краем. IV в. н. э. Раскопки 2006 г. Могила №301. КП 56204. Граффито на внешней стороне дна (рис. 2, 5):

крест /по сырой глине/

См. №8.

10. Амфора типа *F* по Шелову. IV в. н. э. Раскопки 1996 г. Могила №4. КП 48222. Дипинто на плечиках (рис. 3, 1):

ЕРМ

Вероятно, надпись представляет собой сокращение одного из теофорных антропонимов, производных от имени Гермеса. Аналогичное дипинто нанесено на амфору типа *F* из раскопок поселения Батарейка I (Сапрыкин, Масленников, 2007, №77 (1028); Ильяшенко, 2013, рис. 34, 4).

11. Амфора типа *F* по Шелову. IV в. н. э. Раскопки 2005 г. Могила №275. Д 14393 н. в. Дипинто на горле (рис. 3,2):

ТРУ

На амфорах типа *F* известны следующие подобные дипинты: ТРУ | ΘΕ (Соломоник, 1993, № 32: могильник у с. Дружное); ΛΘ | ТРУ (Lang, 1976, He 32; Oraiț, 2010, fig. 4, a–d: агора Афин); ΑΠ | ТРУΦΟΥ (Ильяшенко, 2013, с. 220–221, № 140: могильник у с. Перевальное). Кроме того, на фрагменте узкогорлой светлоглиняной амфоры из раскопок Ольвии, тип которой определить не удалось, сохранилась надпись ТРУФ (Крапивина, Диатроптов, 2014, № 167). Дипинто ТРУ на амфоре из Афин М. Лэнг дополнила как τρυ(γία) («осадок (масла)») на основании глоссы τρύγιος у Гезихия (*Hesychius*, s. v.). Такое чтение маловероятно, поскольку это слово не засвидетельствовано полностью написанным, а названия содержимого, указанные в полном варианте, встречаются на узкогорлых светлоглиняных амфорах очень редко. Чаще всего на этих сосудах писали личные имена, в том числе целиком. Очевидно, дипинто ТРУ на амфоре из могильника Нейзац также является сокращением антропонима с греческим корнем Τρυφ-.

12. Амфора типа *F* по Шелову (Ильяшенко, 2013, рис. 34, 17). IV в. н. э. Раскопки 2000 г. Могила №125. КП 50958. Дипинто на горле (рис. 3,3):

ΠΟΝ

Надпись следует понимать как аббревиацию личного имени. По *LGPN*, наиболее популярными именами с таким началом были Ποντικός и Ποντιανός.

⁵ Благодарю научного сотрудника Отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа к. и. н. С. В. Воронятова за консультацию по теме сарматских тамг.

13. Амфора типа *F* по Шелову (Храпунов, 2011а, с. 23, рис. 9, 3). Вторая половина IV в. н. э. Раскопки 2005 г. Могила №294. КП 55845. Дипинти на горле (рис. 4, 1):

а Р

А

Π

б ΕΥΛΟ

Вероятно, надпись относится к так называемой группе «α/π» с добавочным *ρ* в монограмме. Подобное дипинто засвидетельствовано на амфоре из раскопок

Пантикапея (Шкорпил, 1902, с. 165). Как показывают аналогии других дипинти этой группы, за сокращением ΕΥΛΟ стоит имя Εὐλόγιος. Евлогий был крупным поставщиком товаров: амфоры с его именем найдены в весьма отдаленных друг от друга местах (Гудименко, Ильяшенко, 2000, №№27–32; Ильяшенко, 2013, с. 120, 127, 171, табл. 12).

14. Амфора типа *F* по Шелову. IV в. н. э. Раскопки 1996 г. Могила №4. КП 48214. Дипинто на плечиках (рис. 4, 2):

два знака

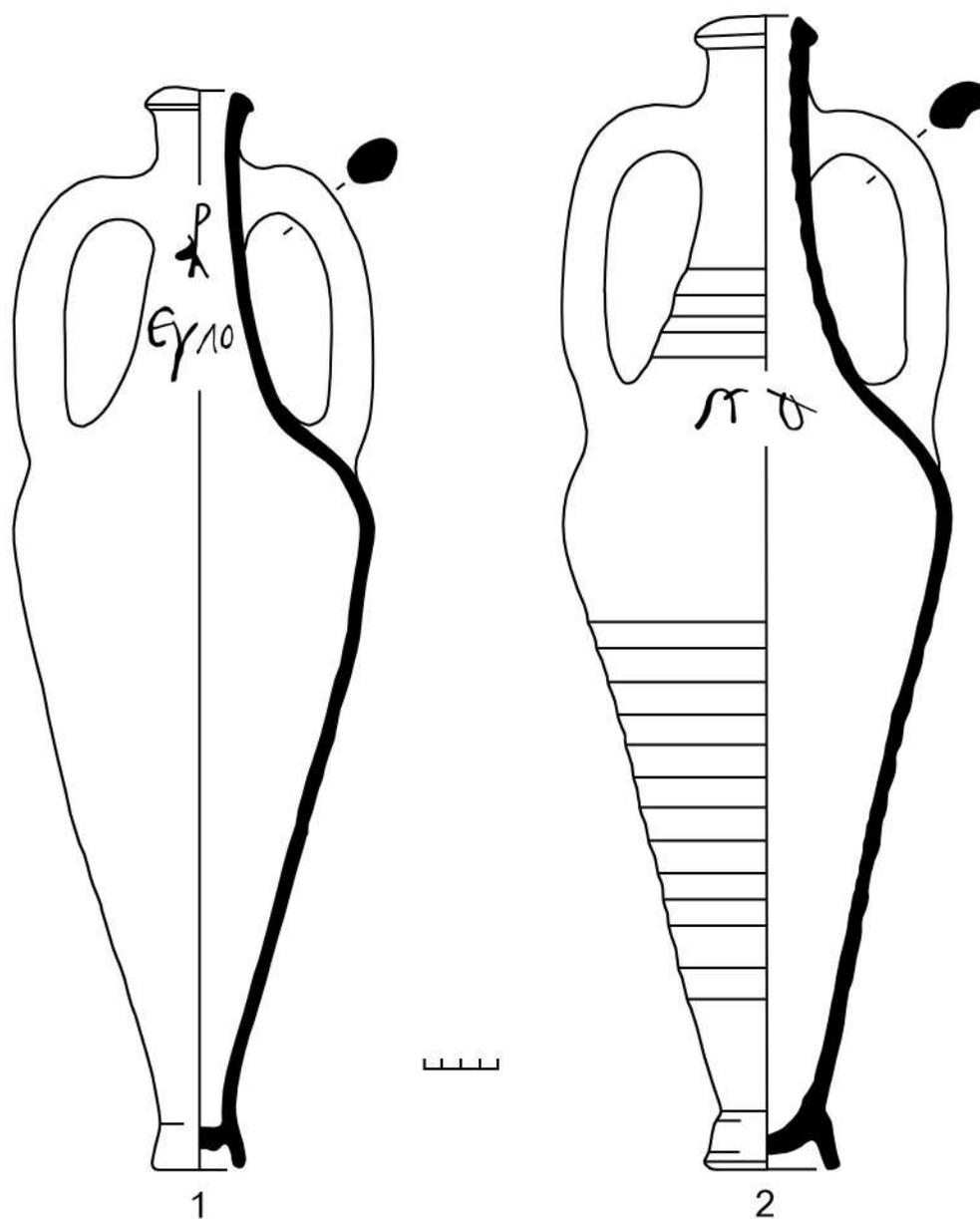

Рис. 4. Дипинти из могильника Нейзац. 1–2 — амфоры типа *F* по Д. Б. Шелову (кат. №№13–14)

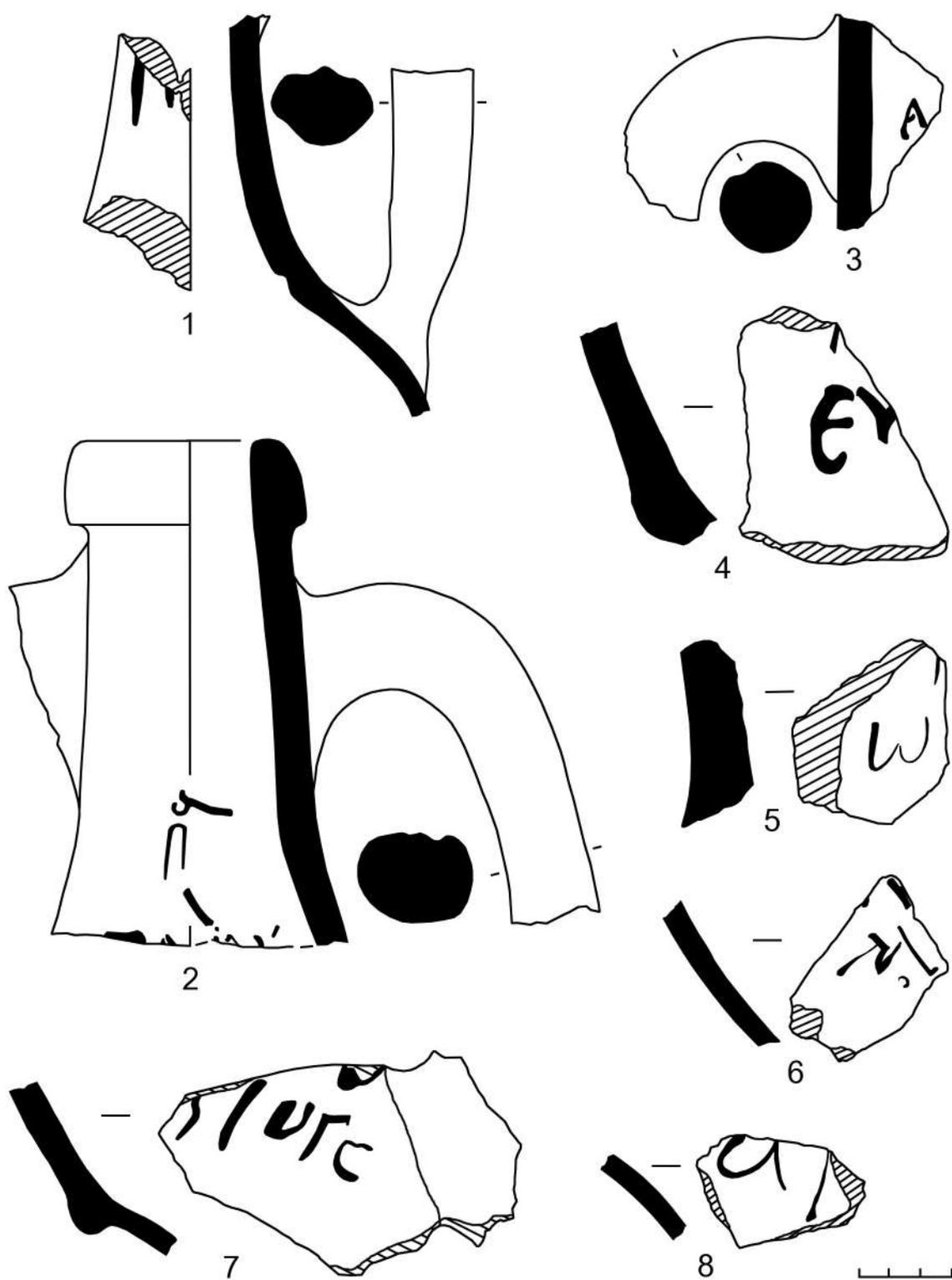

Рис. 5. Дипинти из поселения на могильнике Нейзац. 1 — фрагмент амфоры типа *D* по Д. Б. Шелову (кат. №15), 2 — фрагмент амфоры типа *E* по Д. Б. Шелову (кат. №16), 3 — фрагмент амфоры типа *F* по Д. Б. Шелову (кат. №17), 4–8 — фрагменты узкогорлых светлоглиняных амфор (кат. №№18–22)

Первый знак не сопоставим ни с одной из букв греческого алфавита. Похожий символ есть на узкогорлой светлоглиняной амфоре из раскопок Ольвии; за ним следует *стигма* (дипинто перевернуто по отношению к сосуду) (Крапивина, Диатроптов, 2014, №145, рис. 17, 6).

Второй знак может быть *альфой*: в курсивном начертании ее изображали как круг или овал с наклонной, а иногда почти горизонтальной, линией (ср. Беттгер, Шелов, 1998, табл. 19, 71; Крапивина, Диатроптов, 2014, №16, рис. 3, 5).

Перейдем к обобщению информации, приведенной в каталоге. Граффити на четырех сосудах представляют собой надписи на древнегреческом языке (**№№1–4**). Это личные имена владельцев, написанные целиком или в сокращении. Два из них, начинающиеся на <Ἡ>ρ<ο>φίλ- и Εὐφ-, имеют греческое происхождение (**№№3–4**). Мужское имя Δάδας к греческим не относится; установить его этнолингвистическую принадлежность не представляется возможным (**№1**). Сокращение АМА допускает множество вариантов дополнения (**№2**).

Три из перечисленных граффити прочерчены на краснолаковых сосудах группы *Eastern Sigillata B2* (**№№1–3**). Как показал анализ материалов из раскопок позднескифских и сарматских могильников Крыма, именно на этом типе посуды чаще всего встречаются граффити (Журавлев, 2001, с. 187–193; Журавлев, 2010, с. 108; Пуздровский, 1997, с. 167–180; Пуздровский, 2011, с. 379). Наличие значительного количества греческих надписей на керамике группы *ESB 2* из могильников Юго-Западного Крыма В. М. Зубарь объяснял тем, что эта керамика попадала к местному населению уже использованной через посредничество херсонеситов (Зубарь, 2002, с. 507). Д. В. Журавлев считает маловероятным, чтобы греки продавали варварам посуду с именами своих богов, а последние бы ее покупали (Журавлев, 2010, с. 108).

Впрочем, среди граффити из могильников, изданных в вышеприведенных работах, нет ни одного, в котором бесспорно

бы читалось имя божества. Широко распространенные аббревиации ΑΡΤΕ, ΑΠ, ΑΧ, ΗΡΑ и т. п., прочерченные на донцах сосудов, с большой долей вероятности являются производными теофорных имен (Яйленко, 1980, с. 76–81; Намойлик, 2018, с. 54–57). Вызывает недоумение желание авторов во что бы то ни стало найти в надписях сакральный подтекст, пренебрегая порой здравым смыслом и орфографией древнегреческого языка. Так, в обычном сокращении антропонима ΜΕΝ усматриваются экзотические теонимы Мена или Мен (Пуздровский, 2011, с. 375, №5). Надпись ΘΕΑ безапелляционно интерпретирована как «посвящение неизвестному божеству» (почему не богине?) (Пуздровский, 1997, с. 169, 170, №5; Пуздровский, 2013, с. 67), причем в качестве аналогии привлекается плохо читаемое граффито на чернолаковом сосуде конца V в. до н. э. (!) из раскопок Херсонеса, иллюстрация которого в своде херсонесских граффити вообще не приведена (ГАХ, №913). Между тем, граффито ΘΕΑ вполне может являться сокращением одного из популярных имен, например, Θεάγγελος, Θεαγένης, Θεανώ. На основании наличия таких «посвящений» сделаны сомнительные выводы о почитании в варварской среде целого сонма греческих богов, формировании синкретичных верований и т. д.

Однако, не будем совершенно отрицать возможность того, что некоторые из граффити на краснолаковых сосудах из варварских могильников представляют собой аббревиации теонимов. Нам все же известен один сосуд (кубок) из Усть-Альминского некрополя с граффито — посвящением Афродите. Хотя прорисовка надписи оставляет желать лучшего, в ней читается полностью написанное имя богини в Род. п.: Αφροδίτης (Высотская, 1994, с. 77, табл. 21, 5). Тем не менее, выводы о популярности греческих богов среди скифов или сарматов могут быть сделаны в самой осторожной форме, с опорой на аналогии из других синхронных памятников и комплексным привлечением археологических материалов.

До сих пор остается открытым вопрос о том, кем наносились греческие граффити, обнаруженные при раскопках варварских памятников. В этой связи обратим внимание на надпись ΕΡΩΦΙΑ и следующий за ней знак, прочерченные на краснолаковой миске первой половины II в. н. э. из могильника Нейзац (№3). Сокращение из шести букв написано здесь с двумя ошибками, а знак, возможно, является тамгой. Таким же символом помечен еще один, более поздний, сосуд из могильника (№6). Похожий знак процарапан на тарелке из могильника Бельбек IV (Журавлев, 2001, с. 191, рис. 1, 3). Это дает некоторые основания полагать, что автор граффито происходил из местной среды.

Граффити на других пяти сосудах — это различного рода знаки. Символ из трех линий, напоминающий хризму, скорее всего, служил меткой собственности (№5), так же, как и тамга (?) в виде двух треугольников (№6), о которой упоминалось выше.

Остальные три граффити выполнены по сырой глине, т. е. в процессе изготовления сосудов (№№7–9). Два из них, ветвь и крест, нанесены на лепные миски местного производства (№№8–9). Кресты присутствуют среди знаков на камне из Пантикапея, называемом «энциклопедией тамг», а также на мраморных львах из Ольвии (Драчук, 1975, Табл. VIII, 581–598; Кучеревская, 2011, №26). Изображение ветви тоже засвидетельствовано в числе тамг Северного Причерноморья (ср. Драчук, 1975, Табл. VII, 494; IX, 655; X, 737). Не гадая о назначении этих символов, приведем этнографическую параллель. Еще в середине XX столетия в селении Сари Шухон области Каратегин (Таджикистан) женщины, приносящие посуду для обжига в чужой дом, ставили на ней метки, чтобы ее было легче опознать при разборе. В селениях долины Ягноб сосуды тоже помечали, хотя их и распола-

гали в печи таким образом, чтобы вещи разных владелиц не перепутались. Набор знаков был постоянным; по частотности первое место занимал крест. По-видимому, метки собственности являлись одновременно символами магической охраны сосудов: в результате обжига посуда могла оказаться бракованной, а силы и средства, вложенные в ее изготовление — потраченными впустую (Пещерева, 1959, с. 109, 110).

Тамга и изображение оленя, прочерченные по сырой глине на изделии греческой мастерской — краснолаковом кубке группы *Pontic Sigillata* (№7), — отсылают нас к контексту сарматской культуры⁶. Быть может, кубок с граффито был заказан греческому ремесленнику жителем поселения, которому принадлежал могильник Нейзац. В таком случае, мастерская находилась на доступном расстоянии, относительно недалеко от поселения. Вероятна и другая версия развития событий (предложена И. Н. Храпуновым): варвар побывал в Херсонесе (?)⁷ или даже подвизался подмастерьем, заказал или предполагал получить за работу сосуд и попросил разрешения собственноручно до обжига нацарапать милые его сердцу изображения.

Итак, около половины граффити из могильника Нейзац представляют собой тамги или тамгоподобные знаки. Отметим, что в ходе исследования этого памятника также обнаружены тамги на других «носителях». Два тамгообразных знака были вырезаны на стене склепа, обследованного Н. Л. Эрнстом в 1927 г. после «самовольных» раскопок, предпринятых местными жителями (Соломоник, 1959, №34; Эрнст, 2011, с. 8, 9, 11). Из тех же раскопок происходит серебряная бляха от конской сбруи с тамгой (Храпунов, 2011а, с. 14, рис. 4, 1). Другой знак процарапан на костяной рукояти складного ножа (Храпунов, 2011а, с. 41, рис. 39). Рельефными знаками и орнамен-

⁶ Впрочем, И. И. Гущина приписывала изображения животных на пряслицах из могильников Юго-Западного Крыма первых веков новой эры скифам, поскольку наиболее частый сюжет — олень — был одним из любимых объектов скифского искусства (Гущина, 1990, с. 70).

⁷ Херсонес фигурирует здесь как возможное место производства кубка (см., например, Ушаков и др., 2017, с. 54–93).

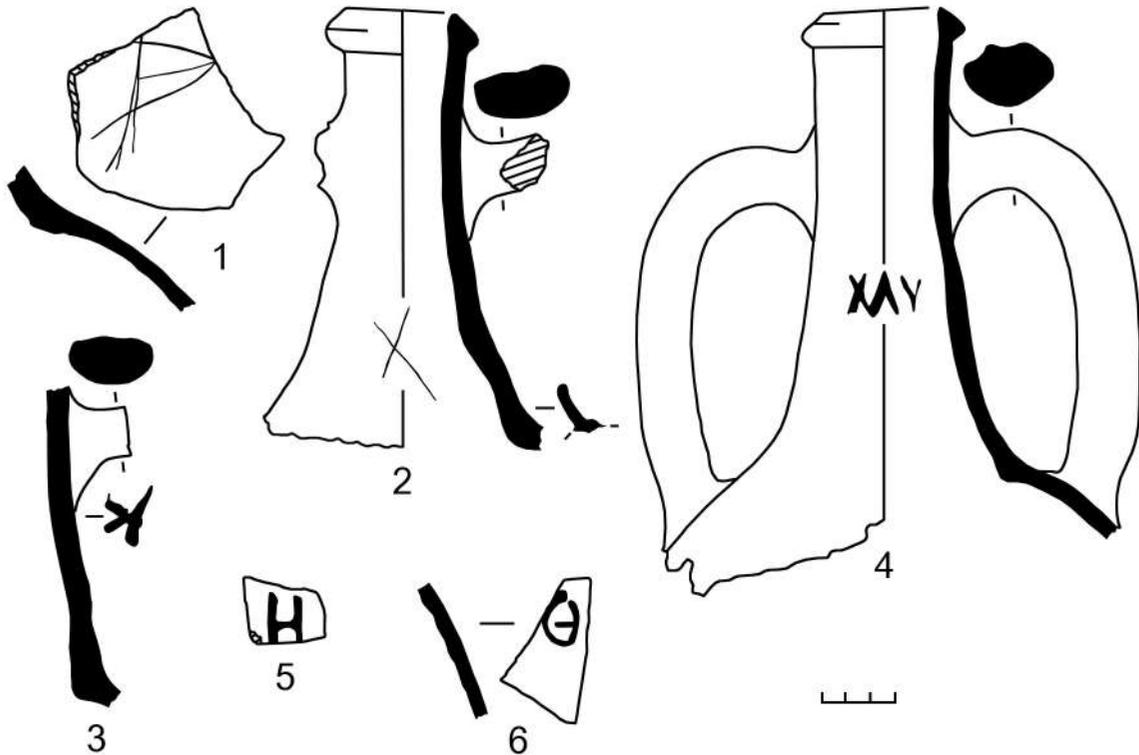

Рис. 6. Граффити и дипинти из поселения в Барабановской балке. 1–3 — фрагменты амфор типа *D* по Д. Б. Шелову (кат. №№23–25), 4 — верхняя часть амфоры типа *F* по Д. Б. Шелову (кат. №26), 5–6 — фрагменты узкогорлых светлоглиняных амфор (кат. №№27–28)

тами на основе тамг украшены бронзовые зеркала из женских погребений (Храпунов, 2011а, с. 37, 38, рис. 34, 15, 17, 18). Как элемент врезного орнамента, тамги использовались в декоре лепных сосудов (Храпунов, 2011а, с. 23, рис. 12, 3). То обстоятельство, что до нас дошло небольшое количество тамгообразных знаков, объясняется просто: в основном, их наносили на тела домашних животных, а также на предметы из органических материалов — дерево и кожу (Яценко, 2001, с. 32).

Возможно, простейшие изображения типа креста, ветви, фигуры из двух треугольников не были тамгами в полном смысле этого слова, как, например, знаки правителей Боспорского царства, однако, возникшие в сарматской среде, они относились к той же категории явлений

и выполняли подобные функции. Нанесенные на сосуды, эти знаки выполняли свою главную — сигнально-опознавательную — функцию, а также служили апотропеями (Ольховский, 2001, с. 75–86; Малышев, 2005, с. 561; Воронятов, 2009, с. 80–98). В одном случае (№7) тамга несет не только смысловую, но и художественную нагрузку, образуя, вместе с изображением животного, декоративный пояс на тулове кубка.

При изучении граффити из любого некрополя встает вопрос об их связи с погребениями: сделаны ли они специально перед похоронами или появились до того, как сосуды решили включить в состав погребального инвентаря? Не были ли предметы с граффити отобраны специально для погребальной церемонии⁸? В нашей небольшой группе надписей такую связь

⁸ Так, анализ граффити на греческих керамических сосудах из скифских погребений Северного Причерноморья V – начала III в. до н. э. позволил предположить, что скифы намеренно отбирали для погребений сосуды с надписями, поскольку буквенным знакам придавалось сакральное значение (Бессонова, 2005, с. 18). Существует точка зрения, согласно которой статус ритуальных предметов автоматически приобретали все вещи, помещенные в могилу, различались только их культовая значимость и роль, отводимая им в ритуале (Королькова, 2001, с. 8–10).

можно предположить лишь в одном случае (**№1**). Многократное повторение имени в различных видах нехарактерно для обычных граффити владельцев; повторы более свойственны магическим надписям (ср. Яйленко, 2005, №№16, 17). Это предположение могло бы соответствовать действительности, если бы речь шла о греческом некрополе. Но в отношении сарматского могильника мы снова сталкиваемся с проблемой авторства. Если надписи появились в греческой среде, понимали ли сарматы их смысл или воспринимали как набор загадочных символов? А, быть может, среди местных сарматов все же были знатоки греческой грамоты⁹? Эти вопросы остаются пока без ответа.

В отличие от граффити, дипинти из варварских могильников и поселений никак не связаны с их жизнедеятельностью. Дипинти — это метки греческих торговцев, появившиеся прежде, чем сосуды попали к варварам. Будет целесообразным рассмотреть дипинти из могильника Нейзац, поселения на могильнике и поселения в Барабановской балке как одну группу (см. ниже после каталога).

Поселение на могильнике Нейзац

В культурном слое, образовавшемся на могильнике, обнаружено восемь фрагментов узкогорлых светлоглиняных амфор с дипинти (**№№15–22**): три фрагмента принадлежали амфорам типов *D*, *E* и *F* по классификации Д. Б. Шелова (Шелов, 1978, с. 16–21), а типологическую принадлежность остальных пяти определить не удалось. Эти пять фрагментов датированы в хронологических рамках существования поселения.

15. Фрагмент горла с частью плеча и нижней частью ручки амфоры типа *D* по Шелову (Власов и др., 2011, с. 184, рис. 14, 9). Конец II – III в. н. э. Раскопки 2010 г.

Д 17679 н. в. Дипинто на горле (рис. 5, 1):

фрагменты двух вертикальных линий

16. Горло с венчиком и ручкой амфоры типа *E* по Шелову (Власов и др., 2011, с. 185, рис. 17, 4). Конец IV в. н. э. Раскопки 2010 г. Д 17675 н. в. Дипинти на горле (рис. 5, 2):

a Α

Π

***b* верхние части букв**

Надпись относится к так называемой группе «*α/π*» (Ильяшенко, 2013, с. 98–128).

17. Верхний прилеп ручки с частью горла амфоры типа *F* по Шелову (Власов и др., 2011, с. 185, рис. 15, 18). IV в. н. э. Раскопки 2002 г. Д 11896 н. в. Дипинто на горле (рис. 5, 3):

Α []

18. Фрагмент горла узкогорлой светлоглиняной амфоры (Власов и др., 2011, с. 184, рис. 16, 10). IV – начало V в. н. э. Раскопки 1996 г. Дипинто (рис. 5, 4):

***a* фрагмент наклонной линии**

b ΕΥ []

Надпись *b* представляет собой начало одного из популярных греческих имен на Εὐ-. В дипинти на узкогорлых светлоглиняных амфорах IV в. н. э. встречаются такие имена, как Εὐκαρπος, Εὐλόγιος, Εὐψύχιος (Ильяшенко, 2013, с. 171, табл. 12). См. также **№13**.

19. Фрагмент горла узкогорлой светлоглиняной амфоры (Власов и др., 2011, с. 184, рис. 17, 3). IV – начало V в. н. э. Раскопки 2002 г. Д 11896 н. в. Дипинто (рис. 5, 5):

***a* фрагмент вертикальной линии**

b []Ω []

20. Фрагмент (переход от горла к плечу) узкогорлой светлоглиняной амфоры. IV – начало V в. н. э. Раскопки 2004 г. Д 13672 н. в. Дипинто (рис. 5, 6):

⁹ Как свидетельствуют лапидарные надписи, на Боспоре существовал специальный штат переводчиков с аланского языка (КБН, №1053; Pavlichenko, Fedoseev, 2018, P. 315–336). Иранское имя «главного переводчика» (Ἦρακῆς) позволило В. Ф. Гайдукевичу высказать предположение, что он происходил из аланской либо сарматской среды (Гайдукевич, 1949, с. 346). Надо полагать, в крупных сарматских поселениях тоже были переводчики из местных жителей, необходимые для успешного проведения торговых переговоров.

а фрагменты букв

б []М[]

21. Фрагмент (переход от горла к плечу) узкогорлой светлоглиняной амфоры (Власов и др., 2011, с. 184, рис. 17, 1). IV – начало V в. н. э. Раскопки 2010 г. Д 17669 н. в. Дипинто (рис. 5, 7):

а []Θ[]

б []ΙΟΙC

Перед первой йотой дипинто б сохранилась нижняя часть знака, напоминающего *стигму* (ς).

22. Фрагмент плеча узкогорлой светлоглиняной амфоры (Власов и др., 2011, с. 184, рис. 16, 11). IV – начало V в. н. э.

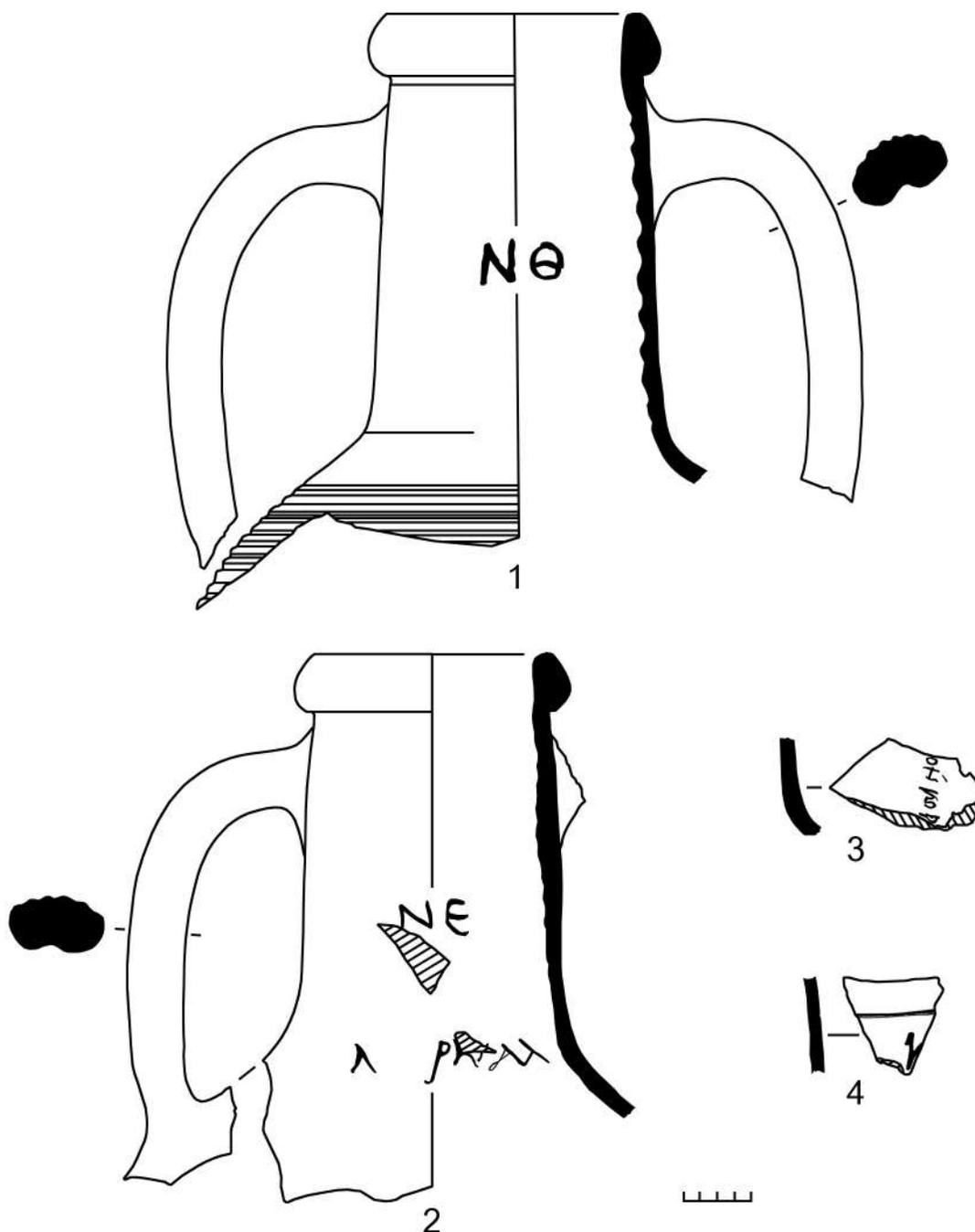

Рис. 7. Дипинты из поселения в Барабановской балке.
1–4 — фрагменты амфор типа 72 по И. Б. Зеест (кат. №№29–32)

Раскопки 2002 г. Д 11896 н. в. Дипинто (рис. 5, 8):

[]A[]

После *альфы* сохранилась наклонная гаста какой-то буквы.

Поселение в Барабановской балке

В ходе раскопок поселения найден один фрагмент амфоры с граффити (№23) и десять фрагментов — с дипинти (№№25–34). На один сосуд было нанесено и граффито, и дипинто (№24). Амфоры представлены разными типами: это типы *D* и *F* по классификации Д. Б. Шелова (соответственно 3 и 1 экземпляр), узкогорлые светлоглиняные амфоры неопределенных типов (2 экземпляра), тип 72 по классификации И. Б. Зеест (4), тип *LRA1 Benghazi* (1), красноглиняная амфора неопределенного типа (1). Фрагменты амфор неопределенных типов датированы в хронологических рамках существования поселения.

23. Фрагмент плеча амфоры типа *D* по Шелову (Храпунов, 2011б, с. 17, 111, рис. 64, 8). III в. н. э. Раскопки 2007 г. Д 15442 н. в. Граффито (рис. 6, 1):

пересекающиеся линии

Граффито можно понять как знак либо как букву (А или Δ).

24. Верхняя часть (без ручек) амфоры типа *D* по Шелову. III в. н. э. Раскопки 2009 г. К. о. 11. Граффито на нижней части горла, дипинто на плече (рис. 6, 2):

X /граффито/

часть наклонной линии /дипинто/

Вероятнее всего, крестообразный знак выступал в качестве метки, выделявшей амфору из ряда других, либо служил примитивной меткой собственности. Нельзя также исключать, что символ имел буквенное значение, являясь, к примеру, начальной буквой имени.

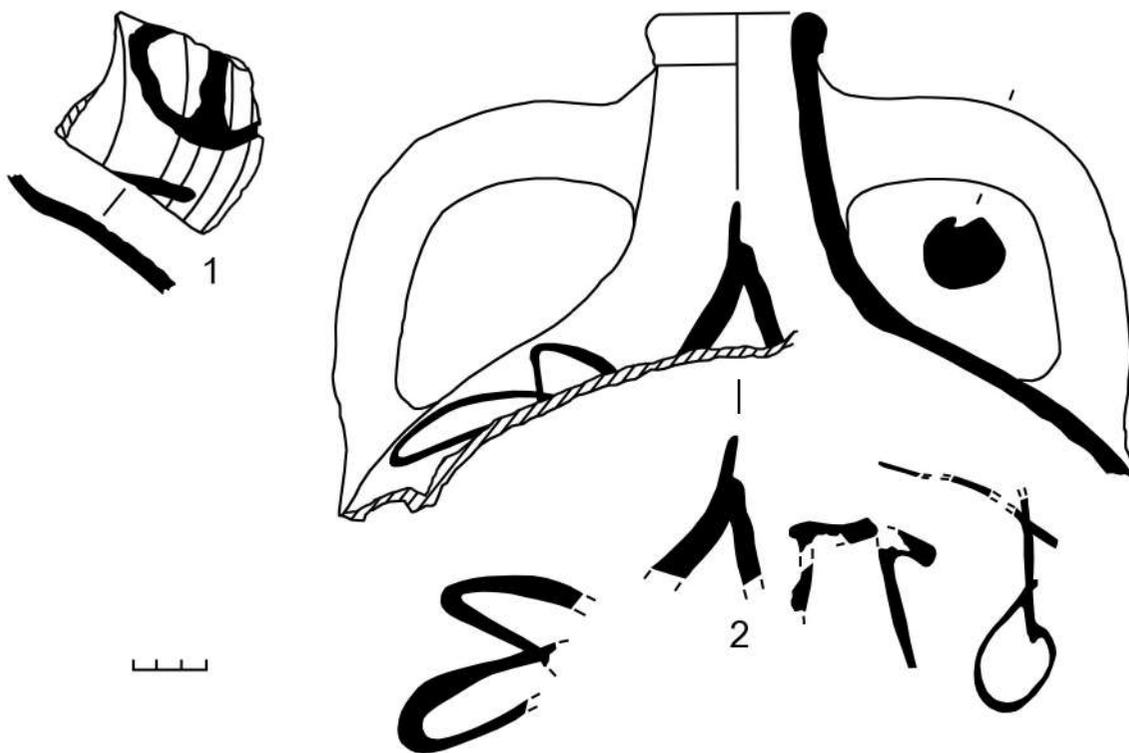

Рис. 8. Дипинти из поселения в Барабановской балке. 1 — фрагмент красноглиняной амфоры (кат. №33), 2 — верхняя часть амфоры типа *LRA1 Benghazi* (кат. №34)

25. Фрагмент горла с верхним прилепом ручки амфоры типа *D* по Шелову (Храпунов, 2011б, с. 17, 111, рис. 64, 7). III в. н. э. Раскопки 2007 г. Д 15442 н. в. Дипинто (рис. 6, 3):

К

Буква написана ретроградно или, что более вероятно, на перевернутой амфоре. Дипинто появилось тогда, когда сосуд находился в опрокинутом положении, видимо, после того, как его вымыли и поставили вверх дном для просушки (см. также Намойлик, 2010, №№69, 70). *Каппа* могла иметь здесь как буквенное, так и цифровое значение (К = 20).

26. Верхняя часть амфоры типа *F* по Шелову (Храпунов, 2011б, с. 17, 112, рис. 65, 4). IV в. н. э. Раскопки 2009 г. Д 17364 н. в. Дипинто на горле (рис. 6, 4):

ΜΥ

В качестве аналогии приведем дипинто ΜΥΡ на узкогорлой светлоглиняной амфоре типа *D* из подвала первой половины III в. н. э. в Танаисе (Шелов, 1989, с. 105, 109, рис. 3, 29). Издатель посчитал его аббревиацией слова *μυρίνης* («сладкое вино, ароматизированное миррой») или *μύρον* («мирра, сладкая ароматическая смола»). Не менее вероятно, что дипинти ΜΥ и ΜΥΡ являются сокращениями личных имен (например, *Μυρίνος*, *Μύρον*): одиночные аббревиации антропонимов нередко встречаются на амфорах этих типов (ср. №№ 10–12).

27. Фрагмент горла узкогорлой светлоглиняной амфоры. II – IV вв. н. э. Раскопки 2008 г. Д 15985 н. в. Дипинто (рис. 6, 5):

[]Н[]

28. Фрагмент плеча узкогорлой светлоглиняной амфоры. II – IV вв. н. э. Раскопки 2009 г. К. о. 7. Дипинто (рис. 6, 6):

[]Θ[]

29. Верхняя часть амфоры типа 72 по Зеест (Храпунов, 2011б, с. 18, 114, рис. 67, 1). Конец II – IV в. н. э. Раскопки 2007 г. Д 15443 н. в. Дипинто на горле (рис. 7, 1):

ΝΘ

ΝΘ = 59 (ксетов), что составляет около 32,3 л. Ксет — мера объема жидкостей,

равная 0,547 л (Hultsch, 1882, S. 103, 703, Tab. X, A).

См. также №№30–31.

30. Верхняя часть (без одной ручки) амфоры типа 72 по Зеест (Храпунов, 2011б, с. 18, 114, рис. 67, 2). Конец II – IV в. н. э. Раскопки 2007 г. Д 15443 н. в. Дипинти на горле и переходе от горла к плечикам (рис. 7, 2):

a ΝΕ /на горле/

b Λ ΡΗ[.]ΑΛ /на переходе от горла к плечикам/

ΝΕ = 55 (ксетов), что составляет около 30,1 л.

Надпись *b* пока не поддается удовлетворительной интерпретации. Аналогичная форма *альфы* засвидетельствована в граффито из Танаиса (Ильяшенко, 2013, рис. 32, 5).

См. №№29, 31.

31. Фрагмент нижней части горла амфоры типа 72 по Зеест (Храпунов, 2011б, с. 18, 113, рис. 66, 3). Конец II – IV в. н. э. Раскопки 2007 г. Д 15406 н. в. Дипинто (рис. 7, 3):

[]ΟΗ ΚΟΡ

ΟΗ = 78 (ксетов), что составляет около 42,7 л.

Возможно, ΚΟΡ — это сокращение имени, например, *Κορνήλιος* (лат. *Cornelius*). В форме *Κορνεΐλιος* оно засвидетельствовано на Боспоре, где, как считается, производились амфоры данного типа (КБН, №616: Пантикапей, вторая половина I – первая половина II в. н. э.).

См. №№29–30.

32. Фрагмент горла амфоры типа 72 по Зеест (Храпунов, 2011б, с. 18, 113, рис. 66, 2). Конец II – IV в. н. э. Раскопки 2008 г. Д 15980 н. в. Дипинто (рис. 7, 4):

фрагмент буквы[]

33. Фрагмент плеча красноглиняной амфоры с желобчатой внешней поверхностью. II – IV вв. н. э. Раскопки 2009 г. К. о. 1. Дипинто (рис. 8, 1):

[]Θ[]

Перед *тетой* сохранилась наклонная гаста какой-то буквы.

34. Верхняя часть амфоры типа *LRA1 Benghazi* (Храпунов, 2011б, с. 19, 128, рис. 81, 1). Конец IV – VII в. н. э. Раскопки 2009 г. Д 17367 н. в. Дипинто на плечиках (рис. 8, 2):

ЕДΠΟ

Последний знак надписи может быть лигатурой О и Υ (см. также Зеест, 1960, табл. 41, 104а).

Итак, совокупное количество дипинти из могильника Нейзац, поселения на могильнике Нейзац и поселения в Барабановской балке равно 24. Большинство надписей нанесено на узкогорлые светлоглиняные амфоры (типы *F, D, E* по классификации Д. Б. Шелова), а также на амфоры типа 72 по классификации И. Б. Зеест. В основном, сосуды датируются периодом со II по IV в. н. э.

Четыре амфоры типа *F* помечены одиночными дипинти ΕΡΜ (**№10**), ΤΡΥ (**№11**), ΠΟΝ (**№12**) и ΜΥ (**№26**). По С. М. Ильяшенко, такие лаконичные надписи характерны для ранних вариантов амфор первой половины IV в. н. э. (Ильяшенко, 2013, с. 101, рис. 34), что дает возможность уточнить датировку сосудов. Вероятно, за сокращениями стояли имена изготовителей перевозимого в амфорах вина либо имена оптовых торговцев. Скорее всего, эти антропонимы относятся к ономастикону Гераклеи Понтийской, где производились узкогорлые светлоглиняные амфоры и их содержимое — вино (Внуков, 2006, с. 16, 17, 48–57, 232).

На двух амфорах типов *F* и *E* читаются дипинти широко распространенной серии «α/π» (**№№13, 16**). Такие надписи состоят из сокращения Α|Π (*альфа* всегда расположена над *пи*), ниже которого следует личное имя в Род. падеже. По мнению С. М. Ильяшенко, аббревиация восходит к одному из предлогов *παρά* или *ἀπό*, указывающему, вместе с именем, на происхождение содержимого амфор в смысле «товар от такого-

то». Скорее всего, надписи этой группы наносились в месте отправки товара, т. е. в районе Гераклеи (Гудименко, Ильяшенко, 2000, с. 13–16; Ильяшенко, 2013, с. 98–128; Ильяшенко, 2014, с. 270–300). Дополнительный символ Ρ в дипинто **№13** позволяет предположить, что за монограммой стоит предлог *παρά*.

Дипинти серии «α/π» могут служить хронологическим индикатором: установлено, что традиция такой маркировки тарных сосудов типов *E* и *F* бытовала с середины до конца IV в. н. э. (Ильяшенко, 2013, с. 107; Ильяшенко, 2014, с. 279). Это позволяет сузить датировку наших амфор с надписями до второй половины (**№13**) и конца (**№16**) IV столетия.

На трех фрагментах амфор типа 72 по классификации И. Б. Зеест, обнаруженных на поселении в Барабановской балке, сохранились надписи, сходные между собой по содержанию (**№№29–31**). Они состоят из цифровых знаков ΝΘ (59), ΝΕ (55), ΟΗ (78). Подобные дипинти на красноглиняных амфорах происходят из раскопок Херсонеса и Усть-Альминского городища: ΜΕ, ΜΗ, Ν, ΝΔ<, ΝΕ<, ΝΗ, ΞΕ ΟΕ (Соломоник, 1993, №№ 21–28, 45, рис. 3, 4). Судя по приведенным в статье иллюстрациям, амфоры также относятся к типу 72 по И. Б. Зеест. Э. И. Соломоник считала эти дипинти обозначениями объема, выраженного в секстариях; за символ секстария (лат. *sextarius*) она принимала угловатый значок, сопровождающий некоторые цифры.

Группа аналогичных амфор с дипинти была найдена в Танаисе (Шелов, 1989, с. 107, 108, рис. 4, 35–36; Шелов, Беттгер, 1998, с. 98)¹⁰. Д. Б. Шелов и Б. Беттгер обратили внимание на то, что при некоторых «надписях группы Ν» есть знак Ξ, стоящий перед числом, и интерпретировали его как сокращение слова ξέστης (квест)¹¹. Угловатый значок они посчитали символом поло-

¹⁰ В качестве аналогии приведем также дипинто ΝΒ на амфоре того же типа из раскопок Ольвии (Крапивина, Диатроптов, 2014, №186, рис. 24, 7).

¹¹ В дипинто на амфоре из Усть-Альминского городища встречаем аббревиацию из двух букв: ΞΕ ΟΕ (Соломоник, 1993, №45, рис. 4)

вины единицы измерения¹². С этой интерпретацией можно согласиться.

Ксестом греки называли римский секстарий — меру объема, равную 0,547 л (Hultsch, 1882, S. 103, 703, Tab. X, A). В римское время ксест являлся наиболее употребительной единицей измерения объема. Словосочетания ξέστης ἔληρ(ός) («ксест масла») и ξέστης οἴν(ου) («ксест вина») вырезаны рядом с отверстиями мерного стола, найденного в с. Горско-Косово в Болгарии (Mihailov, 1959, №695). Слово ξέστης многократно встречается в дипинти и граффити на амфорах из раскопок афинской агоры как в сокращенном, так и в полном варианте (Lang, 1976, p. 56, 57). Согласно дипинти на амфорах из поселения в Барабановской балке, их объемы составляли 59 ксестов (32,3 л), 55 ксестов (30,1 л) и 78 ксестов (42,7 л) (№№29–31). Приведенные цифры вполне согласуются с реальностью, поскольку амфоры типа 72 по И. Б. Зеест были крупными сосудами высотой до 110 см и вместимостью около 40 л (Duczec, 1999, s. 196). Таким образом, наблюдается устойчивая традиция маркировки амфор этого типа обозначениями объема, выраженного в ксестах. Надо полагать, дипинти наносили в районе производства сосудов и их содержимого, т. е. на Боспоре¹³.

В статье рассмотрены граффити и дипинти на 34 сосудах и фрагментах сосудов из раскопок трех варварских памятников. Граффити процарапаны на девяти предметах столовой посуды из могильника Нейзац и на двух амфорах из поселения в Барабановской балке. Если сравнить граффити из могильника Нейзац с тем же

типом материала из синхронных могильников Усть-Альма и Бельбек IV¹⁴, то окажется, что последние гораздо более богаты находками надписей: согласно опубликованным данным, там обнаружено более 30 и более 50 граффити соответственно. Вероятно, это объясняется большей удаленностью могильника Нейзац от греческих центров с их традицией маркировки керамической посуды. Вместе с тем, набор граффити из всех этих памятников (надписи на древнегреческом языке, тамгообразные знаки, рисунки) совершенно совпадает.

По материалам из могильников можно судить о том, как греческий феномен граффити приходит в соприкосновение с сарматской традицией нанесения тамгообразных знаков. Ярким тому примером служат изображение оленя и тамга, прочерченные в процессе производства греческого кружального сосуда. Сарматы не воспринимали греческие граффити как нечто чуждое¹⁵, поскольку для их собственной культуры было характерно использование особых знаков — тамг, которыми метили как движимое, так и недвижимое имущество. Показательно, что на позднескифском поселении в Барабановской балке, соседнем могильнику Нейзац, не найдено ни одного граффито на столовой посуде.

Если граффити были в какой-то мере связаны с реалиями повседневной жизни на варварских памятниках, то дипинти такой связи не имели. Эти надписи, появлявшиеся на начальных этапах торговых операций, должны рассматриваться в контексте других дипинти на амфорах аналогичных типов вне зависимости от места находки.

¹² Знак < или С как обозначение половины засвидетельствован во многих надписях (Lang, 1976, p. 56; McLean, 2002, p. 61).

¹³ Химический анализ глиняного теста показал, что сырьем для производства амфор служила глина из месторождений в Крыму и в бассейне Азовского моря (Duczec, 1999, s. 196; Кленина, 2004, с. 21).

¹⁴ Эти памятники выбраны для сравнения по причине относительно хорошей степени изученности.

¹⁵ В противном случае сосуды с греческими граффити не попадали бы в состав погребального инвентаря.

Литература

- Бессонова С. С. Находки греческой керамики с граффити в скифских погребениях Северного Причерноморья // БИ. 2005. Вып. 10. С. 5–24.
- Беттгер Б., Шелов Д. Б. Дипинти на амфорах из Танаиса. М.: Paleograph Publishers, 1998. 238 с. (Pontus Septentrionalis I. Танаис 1).
- Внуков С. Ю. Причерноморские амфоры I в. до н. э. – II в. н. э. Ч. 2: Петрография, хронология, проблемы торговли. СПб.: Алетейя, 2006. 320 с.
- Воронятов С. В. О функции сарматских тамг на сосудах // Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем / Отв. ред. А. Г. Фурасьев. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. С. 80–98.
- Воронятов С. В. Оселки с сарматскими тамгами // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями / Материалы междунар. науч. конф., посвященной 110-летию со дня рождения М. П. Грязнова. СПб., 22–26 октября 2012 года. Кн. 1 / Под. ред. В. А. Алекшина и др. СПб.: ИИМК РАН, Периферия, 2012. С. 54–58.
- Высотская Т. Н. Усть-Альминское городище и некрополь. Киев: Киевская Академия Евробизнеса, 1994. 207 с.
- Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 622 с.
- Граффити античного Херсонеса / Отв. ред. Э. И. Соломоник. Киев: Наукова думка, 1978. 139 с.
- Гудименко И. В., Ильяшенко С. М. Надписи на позднеантичных амфорах поселения Рогожкино XIII // Донская археология. 2000. №2. С. 12–28.
- Гущина И. И. Глиняные пряслица с граффити из могильников Юго-Западного Крыма первых веков нашей эры // Проблемы археологии Евразии / Отв. ред. С. В. Студзицкая. М.: б. и., 1990. С. 68–70. (Труды ГИМ. Вып. 74).
- Власов В. П., Смокотина А. В., Храпунов И. Н. Культурный слой на могильнике Нейзац // Исследования могильника Нейзац / Науч. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: издательство «Доля», 2011. С. 179–249.
- Драчук В. С. Системы знаков Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1975. 175 с.
- Журавлев Д. В. Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма I – III вв. н. э. (по материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины). Симферополь: б. и., 2010. 320 с. (МАИЭТ. Supplementum. 9).
- Журавлев Д. В. Граффити на краснолаковой керамике из могильника Бельбек IV в Юго-Западном Крыму // Поздние скифы Крыма / Отв. ред. И. И. Гущина, Д. В. Журавлев. М.: ГИМ, 2001. С. 187–193. (Труды ГИМ. Вып. 118).
- Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора // МИА. 1960. №83. 180 с.
- Зубарь В. М. Еще раз по поводу позднескифской государственности // МАИЭТ. 2002. Вып. 9. С. 501–518.
- Ильяшенко С. М. Стандартные *dipinti* на узкогорлых светлоглиняных амфорах Танаиса и его округи III – IV вв. н. э. // БИ. 2013. Вып. 19. 288 с.
- Ильяшенко С. М. Надписи группы « α/π » на узкогорлых светлоглиняных амфорах из раскопок на городище Тиритака в 2002 – 2007 гг. // БИ. 2014. Вып. 30. С. 270–300.
- Кленина Е. Ю. Керамические сосуды II – III вв. н. э. из усадьбы «Близнецы» (Хора Херсонеса Таврического). Познань: б. и., 2004. 113 с.

- Королькова Е. Ф.* Посуда из погребений: предмет быта или культа? // Отделу археологии Восточной Европы и Сибири 70 лет / Тезисы докладов науч. конф. / Науч. ред. А. Ю. Алексеев. СПб.: Изд-во ГЭ, 2001. С. 8–10.
- Корпус боспорских надписей / Под ред. В. В. Струве, М. Н. Тихомирова, В. Ф. Гайдукевича, А. И. Доватура, Д. П. Каллистова, Т. Н. Книпович. М. – Л.: Наука, 1965. 952 с.
- Крапивина В. В., Диатроптов П. Д.* Дипинти и граффити на амфорах римской Ольвии // МАИЭТ. 2014. Вып. 19. С. 3–67.
- Кучеревская Н. Л.* Памятники с тамгообразными знаками из коллекции Керченского лапидария: каталог // Научный сборник Керченского заповедника. Вып. 3 / Под ред. Н. В. Галченко и др. Симферополь: Бизнес-Информ, 2011. С. 143–166.
- Малышев А. А.* Граффити на керамических сосудах как исторический источник (на материалах юго-восточной периферии Боспора VI в. до н. э. – III в. н. э.) // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья / Отв. ред. В. И. Гуляев. М.: б. и., 2005. С. 547–562.
- Намойлик А. С.* Граффити на амфорах из раскопок Нимфея в коллекции Государственного Эрмитажа // ДБ. 2010. Вып. 14. С. 397–450.
- Намойлик А. С.* Магические граффити из раскопок Нимфея в коллекции Государственного Эрмитажа // Археологические вести. 2017. Вып. 23. С. 198–210.
- Намойлик А. С.* Граффити на керамических изделиях из Нимфея как источник по истории боспорского города (по материалам из собрания Государственного Эрмитажа). Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2018.
- Ольховский В. С.* Тамга (к функции знака) // Историко-археологический альманах. 2001. Вып. 7. С. 75–86.
- Пещерева Е. М.* Гончарное производство Средней Азии. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 395 с. (Труды института этнографии. Новая серия. Т. 42).
- Пуздровский А. Е.* Граффити на краснолаковой посуде из раскопок Усть-Альминского некрополя в 1993 – 1995 гг. // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. 1 / Ред.-сост. И. Н. Храпунов. Симферополь: Таврия, 1997. С. 167–180.
- Пуздровский А. Е.* Граффити на краснолаковой посуде из могильников Крымской Скифии // Боспорский феномен / Материалы междунар. науч. конф. / Ред. М. Ю. Вахтина, Е. В. Грицик, Н. К. Жижина, С. В. Иванов, В. Ю. Зуев, С. В. Кашаев, О. Ю. Соколова, В. А. Хршановский СПб., 22–25 ноября 2011 года. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 373–381.
- Пуздровский А. Е.* Детское погребение с граффити-посвящением на краснолаковой тарелке из Усть-Альминского некрополя // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). I / Науч. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь – Бахчисарай: издательство «Доля», 2013. С. 60–69.
- Сапрыкин С. Ю., Масленников А. А.* Граффити и дипинти хоры античного Боспора. Симферополь – Керчь: б. и., 2007. 319 с. (БИ. Supplementum 1).
- Соломоник Э. И.* Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев: Изд-во АН УССР, 1959. 190 с.
- Соломоник Э. И.* Граффити с хоры Херсонеса. Киев: Наукова думка, 1984. 144 с.
- Соломоник Э. И.* Латинские надписи Херсонеса Таврического. М.: Наука, 1983. 95 с.
- Соломоник Е. І.* Написи на кримських амфорах перших століть нашої ери // Археологія. 1993. №2. С. 102–116.

- Стоянова А. А. Плитовые могилы из некрополя Нейзац // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). I / Науч. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь – Бахчисарай: издательство «Доля», 2013. С. 77–92.
- Тохтасьев С. Р. Из ономастики Северного Причерноморья II: Фракийские имена на Боспоре // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья / Отв. ред. А. К. Гаврилов. СПб.: Глаголь, 1992. С. 178–199.
- Труфанов А. А. Пряслица с изображениями животных из варварских могильников предгорного Крыма // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). V. Материалы X Международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории» / Отв. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: Фирма «Салта» ЛТД, 2019. С. 282–299.
- Туровский Е. Я., Филиппенко А. А., Фомин М. В. Раннехристианская живопись Херсонеса-Херсона (к итогу дискуссии о датировке) // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. Сер. Історія. 2012. Вип. 45. С. 99–106.
- Ушаков С. В., Дорошко В. В., Дорошко О. П. Херсонесская сигиллята: основные типы и хронология (по материалам раскопок городища Херсонес и могильника «Совхоз–10») // ИАК. Вып. 6 / Отв. ред. В. В. Майко. Симферополь: ИП Бровко А. А., 2017. С. 54–93.
- Храпунов И. Н. Некоторые итоги исследований могильника Нейзац // Исследования могильника Нейзац / Науч. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: издательство «Доля», 2011а. С. 13–113.
- Храпунов И. Н. Склеп с погребениями III – IV вв. н. э. из могильника Нейзац. Симферополь: издательство «Доля», 2011б. 72 с.
- Храпунов И. Н. Археологическая культура позднеримского времени в предгорном Крыму // РА. 2019. №1. С. 32–49.
- Храпунов И. Н., Стоянова А. А. Первые погребения в могильнике Нейзац // ИАК. Вып. 3 / Отв. ред. В. В. Майко. Симферополь: Наследие тысячелетий, 2016. С. 200–234.
- Шелов Д. Б. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология // КСИА. 1978. Вып. 156. С. 16–21.
- Шелов Д. Б. Дипинти на амфорах из танаисских комплексов // НЭ. 1989. Т. 15. С. 97–125.
- Шкорпил В. В. Керамические надписи, найденные при раскопках на северном склоне горы Митридата в г. Керчи в ноябре и декабре 1901 г. // Известия Императорской археологической комиссии. Вып. 3. СПб., 1902. С. 122–165.
- Эрнст Н. Л. Отчет об исследовании случайных и самовольных раскопок погребальных склепов у кол. Нейзац 13–15 июня 1927 г. // Исследования могильника Нейзац / Науч. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: издательство «Доля», 2011. С. 7–11.
- Яйленко В. П. Граффити Левки, Березани и Ольвии // ВДИ. 1980. №2. С. 72–94.
- Яйленко В. П. Магические надписи Боспора // ДБ. 2005. Т. 8. С. 465–514.
- Яценко С. А. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М.: Восточная литература, 2001. 190 с.
- Blümel W. Die Inschriften von Iasos. Teil I–II. Bonn: R. Habelt, 1985. 174+286 S. (Inschriften griechischen Städteaus Kleinasien. Bd. 28).
- Dyczek P. Amfory rzymskie z obszaru Dolnego Dunaju. Dystrybucja amfor i transportowanych w nich produktów w I – III w. po Chr. Warszawa: Instytut Archeologii Uniwersytetu Warszawskiego, 1999. 333 s.

- Hultsch F.* Griechische und römische Metrologie. 2. Bearbeitung. Berlin: Weidmann, 1882. 745 S.
- Khrapunov I. N.* The Vault with Openwork Plaque from the Cemetery of Neyzats in the Crimea // The Turbulent Epoch. New Materials from the Late Roman Period and the Migration Period. I / Her. B. Niezabitowska-Wiśniewska, M. Juściński, P. Łuczkiwicz, S. Sadowski. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2008. P. 189–217.
- Lang M.* Graffiti and Dipinti. Princeton – New Jersey: The American School of Classical Studies at Athens, 1976. 186 p. (The Athenian Agora. Vol. 21).
- Lexicon of Greek Personal Names. [Электронный ресурс]. URL: <http://clas-igpn5.classics.ox.ac.uk:8080/exist/apps/igpn1-search/index.html> (дата обращения 25.08.2020).
- Lexicon of Greek Personal Names. Vol. 4: Macedonia, Thrace, Northern Regions of the Black Sea / Eds. P. M. Fraser, E. Matthews, R. W. V. Catling. Oxford: Clarendon Press, 2005. 387 p.
- McLean B. H.* An Introduction to Greek Epigraphy of the Hellenistic and Roman Periods from Alexander the Great down to the Reign of Constantine. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2002. 516 p.
- Mihailov G.* Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae. Vol. 2. Serdicae: in aedibus typographicis Academiae litterarum bulgaricae, 1958. 257 p.
- Οραιτζ Α.* Pontic Wine in the Athenian Market // ΚΕΡΑΜΙΚΗ ΤΗΣ ΥΣΤΕΡΗΣ ΑΡΧΑΙΟΤΗΤΑΣ ΑΠΟ ΤΟΝ ΕΛΛΑΔΙΚΟ ΧΩΡΟ (3ος–7ος αι. μ. Χ.) / Επιστ. επ. Δ. Παπανικόλα-Μπακιρτζή, Ντ. Κουσουλάκου. Θεσσαλονίκη: Αρχαιολογικό Ινστιτούτο Μακεδονικών και Θρακικών Σπουδών, 2010. P. 108–130.
- Pavlichenko N., Fedoseev N.* A New Inscription of Herakas, son of Pontikos, ΑΡΧΕΡΜΗΝΕΥΣ ΑΛΑΝΩΝ // Hyperboreus. Vol. 24/2. / Eds. N. Almazova, S. Egorova, D. Keyer, A. Verlinsky. Petropoli: Bibliotheca Classica Petropolitana; München: Verlag C. H. Beck, 2018. P. 315–336.
- Roller L. E.* Nonverbal Graffiti, Dipinti, and Stamps. Philadelphia: The University Museum, 1987. 125 p. (Gordion Special Studies. Vol. 1).
- Zgusta L.* Die Personennamen griechischer Städte der Nördlichen Schwarzmeerküste. Praha: Nakladatelství Československé Akademie Věd, 1955. 467 S.

А. А. Труфанов

Керамика из культурного слоя могильника у с. Курское (по материалам исследований 2000 г.)

Ключевые слова: Крым, могильник Курское, культурный слой, амфоры, лепные сосуды, кизил-кобинская керамика

Резюме

В статье рассматриваются фрагменты керамических сосудов, обнаруженные в культурных отложениях на территории могильника, расположенного у с. Курское в восточной части предгорного Крыма. Анализ находок позволяет установить, что культурный слой на территории могильника начал формироваться не позже конца II – начала III в. н. э., но наибольшую интенсивность этот процесс приобрел в IV в. н. э.

На этой же территории под наслоениями, образовавшимися в период функционирования могильника, обнаружен слой предшествующего времени с кизил-кобинской керамикой, вероятно, связанный с существовавшим поблизости поселением.

Aleksandr Trufanov

Ceramic Pottery from the Cultural Layer on the Cemetery near Kurskoe Village (According to 2000 Researches)

Keywords: *Crimea, Kurskoe cemetery, cultural layer, amphorae, hand-made vessels, Kizil-Koba culture vessels*

Abstract

This paper addresses the fragments of ceramic vessels discovered from the cultural deposits overlaying the cemetery located near the modern village of Kurskoe in the eastern zone of the sub-mountainous Crimea. The analysis of the finds suggests that the formation of the cultural layer in the cemetery area started no later than the late second or early third century AD. The cultural layer formation process was especially intensive in the fourth century AD. In the same area, below the deposits that shaped in the period when the cemetery functioned, there was a layer from the previous period featuring ceramic ware from the Kizil-Koba archaeological culture. This was probably related to a settlement located nearby.

Могильник находится на западном берегу р. Индол, в 2 км к северу от с. Курское Белогорского района Крыма. Памятник расположен на восточном склоне г. Кизил-Таш, господствующей на западном берегу р. Индол, к западу от г. Бор-Кая, возвышающейся на восточном берегу этой же реки (рис. 1, 1).

Могильник был открыт грабителями в конце 90-х гг. прошлого столетия и начал подвергаться активному разграблению. Это побудило предпринять археологические работы, направленные на получение информации о памятнике. Полевые исследования могильника проводились в 2000 и 2001 гг. В результате было изучено 26 погребаль-

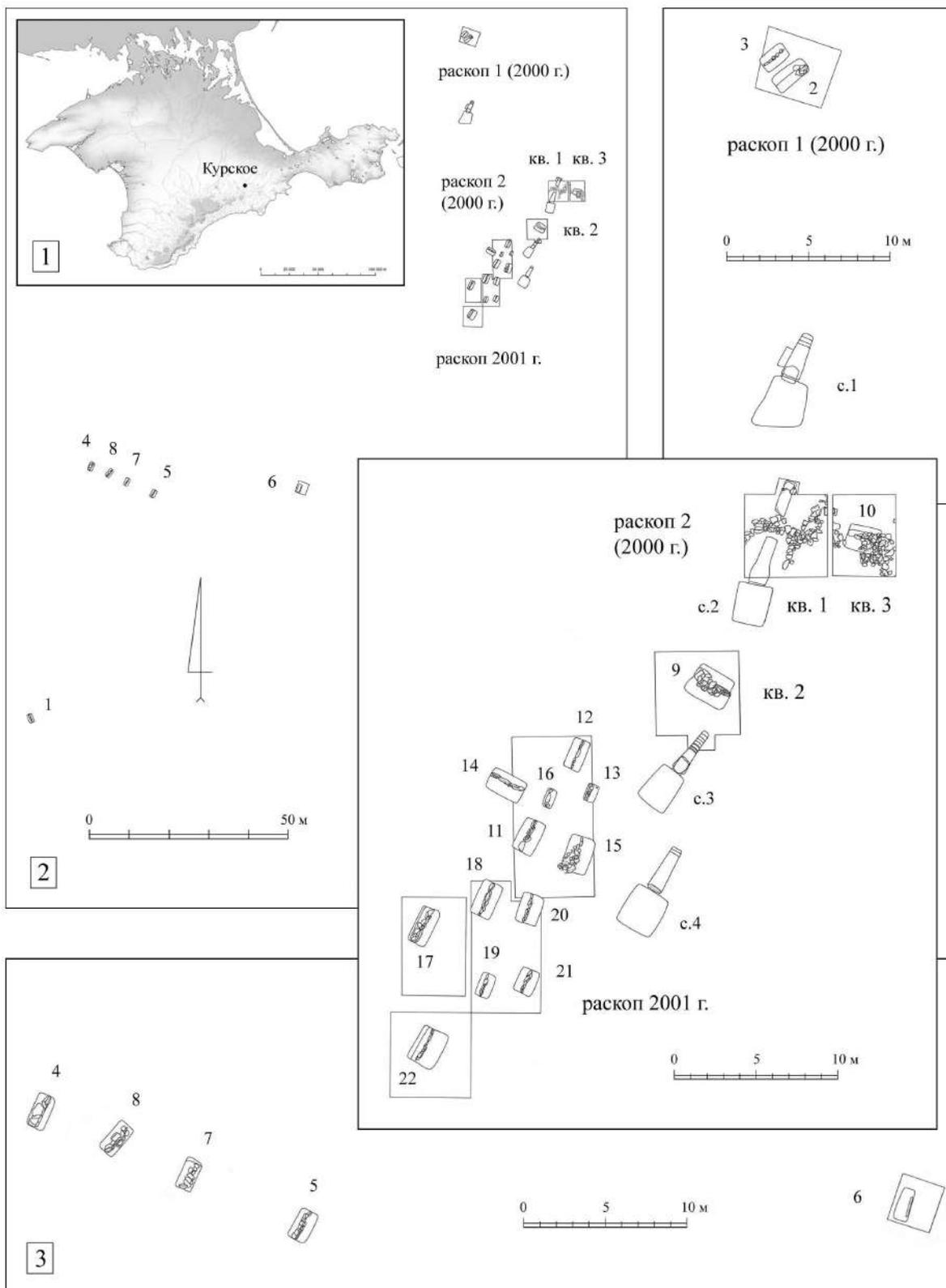

Рис. 1. Могильник у с. Курское: 1 — место расположения могильника, 2 — общий план раскопов, 3 — планы раскопов

ных сооружений, в том числе 21 подбойная могила, 4 грунтовых склепа и 1 грунтовая могила с конским захоронением (рис. 1, 2).

Сжатая информация о ходе проводимых работ публиковалась в форме коротких сообщений (Колотухин и др., 2001, с. 131–133; Труфанов, Колтухов, 2001, с. 186–189; Труфанов, 2001, с. 103, 104; 2002, с. 253–255). Несколько позже были опубликованы материалы раскопок всех выявленных погребальных сооружений (Труфанов, Колтухов, 2003, с. 278–295; Труфанов, 2004, с. 495–521; 2012, с. 34–41).

Большая часть обнаруженных подбойных могил датируется в пределах конца II – середины III в. н. э., две (могилы 9 и 10) относятся к более позднему времени и их датировка может быть определена в рамках последней трети (или конца) III – первой четверти IV в. н. э. Все выявленные грунтовые склепы, судя по обнаруженным в них находкам, функционировали в IV в. н. э.

Работы на памятнике в 2000 г.¹ начались с расчистки двух погребальных сооружений, имевших признаки недавнего ограбления — могилы 1 в юго-западной и склепа 1 в северо-восточной частях могильника. Дальнейшие исследования проводились на разных участках. В юго-западной части некрополя было раскопано пять могил, верхние части каменных конструкций которых удалось заметить у края проложенной по склону грунтовой дороги (могилы 4–8). Поскольку при раскопках этих могил выбирался лишь грунт из их заполнения, а территория вокруг погребальных сооружений осталась неисследованной, судить о наличии или отсутствии культурных отложений на данном участке довольно трудно. Во всяком случае, ни фрагменты керамики, ни выбросы грунта в бортах грунтовой дороги выявлены не были. Судя по геологическим обнажениям, прослеженным в откосах дороги, на этом участке под слоем темного гумуса залегает рыхлый суглинисто-мергелистый слой, в котором и выкопаны могилы.

Исследования в северо-восточной части могильника велись на двух раскопах.

Раскоп 1 (рис. 1, 2, 3), площадью 16 м², располагался на северном участке могильника, где пологий склон становится более крутым, понижаясь к реке. Здесь были найдены и изучены две могилы (№№ 2 и 3). На исследованной площади под слоем гумуса мощностью 0,30–0,40 м залегал рыхлый суглинисто-мергелистый слой, причем оба слоя оказались археологически стерильными. Возможно, отсутствие обломков керамики связано с относительной крутизной склона, на котором культурный слой не сформировался, так как «сползал» вниз, к реке.

Раскоп 2 (рис. 1, 2, 3; 2) состоял из трех квадратов общей площадью 70 м². На территории раскопа были выявлены и изучены могилы 9 и 10, а также склепы 2 и 3. Стратиграфическая ситуация на данном участке отличалась тем, что здесь под слоем гумуса находился хорошо выраженный слой с культурными отложениями, мощностью от 0,20 до 0,50 м, содержащий выбросы грунта из могил и склепов, прослойки грунта с осколками известняка и остатки каменных конструкций. В этом слое найдено множество обломков керамических сосудов и фрагменты костей животных. Кроме того, в этом горизонте прослежена каменная обкладка полукруглых очертаний, расположенная к северу от входной ямы склепа 2 (рис. 2). Необработанные камни сложены небрежно, под давлением грунта кладка расплзлась, но в некоторых местах сохранилась на высоту двух рядов. За ее пределами, к ССВ от входной ямы на этом же уровне лежала фрагментированная прямоугольная стела из песчанистого известняка, размерами 2,20х0,70х0,15 м. Вокруг ее основания, на расстоянии около 3,0 м к ССВ от края входной ямы склепа 2 прослежены очертания прямоугольной ямы, предназначенной для установки этого надгробия. В заполне-

¹ Описание полевых исследований 2000 г. приводится в соответствии с текстом отчета, подготовленным С. Г. Колтуховым и А. А. Труфановым (Колтухов и др., 2000).

нии ямы найдены обломки керамических сосудов, в том числе нижней части узкогорлой светлоглиняной амфоры типа *F* (рис. 8, 7) по Д. Б. Шелову (Шелов, 1978, с. 18, 19). По-видимому, стела была сломана и повалена в направлении входной ямы склепа еще во время функционирования могильника. Основанием для такого предположения служит то, что верхний край стелы был отбит, а саму ее перекрывал культурный слой, соответствующий времени существования могильника.

На этом же уровне поверх заполнения входной ямы подбойной могилы 10 и рядом с ней прослежена прослойка, состоящая из грунта с большим количеством известнякового щебня. Вероятно, этот щебень представлял собой отходы, образовавшиеся при подтеске плит, предназначенных для заклада могилы и дорабатывающихся прямо на месте. К востоку от могилы, частично перекрывая ее входную яму, находилось скопление хаотично расположенных крупных обломков известняка (рис. 2).

Под культурным слоем, сформировавшимся во время функционирования могильника, на данном участке располагался более древний слой серо-коричневого гумусированного суглинка мощностью 0,20–0,40 м. В этом слое обнаружены обломки керамики, представленной исключительно лепными сосудами, в том числе с лощеной поверхностью и врезным орнаментом, характерным для кизил-кобинской посуды. Наибольшее количество фрагментов найдено на терри-

тории квадрата 2, тогда как на квадратах 1 и 3 их обнаружено меньше. Эти находки дали основание для обследования ближайших к могильнику территорий. В процессе разведок, предпринятых В. А. Колотухиным, приблизительно в 80 м к юго-западу от предполагаемой южной границы могильника на гребне водораздела были выявлены распаханные возвышения с выступающими из насыпей каменными плитами. Раскопки двух насыпей привели к обнаружению ограбленных кизил-кобинских каменных ящиков VII – VI вв. до н. э. (Колтухов и др., 2000, с. 5).

Дальнейшие работы, проводившиеся в границах раскопа 2, позволили установить, что под слоем, содержащим обломки кизил-кобинской керамики, на глубине 0,60–0,90 м располагался стерильный «материковый» слой.

В 2001 г. исследования проводились на участке между раскопом 2 (2000 г.) и могилами у грунтовой дороги, раскопанными в 2000 г. Работы велись на четырех квадратах, общей площадью 127 м², в границах которых изучены могилы 11–22 (рис. 1, 2, 3). Кроме того, к востоку от исследуемого участка был раскопан склеп 4. К сожалению, обломки керамики из культурного слоя, найденные в 2001 г., впоследствии были утеряны и не попали в отчет, так что рассматривая материалы из культурных отложений на территории могильника у с. Курское, приходится использовать только данные, полученные в результате раскопок предыдущего полевого сезона.

Табл. 1. Керамика из культурного слоя могильника у с. Курское

	венчики	стенки	ручки	донья	профиль	всего
Красноглиняные амфоры	0	0	2	0	0	2
Розовоглиняные амфоры	0	0	2	0	0	2
Узкогорлые светлоглин. амфоры	0	0	1	1	0	2
Краснолаковые сосуды	2	5	1	0	0	8
Гончарные сосуды	3	7	1	4	0	15
Лепные сосуды	16	125	8	13	2	164
Кизил-кобинские лепные сосуды	8	130	0	5	0	143
Всего	29	267	15	23	2	336

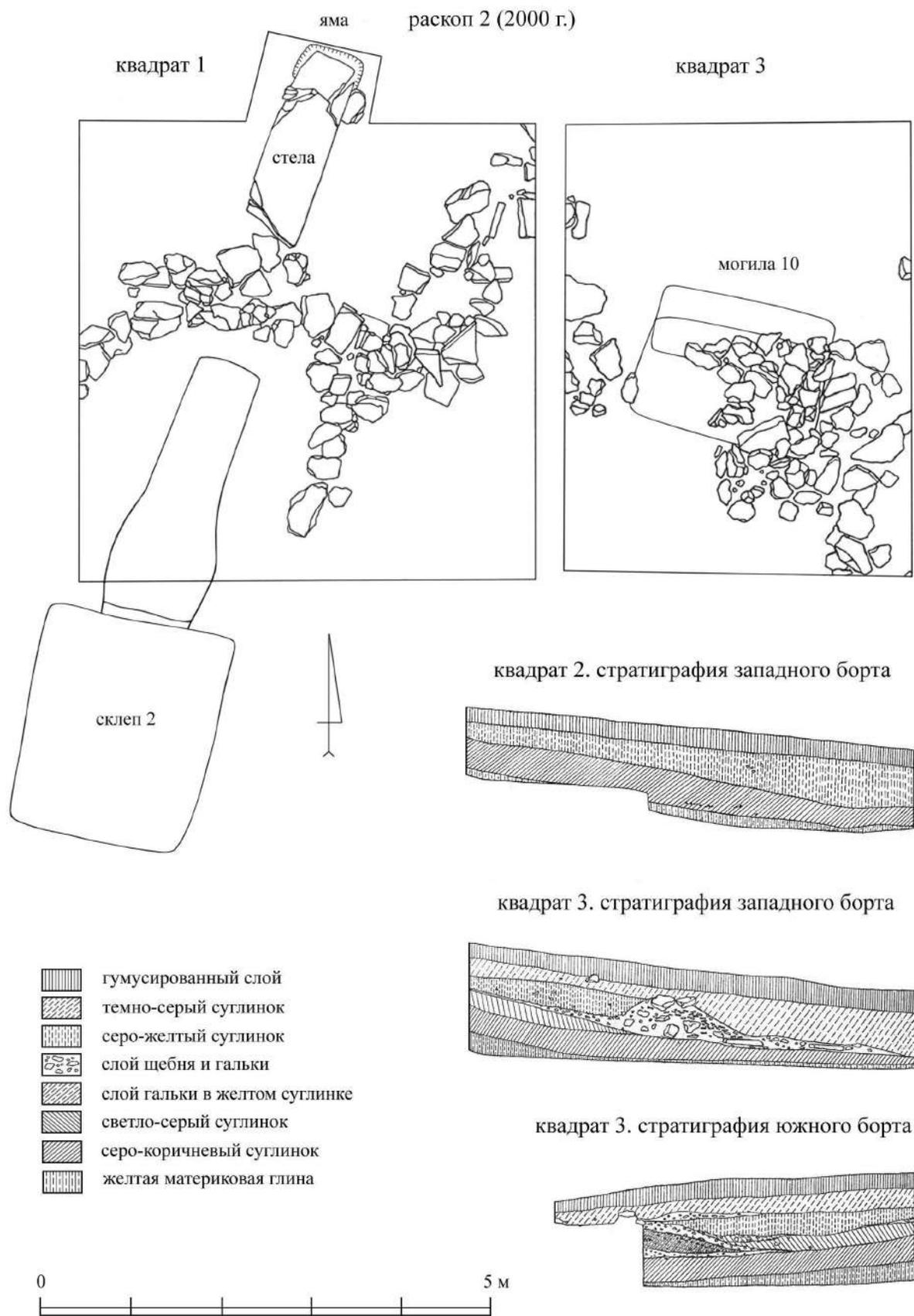

Рис. 2. План раскопа 2 (2000 г.) (квадраты 1 и 3). Стратиграфии бортов квадратов 2 и 3

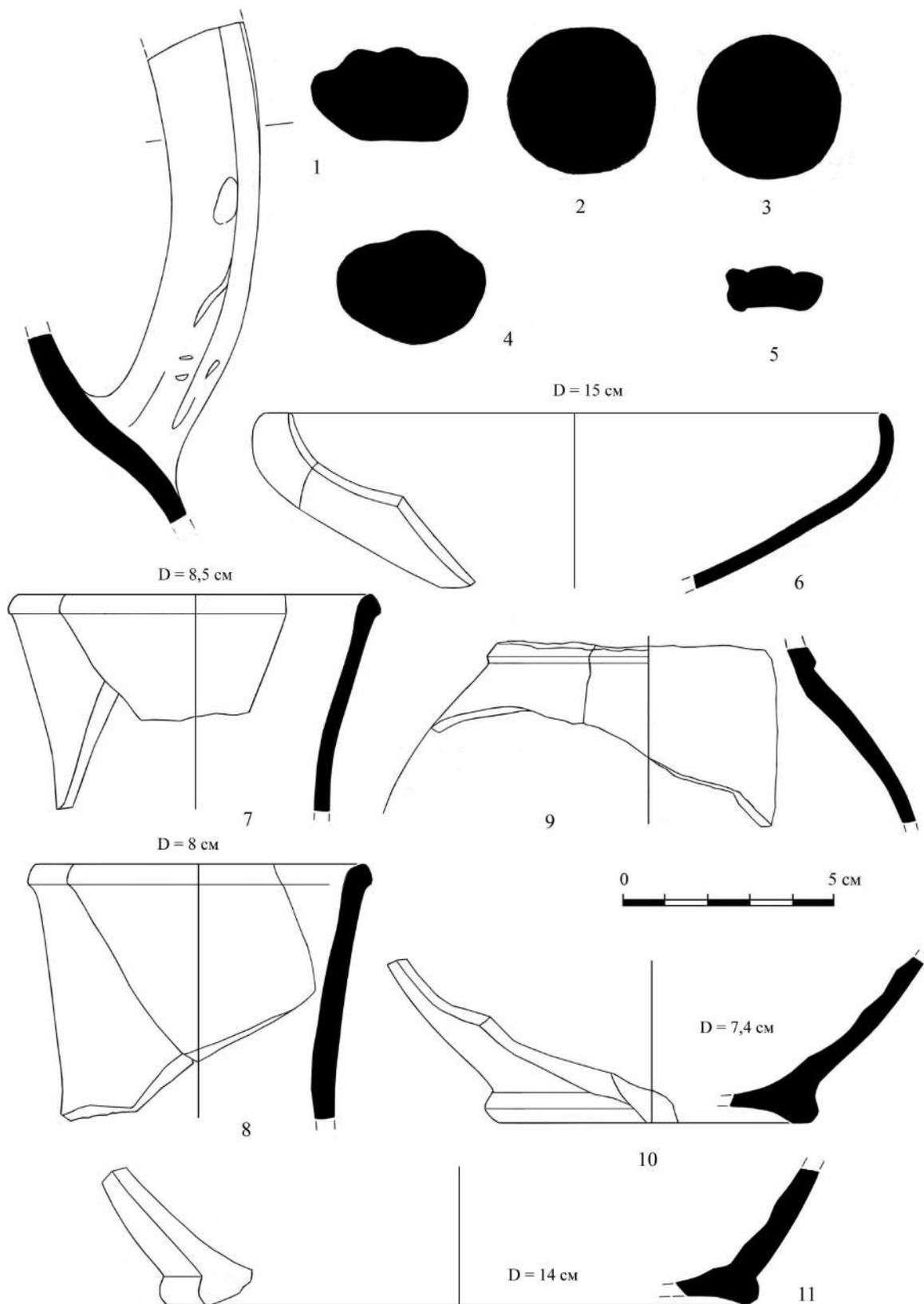

Рис. 3. Находки из культурного слоя: 1 — красноглиняная амфора, 2, 3 — розвоглиняные амфоры, 4 — светлоглиняная амфора, 5, 6 — краснолаковые сосуды, 7–11 — гончарные сосуды

Всего учтено 336 фрагментов керамических сосудов, из которых 193 найдены в культурных отложениях, соответствующих времени функционирования могильника, и 143 происходят из расположенного ниже слоя, сформировавшегося до появления могильника (табл. 1).

Узкогорлые светлоглиняные амфоры. Нижняя часть амфоры типа *F* по Д. Б. Шелову (Шелов, 1978, с. 18, 19) (диаметр ножки 7,0 см) (рис. 8, 7) найдена в яме, выкопанной для установки надгробной стелы у склепа 2 (рис. 2), что позволяет соотносить ее с функционированием данного погребального сооружения. Вещевые находки из разрушенных захоронений ограбленного склепа 2 (в том числе монета Фофорса 300/301 гг. н. э.) датируют его IV в. н. э.

Сосуды типа *F* считаются хронологическими индикаторами IV в. н. э. (Шелов, 1978, с. 19, рис. 10; Айбабин, 1990, с. 14, рис. 2, 6; Храпунов, 2002, с. 39). Более подробную типологию, основанную на сочетании отдельных формальных признаков, попытался разработать А. В. Сазанов. Согласно его выводам, ножки амфор типа *F* разделяются по ширине поддона на три типа, причем полые ножки на широком поддоне диаметром свыше 5,5 см (тип 3) характерны для сосудов, встречающихся в комплексах второй половины IV в. н. э. и даже первой половины V в. н. э. (Сазанов, 1993, с. 18). В соответствии с разработками В. В. Кропотова, амфоры с ножками, подобными рассматриваемой, напротив относятся к числу ранних (1-й вариант) и датируются первой половиной – серединой IV в. н. э. (Кропотов, 1998, с. 129, 131).

В культурных отложениях на территории некрополя (раскоп 2, квадрат 3) найден также фрагмент ручки амфоры типа *F* (рис. 3, 4). В типологии А. В. Сазанова указано, что такие овальные в сечении ручки с одним валиком на верхней плоскости (тип 1, подтип 2) характерны для амфор как первой, так и второй половины IV в. н. э. (Сазанов, 1993, с. 17).

Амфоры типа Зеест 72/73. В культурном слое найден фрагмент ручки красноглиняной амфоры с валиками на внешней стороне (рис. 3, 1), который по формальным признакам сопоставим с ручками сосудов типов Зеест 72 и 73. Фрагмент еще одной похожей ручки (рис. 7, 1) найден в грунте заполнения конской могилы 6.

В монографии И. Б. Зеест амфоры типа 72 в подзаголовке обозначены, как существовавшие во II – III вв. н. э., но далее в тексте отмечается, что они выпускались «с конца II и до середины III в. н. э.». Амфоры типа 73 исследовательница отнесла ко II – III вв. н. э., нигде не сужая этой датировки (Зеест, 1960, с. 111, 112, табл. XXX, 72, 73). А. П. Абрамовым оба типа сосудов (типы 6.11–14) датируются концом II – первой половиной III в. н. э. (Абрамов, 1993, с. 47).

Амфоры с круглыми в сечении ручками (тип Зеест 83, 84, 85 или 89). В культурном слое найдены фрагменты двух круглых в сечении ручек от розовоглиняных амфор (рис. 3, 2, 3). Сосуды с такими ручками в типологии И. Б. Зеест составляют типы 83, 84, 85 и 89 и датируются II – III вв. н. э. (Зеест, 1960, с. 115–117, табл. XXXIV, 83; XXXV, 84а, 85; XXXVI, 89). А. П. Абрамов отнес их существование к концу II – первой половине III в. н. э. (Абрамов, 1993, с. 48, 49). Имеются данные, позволяющие относить появление подобных сосудов к середине II в. н. э. или даже к еще более раннему времени (Внуков, 2006, с. 124, 125, 167, рис. 10; Журавлев, Ломтадзе, 1999, с. 98, 99, рис. 2, 16; Гаврилов, 2004, с. 91, рис. 97, 3).

Краснолаковые сосуды. Фрагментов краснолаковой посуды в культурном слое найдено мало. В их числе обломки верхних частей двух однотипных чашек с плавно загнутым венчиком. Фрагменты одной из них (рис. 3, 6) найдены в культурном слое, и контекст этой находки не содержит указаний на узкую дату. Обломки второго сосуда (рис. 8, 1) найдены в яме у основания стелы

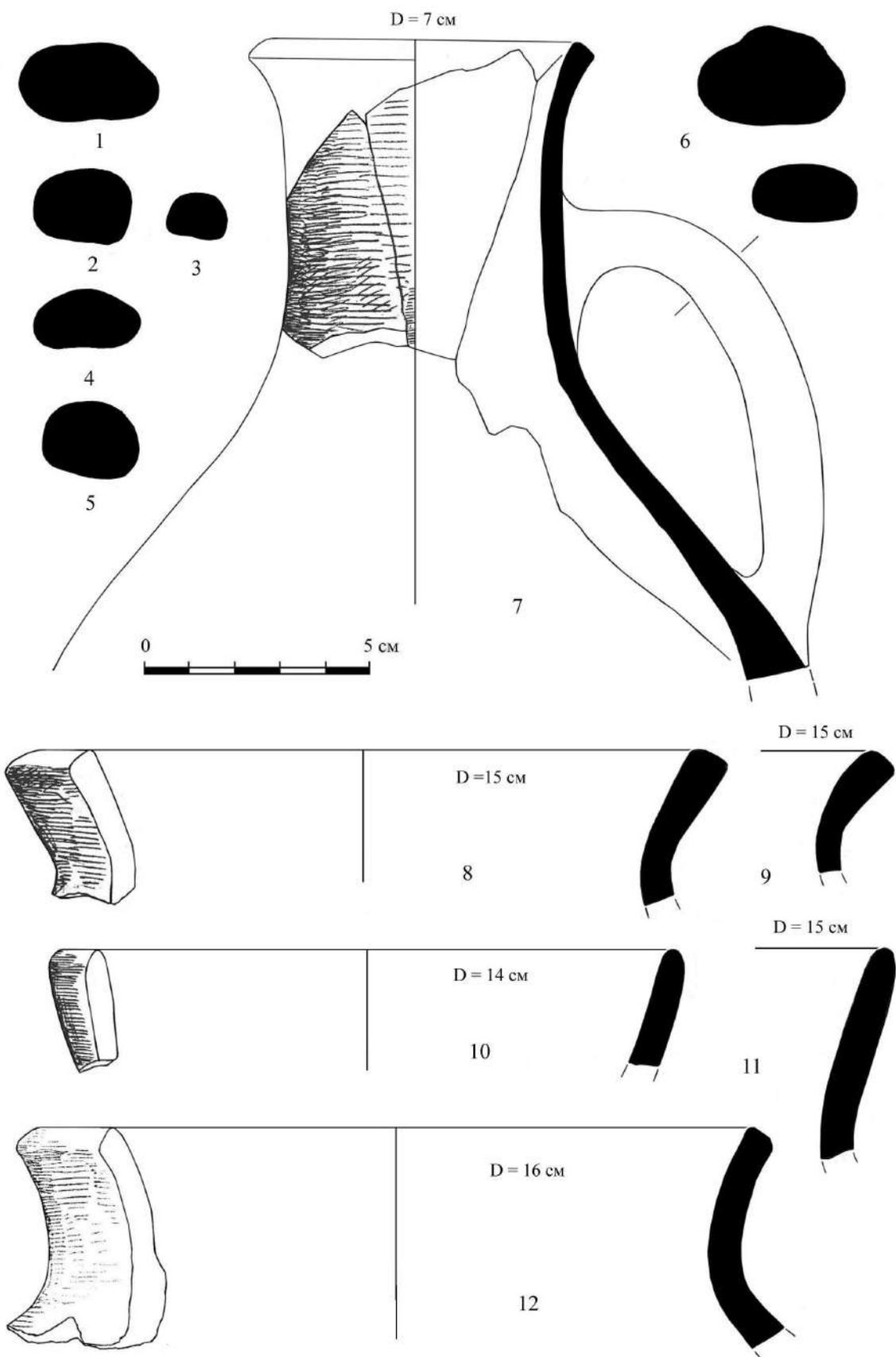

Рис. 4. Находки из культурного слоя: 1–12 — фрагменты лепных сосудов

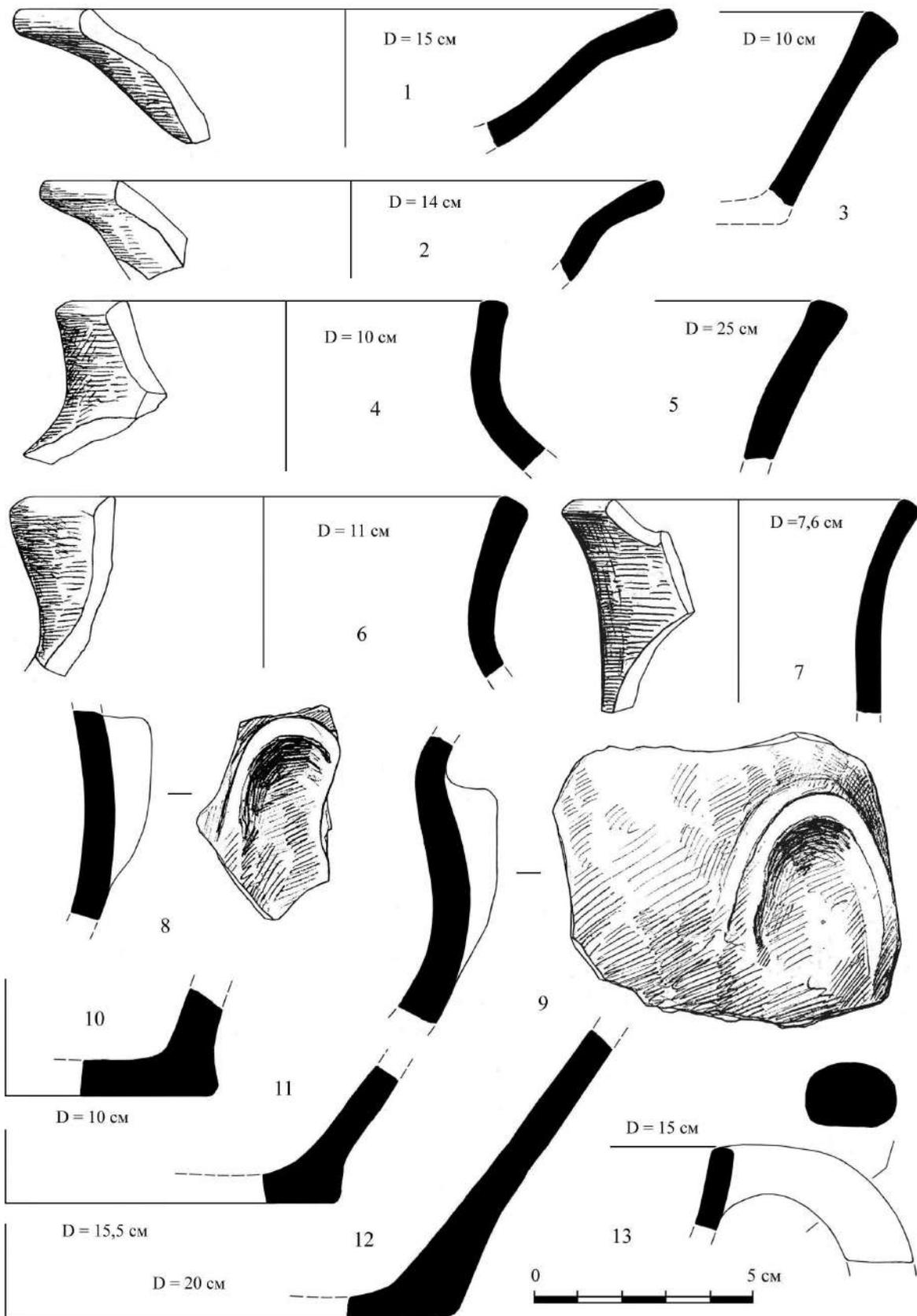

Рис. 5. Находки из культурного слоя: 1–13 — фрагменты лепных сосудов

возле склепа 2 (рис. 2). Поскольку в этой яме, помимо обломков чашки, найдена ножка узкогорлой светлоглиняной амфоры типа *F*, то данный сосуд следовало бы относить к IV в. н. э., хотя возможна и более ранняя дата его изготовления. Чашки (или миски) рассматриваемой формы существовали на протяжении долгого времени. В типологии Д. В. Журавлева такие изделия (форма 17.1) датируются от конца I до середины III в. н. э. (Журавлев, 2010, с. 55, 56). Похожие сосуды бытовали и в IV в. н. э. (Айбабин, 1994, рис. 17, 2).

Помимо перечисленных находок обнаружен фрагмент ручки краснолакового кувшина с двумя продольными желобками на внешней стороне (рис. 3, 5). Обломки ручек с похожей профилировкой есть в культурном слое могильника Нейзац (Власов и др., 2011, рис. 25, 43, 45). Близкое сечение ручек имеется у кувшинов с грушевидным туловом IV в. н. э. из могильника Килен-балка (Нессель, 2003, рис. 6, 1, 5).

Гончарные сосуды без лакового покрытия. К гончарной посуде отнесен ряд фрагментов, на поверхности которых не выявлено следов лака. В их числе обломки нижних частей кувшинов на кольцевых поддонах. Возможно, некоторые из этих сосудов на самом деле были краснолаковыми, но лак покрывал только их верхнюю часть. В качестве обломков простых гончарных сосудов определены также фрагменты венчиков двух кувшинов (рис. 3, 7, 8). Внешняя поверхность одного из них покрыта светлым зеленоватым ангобом (рис. 3, 8). Следы светлого ангоба имелись и на фрагментированной верхней части тулова кувшина с валиком в месте соединения тулова с горлом (рис. 3, 9). Обломки ручки (рис. 8, 4) и нижних частей (рис. 8, 2, 3) двух гончарных кувшинов найдены в яме у основания стелы рядом со склепом 2 (рис. 2) вместе с фрагментом ножки узкогорлой светлоглиняной амфоры типа *F* (рис. 8, 7), о которой упоминалось выше.

Лепные сосуды. В отличие от других категорий посуды, обломков лепной керамики в культурном слое найдено множество (164 фрагмента). В основном это обломки стенок, не дающие достаточного представления о полной форме сосуда. Присутствуют фрагменты горшков с плавно отогнутым венчиком (рис. 4, 8, 9, 11, 12; 5, 4–6; 7, 3, 5) и обломки днищ от различных плоскородных сосудов (рис. 5, 10–12; 6, 1–11; 7, 6).

Найден фрагмент усеченно-конической чашки (рис. 5, 3), аналогии которой имеют широкую датировку, и в том числе известны по находкам из погребений IV в. н. э. как самого могильника Курское (Труфанов, Колтухов, 2003, рис. 18, 2–7, 14; Труфанов, 2012, рис. 2, 2–4, 6, 7, 11, 15), так и некоторых других крымских некрополей (Дружное, Нейзац) (Айбабин, 1994, рис. 6, 4; Храпунов, 2002, рис. 159, 2–9, 11; 2005, рис. 8, 2, 4).

Двумя фрагментами представлены чашки со скругленными стенками и отогнутым наружу венчиком (рис. 5, 1, 2). В могильнике Курское сосуды этой формы найдены в склепах, содержащих находки IV в. н. э. (Труфанов, Колтухов, 2003, рис. 14, 13; Труфанов, 2012, рис. 2, 8, 14). Подобная чашка происходит из могильника Нейзац, где была выявлена в комплексе этого же времени (Храпунов, 2005, рис. 8, 6).

Обнаружены фрагментированные верхние части лепных одноручных кувшинов (рис. 4, 7; 5, 7, 13; 7, 4), формально близких сосудам из погребений IV в. н. э., открытых на территории различных крымских могильников (Зайцев, 1997, с. 108, рис. 59, 10; Труфанов, Колтухов, 2003, рис. 18, 10). Кроме того, найдено несколько обломков ручек (рис. 4, 1–6; 8, 6), вероятно, от кувшинов и кубков.

К числу примечательных находок относятся два фрагмента стенок от горшков с горизонтальными ручками в виде налепов дуговидной формы (рис. 5, 8, 9). Подобная керамика найдена на многих варварских поселениях и могильниках Крыма, существовавших во II – III вв. н. э. и в III – IV вв. н. э.

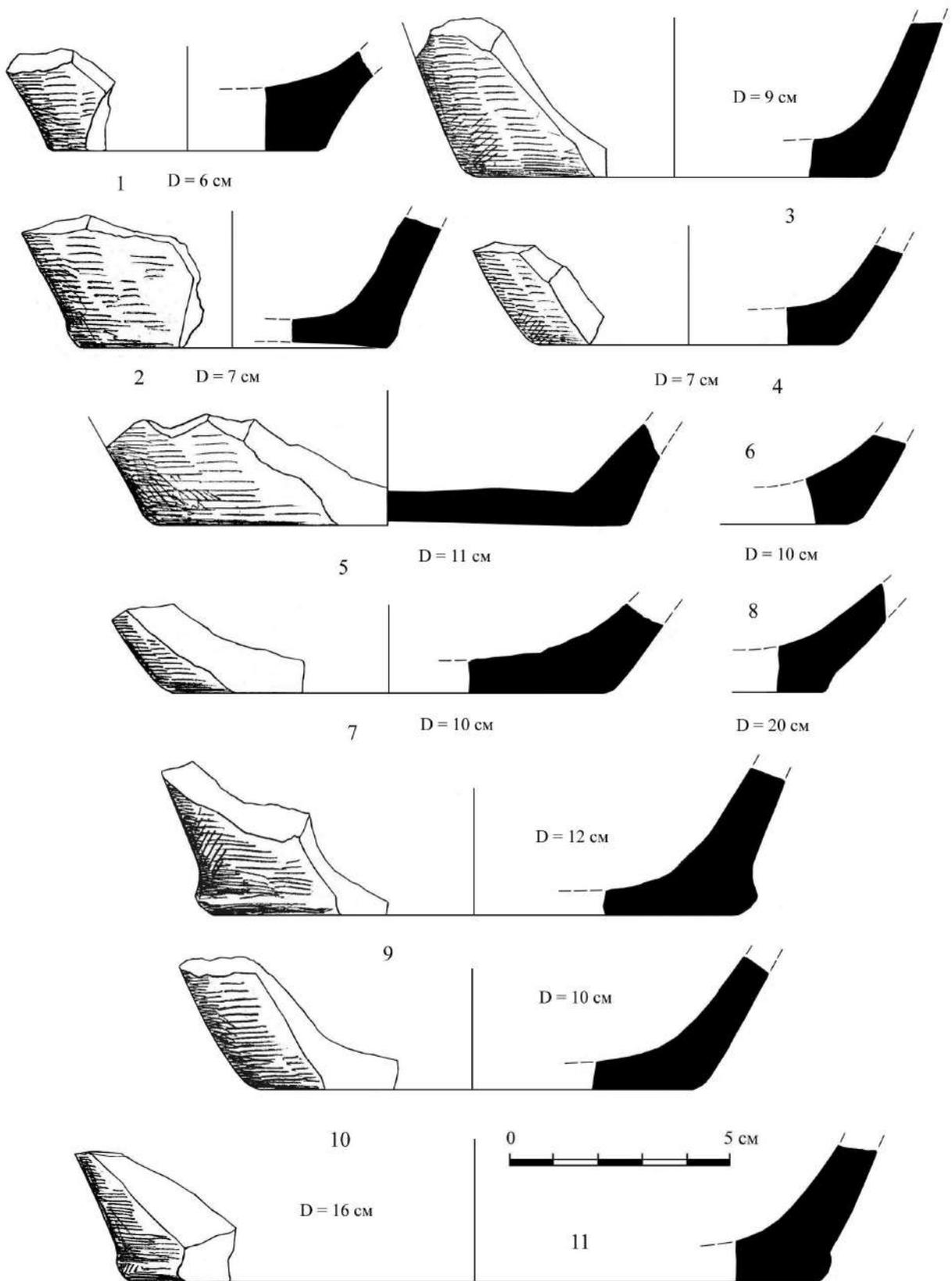

Рис. 6. Находки из культурного слоя: 1–10 — фрагменты лепных сосудов

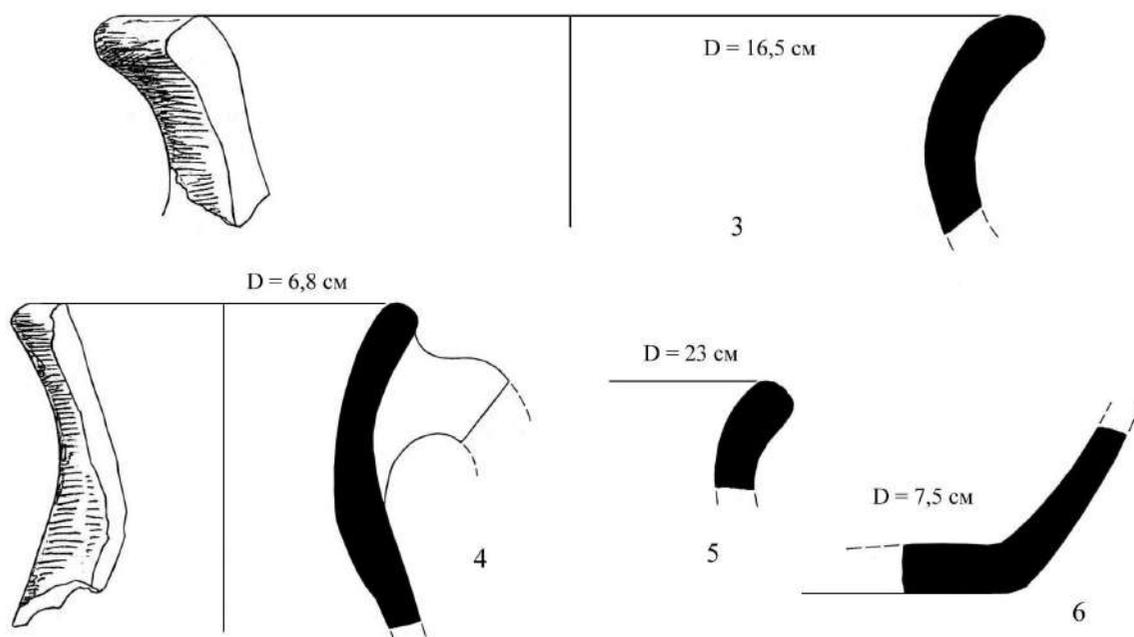
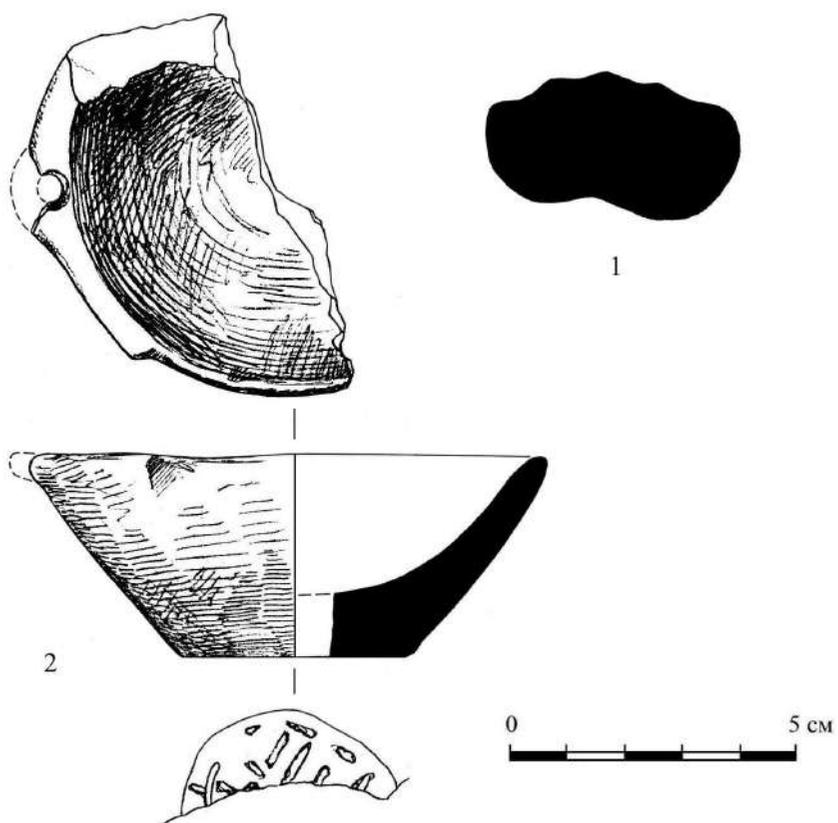

Рис. 7. Находки из заполнения могил. Конская могила 6: 1 — фрагмент ручки красноглиняной амфоры, 2 — фрагмент лепного сосуда. Могила 9: 3–6 — фрагменты лепных сосудов

Такие находки известны среди материалов исследований Неаполя скифского (Дашевская, 1991, табл. 14, 13, 14; Зайцев, 2003, рис. 113, 15), поселения Золотое Ярмо (Храпунов и др., 1994, рис. 7, 5, 6, 13, 17) и поселения в Барабановской балке (Храпунов и др., 2007, рис. 21, 6–9; 22, 1; 24, 6–9; 31, 1; Храпунов и др., 2009, рис. 62, 2–5), поселения Таракташ (Гарбуз, 2008, рис. 7, 1–9; 8, 2–13), городища Куру-Баш (Гаврилов, 2004, с. 95, рис. 84, 28; 96, 21), поселения Каратау (Гаврилов, Труфанов, 2014, рис. 7, 7, 10; 18, 3) и святилища на горе Узунлар (Гаврилов, Труфанов, 2015, рис. 8, 2, 3, 5). Есть они также в культурном слое могильника Нейзац (Власов и др., 2011, с. 202, 203, рис. 31, 4; 33, 6; 35, 1–7). Сосуды с такими же ручками найдены при раскопках могильников Дружное (Айбабин, 1994, рис. 24, 1; Храпунов, Мульд, 1997, рис. 148, 2, 6), Нейзац (Храпунов, 2005, рис. 10, 7) и Вишневое (Пуздровский и др., 2001, рис. 12, 13).

В заполнении конской могилы 6 найден обломок лепного плоскодонного сосуда с горизонтальным плоским выступом на венчике (рис. 7, 2). На выступе имеется сквозное отверстие, по-видимому, предназначенное для подвешивания сосуда. На внешней стороне дна сохранились короткие глубокие линии, прочерченные по сырой глине, составлявшие геометрический орнамент или какое-то стилизованное изображение.

На основании рассмотренных находок можно прийти к выводу о том, что культурный слой на исследованных участках начал формироваться в конце II – первой половине III в. н. э., но наибольшую интенсивность этот процесс приобрел в IV в. н. э. Обозначенные хронологические границы в целом соответствуют датировке выявленных погребений некрополя. При этом надо подчеркнуть, что исследованная часть территории памятника чрезвычайно мала, так что полученные материалы, вероятно, не полностью отражают действительные хронологические рамки существования могильника.

Кизил-кобинская керамика. Из слоя серо-коричневого гумусированного суглинка, прослеженного на раскопе 2 (рис. 2), происходят обломки кизил-кобинской лепной посуды (рис. 9, 1–15). Формирование слоя относится ко времени, предшествовавшему возникновению могильника первых веков н. э.

Всего в этом слое найдено 143 фрагмента лепных сосудов, внешняя поверхность некоторых лощеная. Среди них 5 фрагментов с орнаментом из врезных линий (венчик — 1, стенки — 4) (рис. 9, 9–13). Судя по обломкам венчиков, часть сосудов представляла собой небольшие горшки (рис. 9, 1–9). Венчик одного горшка украшен поясом из пересекающихся треугольников, обращенных вершинами вниз (рис. 9, 9).

Кроме того, в заполнении грабительского шурфа, ведущего в могилу 9, среди находок, соответствующих времени функционирования могильника, найдены обломки кизил-кобинского лощеного орнаментированного сосуда с ручкой (рис. 9, 16). Орнамент, украшавший его плечики, выполнен из вертикальных параллельных врезных линий, сгруппированных по три.

Некоторым основанием для более точного датирования слоя, содержащего кизил-кобинскую керамику, могут служить лишь орнаментированные фрагменты. По мнению О. Д. Дашевской, «орнамент, сделанный зубчатым штампом», появляется на кизил-кобинской посуде в VI – V вв. до н. э., и главным образом IV – III вв. до н. э.» (Дашевская, 1963, с. 205, 209). Высказано предположение о том, что такой орнамент появляется не позже середины VI в. до н. э. (Кравченко, 2010, с. 54). Так как орнамент, представленный на найденных керамических обломках, сделан не зубчатой гребенкой, а отдельным острием, то формирование слоя, скорее всего, следует относить к предшествующему времени, то есть к VII – первой половине VI в. до н. э. А поскольку рядом с могильником были обнаружены каменные ящики

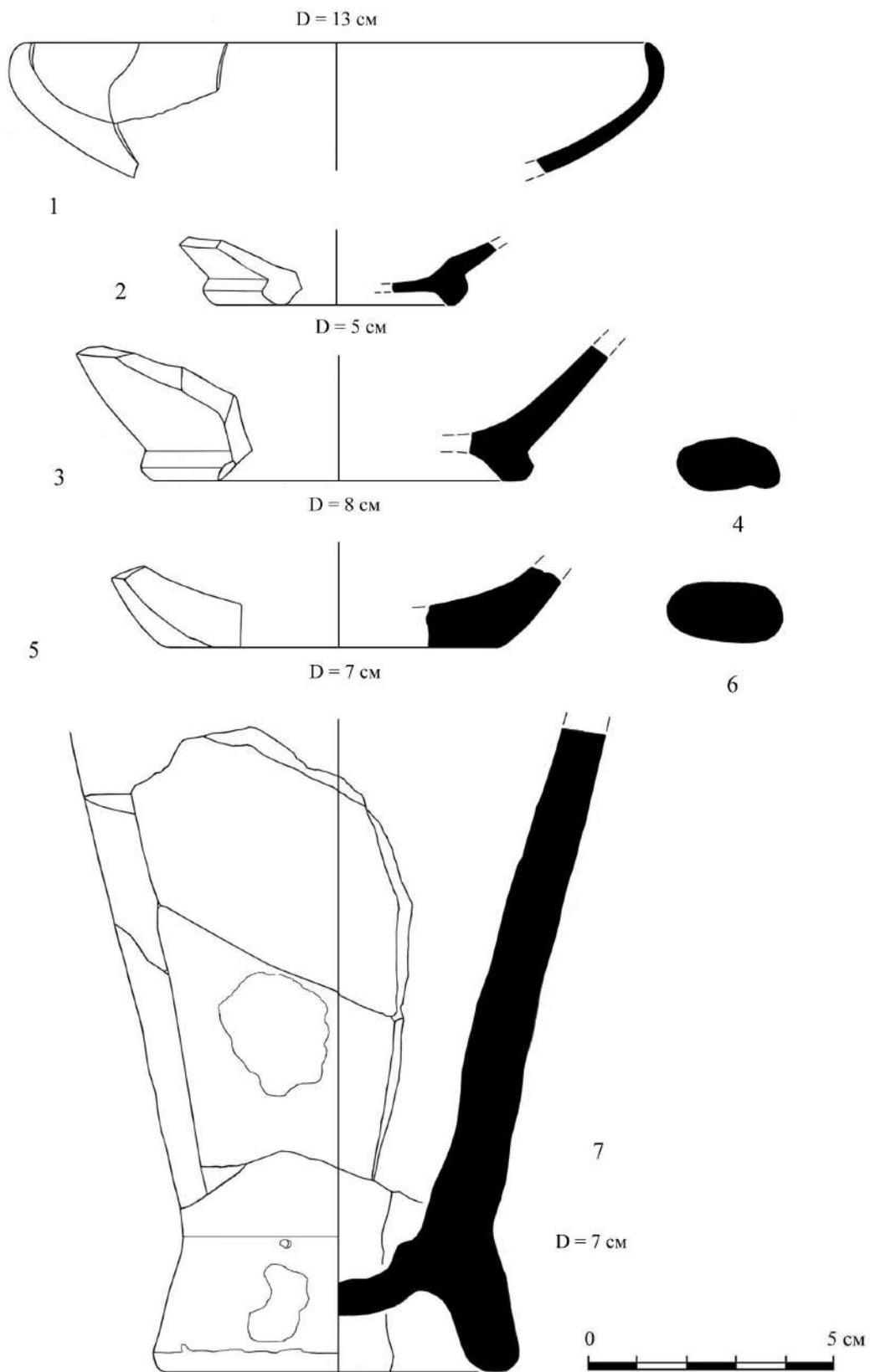

Рис. 8. Находки из ямы под основание стелы у склепа 2:
 1 — краснолаковая чашка, 2–4 — гончарные сосуды, 5, 6 — лепные сосуды,
 7 — нижняя часть узкогорлой светлоглиняной амфоры

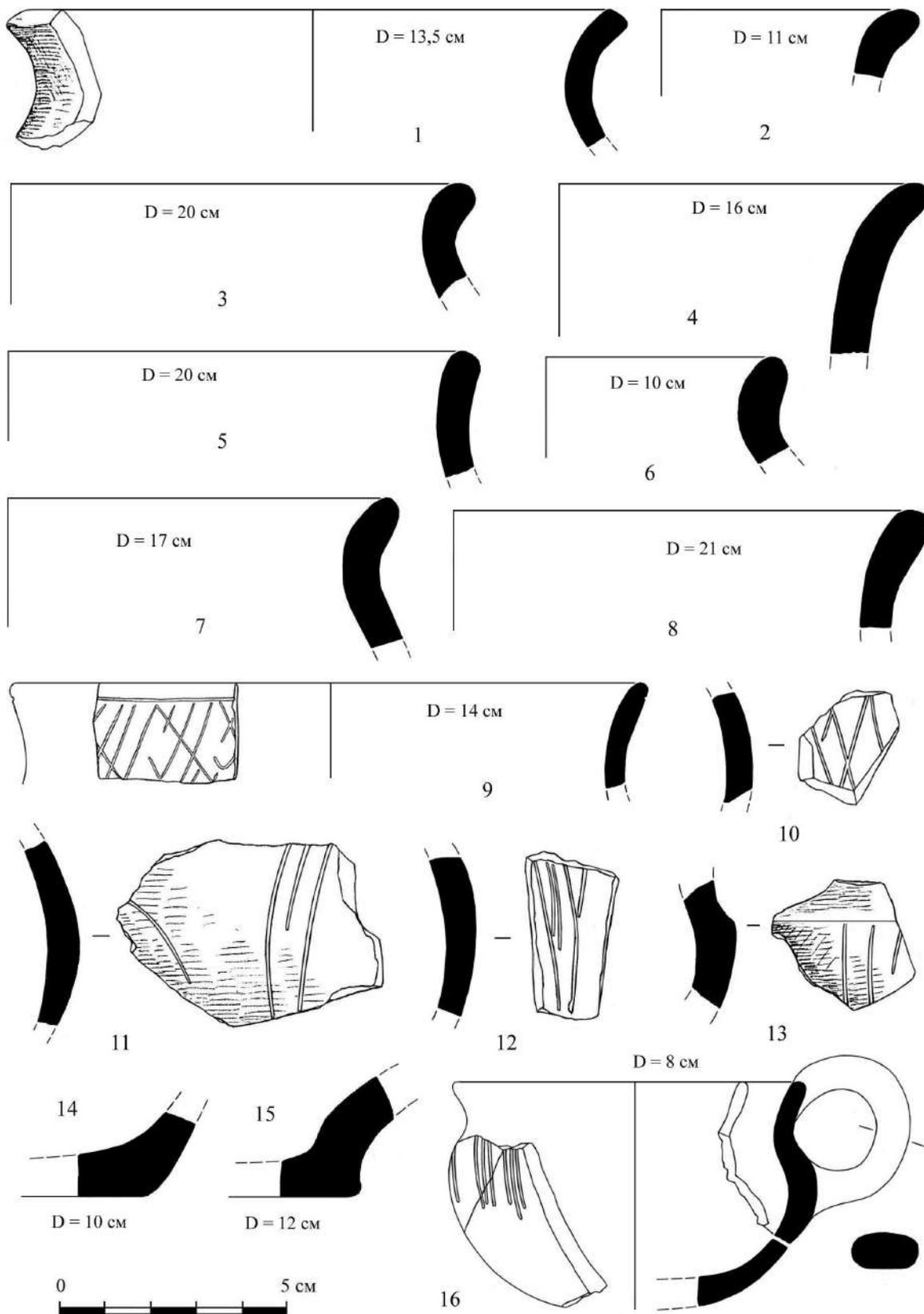

Рис. 9. Кизил-кобинская лепная керамика: 1–15 — находки из слоя серо-коричневого суглинка, 16 — сосуд из заполнения грабительского шурфа в могиле 9

с остатками погребений VII – VI вв. до н. э., то такая датировка кажется тем более вероятной.

Заканчивая обзор керамики из культурных напластований на территории могильника Курское, следует остановиться на некоторых признаках, определяющих положение памятника среди прочих древностей Крыма. Ранее уже отмечалось, что «по многим показателям погребального обряда и инвентаря» могильнику у с. Курское близок некрополь Нейзац (Храпунов, 2011, с. 23). Оба памятника находятся в предгорной зоне, расстояние между ними по прямой линии составляет около 47 км. Наиболее ранние выявленные погребения могильника Нейзац датированы второй – третьей четвертями II в. н. э., а самые поздние отнесены к концу IV – началу V в. н. э., причем ранний период функционирования некрополя представлен могилами (в основном подбойными и грунтовыми), а в IV в. н. э. хоронили в основном в склепах (Храпунов, 2011, с. 16, 17). Хронологические рамки обнаруженных погребальных сооружений могильника Курское более узкие, но, если учитывать, что этот памятник раскопан лишь в незначительной степени, то и здесь можно предположить существование ранних, еще не исследованных могил. С другой стороны, отсутствие керамики предшествующего времени в культурных напластованиях на территории исследованных участков указывает на вероятный хронологический разрыв между кизил-кобинскими древностями и материалами конца II – IV вв. н. э.

К числу особенностей могильника Нейзац относится наличие на его территории культурного слоя, накопившегося в IV – начале V в. н. э., причем «наиболее массовым видом находок является лепная керамика». Формирование слоя связывают с существованием поселения этого времени «на одном из ранее использовавшихся для захоронений участков могильника». Помимо керамики из культурного слоя,

на это указывают обнаруженные здесь хозяйственные ямы и ямки от столбовых конструкций (Власов и др., 2011, с. 196, 205, 206).

В отличие от могильника Нейзац, на вскрытой площади могильника Курское никаких архитектурных объектов, связанных с хозяйственной жизнью, не обнаружено. Тем не менее, здесь выявлен довольно мощный культурный слой, насыщенный обломками керамики, в котором, так же как и в случае с могильником Нейзац, преобладает лепная посуда. Ввиду отсутствия следов поселения, все находки из культурного слоя, синхронные периоду функционирования могильника, по-видимому, следует считать остатками погребальных и постпогребальных обрядов, проводившихся на этой территории.

Как уже отмечалось, к юго-западу от могильника, на возвышенности находится участок с кизил-кобинскими каменными ящиками, а в культурном слое, сформировавшемся на территории, занимаемой могильником, найдены обломки кизил-кобинской посуды, что свидетельствует о существовании где-то поблизости таврского поселения. При этом в границах раскопанных площадей не было выявлено ни хозяйственных ям, ни следов построек этого времени. Предполагаемое поселение, по-видимому, хоть и находилось в непосредственной близости, но располагалось за пределами изученных участков.

Похожая ситуация зафиксирована и на некоторых иных памятниках предгорного Крыма: могильники первых веков н. э. возникали на месте существовавших прежде кизил-кобинских поселений или поблизости от них. Помимо Курского, это относится, в частности, к некрополю Нейзац (Власов, 2011, с. 251, 256, 257) и к могильнику Алексеевского городища у с. Криничное, на территории которого обнаружены хозяйственные ямы с кизил-кобинской керамикой.

Литература

- Абрамов А. П.* Античные амфоры. Периодизация и хронология // Боспорский сборник. 1993. Вып. 3. С. 4–135.
- Айбабин А. И.* Хронология могильников позднеархаического и раннесредневекового времени // МАИЭТ. 1990. Вып. I. С. 3–86, 175–241.
- Айбабин А. И.* Раскопки могильника близ села Дружное в 1984 году // МАИЭТ. 1994. Вып. IV. С. 89–131.
- Власов В. П.* Таврское поселение на склоне горы Ташлы-Баир // Исследования могильника Нейзац / Под ред. И. Н. Храпунова. Симферополь: Издательство «Доля», 2011. С. 251–268.
- Власов В. П., Смокотина А. В., Храпунов И. Н.* Культурный слой на могильнике Нейзац // Исследования могильника Нейзац / Под ред. И. Н. Храпунова. Симферополь: Издательство «Доля», 2011. С. 179–249.
- Внуков С. Ю.* Причерноморские амфоры I в. до н. э. – II в. н. э. Ч. II.: Петрография, хронология, проблемы торговли. СПб.: Алетей, 2006. 320 с.
- Гаврилов А. В.* Округа античной Феодосии. Симферополь: «Азбука», 2004. 368 с.
- Гаврилов А. В., Труфанов А. А.* Новый античный памятник на горе Кара-Тау у северных склонов внешней гряды Крымских гор // ДБ. 2014. Вып. 18. С. 126–164.
- Гаврилов А. В., Труфанов А. А.* Новый позднеантичный культовый памятник у горного массива Кара-Даг в Юго-Восточном Крыму // ДБ. 2015. Вып. 19. С. 62–93.
- Гарбуз И. А.* Керамический комплекс поселения римского времени Таракташ в Юго-Восточном Крыму // Сугдейский сборник. Вып. III / Гл. ред. Н. М. Куковальская. Киев – Судак: б. и., 2008. С. 385–418.
- Дашевская О. Д.* О таврской керамике с гребенчатым орнаментом // СА. 1963. №4. С. 205–210.
- Дашевская О. Д.* Поздние скифы в Крыму. М.: Наука, 1991. 140 с. (САИ. Вып. Д1–7).
- Журавлев Д. В.* Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма I – III вв. н. э. (по материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины). Симферополь: б. и., 2010. 320 с. (МАИЭТ. Supplementum. Вып. 9).
- Журавлев Д. В., Ломтадзе Г. А.* Керамический комплекс II в. н. э. с акрополя Пантикапея // ДБ. 1999. Вып. 2. С. 98–113.
- Зайцев Ю. П.* Охранные исследования в Симферопольском, Белогорском и Бахчисарайском районах // Археологические исследования в Крыму. 1994 год / Отв. ред. В. А. Кутайсов. Симферополь: СОНАТ, 1997. С. 102–116.
- Зайцев Ю. П.* Неаполь Скифский (II в. до н. э. – III в. н. э.). Симферополь: Универсум, 2003. 210 с.
- Зеев И. Б.* Керамическая тара Боспора // МИА. 1960. №83. 136 с.
- Колотухин В. А., Колтухов С. Г., Гаврилов А. А., Лысенко В. А., Труфанов А. А.* Исследования могильника III – IV вв. н. э. у с. Курское в восточной части предгорного Крыма // Археологічні дослідження в Україні за 1999 – 2000 рр. Київ, 2001. С. 131–133.
- Колтухов С. Г., Колотухин В. А., Труфанов А. А.* Отчет об охранных раскопках у с. Курское Белогорского района АРК в 2000 г. Научный архив ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН». Кн. 4. Инв. №641. Папка 1044.
- Кравченко Е. А.* Таври і Херсонес // Древняя и средневековая Таврика / Отв. ред. Ю. П. Зайцев и А. Е. Пуздровский. Донецк: «Донбасс», 2010. С. 51–70. (Археологический альманах. №22).

- Кропотов В. В.* Светлоглиняні вузькогорлі амфори «інкерманського» типу // Археологія. 1998. №4. С. 128–134.
- Нессель В. А.* Краснолаковая керамика из могильника Килен-балка // Херсонесский сборник. Вып. XII / Отв. ред. М. И. Золотарев Севастополь: ЧП «Искра», 2003. С. 107–123.
- Пудровский А. Е., Зайцев Ю. П., Неневоля И. И.* Новые памятники III – IV вв. н. э. в Юго-Западном Крыму // МАИЭТ. 2001. Вып. VIII. С. 32–50.
- Сазанов А. В.* Поздние типы узкогорлых светлоглиняных амфор // МАИЭТ. 1993. Вып. III. С. 16–21, 350–356.
- Труфанов А. А.* О населении восточной части предгорного Крыма в позднеантичное время // 175 лет Керченскому музею древностей (материалы международной конференции) / Гл. ред. П. И. Иваненко. Керчь: б. и., 2001. С. 103–104.
- Труфанов А. А.* Погребения III в. н. э. могильника у с. Курское // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины / Гл. ред. Н. М. Куковальская. Киев – Судак: Академперіодика, 2002. С. 253–255.
- Труфанов А. А.* Подбойные могилы III в. н. э. некрополя у с. Курское (по материалам раскопок 2001 г.) // Сугдейский сборник / Гл. ред. Н. М. Куковальская. Киев – Судак: Академперіодика, 2004. С. 495–521.
- Труфанов А. А.* Склеп IV в. н. э. из некрополя у с. Курское в Крыму // РА. 2012. №2. С. 34–41.
- Труфанов А. А., Колтухов С. Г.* Могильник III – IV в. н. э. у с. Курское на западной периферии Боспора // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Ч. 1 / Отв. ред. В. Ю. Зуев. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2001. С. 186–189.
- Труфанов А. А., Колтухов С. Г.* Исследование позднеантичного некрополя у с. Курское в Юго-Восточном Крыму // Stratum plus. 2003. №4. С. 278–295.
- Храпунов И. Н.* Могильник Дружное (III – IV вв. нашей эры). Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2002. 313 с.
- Храпунов И. Н.* Последние погребения в могильнике Нейзац // МАИЭТ. 2005. Вып. XI. С. 169–191.
- Храпунов И. Н.* Некоторые итоги исследований могильника Нейзац // Исследования могильника Нейзац / Под ред. И. Н. Храпунова. Симферополь: Издательство «Доля», 2011. С. 13–113.
- Храпунов И. Н., Власов В. П., Молодцов О. Э., Мульд С. А.* Позднескифское поселение Золотое Ярмо // Проблемы истории и археологии Крыма / Ред.-сост. Ю. М. Могаричев. Симферополь: Таврия, 1994. С. 88–113, 316–324.
- Храпунов И. Н., Мульд С. А.* Завершение исследований могильника Дружное // Археологические исследования в Крыму. 1994 год / Отв. ред. В. А. Кутайсов. Симферополь: СОНАТ, 1997. С. 256–262.
- Храпунов И. Н., Власов В. П., Смокотина А. В.* Поселение в Барабановской балке (по результатам раскопок 2004 – 2006 гг.). Симферополь: Издательство «Доля», 2007. 56 с.
- Храпунов И. Н., Власов В. П., Смокотина А. В., Шапцев М. С.* Поселение в Барабановской балке (по результатам раскопок 2007 и 2008 гг.). Симферополь: Издательство «Доля», 2009. 132 с.
- Шелов Д. Б.* Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология // КСИА. 1978. Вып. 156. С. 16–21.

Позднеэллинистические и римские стеклянные сосуды в погребениях кочевников Подонья¹

Ключевые слова: позднеэллинистические и римские стеклянные сосуды, Подонье, Азиатская Сарматия, Нижнее Поволжье, Южный Урал, литье в формах, дутье в формах, свободное дутье, роспись эмалевыми красками, мастерские Восточного Средиземноморья, Италии, западных провинций Римской империи, Северного Причерноморья

Резюме

Статья посвящена стеклянным сосудам из кочевнических погребений Подонья конца I в. до н. э. – III в. н. э.: 1) литым в формах, 2) выдутым в формах, 3) выполненным в технике свободного дутья. Из 22 литых в формах сосудов на территории Азиатской Сарматии, лишь шесть экземпляров происходит из Подонья. К группе сосудов, выдутых в формах, относится единственный флакон с четырехгранным туловом из погребения могильника Валовый-I в Нижнем Подонье. Наиболее многочисленны сосуды, изготовленные в технике свободного дутья, при этом на территории Нижнего Подонья была найдена половина сосудов с территории Азиатской Сарматии: 23 из 44 сосудов. Преобладали формы для питья, прежде всего, стаканы и бальзамарии различных типов. Особенностью находок является концентрация наборов сосудов (от двух до четырех) в некоторых погребениях, преимущественно женских. Стеклянные сосуды относятся к продукции как итальянских и западных, так и мастерских Восточного Средиземноморья и, вероятно, Боспора. Распределение стеклянных сосудов сопоставляется с другими массовыми категориями импорта и с распределением стеклянных сосудов в кочевнических погребениях Прикубанья, междуречья Дона и Волги, Нижнего Поволжья и Южного Урала.

Mikhail Treister

Late Hellenistic and Roman Glass Vessels from the nomadic burials of the Don Basin

Keywords: Late Hellenistic and Roman glass vessels, Don basin, Asian Sarmatia, Lower Volga, South Urals, mold-cast, mold-blown and free blown glass; enamel painted, workshops of Eastern Mediterranean, Italy, Western provinces of the Roman Empire, North Pontic area

Abstract

This paper is devoted to the glass vessels from the nomadic burials in the Don area from the late first century BC to the third century AD, including 1) mold-cast pieces, 2) mold-blown pieces, 3) free-blown pieces. Only 6 of the 22 mold-cast vessels uncovered in the former Asian Sarmatia originate from the Don area. The only mold-blown vessel is a bottle with a prismatic body from a burial at the cemetery of Valovyi-I in the Lower Don area. Free-blown vessels are the most numerous, whereas a half of the vessels (23 of 44) from the territory of Asian Sarmatia was

¹ Представленная публикация выполнена в рамках проекта, финансируемого DFG и РФНФ «Формы и пути культурных контактов кочевников Азиатской Сарматии. Импорты в сарматских памятниках II в. до н. э. – III в. н. э.» (FL 334/15-1). Партнер проекта с российской стороны — Б. А. Раев. Автор выражает искреннюю признательность за предоставленную нам возможность работать в экспозиции и фондах музеев, фотографии предметов из которых представлены здесь: М. Е. Филимоновой и И. Р. Гусач (Азов, АИАПМЗ), А. Г. Язовских (РОМК, Ростов-на-Дону), М. В. Герасименко (Таганрог, ГЛИАМЗ), А. С. Гепалову (Липецк, ЛОКМ). Особая благодарность В. К. Гугуеву (Ростов-на-Дону) за предоставленные фотографии.

found in the Lower Don area. Drinking vessels predominated, especially various types of beakers, and balsamaria. Characteristic is the concentration of vessel sets (two to four pieces) in some burials, mostly those of women. The glass vessels in question belong to the products of Italic, Western, Eastern Mediterranean and, probably, Bosphoran workshops. The distribution of the glass vessels has been compared with that of other mass categories of imported finds and with the distribution of glass vessels in the nomadic burials of the Kuban region, the interfluvium of the Don and the Volga, the Lower Volga area, and the Southern Urals.

1. Введение

Античные стеклянные сосуды, найденные в погребениях кочевников Азиатской Сарматии (рис. 1, 1), представляют значительный интерес. Я уже рассматривал находки стеклянных литых в формах сосудов из междуречья Дона и Волги и Нижнего Поволжья, сосуды мозаичного стекла (Трейстер, 2019а, с. 272–281; 2019б, с. 260–264) и изготовленные в технике свободного дутья стеклянные сосуды из Волго-Донского междуречья, Нижнего Поволжья и Южного Урала I – III вв. н. э. (Трейстер, 2019в, с. 25–68). Без внимания остались стеклянные сосуды из кочевнических погребений Подонья конца I в. до н. э. – III в. н. э.² и данная публикация ставит целью ликвидировать указанный пробел.

2. Литые в форме сосуды

2.1. Полусферическая чаша с вертикальными каннелюрами

Фрагменты чаши глухого белого стекла с вертикальными каннелюрами и горизонтальными канавками по краю происходят из ограбленного погребения второй половины I в. н. э. кургана № 28/1982 могильника Высочино-VII (рис. 2, 2) (Беспалый, 1985, с. 170, № 4, рис. 7, 9, 11; Vespaly, 1986, P. 77, pl. 64, 3; Дзиговский, Островерхов, 2000, с. 130, 132, рис. 43; 133). Хотя размеры чаши не восстанавливаются, очевидно, что форма ее близка к полусферической или конической.

Н. П. Сорокина отнесла сосуд к I в. н. э. (Беспалый, 1985, с. 170, прим. 4). Его связь с группой В, по классификации Д. Гроуза, литыми чашами позднеэллинистического времени с вертикальными каннелюрами (Grose, 1989, P. 194, 195, 204, no. 211; 2012, P. 24–27, nos. G31–G38, figs. 3, 4, pl. 3; 2017, P. 54–65, nos. 45–91; Nenna, 1999, P. 90, 91; Triantafyllidis, 2006, P. 151–153, fig. 7; Czurdaruth, 2007, S. 35, 36, Nr. 39, Taf. 3; Weinberg, Stern, 2009, P. 23, 24; Avronidaki, 2012, P. 133, 139, 140, no. 103; Jackson-Tal, 2004, P. 19, 20, fig. 10; 2016а, P. 10, fig. 8.12, nos. 44–46; 2018, P. 446, 449, 450, nos. 32, 33, fig. 11.2; 2019, P. 243, 244, fig. 14.6), представленными в погребениях кочевников Азиатской Сарматии чашей из погребения № 8 кургана № 55/1954 могильника Калиновский в Нижнем Поволжье (Трейстер, 2019б, с. 260, 261 с лит., рис. 1), очевидна, учитывая и форму, и сечение каннелюр, и наличие лишь узких ребер между ними, и оформление их верхних торцов полукруглыми завершениями, обычными как на стеклянных (Nenna, 1999, P. 90–93, pls. 27–29, 64; Jackson-Tal, 2004, P. 19, 20, fig. 10, 1–4; 2005, P. 49–51, fig. 1, 7–8; 2016а, P. 10, fig. 8.12; 2019, P. 243, 244, fig. 14.6, 1–2; P. 256, nos. 46–47; Gençler Güray, 2009, P. 165, 166, no. 15, fig. II), так и на серебряных (см. в целом: Трейстер, 2016, с. 218 с примерами) чашах с каннелюрами позднеэллинистического времени в отличие от стеклянных чаш с ребрами раннеимператорского времени

² Трудно назвать публикацией раздел монографии двух археологов из Одессы, в которой рассмотрена лишь часть материалов, исключительно на основании опубликованных рисунков, в том числе, с перепутанным происхождением, неточных, искажающих представления о предметах. Очевидно, что авторы не видели ни одного из предметов, о которых они пишут (Дзиговский, Островерхов, 2000, с. 127–181).

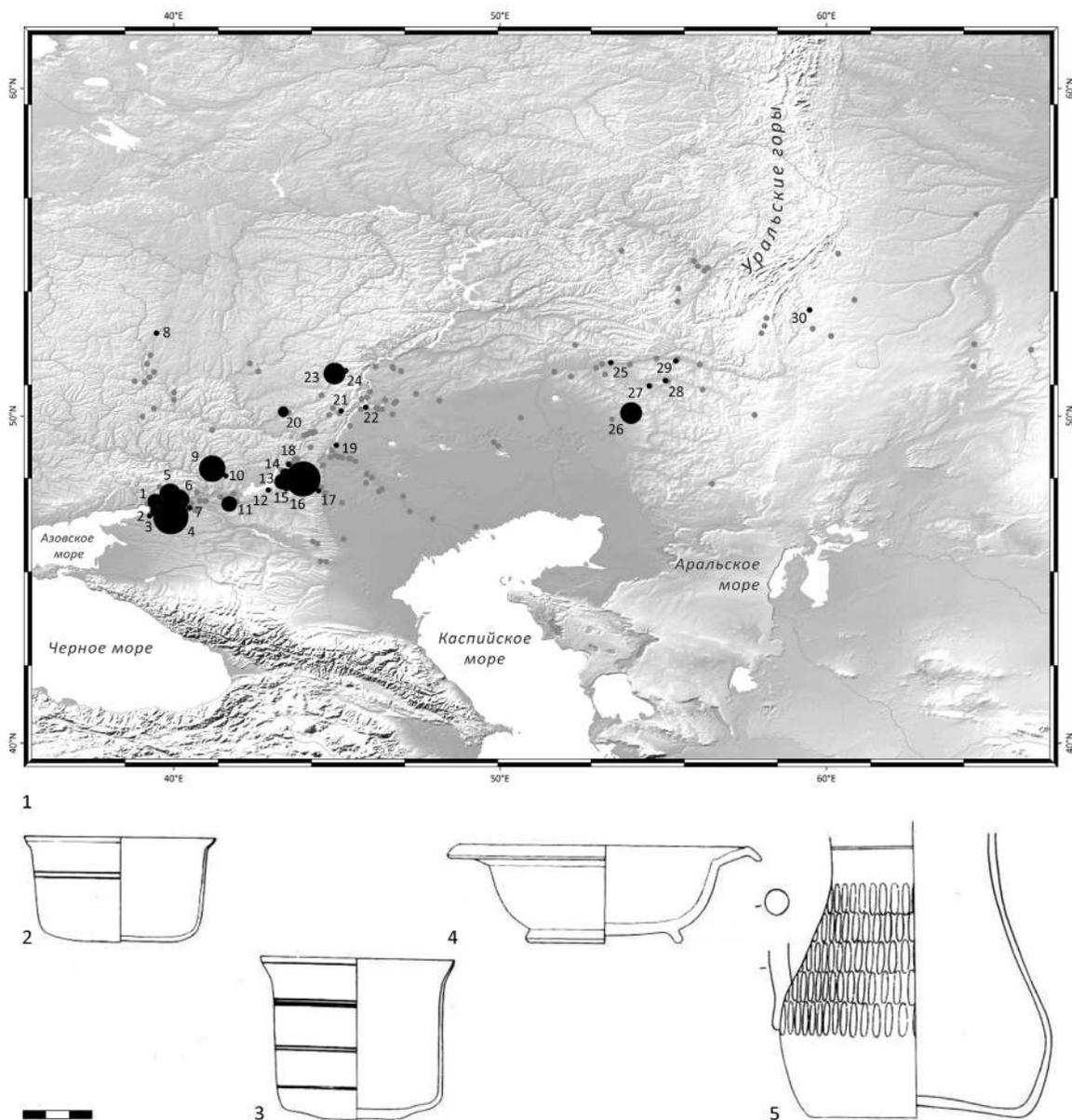

Рис. 1. 1 — Карта. Находки римских стеклянных сосудов первых веков н. э. в Азиатской Сарматии. 1 — Валовый-I, 3 экз., 2 — Новоалександровка-I, 2 экз., 3 — Займо-Обрыв-I, 4 — Высочино, 7 экз., 5 — Вятская, 4 экз., 6 — Кобяково, 4 экз., 7 — Алитуб, 8 — Липецк, 9 — Сладковский, 5 экз., 10 — Скосыревская, 1 экз. 11 — Новый, 12 — Нагавский-II, 2 экз., 13 — Октябрьский I-II, 14 — Антонов-I, 2 экз., 15 — Октябрьский-V, 16 — Жутово, 7 экз. 17 — Аксай-III, 18 — Вербовский III, 19 — Калиновка, 20 — Сидоры, 2 экз.; 21 — Барановка, 22 — Бережновский-II; 23 — «Горелый-I», 4 экз.; 24 — Большая Дмитриевка, 25 — Мухраново, 26 — Лебедевка-V-VI, 4 экз.; 27 — Покровка-II, 28 — Черный Яр, 29 — Бердянка-V, 30 — Магнитный. Серыми кружками обозначены комплексы с импортами. Подоснова — Г. П. Гарбузов, карта — М. Ю. Трейстер, 2019. 2-5 — Курган № 6/1983 на ул. Вятской, Ростов-на-Дону. Погребение № 8. Стеклянные сосуды (по: Volkov, Guguev, 1986, pls. 52, 53)

(*Early Imperial ribbed bowls*) (ср., например, Jackson-Tal, 2004, P. 21, 22, fig. 13; 2016a, P. 15, 16, fig. 8.17; Triantafyllidis, 2006, P. 153–155, fig. 8; Grose, 2012, P. 59–73, G286–378, pls. 15–17).

Казалось бы, вряд ли можно датировать чашу из кургана № 28/1982 могильника Высочино-VII позднее первой половины I в. до н. э. Однако, тот факт, что она изготовлена из глухого белого стекла, не характерного для чаш восточно-средиземноморского происхождения — среди них преобладали чаши из полупрозрачного стекла желто-зеленых оттенков (Grose, 2012, P. 35; 2017, P. 55) — и, наоборот, встречающихся, пусть и редко, среди *Early Imperial ribbed bowls* (von Saldern, 1974, S. 97, 99, Nr. 258, 259; Grose, 2017, P. 54 с лит.), датирующихся в рамках конца I в. до н. э. — начала I в. н. э. (Grose, 2017, P. 56–58), а также других форм стекла раннеимператорского времени (La Baume, 1970, Nr. C6, Taf. 8, 4; Whitehouse, 1997, P. 86, 87, nos. 120, 121; 2001, P. 203, no. 760; Freestone, Stapleton, 2015, P. 61, 67, 68), позволяет предположительно отнести находку из Высочино к этому времени и рассматривать в качестве италийского импорта, хотя флаконы из глухого белого стекла выдувались в формах и в сиро-палестинских мастерских этого времени (Stern, 1995, P. 90, 91, 113–117, no. 15).

2.2. Мозаичное стекло

Ранние образцы мозаичного стекла происходят из хорошо датированных комплексов, в частности, кораблекрушения у о. Антикитира (Avronidaki, 2012, P. 132, 133, 140–143, nos. 104–109) и с о. Делос (Nenna, 1999, P. 35–63; например, no. B14, pl. 61; nos. B42, 43, pl. 46; no. B82, pl. 62; no. B81, pl. 63). Форма чаши, фрагменты которой найдены в кургане № 26/1971 у х. Алитуб (рис. 3, 1) (Засецкая и др., 1999, с. 56, 57, рис. 3, 2; цв. вклейка 3; Глухов, 2005, с. 49, 163, рис. 18, 9; Симоненко, 2011, с. 74,

рис. 50, 1a–б; Трейстер, 2019б, с. 261, 262, рис. 2, 1), не восстанавливается, однако по декору фрагменты находят близкие параллели среди кубков без ребра на тулове „*composite mosaic vessels: non-carinated forms: beakers*“, датируемых концом I в. до н. э. — началом I в. н. э., предположительно италийского изготовления (Grose, 1989, P. 258–261, 235 (ills.); P. 332, nos. 572–573). В частности, очень близкий декор имеет фрагмент чаши из Тарса в собрании Лувра, датирующийся этим временем (Arveiller-Dulong, Nenna, 2000, P. 146, 147, no. 184). Сопоставим декор и фрагмента края чаши из Ольвии (Пуклина, 2016, с. 165, рис. 1, 3).

В Северном Причерноморье фрагменты сосудов мозаичного стекла известны по находкам из Пантикапея (Сорокина, 1962, с. 212, 213, рис. 1), Горгиппии (Алексеева, Сорокина, 2007, с. 56, 57, Ф.Ф2, табл. 37, 1; рис. 9; с. 60–61, Ч.Ф1, табл. 38, 3; рис.14), городища Артезиан (Винокуров, Трейстер, 2019, с. 56–59, рис. 1), и святилища у пер. Гурзуфское седло (Новиченкова, 2015, с. 98, 99, рис. 197).

2.3. Глухое одноцветное стекло

Небольшая чашечка глухого стекла голубого цвета с отогнутым краем на кольцевом поддоне была найдена в погребении III в. н. э. № 8 в кургане № 6/1983 на ул. Вятской в Ростове-на-Дону (рис. 1, 4; 4, 1–3) (Volkov, Giguev, 1986, P. 73, pl. 52, 1). Она относится к значительно более раннему времени — такие сосуды получили распространение еще до изобретения дутья. Чашечка из Ростова-на-Дону не принадлежит к наиболее распространенной форме таких сосудов (Isings, 1957, P. 17, Form 2; Goethert-Polaschek, 1977, S. 349, Form 17, Formentafel A; Rütli, 1991a, S. 41, AR 6; S. 173, Abb. 111; Taf. 31, 729–733; Fünfschilling, 2015, S. 272, 273, Abb. 319; Löbbing, 2015b, S. 35)³, которые были подражаниями *terra sigillata* (von Saldern, 2004, S. 182, 183; Höpken, 2010,

³ Некоторые чаши этой формы изготовлены литьем с прессовкой из глухого стекла красного цвета (Löbbing, 2015b, S. 35, Anm. 223).

S. 380), хотя не исключено, что стеклянные сосуды, подражавшие образцам торевтики, как раз и послужили прототипами краснолаковых (Löbbing, 2015a, P. 105–111, особенно P. 105–106 о чашках формы Isings 2). По форме она скорее близка типу, известному среди сосудов, полученных при помощи дутья — Isings 42 и близкой форме Isings 20, датирующихся второй половиной I – началом II в. н. э. (Isings, 1957, P. 48, Form 42a; Czurda-Ruth, 1979, S. 57, 58, Nr. 489–491; Grose, 1989, nos. 424–426; Rütli, 1991a, S. 48, 83, 145, AR 80; Taf. 74, 1642–1648; Fünfschilling, 2015, S. 363, Abb. 470. — Isings, 1957, P. 37, Form 20; Goethert-Polaschek, 1977, S. 349, Form 18, Formentafel A; Rütli, 1991a, S. 41, AR 8; S. 173, Abb. 111; Taf. 31, 735–736; Fünfschilling, 2015, S. 140, 141, Abb. 184, 185, 188; S. 274, Abb. 321)⁴.

Сосуды открытых форм из глухого литого прессованного стекла получили особенно широкое распространение на территории западных провинций Римской империи с конца I в. до н. э. по первую половину I в. н. э., будучи изготовленными, с наибольшей вероятностью, в итальянских мастерских (Berger, 1960, S. 24–26, Taf. 3; Grose, 1991, P. 2, fig. 1; Czurda-Ruth, 1989, S. 129, 130; von Saldern, 2004, S. 182–185; Höpken, 2010, S. 380, 381, Abb. 3). На донце чашечки имеется круг с точкой в центре от фиксации на токарном станке, на котором она была отшлифована (рис. 4, 3). Подобный же круг с точкой (но на внутренней стороне) имеется на блюде глухого красного стекла из некрополя Пантикапея, которое датировано 40 – 70-ми гг. н. э. и отнесено к изделиям мастерской Восточного Средиземноморья или Италии (Кунина, 1997, с. 72, илл. 32, 33; с. 258 (илл.), с. 260, № 63; Löbbing, 2015a, P. 106, note 21; 2015b, S. 35, Anm. 226). Аналогичным образом с концентрическими окружностями на внутренней стороне выполнена и тарелка диаметром 20 см, также глухого красного стекла из погребения

первой половины I в. н. э. в Соколовой могиле в Побужье (Ковпаненко, 1986, с. 64, 65, рис. 66; Дзиговский, Островерхов, 2000, с. 157; Simonenko, 2008, S. 22, 25, Abb. 15, 2; 75, Nr. 99.14, Taf. 110, 1; Симоненко, 2011, 90, 91, рис. 55, 1).

К этой же сравнительно редкой группе сосудов относятся фрагменты плоскодонных тарелок глухого стекла вишнево-красного цвета из кургана на южной окраине Липецка, также с концентрическими окружностями на внутренней стороне (рис. 3, 3) (Медведев, 2008, с. 118, № 6, рис. 80, 4), и погребения № 2 кургана № 8/1976 могильника Высочино-I (Беспальный, Лукьяшко, 2008, с. 19, табл. 10, 6). Тарелка из Липецка имеет стенки, плавно расширяющиеся кверху, и отогнутый наружу край.

У тарелки из Высочино стенки профилированы горизонтальными валиками (рис. 3, 2). Форма, являющаяся вариантом Isings 2, сопоставимая с краснолаковыми тарелками, хорошо известна по находкам преимущественно из Италии и западных провинций (La Baume, 1970, комментарий к С6; Goethert-Polaschek, 1977, S. 349, Form 7, Formentafel A; Rütli, 1991a, S. 34, AR 6.1; Taf. 30, 726–728; Fünfschilling, 1985, S. 102, Nr. 1, 103, Abb. 1; 2015, S. 271, 272, Abb. 318), датирующихся не ранее позднеавгустовского времени и до эпохи Флавиев, т. е. преимущественно, второй – третьей четвертью I в. н. э. Значительно реже они встречаются в Восточном Средиземноморье и Малой Азии (Jennings, 2000, P. 55, fig. 10, 4–8; P. 56; Czurda-Ruth, 2007, S. 48–50, Nr. 87, Taf. 6).

Фрагменты чаш и тарелок из глухого стекла молочного цвета происходят из погребения позднесарматского времени № 2 кургана № 1/1985 некрополя Высочино-IV (Беспальный, Лукьяшко, 2008, с. 54, № 6), а также погребений I в. н. э. Волго-Донского междуречья: погребения № 1 кургана № 71/1974 у с. Жутово, кургана № 5 /1991 могильника Антонов-I (фрагмент

⁴ См. о параллелях этим сосудам в керамике: Löbbing, 2015b, S. 31, 32.

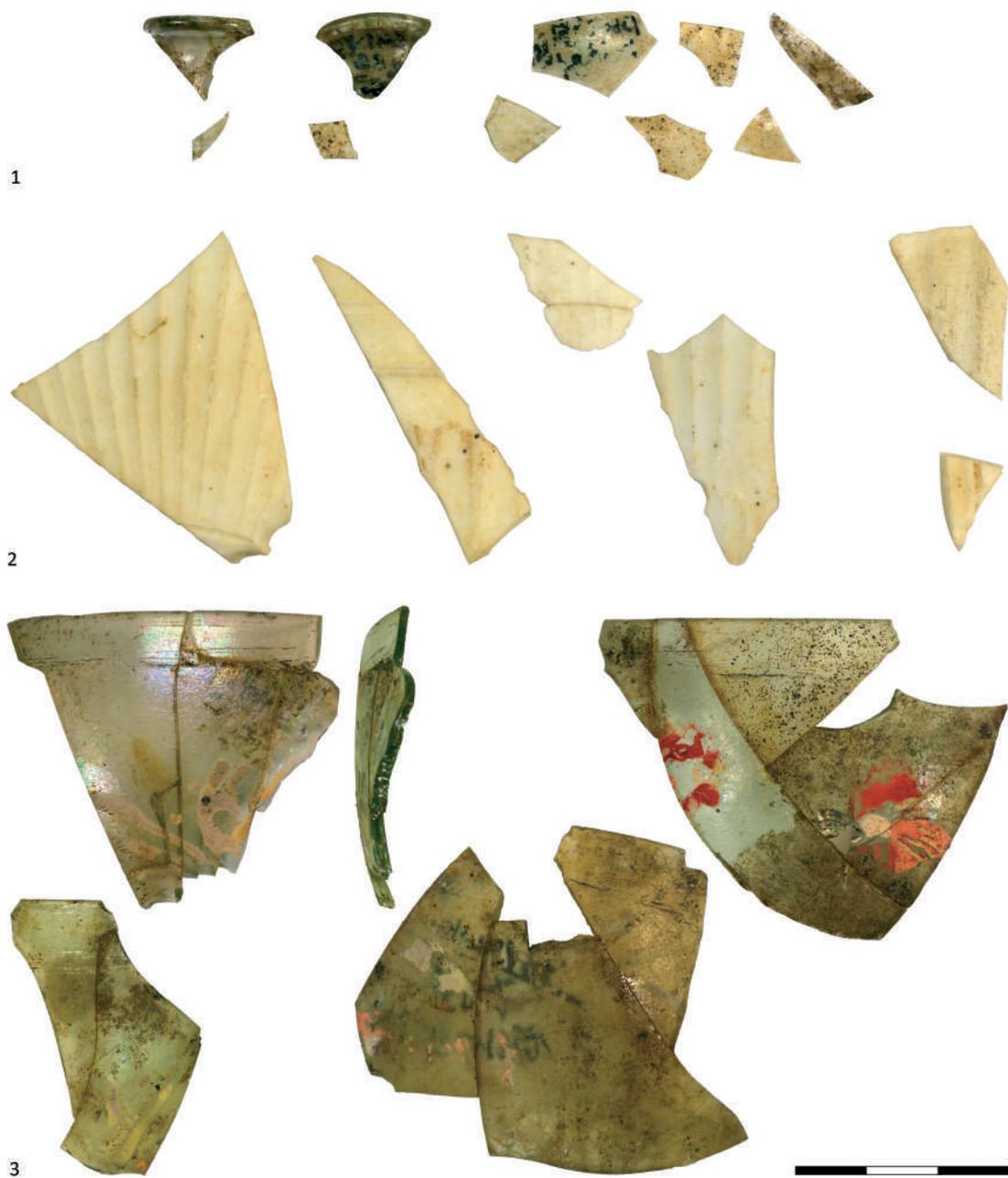

Рис. 2. Высочино-VII. Курган № 28/1982. Фрагменты стеклянных сосудов. Азов, АИАГМЗ.
1 — инв. № 9532/97, 2 — инв. № 19532/98, 3 — инв. № 19532/87. Фото М. Ю. Трейстера, 2015

Рис. 3. Фрагменты литых в формах стеклянных чаш и блюд.
 1 — Алитуб. Курган № 26/1971. Погребение № 1. Ростов-на-Дону, РОМК, инв. № 23030/86.
 2 — Высочино-I. Курган № 8/1976. Погребение № 2. Азов, АИАПМЗ, инв. № 15207/62.
 3 — Липецк. Курган на южной окраине (раскопки 2005 г.). Липецк, ЛОКМ, без инв. номера.
 Фото М. Ю. Трейстера, 2015

края большого блюда, дм. реконстр. 48 см, украшенного двумя глубокими концентрическими канавками) (Мамонтов, 1994, с. 39, рис. 8, 13) и кургана № 1 /1993 могильника Октябрьский-II⁵. Из того же стекла изготовлены фрагменты тарелок из раскопок Пальмиры (Ployer, 2013, S. 140, Nr. 7, Abb. 117) и Дура-Эвропос (Ployer, 2013, S. 140). В Бейруте такие тарелки были найдены в комплексе, датированном 60 – 70 гг. н. э. (Jennings, 2006, P. 74, fig. 4, 5). Они известны также в Египте (Kucharczyk, 2004, P. 97, fig. 2, nos. 7–8; 2007, P. 121, fig. 4, 1), на Кипре (Mazanek, 2014, P. 296, group D, fig. 6) и на Делосе (Nenna, 1999, P. 48, no. B85, pls. 3; P. 63).

3. Стекло, выдутое в форму

Флакон из бесцветного прозрачного стекла зеленоватого оттенка с приземистым четырехгранным туловом со скругленными углами и цилиндрическим горлом с отогнутым краем, с широкой ручкой с продольным валиком в центральной части из погребения № 1 кургана № 9/1987 могильника Валовой-I (рис. 5, 2–3) (Беспалый и др., 2007, с. 28, № 12, табл. 31, 1; Безуглов и др., 2009, с. 32, 41, рис. 21, 7) относится к форме Isings 50a (Isings, 1957, P. 63–66, Form 50a; Goethert-Polaschek, 1977, S. 351, Form 114, Formentafel C; Charlesworth, 1966, P. 26, 27, fig. 3a, Type 2a; 33; Czurda-Ruth, 1979, S. 131–136, Nr. 1017–1028; Taf. 17; Scatozza Höricht, 1986, P. 43–48, Form 24a; Barkóczy, 1988, S. 178, 179, Nr. 428, 429, T. XXXIX; Rützi, 1991a, S. 54–55, AR 156, Taf. 111–127; Whitehouse, 1997, P. 183, no. 322 с комментариями; Weinberg, Stern, 2009, P. 109–114, nos. 275–295, fig. 17, pls. 24, 25; Fünfschilling, 2015, S. 427, 428, Abb. 595).

Появившись, вероятно, еще в первой половине I в. н. э.⁶ — наиболее ранние находки, датирующиеся в пределах первой трети

столетия, известны как в некрополе Самофракии (Dusenbery, 1998, P. 1125, 1126, nos. S199-5, S208-3, S219-21, XS-528), так и в Магдаленсберге (Czurda-Ruth, 1979, S. 135, 136, Nr. 1020–1022) — они получают особенно широкое распространение на всей территории Римской империи во второй половине I и во II в. н. э., а также и в III в. н. э. (Сорокина, 1965, с. 228; Whitehouse, 1997, P. 183; von Saldern, 2004, S. 500–506; Schwarzer, Rehren, 2015, S. 109, Abb. 6). Такие флаконы, которые выдувались в открытой форме, часто имеют на дне надписи (см., например, Тек, 2003, P. 82–87) и (или) рельефное знаки⁷. Судя по находкам форм, их производство было налажено и в Апулуме в Дакии (Pánczél, 2011, P. 175–187).

Многочисленные фрагменты таких сосудов происходят из раскопок городских слоев Пантикапея (Сорокина, 1962, с. 219, рис. 6, 6–7; с. 222, 223), Танаиса (Сорокина, 1965, с. 226–231; Яценко, 2007, с. 187, 188, № 94–103, табл. VII; VIII), целые формы представлены находками из некрополей Северного Причерноморья⁸, в том числе Юго-Западного Крыма (Гущина, Журавлев, 2016, с. 71, табл. 45, 10; 148, 6; 301), Нимфея (Кунина, 1982, с. 119–124), Пантикапея (Сорокина, 1965, с. 228, прим. 59; ср. Кунина, Сорокина, 1972, с. 155, рис. 5, 27; с. 156, прим. 82; Кунина, 1997, с. 284 (илл.), 285, 287, № 163–168), Кеп (Сорокина, 1977, с. 124) и Горгиппии (Алексеева, Сорокина, 2007, с. 74, 75, КФ3–4, табл. 53; 54) — среди них встречаются как сосуды восточносредиземноморского, так и западного производства — итальянских и рейнских мастерских. Находки таких сосудов в сарматских погребениях Северо-Западного Причерноморья редки (Дзиговский, Островерхов, 2000, с. 128, рис. 41, 2; с. 153, 155), а в Прикубанье неизвестны.

⁵ Фрагмент не издан в отчете о раскопках кургана (Мордвинцева, Мыськов, 1999, с. 182–191), тем не менее, шифр на нем указывает на происхождение.

⁶ Ср. Fünfschilling, 2015, S. 427 с датировкой 40-50 (?) – 300 гг. н. э.

⁷ О находках из Северного и Северо-Западного Причерноморья с клеймами см. Шабанов, 2017, с. 88–104.

⁸ См. также аналогичные беспаспортные кувшины из коллекции Центрального музея Тавриды (Шабанов, 2015, с. 46, 47, № 13,14) и музея в Майкопе (Раев, Яценко, 2012, с. 146, 147, № 4, табл. 1).

Обращает на себя внимание сравнительно большое количество находок в Малой Азии (von Saldern, 1980, S. 28, 29, nos. 177–184, pl. 22; Stern, 1989, P. 590, 591, figs. 15, 1; 19; Gençler Güray, 2009, S. 178, 179, nos. 61–65, fig. VII; Çakmaklı, 2012, S. 193, no. 19 с аналогиями; Grossmann, 2013, P. 238, nos. G54, 55, figs. 53; 54; Hörken, Çakmaklı 2015, S. 72, 73, nos. 128; 129; Eker, Eker, 2016, S. 91–106; Eker, 2018, S. 1256, 1257), островах Эгейского моря (из некрополя Самофракии: Dusenbery, 1998, P. 1125, 1126, nos. S199-5, S208-3, S219-21, XS-528), а также из Западного Причерноморья (Belivanova, 1999, P. 41, 42, fig. 38; Chiriac, Boğan, 2014, P. 532; Drăghici, 2012, P. 213, 214, no. 13a; Koçel Erdem, 2009, P. 217, no. V.1; P. 230, 233, fig. 29, drawing 1), Восточной Грузии (Apakidze, Nikolaishvili, 1994, P. 46, 47, nos. 46; 47 с лит.; fig. 30; Saginashvili, 2008, p. 224, 230, nos. 30–32; pl. 88; Braund et al., 2009, p. 84, no. 3.22), Закавказья (Аракелян и др., 1969, с. 62, № 135), Греции (Prikhodkine, 2005, P. 58, 59, fig. 3, e), с о. Крит (Smith, 1982, P. 276, fig. 5, 58; P. 277, 278), Кипр (Vessberg, 1952, P. 129, тип IVα, pl. VI, 1–5; XV, 5–6; 1956, P. 148, 149, тип IVα; 151, fig. 47, 1–5; Nicolaou, 1984, P. 238, fig. 3; P. 243, no. 95; Lightfoot, 2017, P. 61–63, nos. 31–35; Mazanek, 2014, P. 301, group L, figs. 16; 17) и Ближнего Востока (Clairmont, 1963, P. 122, no. 601, pl. XIV; Jackson-Tal, 2016b, P. 49, 51, fig. 16, 3–5).

Находка из могильника Валовый-I относится к варианту флаконов с приземистым туловом (Charlesworth, 1966, P. 33; Whitehouse, 1997, P. 183, no. 322; Кунина, 1997, с. 284 (илл.), 285, 287, № 166; 167; Алексеева, Сорокина, 2007, с. 74, табл. 53, 1; 54, 2). Д. Чарлсворт отмечала редкость образцов с венчиками типов 2а и 2б, указывая на происхождение сосудов из Смирны и Керчи и предполагая их изготовления как в западных мастерских, так, возможно, и на Кипре (Charlesworth, 1966, P. 33, 37, 38, App. 1, 25, 26, 54). Во всех этих случаях это также сосуды небольших размеров, высотой 10,7 и 15,5 см.

Морин-Жан, а вслед за ним Н. З. Кунина определяет высоту в 20 см, как границу — более низкие сосуды являются изделиями средиземноморских мастерских, более высокие — мастерских западных провинций (Кунина, 1982, с. 120). Насколько справедливо такое предположение сказать трудно. Во всяком случае большинство известных мне сосудов из Малой Азии имеет высоту до 18,5 см, главным образом в пределах 9–13 см (Kurup, 2015, S. 167, 168, nos. 74, 75; Eker, Eker, 2016, S. 91–106). Флаконы из погребений первой четверти I в. н. э. на о. Самофракия имеют высоту от 8,9 до 13,1 см (Dusenbery, 1998, P. 1125, 1126, nos. S208-3, S219-21), с о. Кипр, за одним известным мне исключением, имеют высоту 6,6–17,5 см (основная часть — в пределах 8–10 см) (Vessberg, 1952, P. 129; 1956, P. 148, 149; Lightfoot, 2017, P. 61–63, nos. 31–35). Среди флаконов из Восточной Грузии есть образцы высотой как меньше (Saginashvili, 2008, p. 224, 230, nos. 30–32: 13,4, 14,3 и 19,6 см; Braund et al., 2009, p. 84, no. 3.22: 14,2 см), так и больше (Apakidze, Nikolaishvili, 1994, p. 46, 47, nos. 46, 47: 24,0 и 24,1 см) 20 см. С другой стороны и сосуды, найденные в Геркулануме, небольшие: от 10,5 до 15,5 см (Scatozza Höricht, 1986, P. 46, 48).

4. Сосуды, изготовленные в технике свободного дутья

4.1. Чаши и стаканы

Всего известны находки не менее 14 чаш и стаканов, шесть из которых подаются достаточно точному определению, а два — предположительному.

4.1.1. Чашечка Isings 41b

Чашка прозрачного голубоватого стекла из погребения № 1 кургана № 3/1983 Кобяковского некрополя (рис. 6, 5–6) (Guguev, 1986, P. 72, no. 2; pl. 48, 4; Гугуев, 2018, с. 66, 67, рис. 7, 3; 8, 2) находит параллели по форме (Isings, 1957, P. 57, Form 41b;

Рис. 4. Курган № 6/1983 на ул. Вятской, Ростов-на-Дону. Погребение № 8. Стекланные сосуды. Азов, АИАПМЗ. 1–3 — инв. № 26454/49, 4–6 — инв. № 26454/63. Фото М. Ю. Трейстера, 2015

Рис. 5. Стекланные сосуды.
 1–3: Валовый-І. Курган № 9/1987. 1 — инв. № 25309/224; 2–3 — инв. № 25309/225;
 4 — Новоалександровка-І. Курган № 50/1986. Погребение № 1. Инв. № 24545/50. Азов, АИАПМЗ.
 1–3 — Фото Музея, 4 — фото М. Ю. Трейстера, 2015

La Baume, 1970, Nr. L2, Taf. 49, 2; Rütli, 1991a, S. 84; Fünfschilling, 2015, S. 141, Abb. 187, 2–11; S. 142) среди сосудов, производившихся, вероятнее всего, в Италии, и, преимущественно, во второй половине I – начале II в. н. э. Хотя подобные чаши известны и в Греции, и на Кипре (Vessberg, 1952, P. 116, тип B1β1–2, pls. I, 29–30; II, 1–4; 1956, P. 130, 131, figs. 42, 29–30; 43, 1–4; P. 134, 135, тип B1β1–2), наибольшая концентрация их находок — в Северной и Центральной Италии и в Хорватии (Isings, 1957, P. 57; Scatozza Höricht, 1986, P. 35, 36; Whitehouse, 1997, P. 102, no. 151).

Аналогичные чаши представлены находками из некрополей Юго-Западного Крыма (Стржелецкий и др., 2003–2004, с. 119, вариант 3, табл. XXVIII, 29) и чаще, что уже было отмечено В. К. Гугуевым (2018, с. 66, 67), — погребений некрополей Боспора второй половины I в. н. э. — Пантикапея (Кунина, 1984, с. 147, № 1, табл. I, 1), Кеп (Сорокина, 1977, с. 139, рис. 7, 3; 142; Кунина, Сорокина, 1972, рис. 7, 9), Цемдолинского (Довгалюк, Малышев, 2008, с. 40, № 1; с. 41, рис. 34, 1; Малышев, 2008, с. 149, 150, рис. 110).

4.1.2. Стакан Isings 34

Стакан из кургана № 10/1987 Кобяковского могильника из тонкого прозрачного стекла голубовато-зеленого цвета с сужающимся книзу туловом, на кольцевом поддоне и с краем, отбитым от выдувной трубки и шлифованным (рис. 6, 1–3) (Прохорова, Гугуев, 1992, с. 145, рис. 3, 14; с. 154; Kat. Frankfurt, 2003, S. 159, Nr. 139), относится к форме Isings 34 (Isings, 1957, P. 48, 49, Form 34; Czurda-Ruth, 1979, S. 99–102, Nr. 762–780; Taf. 5; Rütli, 1991a, S. 44, 71, 72, AR 37.2; Taf. 49, 1145–1147; Whitehouse, 1997, P. 227, no. 384; 2003, P. 138, no. 1124; Алексеева, Сорокина, 2007, с. 47–49, табл. 33 (форма Ф1); Fünfschilling, 2015,

S. 306, AR 37.2, Abb. 374). Стаканы этого типа получили широкое распространение со второй четверти I по начало II в. н. э., преимущественно в западных, реже — восточных провинциях Римской Империи (Whitehouse, 2003, P. 138; Fünfschilling, 2015, S. 306, AR 37.2)⁹, в том числе в Западном (Chiriac, Boțan, 2014, P. 544, pl. II), а также Северном Причерноморье (Пантикапей: Сорокина, 1962, с. 220, рис. 7, 2; с. 224, рис. 9, 1; Кепы: Сорокина, 1977, с. 136, рис. 6, 3; с. 137) и в Восточной Грузии (Saginashvili, 2008, P. 225, 232, no. 47, pl. 89).

4.1.3. Стаканы AR 38

Из погребения № 8 кургана № 6/1983 на ул. Вятской в Ростове-на-Дону происходят два стакана цилиндрической формы с туловом, украшенным парными горизонтальными гравированными линиями, с плоским дном. Они отличаются пропорциями. Один — более высокий (рис. 1, 3; 4, 4–6) (Volkov, Guguev, 1986, P. 73, pl. 53, 2). Второй — более низкий (рис. 1, 2) (Volkov, Guguev, 1986, P. 73, pl. 53, 1). Еще один стакан, по пропорциям, приближающийся к «высокому» стакану из кургана на ул. Вятской, был найден в позднесарматском погребении № 1 кургана № 20/1985 могильника Новоалександровка-I (Bespaly, 1986, P. 76, no. 2, pl. 62, 1; Беспалый, Лукьяшко, 2018, с. 71, № 2; с. 72, рис. 40, 20).

Ближние по форме стаканы из прозрачного стекла с плоским дном и отогнутым краем с горизонтальными гравированными линиями на тулове известны в погребениях некрополя Пантикапея II – III вв. н. э. (Сорокина, 1962, с. 224, рис. 9, 8–10; с. 226; Кунина, 1997, с. 318–320, № 327–330) и окрестностей (Александровские скалы I: Бейлин и др., 2019, с. 237, 246, рис. 19, *вверху*), в городском слое Горгииппии (в здании, сгоревшем в пожаре 240 г. н. э.) (Алексеева, Сорокина, 2007, с. 20, табл. 13, 7),

⁹ Греция: Weinberg, Stern, 2009, P. 51, nos. 96, 102, fig. 6. — Сирия: Dussart, 2007, P. 207, 221, no. 10. — Малая Азия: Hörken, Çakmaklı, 2015, P. 38, nos. 50; 51; Atilla, 2015, P. 167, 168, 172, no. 42, fig. 13. — Кипр: Vessberg, 1952, P. 123, тип BIIβ, pl. IV, 3, 6–7; pl. XIII, 3, 5; 1956, 137, тип Aα, 141, fig. 45, 3, 6–7; 144, тип BIIβ; Lightfoot, 2017, P. 87–89, nos. 68–71.

в некрополях Юго-Западного Крыма (Стржеleckий и др., 2003–2004, с. 122, вариант 8, табл. XXVIII, 10; Гущина, Журавлев, 2016, с. 70, табл. 298, 2), среди беспаспортных материалов из Центрального музея Тавриды (Шабанов, 2015, с. 95–97, № 62–64), а также из погребений Широкобалковского (погребение № 133: Дмитриев и др., 2011, с. 207, № 1, рис. 194, 1; Малышев, 2011, с. 268, рис. 230), Цемдолинского (Довгалюк, Малышев, 2008, с. 89, № 1; с. 90, рис. 74, 1; Малышев, 2008, с. 149, рис. 109; с. 152) могильников и могильника на Почтовой улице в Краснодаре (Лимберис, Марченко, 2003, с. 126, 127, №, 43, 44.1, 51, 55.2; рис. 22; Marčenko, Limberis, 2008, S. 302, 304, Abb. 16; Taf. 121, 1, 3, 5; Лимберис, Марченко, 2013, с. 242, тип I; с. 244, рис. 1, 1–3). Серия аналогичных стаканов из раскопок Танаиса датируется по контексту второй половиной II – первой половиной III в. н. э. (Сорокина, 1965, с. 204–206, рис. 1, 2–8; Яценко, 2007, с. 178–180, табл. II, 30–37). Некоторые исследователи предположительно определяют их как изделия боспорских мастерских (Кунина, 1997, с. 318–320, № 327–330; Яценко, 2007, с. 179; Лимберис, Марченко, 2013, с. 242).

Если у приведенных выше параллелей из могильников Юго-Западного Крыма, Боспора и меотских погребений Прикубанья стаканы имеют вогнутое дно, что позволяет сблизать их с датируемыми I – II вв. н. э. стаканами формы Isings 30 (Isings, 1957, P. 45, Form 30; Goethert-Polaschek, 1977, S. 350, Form 45; Formentafel A; Scatozza Hörich, 1986, P. 42, 43, nos. 74–76, Form 23; Rütli, 1991a, S. 44, AR 36, Taf. 49, 1130; Fünfschilling, 2015, S. 117, 121, Abb. 124, 1–2; S. 304, 305), в частности, из Афин (Weinberg, Stern, 2009, P. 50, 51, no. 99, fig. 6), с о. Кипр (Vessberg, 1952, P. 120, тип A1α, pls. III, 1–3; XII, 7–8; 1956, P. 137, тип A1α; P. 140, fig. 44, 1–3), из Западного Причерноморья (Belivanova, 1999, P. 37, fig. 28; P. 40), Западной и Центральной Малой Азии (Lightfoot, 1989, P. 27, 28, nos. 12–14, pl. 3, 1–3; P. 32,

no. 20, pl. 2, 5; 1990, P. 9, fig. 4; Çakmaklı, 2013, S. 72, 73, nos. 17; 18, fig. 5; Höpken, Çakmaklı, 2015, P. 34, 35, nos. 42–45; Atilla, Gürler, 2009, S. 130–138, nos. 203–216) и с Ближнего Востока (Jackson-Tal, 2016b, P. 42, fig. 12, 4–6), то стаканы из погребения № 8 кургана № 6/1983 на ул. Вятской с плоским дном и стенками, сужающимися при переходе ко дну (рис. 1, 2–3; 4, 4–6), находят очень близкие параллели за пределами Северного Причерноморья. Считается, что они появляются в эпоху Флавиев (хотя в некрополе Самофракии стаканы такой формы известны уже в погребениях первой четверти I в. н. э.: Dusenbery, 1998, P. 1086, 1087, no. S216-3), получают широкое распространение во II в. н. э., постепенно выходя из обращения к концу столетия, на территории северо-западных римских провинций, в том числе в Рейнской области, Британии, на севере Франции (Goethert-Polaschek, 1977, S. 349, Form 39; Formentafel A; Rütli, 1991a, S. 44, 73, 84, AR 38; Taf. 49, 1148–1152; 50, 1153–1177; Cool, Price, 1995, P. 79–82; Fünfschilling, 2015, S. 307, 308, AR 38, Abb. 375; Compton et al., 2015, figs. 420, 14; 428). Как правило эти стаканы имеют пропорции, близкие «высокому» стакану из Ростова, но имеются аналогии и «низкому» стакану, в частности из Словении (Lazar, 2003, P. 81, 82, тип 2.5.2, fig. 30), с Кипра, в том числе из погребения первой половины I в. н. э. гробницы, открытой в Эуриху (Vessberg, 1952, P. 120, тип A1β, pl. III, 4; pl. XII, 3; 1956, P. 137, тип A1β; P. 140, fig. 44, 4; Nicolaou, 1984, P. 237, no. 3; P. 238, fig. 3), некрополя Фронтное 3 в Севастополе (Язиков и др., 2019, с. 281, 303, рис. 14, *нижний ряд, третий справа*) и датирующегося второй половиной I – началом II в. н. э. погребения № 80 могильника Старокорсунского городища № 3 (Лимберис, Марченко, 2003, с. 113, 131, 132, № 80, рис. 21; Marčenko, Limberis, 2008, S. 302, 303, Abb. 14; 369, Nr. 153.1, Taf. 160, 4).

Не определяется дошедший до нас во фрагментах сосуд из погребения № 1

кургана № 33/1987 могильника Валовый-I (Беспалый и др., 2007, с. 77, 78, № 2; Безуглов и др., 2009, с. 66). Он мог относиться к рассматриваемой форме или форме Isings 30. Вероятно, также к форме Isings 30 мог относиться разбитый в древности стакан цилиндрической формы с вогнутым дном прозрачного стекла из позднесарматского погребения № 1 кургана № 49/1954 могильника Бережновский-II в Нижнем Поволжье (Синицын, 1960, с. 52, 164; ср. Крopotкин 1970, с. 101, № 896).

4.1.4. Ранняя форма кубка AR 98.1 (?)

Из погребения № 1 кургана № 14/1978 Сладковского могильника происходит фрагмент края открытого сосуда зеленоватого прозрачного стекла с широким утолщенным венчиком, слабо загнутым внутрь краем, скошенным наружу и выделенным острым ребром. Стенки сосуда вертикальные, в нижней части украшенные пятью узкими валиками (рис. 7, 1) (Максименко, 1998, с. 117, 118, рис. 55, 7).

По восстанавливаемой форме сосуда, это, конечно, не фиала со шлифованным декором, как предположили А. Н. Дзиговский и А. С. Островерхов, которые одновременно часть сосуда отнесли к блюду III в. н. э. (Дзиговский, Островерхов, 2000, с. 137, 139, рис. 46, 4–6; с. 158), а, скорее всего кубок, близкий форме Isings 85b (Isings, 1957, P. 102, 103, Form 85b; Gothert-Polaschek, 1977, S. 350, Form 47a, Formentafel A; Rütli, 1991a, S. 90–94, AR 98.1, Taf. 77–82, 1692–1811; Whitehouse, 2003, P. 135, 136, no. 1118; Fünfschilling, 2015, S. 372, 373, Abb. 390). Эти сосуды, которые датируются не ранее второй четверти – середины I в. н. э., распространенные преимущественно в северных провинциях западной части Римской империи (Whitehouse, 2003, P. 135, 136; Fünfschilling, 2015, S. 373), но известные и в Северной Африке (El-Hassani, 2019, P. 298, nos. 4–6), Греции (Prikhodkine, 2005, P. 58, 60, fig. 4, i, j; nos. 90–99) и в Восточном Средиземноморье, в частности в Израиле и Сирии (Ployer, 2013, S. 155, 156, 179, 180,

№. 127–143, Abb. 139, 140, 144), а также на Кипре (Lightfoot, 2017, P. 111, nos. 106; 107) и в Малой Азии (Grossmann, 2013, P. 226, no. G20, fig. 19; Höpken, Çakmaklı, 2015, P. 29, no. 27). С. Фюнфшиллинг указывает на более ранний вариант этой формы, получивший распространение еще во второй половине I в. н. э. в южной части Франции (de Pury-Gysel, 2007, P. 60, 61, no. 58; Fünfschilling, 2015, S. 373, 374, Abb. 391). Примеры оформления нижней части таких кубков рядами горизонтальных валиков редки, но мне известен такой кубок зеленоватого стекла из Музея Намюра в Бельгии (<http://www.antike-tischkultur.de/glasschalezylindrisch.html>). Как правило, кубки формы Isings 85b выдуты из прозрачного стекла, но как раз среди ранних образцов есть фрагменты из стекла сине-зеленого цвета (de Pury-Gysel, 2007, P. 60, 61, 92, no. 58, pl. 4: из слоя с преобладающими находками 30–80 гг. н. э.).

4.1.5. Тип не определен

Найденный в кургане № 19 могильника Высочино-VII в погребении второй половины I – первой половины II в. н. э. стакан, известный мне лишь по опубликованному рисунку (Глухов, 2005, с. 52, рис. 18, 6), имеет почти цилиндрическую форму, расширяющуюся в нижней части, скругленной при переходе к вогнутому донцу. В месте наибольшего расширения в нижней части сосуда — валик. Поверхность украшена прочерченными канавками. Аналогии такой форме мне не известны.

Распался при расчистке обнаруженный в позднесарматском погребении № 1 кургана № 18/1985 могильника Высочино-V стеклянный стакан диаметром около 6 см, о котором известно, что у него было «плоское дно с плавным переходом к стенкам» (Беспалый, Лукьяшко, 2008, с. 83, № 3). В этом же погребении обнаружен еще один стакан (?) диаметром около 8 см (Беспалый, Лукьяшко, 2008, с. 83, № 17). Хранящиеся в Азовском музее (инв. № НВФ-11119/2335) мелкие фрагменты относятся к одному из этих стаканов.

Рис. 6. Коб'яковський моги́льник. Стекля́нні сосуди.
 1–3 — Таганро́г, ГЛІАМЗ, інв. № 12117/123,
 4–6 — Ростов-на-Дону, Археологічна лабораторія при НІЧ ЮФУ.
 Фото В. К. Гугуєва

От «чашеобразного» (по описанию В. Е. Максименко) сосудика полупрозрачного коричневого стекла диаметром около 7.0 см из погребения № 1 кургана № 12/1978 Сладковского могильника (Максименко, 1978, с. 17, табл. XXIV, 1; Maksimenko, 1986, P. 81) сохранились небольшие фрагменты, хранящиеся в Азове (инв. № 16429/194). Не исключено, что это могла быть полусферическая чаша формы Isings 1, которые часто изготавливались из цветного стекла и датируются в рамках конца I в. до н. э. – первой половины / середины I в. н. э. (Isings, 1957, P. 15–17, Form 1; Rütli, 1991a, S. 32, 40, AR 3.2, Taf. 30, 717–718; Fünfschilling, 2015, S. 266, 267, Abb. 309). Такие чаши коричневого стекла известны и по находкам из сарматских погребений Прикубанья (Marčenko, Limberis, 2008, S. 298, 299, Abb. 12; Taf. 60, 1; 112, 5; 195, 8).

4.2. Бальзамарии

Всего известно не менее 9 экземпляров, целых и фрагментированных, относящихся к различным типам, четыре из которых удалось определить.

4.2.1. Бальзамарий Isings 28a

Сосудик из кургана № 50/1986 могильника Новоалександровка-I (рис. 5, 4) (Глухов, 2005, с. 52, 163, рис. 18, 7; Беспалый, Лукьяшко, 2018, с. 127, № 4; с. 129, рис. 71, 6) относится к варианту I-1-A, по классификации Н. З. Куниной и Н. П. Сорокиной, который исследовательницы датировали второй–третьей четвертью I в. н. э. (Isings, 1957, P. 42, Form 28a; Кунина, Сорокина, 1972, с. 148–150, рис. 2). На территории Римской империи такие бальзамарии бытовали, начиная с конца I в. до н. э. по начало II в. н. э. (Goethert-Polaschek, 1977, S. 350, Form 69a, Formentafel B; Czurda-Ruth, 1979, S. 121–123, Nr. 923–939; Rütli, 1991a, S. 52, 53, AR 128.2, Taf. 100, 2263–2267; Carlevaro et al., 2006, P. 269, 270, fig. 8.1; Grossmann,

2013, P. 236, no. G50, fig. 49). В вышедшей недавно работе С. Фюнфшилинг они датируются в рамках ок. 20–80/100 гг. н. э. (Fünfschilling, 2015, S. 403, Abb. 547). Материалы из некрополя Самофракии подтверждают их появление не позднее рубежа н. э. (Dusenbery, 1998, P. 1107, no. S200-4). Они широко распространены как в Западных провинциях Римской империи (Isings, 1971, P. 7, 8, no. 4, fig. 1), так и в Восточном Средиземноморье и на Ближнем Востоке, в том числе на Кипре (Vessberg, 1952, P. 134, тип AIIIα, pl. VII, 24–27; 1956, P. 156, тип AIIIα; 160, fig. 48, 24–27; Mazanek, 2014, P. 299, 300, group J, figs. 13; 14; Lightfoot, 2017, P. 200, no. 254; P. 202, no. 261; P. 207, no. 274; P. 212–215, nos. 288–297; P. 222–225, nos. 312–318), на Крите (Smith, 1982, P. 276, fig. 5; P. 277, nos. 46–56), в Восточной Грузии (Saginashvili, 2008, p. 225, 232, no. 50, pls. 85; 90), Малой Азии (Atilla, Gürler, 2009, S. 35–37, nos. 37–42; S. 40–42, nos. 47–52; Gençler Güray, 2009, S. 182–184, nos. 77–86, fig. VIII; Çakmaklı, 2012, S. 178, no. 11.1; S. 188, no. 17.1; 2013, S. 75, no. 26, fig. 8, 3; Grossmann, 2013, P. 236, no. G50, fig. 49; Tekocak, 2013, S. 130, 131, fig. 1, 5; Kurup, 2015, S. 122, no. 29; Atilla, 2015, P. 162, 163, 170, no. 10, fig. 3;), Израиле (Jackson-Tal, 2018, P. 458, nos. 68–70, fig. 11.4), Сирии (Clairmont, 1963, P. 137, no. 703, pl. XXXV), в Западном (Belivanova, 1999, P. 41, fig. 54; P. 44; Chiriac, Boțan, 2014, P. 548, pl. VI) и Северном¹⁰ Причерноморье, а также в сарматских погребениях Прикубанья второй половины I в. н. э. (Марченко, Лимберис, 2003, с. 114, рис. 26; Marčenko, Limberis, 2008, S. 303, Nr. 146.1, 177, 2, 178.1, 195.1, 198.9).

4.2.2. Бальзамарий Isings 28b

Бальзамарий из погребения № 1 кургана № 9/1987 могильника Валовый-I (рис. 5, 1) (Беспалый и др., 2007, с. 32, № 40, табл. 33, 3;

¹⁰ Ольвия: Козуб, 1986, с. 43, 44, тип I.1Б, рис. 2; — Пантикапей: Кунина, Сорокина, 1972, с. 148–150, рис. 2. — Александровские скалы-I: Бейлин и др., 2019б, с. 33, 34, рис. 5, 8. — Цемдолинский некрополь: Довгалюк, Малышев, 2008, с. 12, № 2, рис. 5, 2; Малышев, 2008, 154. — Более крупные бутылки близкой формы: Широкобалковский могильник: Малышев, 2011, с. 271, 272, рис. 232. — Пантикапей: Кунина, 1997, с. 297, № 213.

Безуглов и др., 2009, с. 41, рис. 21, 4; с. 42) был отнесен авторами публикации (Безуглов и др., 2009, с. 86) к варианту I-1-Б, по классификации Н. З. Куниной и Н. П. Сорокиной, который исследовательницы датировали второй половиной I в. н. э. (Кунина, Сорокина, 1972, с. 150–154, рис. 3; 4). Отметим, что К. Айсингс датировала их в целом I в. н. э., а на территории западных провинций они в основном происходят из комплексов середины – третьей четверти I в. н. э. В некрополе Самофракии такие бальзамарии встречаются уже в погребениях, датируемых первой четвертью I в. н. э. (Dusenbery, 1998, P. 1108, 1109, nos. S205-11, S205-13). Эти бальзамарии получили широкое распространение, как в провинциях Римской империи (Isings, 1957, P. 42, 43, Form 28b; Goethert-Polaschek, 1977, S. 350, Form 69b, Formentafel B; Rütli, 1991a, S. 52, 53, AR 130.2, Taf. 100, 2263–2267; Lazar, 2003, P. 182, Form 8.6.6; Buljević, 2012, P. 198, fig. 1, G 1881; 199, fig. 2, AM 42873; Fünfschilling, 2015, S. 404, Abb. 550), причем, как на западе, так и на востоке, в частности, в Восточной Грузии (Saginashvili, 2008, p. 225, 233, nos. 56; 57, pl. 90), Закавказье (Аракелян и др., 1969, с. 35, № 19–22), Малой Азии (Atilla, Gürler, 2009, S. 48–50, nos. 63–68; S. 63–66, nos. 91–98; Çakmaklı, 2012, S. 182, no. 11.5; 2013, S. 75, no. 22, fig. 7, 3; Grossmann, 2013, P. 236, no. G51, fig. 50; Kurup, 2015, S. 141, no. 148), так и на Боспоре (Алексеева, Сорокина, 2007, с. 63, табл. 42, 4–6; 43, 5; 45, 4–5; Бейлин и др., 2019а, с. 237, 247, рис. 19, *внизу слева*; 2019б, с. 33, 34, рис. 5, 11), встречаются они и в сарматских и меотских погребениях Прикубанья второй половины I – начала II в. н. э. (Марченко, Лимберис, 2003, с. 114, рис. 27; Marčenko, Limberis, 2008, S. 303, 304, Nr. 35.2; 74.5; 116.1; 122.1; 159.1; 161.1; 164.1). Аналогичный бальзамарий происходит и из некрополя Кобякова городища (Косяненко, 2008, с. 40, 41, 370, 371, № 2, рис. 60, 2).

4.2.3. Бальзамарий Isings 6

Флакон с шаровидным туловом (Isings, 1957, P. 22, 23, Form 6; Goethert-Polaschek, 1977, S. 350, Form 70a, Formentafel B; Czurda-Ruth, 1979, S. 105–111, Nr. 793–824; Taf. 14; Rütli, 1991a, S. 52, 53, 145, AR 125, Taf. 100, 2249, 2250; Arveiller-Dulong, Nenna, 2005, P. 30, nos. 156, 157, 172; Carlevaro et al., 2006, P. 269, 270, fig. 8.1; Buljević, 2012, P. 201, fig. 7, AMS-38494; Fünfschilling, 2015, S. 400, 401, Abb. 543) из погребения № 1 кургана № 14/1978 могильника Сладковский (рис. 7, 4) (Максименко, 1998, с. 118, рис. 55, 8; Дзиговский, Островерхов, 2000, с. 139, рис. 46, 3; с. 167) принадлежит типу II по классификации Н. З. Куниной и Н. П. Сорокиной. Находки в комплексах некрополя Пантикапея позволяют датировать эти флаконы в рамках I – начала II в. н. э. (Кунина, Сорокина, 1972, с. 169–171, рис. 11, 14, 15, 20, 27, 40; ср. середина I – середина II в. н. э.: Алексеева, Сорокина, 2007, с. 62, 63, рис. 15, табл. 41), хотя есть основания полагать, что этот тип сосудов появляется еще в последние десятилетия I в. до н. э. (Rütli, 1991a, S. 52, 53; Dusenbery, 1998, P. 1100–1103, nos. S161-3; S167-11; 168-1; S171-2, S174-2). Высказывалось предположение об изготовлении унгвентариев этого типа в мастерских, расположенных на территории Северной Италии и Словении (Rütli, 1991a, S. 145; Buljević, 2012, P. 201; Fünfschilling, 2015, S. 401), где подобные сосуды получают особенно широкое распространение во второй половине I в. н. э. (Carlevaro et al., 2006, P. 270); впрочем, находки таких флаконов известны в Малой Азии (Atilla, Gürler, 2009, S. 18–22, nos. 4–12; Gençler Güray, 2009, S. 180, 181, nos. 71; 72, fig. VIII; 2011, S. 247, 264, fig. 6, 7; Çakmaklı, 2012, S. 176, 177, no. 10.1–2; Atilla, 2015, P. 161, 162, fig. 1; Eker, 2018, S. 1257) и на Кипре (Vessberg, 1952, P. 132, тип Alα1, pl. VII, 1–6; 1956, P. 153, 154, тип Alα1; P. 166, fig. 48, 1–6; Lightfoot, 2017, P. 199, no. 253; P. 202, no. 260; P. 232–234, nos. 334–338; P. 238–247, nos. 343, 344,

348, 349, 351, 354–359). Такие бальзамарии известны и в сарматских памятниках Северного Причерноморья (Simonenko, 2003, P. 48, 49, nos. 7; 8, fig. 6, 1, 2; 2008, S. 25, Abb. 15, 3; S. 28; Симоненко, 2011, с. 82, 83, рис. 52, 1, 2), а также в сарматских и меотских памятниках Прикубанья, где большая часть находок происходит из комплексов второй половины I – начала II в. н. э. (Лимберис, Марченко, 2003, с. 114; рис. 25; Mačenko, Limberis, 2008, S. 303).

4.2.4. Точное определение затруднено

Авторы публикации относят бальзамарий с шаровидным туловом и высоким горлом со скругленным венчиком (?) из кургана № 6/1982 могильника Полевой стан II у ст. Скосырской (Безуглов, Захаров, 1992, с. 151, рис. 2, 31; с. 153; Максименко, 1998, с. 117, рис. 55, 10; Дзиговский, Островерхов, 2000, с. 139, рис. 46, 1; с. 167) к типу III, по классификации Н. З. Куниной и Н. П. Сорокиной. Примитивно исполненный рисунок в публикации не позволяет ни подтвердить, ни опровергнуть предложенное определение. Учитывая находку в этом ограбленном погребении бронзовой ножки ковша (Безуглов, Захаров, 1992, с. 151, рис. 2, 5; с. 152, 153) «барочного» типа, есть основания для предположения об относительной ранней (первая половина – середина I в. н. э.) датировке бальзамария.

Также трудно определить тип бальзамария из погребения № 1 кургана № 28/1982 могильника Высочино-VII, от которого сохранились небольшие фрагменты стенок и края с валикообразным венчиком полупрозрачного бесцветного стекла (рис. 2, 1) (Беспалый, 1985, с. 170, рис. 7, 1; с. 171, № 12; Vespały, 1986, P. 77, pl. 64, 8).

От бальзамария прозрачного стекла из погребения № 1 кургана № 14/1978 у хут. Сладковский (Максименко, 1998, с. 118, рис. 55, 9; Дзиговский, Островерхов, 2000, с. 139, рис. 46, 2), датирующегося концом I – началом II в. н. э., сохранилась часть высокого слегка сужающееся кверху горла

с небольшим пережимом у перехода к плечикам (рис. 8). Точное определение сосуда по этому фрагменту невозможно. Не исключено, что это мог быть и флакон со сферическим туловом типа Isings 16 / AR 141–142, которые бытовали с середины – третьей четверти I в. н. э. по первую половину II в. н. э. (Isings, 1957, P. 34, 35, Form 16; Кунина, Сорокина, 1972, с. 170, 171, рис. 11, 32, 57; Rütli, 1991a, S. 121, AR 141–142, Taf. 103, 2409–2414; Fünfschilling, 2015, S. 410, 411, Abb. 562; 563; Jackson-Tal, 2016b, P. 49, fig. 15, 3). В некрополе Самофракии аналогичные флаконы встречаются уже в погребениях первой четверти I в. н. э. (Dusenbery, 1998, P. 1109, no. S206-4).

Фрагменты бальзамария (?) глухого черного стекла с цилиндрическим горлом, сужающимся к устью, и горизонтально отогнутым наружу венчиком происходит из погребения № 1 кургана № 21/1988 могильника Займо-Обрыв-I (Азов, Музей, инв. № 25039/352), в котором он находился вместе краснолаковыми сосудами первой половины II в. н. э.

Фрагменты тонкостенного стеклянного сосуда, предположительно бальзамария происходят из погребения № 1 кургана № 1/1983 Кобяковского могильника (Гугуев, 2018, с. 60, № 15).

4.3. Горшочек

Небольшой горшочек зеленоватого стекла с сужающимся ко дну туловом из погребения № 1 кургана № 1/1983 Кобяковского могильника (рис. 6, 4) (Guguev, 1986, P. 71, no. 5, pl. 45, 3; Гугуев, 2018, с. 59, № 4; 62, рис. 3, 2; 5, 1) был отнесен В. К. Гугуевым к форме Isings 68 (Isings, 1957, P. 88, 89, Form 68). Такие горшочки, служившие для хранения мазей или румян, появились в середине – третьей четверти I в. н. э.: по мнению К. Айсингс — с эпохи Флавиев, Б. Рютти — еще при Клавдии (Rütli, 1991a, S. 107–109, AR 113–114, Taf. 93–94) и в различных вариациях формы использовались до IV в. н. э., будучи представлены находками, в основном, из Центральной и Северной Италии (Scatozza Höricht, 1986,

Рис. 7. Сладковский. Курган № 14/1978. Погребение № 1.
 Фрагменты стеклянных сосудов. Азов, АИАПМЗ. 1 — инв. № 16429/120, 2 — инв. № 16429/121,
 3 — инв. № 16429/173 (3а — трехкратное увеличение), 4 — инв. № 16429/125.
 Фото М. Ю. Трейстера, 2015

P. 69, 70, Form 58b; Allison, 2006, P. 104, no. 544, fig. 9, 2, pl. 40, 10), но также Рейнской области (Goethert-Polaschek, 1977, S. 352, Form 147c-d, Formentafel D; Pirling, Siepen, 2006, S. 274, 275, Gellep 204, 527, 700; Fünfschilling, 2015, S. 205, Abb. 280, 1), Паннонии (Barkóczy, 1988, S. 205, 206, Form 181), Британии (Cool, Price, 1995, P. 109–112, figs. 7.3, 4), Восточной Грузии (Saginandashvili, 2008, p. 225, 231, no. 37, pl. 89), Малой Азии (Atilla, Gürler, 2009, S. 117–120, nos. 187–189; Kurup, 2015, S. 215, no. 122; Atilla, 2015, P. 166, 167, 172, nos. 34–37, fig. 11; Hörken, Çakmaklı, 2015, P. 85–92, nos. 150–172), Западного (Belivanova, 1999, P. 41, fig. 46; P. 43) Причерноморья, Кипра (Vessberg, 1952, P. 145, 146, тип А1–2; pl. IV, 19–27; 1956, P. 141, fig. 45, 19–27; P. 168, 169, тип А1–2; Lightfoot, 2017, P. 183, 184, nos. 223–225) и с Ближнего Востока (Jackson-Tal, 2016b, P. 47, fig. 13, 5–7).

Вместе с тем, форма горшочка из Кобяковского могильника отличает его от находок в западных провинциях Империи, где они представлены с туловом, плавно расширяющимся ко дну, или округлой формы и с широким горизонтально отогнутым краем (Fünfschilling, 2015, S. 390, 391, Abb. 525–527). Край же кобяковского сосудика явно оформлен под крышечку, а тулово с покатыми плечиками сужается книзу, причем нижняя часть его стенок вогнута. Таким образом, вряд ли его по формальным признакам можно относить к форме Isings 68.

В. К. Гугуев справедливо сопоставил рассматриваемый горшочек с находкой в погребении второй половины I – начала II в. н. э. № 197 могильника Бельбек-IV. Сам сосудик был отнесен к рубежу I – II вв. н. э. (Гущина, Сорокина, 1984, с. 44, рис. 1, 8; 49; Гущина, Журавлев, 2016, с. 72, табл. 129, 5). Близкими параллелями являются еще три находки из Юго-Западного Крыма: погребения № 2648/1908 некрополя Херсонеса (Репников, 1927, с. 163, рис. 19), датированного второй половиной I – началом II в. н. э. (Гущина, Сорокина, 1984,

с. 49), склепа № 316 Усть-Альминского могильника (Пуздоровский, 2007, с. 184, 185, рис. 191, 6) и погребения № 232 могильника Фронтное 3 (Язиков и др. 2019, с. 302, рис. 14, внизу, второй слева; Гавритухин и др., 2020, с. 99, рис. 4, 26; 100). В качестве еще одной параллели сосудику из Бельбека-IV Н. П. Сорокина (Гущина, Сорокина, 1984, с. 49) приводила сосуд из коллекции Э. Оппенлендера (von Saldern, 1974, S. 206, Nr. 578). Этот сосуд на горле обмотан бронзовой проволокой, на которой крепится дужка. По мнению Н. П. Сорокиной, такие сосудики не требовали крышки, поскольку использовались для хранения мазей (Гущина, Сорокина, 1984, с. 49), что, на мой взгляд, противоречит оформлению их края; кроме того, известны горшочки формы Isings 68 с крышечками (Atilla, Gurler, 2009, S. 117, 118, no. 187). Важный момент — сосудик из коллекции Э. Оппенлендера происходит из собрания Маврогордато, а значит имеет северопричерноморское, скорее всего, ольвийское происхождение (ср. Горская, Медведева, 2015, с. 409–422). Не очень понятно, на чем основано утверждение о производстве таких сосудов в Восточном Средиземноморье, высказанное в публикации могильника Бельбек-IV (Гущина, Журавлев, 2016, с. 72). Н. П. Сорокина, аналогии которой использованы в этой книге, напротив, осторожно писала: «место изготовления баночек из собрания Оппенлендера, а также бельбекской и херсонесской, пока не ясно» (Гущина, Сорокина, 1984, с. 49). Учитывая то, что все пять известных на сегодняшний день баночек происходят из Северного Причерноморья, имеет смысл задуматься о возможности их изготовления в местной(ых) мастерских.

4.4. Кувшины

Находки стеклянных кувшинов в погребениях кочевников Азиатской Сарматии чрезвычайно редки.

От сосуда из погребения № 1 кургана № 14/1978 Сладковского могильника сохра-

нился фрагмент прямой, слегка загнутой на одном из концов, ручки прозрачного зеленоватого стекла округлого сечения диаметром около 0,5 см (рис. 7, 2). Судя по размерам, она могла принадлежать небольшому кувшинчику или амфориску¹¹, хотя нельзя исключать и того, что это была вертикальная часть ручки канфара, типа найденного в некрополе Пантикапея в 1914 г. (Кунина, 1997, с. 193, илл. 165; с. 319, № 331).

4.5. Кубки с росписью эмалевыми красками

4.5.1. Кубок группы Локарно

Кубок зеленоватого стекла, расписанный эмалевыми красками с изображением петухов и пальметт, из погребения № 1 кургана № 28/1982 могильника Высочино-VII (рис. 2, 3) (Беспалый, 1985, с. 170, рис. 7, 9, 11; с. 171, № 28; Vespalý, 1986, P. 77, pl. 64, 2; Дзиговский, Островерхов, 2000, с. 131, рис. 42, 3; с. 137, 140) относится к группе сосудов, которые изготавливались предположительно в Северной Италии в районе Падуи и в альпийском регионе (кантон Тессин в Швейцарии) в I в. н. э. (находки из датированных комплексов — 20 – 70 гг. н. э.). Эти сосуды часто по концентрации находок называют группой Локарно (Isings, 1957, P. 30, Form 12; Rütli, 1980, S. 198–202; 1991b, P. 122–136; 2003, P. 349–357; von Saldern, 2004, S. 437–440, Taf. 56, 353; Nenna, 2008, P. 15–29; Słowińska et al., 2008, P. 146–150). Предполагается, что мастерские, в которых изготавливались и расписывались кубки рассматриваемой группы, могли находиться также в Восточном Средиземноморье, вероятно в Александрии (Rütli, 1991b, P. 133–136; 2003, P. 351, 352; von Saldern, 2004, S. 440; Boğan, 2014, P. 161, 162).

На кубках зеленоватого стекла с почти вертикальными стенками, плавно переходя-

щими в донце, часто помещались изображения птиц: уток (Harden, 1988, S. 270, Nr. 147; Rütli, 1991b, P. 124, pl. XXXVb; 2003, P. 350, fig. 3), гусей (Греция (?): Ростовцев, 1914, с. 4, табл. III), животных и птиц (Коллекция Оппенлендера: von Saldern, 1974, S. 140, Nr. 397, Farbtaf. 152. — Ольвия: Ростовцев, 1914, с. 1–3, табл. I, 1, 2; II; Кунина, 1997, с. 289–291, № 180), или битвы пигмеев с журавлями (Ростовцев, 1914, табл. IV, 1 (Ним); Rütli, 1991b, P. 124; 2003, P. 349, fig. 1). На некоторых из чаш данной группы имеются изображения петухов (Ольвия: Ростовцев, 1914, с. 4, табл. I, 3), в том числе дерущихся петухов (Корнинг, Музей стекла: Whitehouse, 2001, P. 255, no. 846)¹², как и на чаше из Высочино.

Помимо многочисленных находок на территории Северной Италии и Швейцарии, такие чаши происходят и из Англии, областей Нижнего Рейна, Южной Франции, Северной Африки, Греции, Египта и Ближнего Востока (см. карту распространения сосудов: Rütli, 2003, P. 351, fig. 6 — учтено 75 находок). Они получили распространение и в Северном Причерноморье. Кроме находок из некрополей Ольвии (Кунина, 1997, с. 289–291, № 180; 181) и Пантикапея (Кунина, 1997, с. 289–291, № 178; 179) упомянем аналогичный по технике исполнения, основному цвету стекла и профилю фрагментированный кубок из раскопок святилища на Гурзуфском седле (Новиченкова, 2015, с. 99, рис. 198, 2; с. 102).

Обломок стенки стеклянного сосуда полупрозрачного сине-фиолетового стекла происходит из погребения № 1 кургана № 14/1978 Сладковского могильника (рис. 7, 3–3а) (Инв. № 16429/173). На внешней поверхности сохранились элементы декора (лепестки розетты?), нанесенного красной и белой краской. Не исключено,

¹¹ Ср. например с ручкой кувшина не определенного типа: Rütli, 1991a, Taf. 146, 3725. См. также ручку кувшинчика прозрачного голубого стекла I в. н. э. из некрополя Пантикапея: Кунина, 1997, с. 168, илл. 135; с. 303, № 246 (Восточное Средиземноморье), ручку кувшина раннеимператорского времени голубоватого стекла из коллекции Чеснола: Lightfoot, 2017, P. 150, no. 167.

¹² По мнению Д. Уайтхауза, — водоплавающие; Р. В. Смит (Cat. Corning, 1957, P. 99, no. 167) определял их как дерущихся петухов, этой же точки зрения придерживается А. фон Зальдерн (von Saldern, 2004, S. 438). См. также Rütli, 1991b, P. 124, pl. XXXIVa.

что этот фрагмент мог также принадлежать кубку формы Isings 12, которые среди прочего украшались и растительными орнаментами (ср., например, Follmann-Schulz, 1992, S. 19, Nr. 9).

5. Сосуды со шлифованным декором

5.1. *Кувшин из кургана № 6/1983 на ул. Вятской в Ростове-на-Дону*

Фрагментированный стеклянный кувшин с туловом грушевидной формы с рядами овального шлифованного орнамента из кургана № 6/1983 на ул. Вятской в Ростове-на-Дону (рис. 1, 5) (Volkov, Guguev, 1986, P. 73, pl. 52, 2) относится к типу, получившему распространение на Боспоре, где они найдены, в частности, в комплексах пожара середины III в. н. э. в Танаисе, а также в погребениях и слоях Пантикапея и Горгиппии первой половины – середины III в. н. э. (Сорокина, 1965, с. 217–219, рис. 7, 6; 9; Sorokina, 1978, S. 120, 121, Abb. 5; Кунина, 1997, с. 308, 310, № 278; 279; Алексеева, Сорокина, 2007, с. 79, 80, К.Ф8, рис. 19, табл. 62, 3; Яценко, 2007, с. 189 с лит., № 104–107, табл. 9).

6. Выводы

6.1. *Обзор распределения по типам. Хронологическое распределение*

В погребениях кочевников Азиатской Сарматии литые в формах стеклянные сосуды позднеэллинистического — раннеимператорского времени встречаются чрезвычайно редко, а на территории Нижнего и Верхнего Подонья представлены фрагментами литой в форме чаши с вертикальными каннелюрами из глухого белого стекла из могильника Высочино-VII (рис. 2, 2), небольшой чаши мозаичного стекла из Алитуба (рис. 3, 1) и чаш и тарелок из глухого литого прессованного стекла, как на Нижнем (рис. 3, 2), так и на Верхнем Дону (Липецкий курган) (рис. 3, 3). В целом, из 22 литых в формах сосудов на территории Азиатской Сарматии, лишь шесть экземпляров происходит из Подонья.

К группе сосудов, выдутых в формах, относится единственный сосуд — флакон

с четырехгранным туловом из погребения могильника Валовой-I (рис. 5, 2–3), типа, получившего особенно широкое распространение во второй половине I – II вв. н. э.

Наиболее многочисленны сосуды, изготовленные в технике свободного дутья, при этом на территории Нижнего Подонья была найдена значительная часть всех сосудов с территории Азиатской Сарматии: 23 из 44 сосудов (рис. 1, 1). В целом можно отметить преобладание среди стеклянных сосудов середины I – середины III вв. н. э. форм для питья, прежде всего, стаканов различных типов, найденные как в погребениях конца I – первой половины II в. н. э., так и позднесарматского времени (рис. 1, 2–3; 4, 4–6). Также, как и сосуды для питья, довольно многочисленны бальзамарии различных типов, которые датируются в рамках I – начала II в. н. э. (рис. 5, 1, 4; 7, 4; 8). К редким находкам относятся кубки I в. н. э., расписанные эмалевыми красками (рис. 2, 3; 7, 3–3а), и кувшин со шлифованным декором конца II – III вв. н. э. (рис. 1, 5).

6.2. *Находки в комплексах*

Стеклянные сосуды происходят как из женских и парных, так и (реже) — мужских погребений.

В значительной степени находки стеклянных сосудов происходят из комплексов, в которых находилось от двух (погребение № 1 кургана № 9/1987 могильника Валовой-I: бальзамарий и бутылка (рис. 5, 1–3); погребение № 1 кургана № 1/1983 Кобяковского могильника: бальзамарий? и горшочек для мази) и трех (погребение № 1 кургана № 28/1982 могильника Высочино-VII: как минимум три сосуда: чаша, кубок и бальзамарий) (рис. 2) до четырех (погребение № 8 кургана № 6/1983 на ул. Вятской в Ростове-на-Дону: два стакана, кувшин и чашечка, мужское погребение (рис. 1, 2–5; 4); погребение № 1 кургана № 14 у хут. Сладковский: как минимум — бальзамарий, бальзамарий или флакон, кубок, кувшин (рис. 7; 8). В остальных случаях в погребениях было найдено по одному сосуду.

Рис. 8. Сладковский. Курган № 14/1978. Погребение № 1.
Фрагменты стеклянного бальзамаля. Азов, АИАПМЗ, инв. № 16429/113, 153.
Фото М. Ю. Трейстера, 2015

Для сравнения — редкие образцы стеклянных сосудов из погребений кочевников Прикубанья находят, как правило, по одному сосуду в могиле. Лишь в погребении кургана № 32 у ст. Усть-Лабинской обнаружены бальзамарий и амфора (Лимберис, Марченко, 2003, с. 122, 123, № 26.1–2).

Если находки бальзамариев в мужских погребениях неизвестны, то стаканы были найдены как в мужских, так и в женских погребениях.

6.3. Происхождение

Очевидно, что сосуды имели различное происхождение. В тех случаях, когда его можно было определить с большей или меньшей степенью достоверности, это были как мастерские Италии: например, кубок группы Локарно из Высочино (рис. 2, 3), чашечка из кургана № 3/1983 Кобяковского могильника (рис. 6, 5–6), Восточного Средиземноморья: флакон с четырехгранным туловом из могильника Валовой-I (рис. 5, 2–3). Во многих случаях очевидно, что анализ формы и декора сосудов недостаточен для выводов о центрах их изготовления.

Не исключено, что часть сосудов была изготовлена в Северном Причерноморье, скорее всего, на Боспоре. Это, прежде всего, касается небольшого горшочка для мазей из Кобяковского могильника (рис. 6, 4), параллели которому известны только в Северном Причерноморье, кувшина с туловом грушевидной формы с рядами овального шлифованного орнамента из кургана № 6/1983 на ул. Вятской в Ростове-на-Дону (рис. 1, 5), типа распространенного на Боспоре, прежде всего в Танаисе.

6.4. Сопоставление с другими массовыми категориями импорта

Сосуды из стекла по сравнению с импортными сосудами красного лака или из бронзы значительно менее многочисленные, что, впрочем, не означает, что их

ценили подобно сосудам из драгоценных металлов. Показательно в этом отношении то, что в тайниках, в которых обычно находились сосуды из серебра и золота, реже — из бронзы, не было найдено ни одного стеклянного сосуда.

6.5. Сопоставление с распределением стеклянных сосудов в сарматских памятниках Прикубанья, междуречья Дона и Волги, Нижнего Поволжья и Южного Урала

На территории Прикубанья Н. Ю. Лимберис и И. И. Марченко учли стеклянные сосуды из 136 комплексов, включая 22 находки на территории Краснодарского края без установленного происхождения. Однако из этого общего числа лишь 41 экземпляр из 32 комплексов происходит из сарматских памятников, что сопоставимо с количеством находок на значительно более обширной территории Азиатской Сарматии¹³.

Из этих более чем сорока сосудов значительную часть составляют литые скифосы и канфары, до сих пор не известные в Подонье. Поступление их, а также ранних сосудов мозаичного стекла, литых полусферических чаш связывается с участием варваров Прикубанья в событиях, связанных с походами в Малую Азию во II – I вв. до н. э. Отмечается, что после второй половины I в. н. э. стеклянные сосуды очень редко встречаются в комплексах кочевников и, напротив, их количество увеличивается в меотских памятниках, что связывается с переходом к дутью, которое приводило к тому, что такие тонкостенные и хрупкие сосуды использовать в быту кочевников «стало нерациональным» (Лимберис, Марченко, 2003, с. 117). Предполагается, что с этого времени изменились и источники поступления сосудов — вместо Малой Азии, стеклянная посуда стала поступать через Боспор (Лимберис, Марченко, 2003, с. 118, 119).

¹³ Интересно, что в Прикубанье большинство стеклянных сосудов происходит из меотских могильников. По сравнению с ними, в могильниках меотских городищ Нижнего Подонья стеклянные сосуды чрезвычайно редки и представлены среди многочисленных погребений, открытых в грунтовом некрополе Кобяковского городища, лишь двумя бальзамариями (Косыненко, 2008, с. 40, 41, 370, 371, № 2, рис. 60, 2; Ларенок, 2013, с. 96, № 10; с. 266, табл. 62, 7).

Выполненные в технике дутья сосуды из сарматских памятников Прикубанья представлены преимущественно бальзамариями (Лимберис, Марченко, 2003, с. 114–116; Marčenko, Limberis, 2008, S. 303–306) форм Isings 28b и 6. Что касается бальзамария из кургана № 32 у ст. Усть-Лабинской, которому авторы справедливо не находят западных аналогий (Лимберис, Марченко, 2003, с. 116, 122, № 26.1; Marčenko, Limberis, 2008, S. 306, 351, Nr. 54.6, Taf. 84, 3), то такие бальзамарии представлены не только двумя находками из погребений начала или первой половины I в. н. э. в Пантикапее (Кунина, Сорокина, 1972, с. 171, рис. 11, 52), на которые ссылаются Н. Ю. Лимберис и И. И. Марченко, и известны не только по находке с Самофракии, которую в качестве аналогии приводят Н. З. Кунина и Н. П. Сорокина (см. теперь: Dusenbery, 1998, P. 1103, S179-4, 1104–1105, S1180-3: последняя четверть I в. до н. э.), но и по многочисленным находкам в Малой Азии и на Кипре¹⁴. То, что такие бальзамарии, вероятнее всего, производились в Восточном Средиземноморье, возможно и в Сирии, сомнений не возникает. Учитывая их находки в некрополе Пантикапея, возможность попадания такого сосуда через Боспор вероятна, также как и то, что это могло произойти еще в первой половине I в. н. э.

По сравнению с набором сосудов из погребений кочевников Азиатской Сарматии для Прикубанья бросается к глаза практически полное отсутствие выполненных в технике дутья сосудов для питья, в том числе, полное отсутствие в сарматских погребениях стаканов, хорошо представленных в меотских могильниках (Лимберис, Марченко, 2003, с. 113, рис. 22; Marčenko, Limberis, 2008, S. 302).

Сравнение с другими регионами Азиатской Сарматии показывает следующее. К литым в форму сосудам относится группа из 10 целых и фрагментированных стеклянных скифосов первой половины I в. н. э., однако, за исключением трех находок в могильнике у хут. Новый в междуречье Сала и Маныча все остальные находки происходят из Волго-Донского междуречья — ни на Нижнем, ни на Верхнем Дону, ни в Приуралье такие кубки не известны. Находки выполненных в технике свободного дутья стеклянных стаканов и бальзамариев концентрируются на Нижнем Дону, хотя отдельные экземпляры попадали в Нижнее Поволжье, Южное Приуралье и даже в Южное Зауралье. Хотя стеклянные кувшины практически неизвестны в погребениях кочевников Азиатской Сарматии, редкие образцы их происходят как из Нижнего Подонья, так и междуречья Дона и Волги и Южного Приуралья.

¹⁴ С о. Кипр (Vessberg, 1956, P. 157, тип IIIy; 160, fig. 48, 35–38; Nicolaou, 1984, P. 238, fig. 3; P. 243, no. 98; Lightfoot, 2017, P. 203–205, nos. 264–270). — Из южной части Малой Азии, в частности, из Кари и Киликии, датируемые первой половиной I в. н. э. (Gençler Güray, 2009, S. 51, fig. 25b; S. 180, № 69, fig. VII; Çakmaklı, 2012, S. 97, 98, 187, no. 16; Höpken, Çakmaklı, 2015, P. 121, no. 256). — Из Эфеса (Czurda-Ruth, 2007, S. 91, Nr. 249; 250, Taf. 12).

Литература

- Алексеева Е. М., Сорокина Н. П.* Коллекция стекла античной Горгиппии. М.: Интербук-бизнес, 2007. 169 с.
- Аракелян Б. Н., Тирацян Г. А., Хачатрян Ж. Д.* Стекло древней Армении (I – IV вв. н. э.). Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1969. 69 с. (Археологические памятники Армении. 3).
- Безуглов С. И., Глебов В. П., Парусимов И. Н.* Позднесарматские погребения в устье Дона (курганный могильник Валовый I). Ростов-на-Дону: Медиа-Полис, 2009. 127 с.
- Безуглов С. И., Захаров А. Б.* Новые данные к хронологии среднесарматских погребений Донского Правобережья // Проблемы хронологии сарматской культуры / Отв. ред. А. С. Скрипкин. Саратов: Саратовский университет, 1992. С. 148–157.
- Бейлин Д. В., Волошинов А. А., Рукавишникова И. В.* Исследования могильника римского времени Александровские Скалы 1 // Крым – Таврида. Том 1 / Отв. ред. С. Ю. Внуков, О. В. Шаров. М.: Институт археологии РАН, 2019. С. 221–268.
- Бейлин Д. В., Рукавишникова И. В., Куликов А. В.* Погребения с монетами могильника Александровские Скалы 1 // ДБ. 2019. Вып. 24. С. 26–58.
- Беспалый Е. И.* Курган I в. н.э. у г. Азова // СА. 1985. № 4. С. 163–172.
- Беспалый Е. И., Беспалая Н. Е., Раев Б. А.* Древнее население Нижнего Дона. Курганный могильник «Валовый 1». Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2007. 184 с. (МИАЮР. № 2).
- Беспалый Е. И., Лукьяшко С. И.* Древнее население междуречья Дона и Кагальника. Курганный могильник у с. Высочино. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2008. 222 с. (МИАЮР. № 1).
- Беспалый Е. И., Лукьяшко С. И.* Древнее население междуречья Дона и Кагальника. Курганный могильник у с. Новоалександровка. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2018. 240 с. (МИАЮР. Вып. I. Т. 2).
- Винокуров Н. И., Трейстер М. Ю.* Фрагменты сосудов мозаичного стекла из раскопок цитадели городища Артезиан // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока. Материалы конференции. Т. 1 / Ред. А. Д. Васильев. М.: Пробел-2000, 2019. С. 56–59.
- Гавритухин И. О., Свиридов А. Н., Язиков С. В.* Могильник римского времени Фронтное 3 в Юго-Западном Крыму (предварительное сообщение) // РА. 2020. № 2. С. 91–110.
- Глухов А. А.* Сарматы междуречья Волги и Дона в I – первой половине II в. н. э. Волгоград: Волгоградское научное изд-во, 2005. 240 с.
- Горская О. В., Медведева М. В.* Коллекция П. А. Маврогордато в Отделе античного мира Эрмитажа: история поступления и проблемы атрибуции // КСИА. 2015. Вып. 241. С. 409–422.
- Гугуев В. К.* Два погребения с западными и восточными импортами с территории Кобяковского курганного могильника // Крым в сарматскую эпоху. Вып. III / Отв. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: ИП Бровко А. А., 2018. С. 58–84.
- Гущина И. И., Журавлев Д. В.* Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму. М.: Исторический музей, 2016. Часть I. 272 с. Часть II. 320 с. (Труды ГИМ. Вып. 205).

- Гущина И. И., Сорокина Н. П.* Новые находки стеклянных сосудов в могильнике Бельбек IV в юго-западном Крыму // Древности Евразии в скифо-сарматское время / Отв. ред. А. И. Мелюкова, М. Г. Мошкова, В. Г. Петренко. М.: Наука, 1984. С. 43–53.
- Дзиговский А. Н., Островерхов А. С.* Стеклянная посуда как историческое явление в памятниках скифо-сарматского времени Украины, Молдовы и российского Подонья (VI в. до н. э. – IV в. н. э.). Одесса: Гермес, 2000. 259 с.
- Дмитриев А. В., Довгалюк Н. П., Малышев А. А., Масленников А. А., Онайко Н. А.* Описание погребальных комплексов. Каталог // Население предгорий Северо-Западного Кавказа в римскую эпоху: по материалам некрополя в Широкой Балке / Отв. ред. А. А. Малышев. Глава 1. М.: Институт археологии РАН, 2011. С. 9–225. (Некрополи Черноморья. Вып. 4).
- Довгалюк Н. П., Малышев А. А.* Описание погребальных комплексов. Каталог // Аспургиане на юго-востоке азиатского Боспора: по материалам Цемдолинского могильника / Отв. ред. А. А. Малышев. М.: Гриф и К, 2008. С. 8–128. (Некрополи Черноморья. Вып. 2).
- Засецкая И. П., Ильюков Л. С., Косяненко В. М.* Погребальный комплекс среднесарматской культуры у хут. Алитуб // Донская археология. 1999. № 2. С. 51–60.
- Ковпаненко Г. Т.* Сарматское погребение I в. н.э. на Южном Буге. Киев: Наукова думка, 1986. 151 с.
- Козуб Ю. И.* Стеклянные бальзамарии из некрополя Ольвии // Античная культура Северного Причерноморья в первые века нашей эры / Отв. ред. В. А. Анохин. Киев: Наукова думка, 1986. С. 41–52.
- Косяненко В. М.* Некрополь Кобякова городища (по материалам раскопок 1956–1962 гг.). Азов: Азовский музей-заповедник, 2008. 544 с. (Донские древности. Вып. 9).
- Кропоткин В. В.* Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н. э. – V в. н. э.). М.: Наука, 1970. 222 с. (САИ. – Д1-27).
- Кунина Н. З.* Два стеклянных кувшина из некрополя Нимфея // Художественные изделия античных мастеров / Отв. ред. С. П. Борисковская. Л.: Искусство, 1982. С. 119–124.
- Кунина Н. З.* К вопросу о западном импорте стекла на Боспор (по материалам некрополя Пантикапея из собрания отдела Античного мира Эрмитажа) // ТГЭ. 1984. Т. XXIV. С. 147–164.
- Кунина Н. З.* Античное стекло в собрании Эрмитажа. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа АРС, 1997. 360 с.
- Кунина Н. З., Сорокина Н. П.* Стеклянные бальзамарии Боспора // ТГЭ. 1972. Вып. 13. С. 146–177.
- Ларенок В. А.* Меотские древности. Каталог погребальных комплексов некрополя Кобякова городища из раскопок 1999–2000 гг. Часть I. Ростов-на-Дону: ООО «Донской издательский дом», 2013. 448 с.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И.* Стеклянные сосуды позднеэллинистического и римского времени из Прикубанья // Материалы и исследования по археологии Кубани. 2003. Вып. 3. С. 106–183.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И.* О типологии и хронологии стеклянных стаканов из краснодарского могильника на ул. Почтовой // Шестая Международная Кубанская археологическая конференция: Материалы конференции / Отв. ред. И. И. Марченко. Краснодар: Экоинвест, 2013. С. 241–246.
- Максименко В. Е.* Отчет о раскопках Сладковского курганного могильника в Тацинском районе Ростовской области в 1978 г. Архив ИА РАН. Р-1. № 7094.

- Максименко В. Е.* Сарматы на Дону (археология и проблемы этнической истории). Азов: Азовский краеведческий музей, 1998. 334 с. (Донские древности. Вып. 6).
- Малышев А. А.* Погребальный инвентарь Цемдолинского некрополя // Аспургиане на юго-востоке Азиатского Боспора. По материалам Цемдолинского некрополя / Отв. ред. А. А. Малышев. М.: Гриф и К, 2008. С. 135–179.
- Малышев А. А.* Погребальный инвентарь некрополя в Широкой Балке // Население предгорий Северо-западного Кавказа в римскую эпоху: по материалам некрополя в Широкой Балке / Отв. ред. А. А. Малышев. Глава 3. М.: Институт археологии РАН, 2011. С. 242–302.
- Мамонтов В. И.* Курганный могильник Антонов I // Древности Волго-Донских степей. Вып. 4 / Отв. ред. В. И. Мамонтов. Волгоград: Перемена, 1994. С. 15–46.
- Медведев А. П.* Сарматы в верховьях Танаиса. М.: Таус, 2008. 235 с.
- Новиченкова Н. Г.* Горный Крым II в. до н.э. – II в. н.э. По материалам раскопок святилища Гурзуфское Седло. Симферополь: Нижняя Орианда, 2015. 216 с.
- Прохорова Т. А., Гузев В. К.* Богатое сарматское погребение в кургане 10 Кобяковского могильника // СА. 1992. № 1. С. 142–161.
- Пуздровский А. Е.* Крымская Скифия. II в. до н.э. – III в. н.э. Погребальные памятники. Симферополь: Бизнес-Информ, 2007. 480 с.
- Пуклина О.* Стеклянные полихромные сосуды из Ольвии // Еривако. 2016. Вып. 4(16). С. 164–167.
- Раев Б. А.* Комплекс из кургана у аула Кончукохабль: взгляд через 50 лет // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. 2013. Вып. 39. С. 162–184.
- Раев Б. А., Яценко Е. Г.* Коллекция стекла Национального музея Республики Адыгея // Социально-гуманитарные и экологические проблемы развития современной Адыгеи / Отв. ред. Г. Г. Матишов, Р. Г. Хунагов. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. С. 143–165.
- Репников Н. И.* Дневник раскопок херсонесского некрополя в 1908 году // Херсонесский сборник. 1927. Вып. 2 / Отв. ред. К. Э. Гриневич. Севастополь: Херсонесский музей, 1927. С. 147–186.
- Ростовцев М. И.* Стеклянные расписные вазы поздне-эллинистического времени в истории декоративной живописи // Известия археологической комиссии. 1914. Вып. 54. С. 1–26; 119–120.
- Симоненко А. В.* Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Нестор-История, 2011. 272 с.
- Синицын И. В.* Древние памятники в низовьях Еруслана // Древности Нижнего Поволжья / Отв. ред. Е. И. Крупнов, К. Ф. Смирнов. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 10–168. (МИА. № 78).
- Сорокина Н. П.* Стекло из раскопок Пантикапея 1945–1959 гг. // Пантикапей / Отв. ред. И. Б. Зеест, И. Д. Марченко. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 210–236. (МИА. № 103).
- Сорокина Н. П.* Стеклянные сосуды из Танаиса // Древности Нижнего Дона / Отв. ред. Д. Б. Шелов. М.: Наука, 1965. С. 202–255. (МИА. № 127).
- Сорокина Н. П.* Античные стеклянные сосуды из раскопок некрополя боспорского города Кепы на Таманском полуострове // Античный мир и археология. Вып. 3 / Отв. ред. В. Г. Борухович. Саратов: Саратовский университет, 1977. С. 115–144.

- Стржелецкий С. Ф., Высотская Т. Н., Рыжова Л. А., Жесткова Г. И.* Население округа Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз № 10») // *Stratum plus*. 2003–2004. № 4. С. 27–277.
- Трейстер М. Ю.* Боспорская (?) мастерская торевта позднеэллинистического времени (к вопросу о переделке антикварных серебряных сосудов для кочевников Азиатской Сарматии) // *Античная цивилизация и варварский мир Понто-Каспийского региона* / Отв. ред. С. И. Лукьяшко. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2016. С. 215–225.
- Трейстер М. Ю.* Литые в формах стеклянные скифосы из погребений кочевников Волго-Донского междуречья и участие сарматов в иберо-парфянской войне 35 г. н. э. // *Крым в сарматскую эпоху. Вып. V. X международная научная конференция «Проблемы сарматской археологии и истории»* / Отв. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: ООО «Фирма Салта ЛТД», 2019а. С. 272–281.
- Трейстер М. Ю.* Позднеэллинистические литые в формах стеклянные сосуды и их фрагменты из погребений кочевников Азиатской Сарматии // *Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока. Материалы конференции. Т. 1* / Ред. А. Д. Васильев. М.: Пробел-2000, 2019б. С. 260–264.
- Трейстер М. Ю.* Римские стеклянные сосуды середины I – середины III вв. н.э. из сарматских погребений Волго-донского междуречья, Нижнего Поволжья и Южного Урала // *ПИФК*. 2019в. № 1. С. 25–68.
- Шабанов С. Б.* Римское стекло. Стеклянные сосуды из собрания Центрального музея Тавриды. Симферополь: Нижняя Орианда, 2015. 159 с.
- Шабанов С. Б.* Клейма на стеклянных сосудах римского времени из Северного и Северо-Западного Причерноморья // *ПИФК*. 2017. № 1. С. 88–104.
- Язиков С. В., Свиридов А. Н., Алейников С. В.* Раскопки могильника первых веков н.э. Фронтное 3 // *Крым — Таврида. Том 2* / Отв. ред. С. Ю. Внуков, О. В. Шаров. М.: Институт археологии РАН, 2019. С. 277–314.
- Яценко Е. Г.* Стеклянные сосуды римского и позднеантичного времени из Танаиса (по материалам из раскопа XIX, исследования 1993–2000 гг.) // *Вестник Танаиса. Вып. 2* / Отв. ред. В. И. Перевозчиков. Недвиговка: АМЗ «Танаис», 2007. С. 173–210.
- Allison P. M.* The Insula of Menander at Pompeii. III. The Finds. Oxford: Oxford Univ. Press, 2006. 506 p.
- Apakidze A., Nikolaishvili V.* An aristocratic tomb of the Roman period from Mtskheta // *Antiquaries Journal*. 1994. Vol. 74. P. 16–54.
- Arveiller-Dulong V., Nenna M.-D.* Musée du Louvre. Département des antiques grecques, étrusques et romaines. Les verres antiques. Vol. I. Paris: Musée du Louvre, Somogy, 2000. 240 p.
- Arveiller-Dulong V., Nenna M.-D.* Musée du Louvre. Département des antiques grecques, étrusques et romaines. Les verres antiques. Vol. II. Paris: Musée du Louvre, Somogy, 2005. 679 p.
- Atila C.* Roman Glass Vessels in Sivas Museum // *Arkeoloji dergisi*. 2015. Vol. XX. P. 161–179.
- Atila C., Gürler B.* Bergama Müzesi Cam Eserleri / Glass Objects from Bergama Museum). Izmir: Bergama Kültür ve Sanat Vakfı, 2009. 224 p. (Bergama Belleten. Vol. 16).
- Avronidaki C.* The Glassware // *The Antikythera Shipwreck, the Ship, the Treasures, the Mechanism. Exhibition catalogue* / Eds. N. Kaltsas, E. Vlachogianni, P. Bouyia. Athens: Hellenic Ministry of culture and tourism, National archaeological museum, 2012. P. 132–145.

- Barkóczy L.* Pannonische Glasfunde in Ungarn. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1988. 192 S.
- Belivanova A.* Early Roman Glass from Bulgaria (1st – the First Half of the 2nd Century AD) // *Archaeologia Bulgarica*. 1999. Vol. 3.1. P. 35–49.
- Berger L.* Römische Gläser aus Vindonissa. Basel: Birkhäuser, 1960. 98 S. (Veröffentlichungen der Gesellschaft Pro Vindonissa. Bd. IV).
- Bespaly E. I.* Barrows with Roman Imports excavated by the Expedition of the Azov Regional Museum in 1979–84 // B. A. Raev, Roman Imports in the Lower Don Basin. Oxford: British Archaeological Reports, 1986. P. 75–78. (BAR Intern. ser. 278).
- Boğan S. P.* The Road to the Indies. The Glass Evidence // *Studia Antiqua et Archaeologica*. 2014. Vol. XX. P. 153–170.
- Braund D., Javakhishvili K., Nemsadze K.* The Treasures of Zghuderi. Elite Burials of Caucasian Iberia in the Roman Period c. AD 200–250. Tbilisi: Georgian National Museum, 2009. 100 p.
- Buljević Z.* Glass from the Lora Cemetery at Split // *Annales du 18e congrès de l'AIHV. Thessaloniki 2009* / Eds. D. Ignatiadou, A. Antonaras. Thessaloniki: AIHV, 2012. P. 197–205.
- Çakmaklı Ö. D.* Karia bölgesi roma dönemi cam kap tipolojisi. Doktora Tezi. Ankara: Ankara Üniversitesi, 2012. 234 s.
- Çakmaklı Ö. D.* Uşak Arkeoloji Müzesi'ne Kazı Dışı Yollardan Kazandırılmış Roma Dönemine Ait Bir Grup Cam Kap // *Kaunos/Kbid Toplantıları 2. Anadolu Antik Cam Araştırmaları Sempozyumu* / Ed. Ç. G. Güray. Ankara: Bilgin Kültür Sanat Yayınları, 2013. S. 65–82.
- Carlevaro E., Pernet L., Tori L., Vietti G., Della Casa P., Schmid-Sikimić B.* La necropolis di Giubiasco (TI). Vol. II. Les tombes de La Tène finale et d'époque romaine. Zürich: Chronos, 2006. 374 p.
- Cat. Corning 1957: Glass from the Ancient World. The Ray Winfield Smith Collection. A Special Exhibition, Corning Museum of Glass. Corning: Corning Glass Museum, 1957. 298 p.
- Charlesworth D.* Roman Square Bottles // *JGS*. 1966. Vol. 8. P. 26–40.
- Chiriac C., Boğan S.-P.* Roman Glass Vessels in the Western Pontic Area (1st–3rd Centuries CE). General Remarks // *Interconnectivity in the Mediterranean and Pontic World during the Hellenistic and Roman Periods* / Eds. V. Cojocar, A. Coşkun, M. Dana. Cluj-Napoca: Mega Publishing House, 2014. P. 525–554. (Pontica et Mediterranea. Vol. III).
- Clairmont C. W.* The Glass Vessels. New Haven: Yale University Press, 1963. 152 p. (The Excavations at Dura-Europos, Final Report IV. Part V).
- Compton J., Price J., Worrell S.* The Roman Glass // M. Atkinson, S. J. Preston, Heybridge: A Late Iron Age and Roman Settlement, Excavations at Elms Farm 1993-5, *Internet Archaeology* 40. 2015 <http://dx.doi.org/10.11141/ia.40.1.compton2> (дата обращения 08.01.2020).
- Cool H. E. M., Price J.* Roman Vessel Glass from Excavations in Colchester, 1971–85. Colchester: Colchester Archaeological Trust, 1995. 256 p. (Colchester Archaeological Reports. No. 8).
- Czurda-Ruth B.* Die römischen Gläser vom Magdalensberg. Klagenfurt: Verlag des Landesmuseums für Kärnten, 1979. 263 S. (Archäologische Forschungen zu den Grabungen dem Magdalensberg. Bd. 6; Kärntner Museumsschriften. Bd. 65).
- Czurda-Ruth B.* Zu den römischen Gläsern aus den Hanghäusern von Ephesos // *Kölner Jahrbuch*. 1989. Jg. 22. S. 129–140.
- Czurda-Ruth B.* Hanghaus I in Ephesos. Die Gläser. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2007. 326 S. (Forschungen in Ephesos VIII/7).

- Drăghici C.* Glasware from Tomis: Chronological and Typological Aspects // *Annales du 18e congrès de l'AIHV. Thessaloniki 2009* / Eds. D. Ignatiadou, A. Antonaras. Thessalonike: AIHV, 2012. P. 211–216.
- Dusenbery E. B.* The Necropoleis. Princeton: Princeton Univ. Press, 1998. 1252 p. (Samothrace XI).
- Dussart O.* Fouilles de Khirbet edh-Dharih, III – Les verres // *Syria*. 2007. T. 84. P. 205–247.
- Eker F.* Antikçağ'da Cam Kap Formlarının Kullanımı Üzerine Bir Deneme // *Gaziantep University Journal of Social Sciences*. 2018. Vol. 17 (4). P. 1248–1261.
- Eker F., Eker K.* Tokat Müzesindeki Bir Grup Cam Eser Prizmal Gövdeli Şişeler // *Gaziosmanpaşa Üniversitesi Sosyal Bilimler Araştırmaları Dergisi / Gaziosmanpaşa University Social Sciences Researches Journal*. 2016. Vol. 11.2. P. 91–106.
- El Hassani H.* Le verre d'époque islamique // *Volubilis après Rome* / Eds. E. Fentress, H. Limane. Leiden: E.J. Brill, 2019. P. 293–307. (Arts and Archaeology of the Islamic World. Vol. 11).
- Follmann-Schulz A.-B.* Die römischen Gläser im Rheinischen Landesmuseum Bonn. Köln: Rheinland-Verlag; Bonn: Habelt, 1992. 109 S. (Kunst und Altertum am Rhein. Bd. 138).
- Freestone I., Stapleton C. P.* Composition, Technology and Production of Coloured Glasses from Roman Mosaic Vessels // *Glass of the Roman World* / Eds. J. Bayley, I. Freestone, C. Jackson. Oxford: Oxbow, 2015. P. 61–76.
- Fünfschilling S.* Die römischen Gläser aus Augst und Kaiseraugst: Kommentierter Formenkatalog und ausgewählte Neufunde 1981–2010 aus Augusta Raurica. Augst: Augusta Raurica, 2015. 683 S. (Forschungen in Augst. Bd. 51).
- Gençler Güray, Ç.* Elaiussa Sebaste Antik Yerleşimi Cam Buluntuları. Doktora tezi. Ankara: Ankara Üniversitesi, 2009. 273 s.
- Goethert-Polaschek K.* Katalog der römischen Gläser des Rheinischen Landesmuseums Trier. Mainz: von Zabern, 1977. 352 S.
- Grose D. F.* The Toledo Museum of Art. Early Ancient Glass. New York: Hudson Hills; Toledo: Toledo Museum of Art, 1989. 453 p.
- Grose D. F.* Early Imperial Roman Cast Glass: The Translucent Coloured and Colourless Fine Wares // *Roman Glass: Two Centuries of Art and Invention* / Eds. M. Newby, K. Painter. London: Society of Antiquaries, 1991. P. 1–18. (The Society of Antiquaries of London Occasional Paper. 13).
- Grose D. F.* The Pre-Hellenistic, Hellenistic, Roman, and Islamic Glass Vessels // *Glass Vessels, Lamps, Objects of Metal, and Groundstone and Other Stone Tools and Vessels* / Eds. A. M. Berlin, S. C. Herbert. Ann Arbor: Kelsey Museum of Archaeology, 2012. P. 1–98 (Tel Anafa. Vol. II, ii).
- Grose D. F.* The Hellenistic, Roman, and Medieval Glass from Cosa. Ann Arbor: The Univ. of Michigan Press, 2017. 247 p.
- Grossmann R. A.* Glass // *Excavations at Zeugma. Conducted by Oxford Archaeology. Vol. II* / Ed. W. Aylward. New Haven: The Packard Humanities Institute, 2013. P. 218–258.
- Guguev V. K.* The Burials in the Kobyakovo Barrow-Cemetery // *B. A. Raev, Roman Imports in the Lower Don Basin*. Oxford: British Archaeological Reports, 1986. P. 71, 72. (BAR Intern. ser. 278).
- Harden D. B.* Glas der Caesaren. Milano: Olivetti, 1988. 314 S.
- Höpken C.* Orient trifft Okzident: Glas im Osten und Westen des römischen Reiches // *Kölner Jahrbuch*. 2010. Jg. 43. S. 379–398.

- Höpken C., Çakmaklı Ö. D.* Fragile Splendour. Glass in the Medusa collection in Gaziantep / Narin Pırılı. Gaziantep Medusa Cam Koleksiyonu. Bonn: Habelt, 2015. 259 S.
- Isings C.* Roman Glass from Dated Finds. Groningen – Djakarta: J. B. Wolters, 1957. 185 p. (Archaeologica traiectina. Vol. 2).
- Isings C.* Roman glass in Limburg. Groningen: Wolters – Noordhoff, 1971. 120 p.
- Jackson-Tal R. E.* The Late Hellenistic Glass Industry in Syro-Palestine: A Reappraisal // JGS. 2004. Vol. 46. P. 11–32.
- Jackson-Tal R. E.* A preliminary survey of the late Hellenistic glass from Maresha (Marisa), Israel // Annales du 16e congrès de l'AIHV, London, 2003. Nottingham: AIHV, 2005. P. 49–53.
- Jackson-Tal R. E.* Glass Vessels // Syon D. Gamla III. The Shmarya Gutmann Excavations 1976–1989. Finds and Studies. Part 2. Jerusalem: Israel Antiquities Authority, 2016a. P. 1–48. (Israel Antiquities Authority Reports. No. 59).
- Jackson-Tal R. E.* Glass Vessel Use in Time of Conflict: The Evidence from the Bar Kokhba Refuge Caves in Judaea, Israel (135/136 c.e.) // Bulletin of the American Schools of Oriental Research. 2016b. No. 376. P. 29–62.
- Jackson-Tal R. E.* Glass Vessels // O. Tsuf, Ancient Jaffa from Persian to the Byzantine Period. Kaplan Excavations (1955–1981). Münster: Zaphon, 2018. P. 445–479. (The Jaffa Cultural Heritage Project Series. Vol. 3; Ägypten und Altes Testament. Bd. 89).
- Jackson-Tal R. E.* The Glass Finds // I. Stern, Excavations at Maresha Subterranean Complex 169. Final Report. Seasons 2000–2016. Jerusalem: Nelson Glueck School of Biblical Archaeology, 2019. P. 235–262. (Annual of the Nelson Glueck School of Biblical Archaeology. No. XI).
- Jennings S.* Late Hellenistic and Early Roman Cast Glass from the Souks Excavation (BEY 006), Beirut, Lebanon // JGS. 2000. Vol. 42. P. 41–59.
- Jennings S.* Vessel Glass from Beirut. BEY 006, 007, and 045. Beirut: American University of Beirut, 2006. 326 p. (Berytus. 2004/2005. Vols. 48/49; Archaeology of the Beirut Souks. Vol. 2).
- Kat. Frankfurt 2003: Steppengold. Grabschätze der Skythen und Sarmaten am unteren Don / Hrsg. von B. Gossel-Raack, D. Stutzinger. Frankfurt: Archäologisches Museum, 2003. 175 S.
- Koçel Erdem Z.* Finds from a Plundered Tumulus at Karaevli, Tekirdağ, in Turkish Thrace // Anatolia Antiqua. 2009. T. 17. P. 209–238.
- Kucharczyk R.* Early Roman glass from Marina El-Alamein // PAM. 2004. Vol. XVI. P. 93–99.
- Kucharczyk R.* Glass from Houses 1 and 2 in Marina el-Alamein // PAM. 2007. Vol. XIX. P. 114–130.
- Kurup S.* Kayseri müzesi cam seserleri. Doktora tezi. Erzurum: Atatürk Üniversitesi, 2015. 217 s.
- La Baume P.* Glas der antiken Welt. I. Köln: Römisch-Germanisches Museum der Stadt und Archäologische Gesellschaft, 1970. 80 S. (Kataloge des Römisch-Germanischen Museums Köln. Bd. 1).
- Lazar I.* Rimsko steklo Slovenije / The Roman Glass of Slovenia. Ljubljana: Založba ZRC, 2003. 252 p. (Opera Instituti archaeologici Sloveniae. Vol. 7).
- Lightfoot C. S.* A Catalogue of Glass Vessels in Afyon Museum / Afyon Müzesindeki Cam Eserler Katalogu. Oxford: British Archaeological Reports, 1989. 137 p. (BAR Intern. Ser. Vol. 530).

- Lightfoot C. S.* Some Types of Roman Cut-Glass Vessels found in Turkey // First International Anatolian Glass Symposium / I. Uluslararası Anadolu Cam Sanatı Sempozyumu, April 26–27, 1988. Istanbul: TSCFAS Information and Documentation Center, 1990. P. 7–15.
- Lightfoot C. S.* The Cesnola collection of Cypriot art: ancient glass. The Metropolitan Museum of Art. New York: The Metropolitan Museum of Art, 2017. 350 p.
- Löbbing J.-P.* The concept of skeuomorphism and the spread of glass vessels in the Augustian period // Actes del 2on Congrès Internacional d'Arqueologia i Món Antic. August i les províncies occidentals. 2000 aniversari de la mort d'August. Vol. 1 / Ed. J. L. Vilar. Tarragona: Fundació Privada Mútua Catalana, 2015a. P. 105–111.
- Löbbing J.-P.* Offene Glasgefäße der frühen römischen Kaiserzeit. Untersuchungen zu Vorbildern und Imitationen in der Keramik und Toreutik // Kölner Jahrbuch. 2015b. Jg. 48. S. 19–42.
- Maksimenko V. E.* The Grave with Roman Imports in the Sladkovsky Barrow Cemetery // B. A. Raev, Roman Imports in the Lower Don Basin. Oxford: British Archaeological Reports, 1986. P. 81, 82. (BAR Intern. ser. 278).
- Marčenko I. I., Limberis N. J.* Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Denkmälern des Kubangebietes // A. Simonenko, I. I. Marčenko, N. J. Limberis, Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern. Mainz: von Zabern, 2008. S. 267–400. (Archäologie in Eurasien. Bd. 25).
- Mazanek D.* Preliminary Typology of Glass Vessels from the So-called Hellenistic House, explored by the Polish Archaeological Mission in Nea Paphos (Cyprus) // Études et Travaux. 2014. T. XXVII. P. 280–321.
- Nenna M.-D.* Les Verres. Athènes: École française d'Athènes; Paris: De Boccard, 1999. 216 p. (Exploration archéologique de Délos. Fasc. 37).
- Nenna M.-D.* Un bol en verre peint du Ier siècle apres J.-C. a representation Nilotiquen // JGS. 2008. Vol. 50. P. 15–29.
- Nicolau I.* A Hellenistic and Roman Tomb at Eurychou — Phoenikas // Report of the Department of Antiquities, Cyprus. Nicosia: Government Printing Office, 1984. P. 234–256.
- Pánczél Sz. P.* The Production of Prismatic Glass Bottles in Roman Apulum // Marisia. 2011. Vol. XXXI. Archeologia. P. 175–181.
- Pirling R., Siepen M.* Die Funde aus den römischen Gräbern von Krefeld-Gellep. Katalog der Gräber 6348–6361. Stuttgart: Steiner, 2006. 618 S.
- Ployer R.* Gläser // Palmyras Reichtum durch weltweiten Handel. Archäologische Untersuchungen im Bereich der hellenistischen Stadt. Bd. 2. Kleinfunde / Hrsg. von A. Schmidt-Colinet, W. al-As'ad. Wien: Verlag Holzhausen, 2013. S. 127–205.
- Prikhodkine B.* Le verre d'époque romaine en Grèce: L'exemple d'Erétrie en Eubée // JGS. 2005. Vol. 47. P. 55–68.
- de Pury-Gysel A.* Le verre d'époque romaine (Ier – IVe siècles p.C.) et un vase en cristal de roche provenant des fouilles de la place Camille Jullian à Bordeaux // Aquitania. 2007. T. XXIII. P. 57–101.
- Rütti B.* Ein bemalter Glasbecher aus dem römischen Vicus Vitudurum-Oberwinterthur // Zeitschrift für schweizerische Archäologie und Kunstgeschichte. 1980. Bd. 37. S. 198–202.
- Rütti B.* Die römischen Gläser aus Augst und Kaiseraugst. Augst: Römermuseum, 1991a. 433 S. (Forschungen in Augst. Bd. 13).

- Rütti B.* Early enamelled glass // *Roman Glass: Two Centuries of Art and Invention* / Eds. M. Newby, K. Painter. London: Society of Antiquaries, 1991b. P. 122–136. (The Society of Antiquaries of London Occasional. Paper 13).
- Rütti B.* Les verres peints du haut empire Romain: Centres de production et de diffusion // *Echanges et commerce du verre dans le monde antique. Actes du colloque de l'Association Française pour l'Archeologie du Verre, Aix-en-Provence et Marseille, 7–9 juin 2001* / Eds. D. Foy, M.-D. Nenna. Montagnac: Editions Monique Mergoil, 2003. P. 349–357. (Monographie Instrumentum. Vol. 24).
- Saginashvili M.* Glass Vessels // *Iberia and Rome. The Excavations of the Palace at Dedoplistskaya Gora and the Roman Military Influence in the Caucasian Kingdom of Iberia* / Hrsg. von A. Furtwängler, I. Gagoshidze, H. Löhr, N. Ludwig. Langenweißbach: Beier & Beran, 2008. S. 223–234. (ZAKS-Schriften. Bd. 13).
- von Saldern A.* Gläser der Antike: Sammlung Oppenländer. Köln: Römisch-Germanisches Museum, 1974. 260 S.
- von Saldern A.* Ancient and Byzantine Glass from Sardis. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1980. 118 p. (Archaeological Exploration of Sardis Monograph 6).
- von Saldern A.* Antikes Glas. München: C.H. Beck, 2004. 708 S. (Handbuch der Archäologie).
- Scatozza Höricht L. A.* I vetri romani di Ercolano. Roma: L'Erma di Bretschneider, 1986. 119 p. (Cataloghi / Soprintendenza archeologica di Pompei. Vol. 1).
- Schwarzer H., Rehren T.* Antikes Glas in Pergamon — Ergebnisse archäologischer und naturwissenschaftlicher Untersuchungen // *Pergamon als Zentrum der hellenistischen Kunst. Bedeutung, Eigenheiten & Ausstrahlung. Internationales Kolloquium Berlin, 26.–28. September 2012* / Hrsg. von R. Grüßinger, U. Kästner, A. Scholl. Petersberg: Michael Imhof Verlag, 2015. S. 106–134.
- Simonenko A. V.* Glass and Faience Vessels from Sarmatian Graves of Ukraine // *JGS*. 2003. Vol. 45. P. 41–57.
- Simonenko A. V.* Römische Importe in sarmatischen Denkmälern des nördlichen Schwarzmeergebietes // *A. Simonenko, I. I. Marčenko, N. J. Limberis, Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern. Mainz: von Zabern, 2008. S. 1–264. (Archäologie in Eurasien. Bd. 25).*
- Słowińska D., Dejrowska K., Lund Hansen U.* A Roman Painted Glass Beaker from a Przeworsk Culture Cemetery at Zaborów, western Mazowsze // *Wiadomości Archeologiczne*. 2008. T. 60. P. 125–159.
- Smith J. C.* A Roman Chamber Tomb on Monasteriaki Kephala // *Annual of the British School at Athens*. 1982. Vol. 77. P. 255–291.
- Sorokina N. P.* Facettenschliffgläser des 2. und 3. Jhs. u. Z. aus dem Schwarzmeergebiet // *Annales du 7e congrès de l'AIHV, Berlin – Leipzig 1977. Liège: Edition du Secretariat Général, 1978. P. 111–122.*
- Stern E. M.* Glass Vessels exhibited in the Bölge Museum Adana / *Adana Bölge Müzesinde Sergilenen Eserler* // *Belleleten*. 1989. Vol. LIII. Nos. 207–208. P. 583–605.
- Stern E. M.* The Toledo Museum of Art. Roman Mold-Blown Glass; the First through the Sixth Centuries. Toledo: The Toledo Museum of Art; Roma: L'Erma di Bretschneider, 1995. 388 p.
- Tek A. T.* Prismatic Glass Bottles with Greek Inscriptions from Arycanda in Lycia // *Annales du 15e congrès de l'AIHV, New York – Corning, 2001. Nottingham: AIHV, 2003. P. 82–87.*

- Tekocak M.* Akşehir Nasreddin Hoca Arkeoloji Müzesi'nden Bir Grup Cam Eser // Kaunos / Kbid Toplantıları 2: Anadolu Antik Cam Araştırmaları Sempozyumu / Ed. Ç. G. Güray. Ankara: Bilgin Kültür Sanat Yayınları, 2013. S. 127–142.
- Triantafyllidis P.* Late Hellenistic Glass from Kos, Dodecanese, Greece // JGS. 2006. Vol. 48. P. 145–162.
- Vessberg O.* Notes on the Chronology of the Roman Glass of Cyprus // *Opuscula Archaeologica*. 1952. Vol. 7. P. 109–160.
- Vessberg O.* Glass: Typology, Chronology // *O. Vessberg, A. Westholm. The Swedish Cyprus Expedition IV. Pt. 3. The Hellenistic and Roman Periods in Cyprus. Stockholm: The Swedish Cyprus expedition, 1956. P. 128–174, 193–219.*
- Volkov I. V., Guguev Yu. K.* A Late Sarmatian Burial in Rostov-on-Don // *B. A. Raev, Roman Imports in the Lower Don Basin. Oxford: British Archaeological Reports, 1986. P. 73–74. (BAR Intern. ser. 278).*
- Weinberg G. D., Stern E. M.* Vessel Glass. Princeton: American School of Classical Studies at Athens, 2009. 214 p. (The Athenian Agora. 34).
- Whitehouse D.* Roman Glass in the Corning Museum of Glass. Corning: Corning Museum of Glass, 1997–2003. Vol. 1 – 1997. 381 p. Vol. 2 – 2001. 368 p. Vol. 3 – 2003. 236 p.

В. К. Гугуев, А. А. Нечипорук

Погребение с импортами из некрополя Темерницкого городища

Ключевые слова: некрополь Темерницкого городища, донские меоты, римские импорты, стеклянный арибалл, бронзовый флакон, брошь с эмалью

Резюме

Статья представляет собой публикацию материалов раскопок погребения 2017 г. некрополя Темерницкого городища — памятника культуры донских меотов римской эпохи. В состав инвентаря этого женского погребения кроме изделий Боспора входили предметы импорта: римская брошь с эмалью и стеклянный арибалл, вероятно, сирийского производства. Обилие хронологических реперов позволяет надежно датировать комплекс второй половиной II – рубежом III в. н. э. Судя по предметам импорта и изделиям из золота, погребенная женщина происходила из достаточно состоятельной части оседлого населения Нижнего Дона. Культурная принадлежность погребения не может быть решена однозначно, но в целом вписывается в картину последнего этапа существования нижнедонских меотских городищ, подвергшихся значительной сарматизации.

Vladimir Guguev, Aleksandr Nechiporuk

A Grave with Imported Artefacts at the Cemetery of Temernik Fortified Settlement

Keywords: cemetery of Temernik fortified settlement, Maiotians on the Don, Roman imports, glass aryballos, bronze bottle, enamelled brooch

Abstract

This paper publishes the materials excavated in 2017 from a grave at the cemetery of Temernik fortified settlement, which was the site of the Maiotians living on the Don in the Roman period. Apart from the artefacts made in the Bosphoros, the grave goods in this female grave contained imported wares: a Roman enamelled brooch and a glass aryballos probably made in Syria. From the abundant number of chronological reference points, there are reasons to suggest a reliable dating of this assemblage from the second half of the second to the turn of the second and third centuries. According to the imported goods and gold ware, the buried woman originated from a rich part of the settled population of the Lower Don area. Although the cultural attribution of the grave in question is still disputable, in general terms, it meets the reconstruction of the latest stage of the Maiotian towns in the Lower Don area, when they sustained a big degree of Sarmatisation.

В 2017 г. под руководством авторов (держатель Открытого листа А. А. Нечипорук) проводились археологические исследования на ряде объектов культурного наследия, попавших в зону работ по реконструкции улицы Стани-

славского в центральной части г. Ростова-на-Дону (рис. 1, 1), в том числе и на грунтовом могильнике Темерницкого городища. Исследования велись в его восточной части, в створе улицы Станиславского, между пр. Буденновским и пер. Братским.

В ходе работ сплошными площадями была полностью вскрыта проезжая часть улицы и частично территория тротуаров. Всего было исследовано около 7 тыс. м² могильника, удалось раскопать 86 погребений I – III вв. н. э., а также несколько ритуальных комплексов.

Среди исследованных могил особый интерес представляет погребение 20, располагавшееся в квартале между пер. Халтуринским и пер. Островского, напротив дома №43 по ул. Станиславского (рис. 1). Погребение не относится к разряду гробниц элиты, однако может служить эталоном для захоронений, как правило, разграбленных в древности, жителей среднего достатка нижнедонских городищ римского времени. В состав инвентаря входили хорошо датированные предметы местного производства и импорта.¹ Публикация материалов данного комплекса представляется актуальной еще и потому, что некрополь Темерницкого городища изучен сравнительно слабо: общее число могил за все время исследований не достигает и двух сотен, из которых опубликовано лишь несколько десятков.

Погребение 20 2017 г. представляло собой могилу подбойного типа. Входная яма имела в плане форму неправильного прямоугольника, вытянутого по линии ССЗ–ЮЮВ. Ее длина составляла 2,7 м, ширина в северной части — 1,5 м южной — 1,15 м. Камера была устроена в продольной восточной стенке входной ямы. Она имела в плане форму овала, вытянутого по линии С–Ю так, что ее продольная ось несколько не совпадала с осью входной ямы. Размеры камеры составляли 2,1х0,6 м. Дно входной ямы находилось практически на одном уровне с полом камеры, но было несколько заглублено при расчистке. На дне камеры вытянуто на спине, головой на север была погребена женщина 35–45 лет; череп имел следы искусственной деформации (рис. 2, 1, 2; 3). Погребенную сопровождал следующий инвентарь:

1. У височных костей находились две серьги, свитые из серебряной проволоки с несомкнутыми, заходящими друг за друга концами (рис. 3, 1, 2).

2. Под челюстью и у шейных позвонков расчищено ожерелье, в состав которого входили 12 четырнадцатигранных сердоликовых бусин (размеры — от 9х5,5 мм до 11х8 мм). Они перемежались с 6 золотыми каплевидными подвесками, украшенными гранатом (рис. 3, 3; 6, 4; 7, 6). Там же обнаружены целые и фрагментированные бусины (не менее 5 штук) в форме не вполне правильного параллелепипеда, изготовленные из зернистого в изломе материала темно-коричневого или черного цвета, покрытые слоем рыжей патины (рис. 7, 5).

3. Вдоль берцовых костей правой ноги расчищено скопление бисера: свыше 50 гешировых бусин, около сотни — из египетского фаянса бирюзового цвета, 48 бочонковидных из глухого темно-синего стекла и 4 — из яркого светло-зеленого стекла (рис. 3, 18; 7, 1). Размеры: от 2х4,5 мм до 6х4 мм.

4. У дистальных эпифизов левого предплечья найдены две округлые коралловые бусины размерами: 6х6 мм и веточка размерами 1,7х8 мм из того же материала (рис. 3, 16), а также 5 уплощенных бочонковидных из слегка обработанной янтарной гальки (рис. 7, 4). Размеры: 1,7х8 мм. Вероятно, это был браслет. Еще две пронизи того же типа из янтаря лежали у правого запястья и диафиза правой ключицы (рис. 3, 15). Размеры от 7,5х10 мм до 14,5х10 мм.

5. Возле берцовых костей левой ноги обнаружены две коралловые бусины — в виде параллелепипеда (размеры: 6х6 мм) и веточки (1,7х8 мм) (рис. 3, 17; 7, 2). Там же находилось скопление бисера: 56 — из гешира, 67 — из египетского фаянса, 5 — из глухого яркого светло-зеленого стекла (рис. 7, 2; 7, 3), а также белая бусина (единственная сохранившаяся из стеклянных больших, аналогичная тем, что были

¹ Авторы приносят благодарность А. П. Яненко за помощь при полевых исследованиях и подготовке публикации.

— Границы некрополя Темерницкого городища
 ● п.20 местонахождение погребения №20 2017 г.

Рис. 1. План некрополя Темерницкого городища (1) и фотография места обнаружения погребения 20 2017 г. некрополя Темерницкого городища (2)

под нижней челюстью). Размеры: гешир и фаянс — 4,5х3,5 мм, бисер зеленый — 6х3,5 мм, 4х1,5 мм, синий — 5х3 мм, 2х4 мм, плоский «синий» — 3х1,5 мм, 2,5х1,5 мм.

6. В разных местах было найдено 7 фибул. На месте грудины погребенной находилась круглая бронзовая брошь с эмалью (рис. 3, 4; 6, 3; 9, 2). На правой и левой лопатках, пружинами вниз (к югу) лежали две бронзовые сильнопрофилированные фибулы (рис. 3, 5–6; 4, 1, 3; 5, 2, 4). Еще две фибулы того же типа, застегнутые одна в другую, обнаружены на диафизе левого бедра (рис. 3, 7, 8; 4, 2, 4; 5, 3, 6). В 10 см к северу, пружиной на юг, лежала еще одна подобная застежка (рис. 3, 9; 4, 6; 5, 1). В ногах погребенной, у южной стенки камеры находилась расстегнутая фибула той же разновидности (рис. 3, 9; 4, 6; 5, 1).

7. К левому локтевому суставу погребенной с востока примыкал миниатюрный бронзовый сосудик с шаровидным туловом, цилиндрическим горлом, закрытый крышкой-колпачком (рис. 3, 11; 8, 1–4; 9, 5, 6, 9). Возле сосуда найдены отпавшие в древности фрагменты двух гнезд и две вставки каплевидной формы из темно-красного (?) сильно патинированного стекла. Тут же находились три бронзовые петельки, каннелированные продольными желобками (рис. 8, 2–4; 9, 5, 6). Высота сосудика составляла 5 см, диаметр тулова — 3,5 см (рис. 9, 9).

8. Почти вплотную к флакону с юга, частично перекрывая дистальный эпифиз левого плеча, орнаментом вверх и ручкой-петелькой к западу лежало бронзовое зеркало плохой сохранности (рис. 3, 12; 4, 13; 9, 7).

9. Между коленными суставами на боку, устьем на север располагался серолощенный горшочек типа «кубышки» (рис. 3, 19; 4, 9; 5, 11). Под ним найдена фрагментированная створка раковины (рис. 3, 20).

10. Вдоль берцовых костей правой ноги находились (завалившись на бок) три сосуда: серолощенный кувшин средних размеров (рис. 3, 21; 4, 15; 5, 10), краснолаковая чаш-

ка (рис. 3, 22; 4, 12; 5, 7), и серолощенная миска с вертикальным желобчатым бортиком (рис. 3, 26; 4, 14; 5, 12).

К западу от правой стопы погребенной и к югу от миски находилось скопление предметов. Кроме описанной выше фибулы здесь обнаружены: лепной горшок (рис. 3, 24; 4, 10; 5, 9), стеклянный арибалл (рис. 3, 25; 5, 8; 6, 5), фрагментированный нож с костяной рукоятью (рис. 3, 26; 4, 11; 9, 1), керамическое пряслице (рис. 3, 13; 4, 8; 9, 2), реальгар и фрагменты неопределенного свинцового предмета или предметов с отверстиями (рис. 4, 7).

Рассмотрим теперь описанный выше инвентарь с точки зрения хронологии.

1. Флакон (рис. 8, 1–4; 9, 5, 6, 9). Эта находка уникальна для грунтовых некрополей донских меотов. Флаконы-подвески более характерны для прилегающих курганных сарматских могильников и некрополя Танаиса римской эпохи. К. М. Скалон насчитала «около двух десятков подобных флаконов» I–III вв. н. э. (Скалон, 1961, с. 114–140). После выхода ее статьи в Северном Причерноморье было обнаружено еще примерно столько же аналогичных изделий (по нашим подсчетам еще 20 сосудиков). Кроме того, один экземпляр происходит из позднесарматского погребения на Южном Урале (Боталов, Иванов, 2012, с. 271, рис. 1, 5). Подобные находки встречаются как в женских, так и в мужских погребениях. Основная масса флаконов подробно рассматривается в публикациях комплексов, где они были найдены, а также в ряде специальных работ, посвященных торевтике и ювелирному искусству Северного Причерноморья (Скалон, 1961, с. 114–140; Treister, 2004, р. 132–193; Мордвинцева, Трейстер, 2007, с. 51–58; Засецкая, 2011, с. 122–134). Флаконы-подвески весьма различаются не только по морфологии, размеру и материалу (золото, серебро, бронза, кость), но и по технике изготовления и стилю. Декор варьирует от так называемого «звериного стиля» с орнаментацией минералами и стеклом

1

2

Рис. 2. 1 — погребение 20 2017 г. некрополя Темерницкого городища, общий вид,
2 — погребение 20 20217 г. некрополя Темерницкого городища, деталь

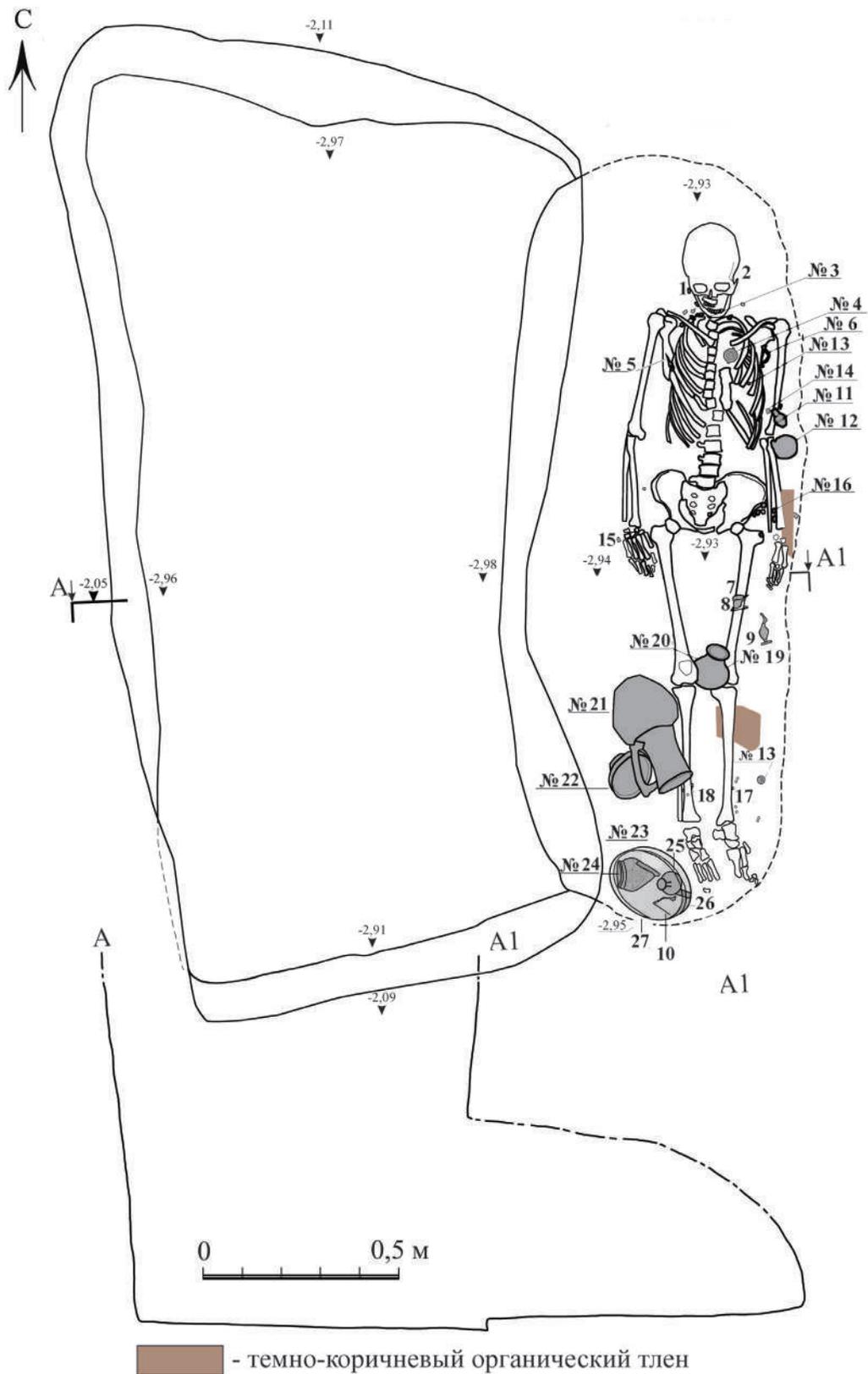

Рис. 3. План и разрез погребения 20 (2017 г.) некрополя Темерницкого городища:
 1, 2 — серьги, 3 — ожерелье, 4 — брошь, 5–10 — фибулы, 11 — флакон, 12 — зеркало,
 13 — пряслице, 14–18 — бусы, 19 — кубышка, 20 — раковина, 21 — чашка, 23 — миска,
 24 — горшок, 25 — арибалл, 26 — нож, 27 — изделие из свинца

до минимализма гладких поверхностей. Отдельные экземпляры (Хохлач, Кобяково, Мцхета) изготовлены тореvтами и ювелирами высокого класса и предназначались, очевидно, для высшей знати Боспора и мира кочевников. Несмотря на широкое распространение у ираноязычных номадов, определение флаконов, как «типично сарматской формы сосудов для благовоний» (Лимберис, Марченко, 2015, с. 133), на наш взгляд, не вполне корректно. Очевидно, подобные изделия не производились самими кочевниками. Широкое использование данной формы сарматами скорее свидетельствует о приобщении номадов к образу жизни более цивилизованного Боспора. Обращает на себя внимание значительная концентрация флаконов в Танаисе. Здесь найдено 6 изделий в комплексах от первой половины I в. н. э. до второй половины III в. н. э. (Шелов, 1961, табл. XV, 5, 6; Казакова, Каменецкий, 1970, с. 87; Арсеньева, Науменко, 1992, с. 77, 78, рис. 99, 7; Арсеньева и др., 2001, табл. 99, кат. №1150; Беспалый, 2016, с. 146, №2187, №2188). Еще 7 флаконов происходят из ближайшей округи Танаиса: Хохлач; Кобяково курган 10; Высочино II, курган 1; Валовый I, курган 9; Чеботарев V, курган 1; Чеботарев VI, курган 6; Темерницкий некрополь, п. 20 2017 г. (Засецкая, 2011, с. 131–134; Guguev, 1991 p. 57, fig. 10; Беспалый, Лукьяшко, 2008, с. 28, с. 137, табл. XXIII, 16; Безуглов и др., 2009, с. 34, 35, рис. 16, 3; Ларенок, Ларенок, 2015, с. 155, с. 161, рис. 4, 8; Балахванцев и др. 2017, с. 155; АЗМ — КП–31149/445; А 2-26636; С3–212). Выбор металла и материала для дополнительного украшения сосудов, очевидно, осуществлялся в соответствии со статусом погребенных. Вряд ли сосудики из Хохлача и Кобяковского кургана, входившие в наборы высокохудожественных изделий, попали в комплекс посредством обычной торговли. Но практически идентичные золотые флаконы с гладким туловом и круглой вставкой на крышке, происходящие из расположенных рядом

курганов I в. н. э. в могильниках Чеботарев V и VI, вполне вероятно, поступили кочевникам в составе одной партии товаров. Представляется, что, по меньшей мере, часть флаконов из этой серии можно связать с торговой деятельностью Танаиса. В недавно вышедшей публикации материалов позднесарматского всаднического захоронения из кургана 8 могильника Камышевский 1 С. И. Безуглов предложил именно такой вариант для серебряного флакона, входившего в состав этого комплекса (Безуглов, 2017, с. 105). Из Танаиса вместе с другими импортами мог происходить и золотой сосудик из позднесарматского погребения Чугуно-Крепинки (Simonenko, 2008, Taf. 66, 1a). Несколько особняком в этом ряду стоят два золотых изделия, морфологически повторяющие форму флаконов, из склепа в Танаисе первой половины III в. н. э. (Арсеньева и др., 2011, с. 20, рис. 8, 12). Эти предметы имеют форму флаконов, выполнены в той же технике, украшены гнездами с гранатами, обрамленными филигранью. Однако они служили наконечниками ремней и входили в набор узды. Известны также миниатюрные копии флаконов, служившие, вероятно, амулетами и детали серег в виде таких же сосудиков (Treister, 2004, p. 311, fig. 8).

Техника, в которой выполнен флакон из Темерницкого некрополя, характерна для поздней серии этих изделий — группа V К. М. Скалон (Скалон, 1961, с. 138). Он изготовлен из двух выкованных полусфер. Цилиндрическое горло свернуто из тонкого листа. Таким же образом произведена крышечка с припаянным наверху диском. Пайка в месте соединения верхней и нижней полусфер тулова не заглажена, зубчатый технологический шов никак не замаскирован. Более того, в месте соединения верхней и нижней половинок тулова сосуда края отогнуты наружу, образуя ребро. Этот технический прием не находит аналогии среди других флаконов. Профилированный обруч, прикрывающий на некоторых поздних

экземплярах шов, отсутствует. Необычен и материал изделия — бронза, в то время как практически все флаконы поздней группы изготовлены из серебра. Нам известны еще лишь один бронзовый флакон, происходящий из упомянутого выше позднесарматского кургана в Южном Зауралье (Боталов, Иванов 2012, с. 271, рис. 1, 5). Не характерным для подобных находок является число петель для подвешивания — 3, а не 4, как обычно, а также количество вставок — 2 (как правило, их 4 и больше). Однако не исключено, что часть деталей могла быть утрачена в древности. Создается впечатление, что наш флакон был разовым изделием ремесленника, а не серийной продукцией. Тем не менее, несмотря на некоторое своеобразие, технологические особенности флакона из п. 20 сближают его с изделиями второй половины II – III вв. н. э. (Безуглов, Копылов, 1989, с. 173, рис. 2, 13; Арсеньева и др., 2001, с. 68, табл. 83, №1056; Засецкая, 2011, с. 133, илл. 62 е–1).

2. Фибулы. За исключением броши с эмалью все 6 застежек относятся к причерноморскому типу сильно профилированных фибул с бусиной на головке и крючком для тетивы, варианту 3 по А. К. Амброзу, датированных исследователем II – первой половиной III вв. н. э. (Амброс, 1969, с. 253, табл. IV, 4–11). Приняв в целом типологическую и хронологическую концепцию А. К. Амброза, ее пытались уточнить А. С. Скрипкин и В. М. Косяненко, опираясь на различия в длине спинки фибул (Скрипкин 1977, с. 109–113; Косяненко, 1987, с. 45–49). Хронологическую последовательность выделенных А. К. Амбросом вариантов поставила под сомнение М. П. Абрамова (Абрамова, 1996, с. 101). Недавно к ней присоединился В. В. Кропотов (Кропотов, 2010, с. 229). Не вдаваясь в детали данной дискуссии, выскажем некоторые соображения по затронутой теме. Профилированные фибулы являются самым распространенным типом застежек в некрополях донских

меотов. Благодаря моде на многофибульный костюм (до 13 штук в одном комплексе), их счет идет уже на сотни. На наш взгляд, существует определенная корреляция между выделенными А. К. Амбросом вариантами и хронологическими реперами других категорий материала (например, формы зеркал и их орнаментации). При этом подавляющее большинство сильно профилированных фибул относится к так называемому 3 варианту по А. К. Амброзу. Это не удивительно, т. к. в целом эта разновидность приходится на II в. н. э. — время расцвета культуры донских меотов. Однако к классическому 3 варианту — с плоской удлинённой узкой, ограниченной двумя бусинами спинкой, в нашем погребении можно отнести только одну застежку (рис. 4, 1; 5, 2). Остальные изделия относятся к менее распространенной категории этих изделий. Их выделила в отдельный вариант В. М. Косяненко — группа I, тип II, вариант 2, однако усомнилась в его хронологической значимости (Косяненко, 2008, с. 88, табл. 4). Различаясь в размерах, эти застежки имеют широкую (в два-три раза превышающую «стандартную») ромбическую или округлую спинку, разделенную пополам четким вертикальным ребром. Подобные фибулы хорошо известны в Причерноморье, но до последнего времени не образовывали большие серии (Шелов, 1961, с. 32, табл. XLVII, 3; Гугуев, 1984, с. 43, №119; Беспалый, 1990, с. 214, 215, рис. 1, 7, с. 221, рис. 5, 11; Сазонов, 1992, с. 282, рис. 4, 19; Арсеньева и др., 2001, табл. 48, №607; Беспалый, 2007, с. 179, табл. 90, 5; Косяненко, 2008, с. 88, табл. 4; Ларенок, 2007, с. 117, рис. 1495, 3; 1496, 5, с. 120, рис. 1522, 5; рис. 1523, 2). Исключение составляют, пожалуй, раскопки 2017 – 2020 гг. Восточного участка некрополя Нижне-Гниловского городища ГАУК РО «Донское наследие», в которых авторы принимали непосредственное участие. Здесь, на сравнительно небольшом участке некрополя конца II – начала III вв. н. э., были найдены два десятка фибул данной

Рис. 4. Фотографии предметов из погребения 20 2017 г. некрополя Темерницкого городища: 1–6 — бронзовые фибулы, 7 — изделие из свинца, 8 — лепное пряслице, 9 — серолощенная кубышка, 10 — лепной горшок, 11 — ручка ножа, 12 — краснолаковая чашка, 13 — бронзовое зеркало, 13 — серолощенная миска, 14 — серолощенный кувшин

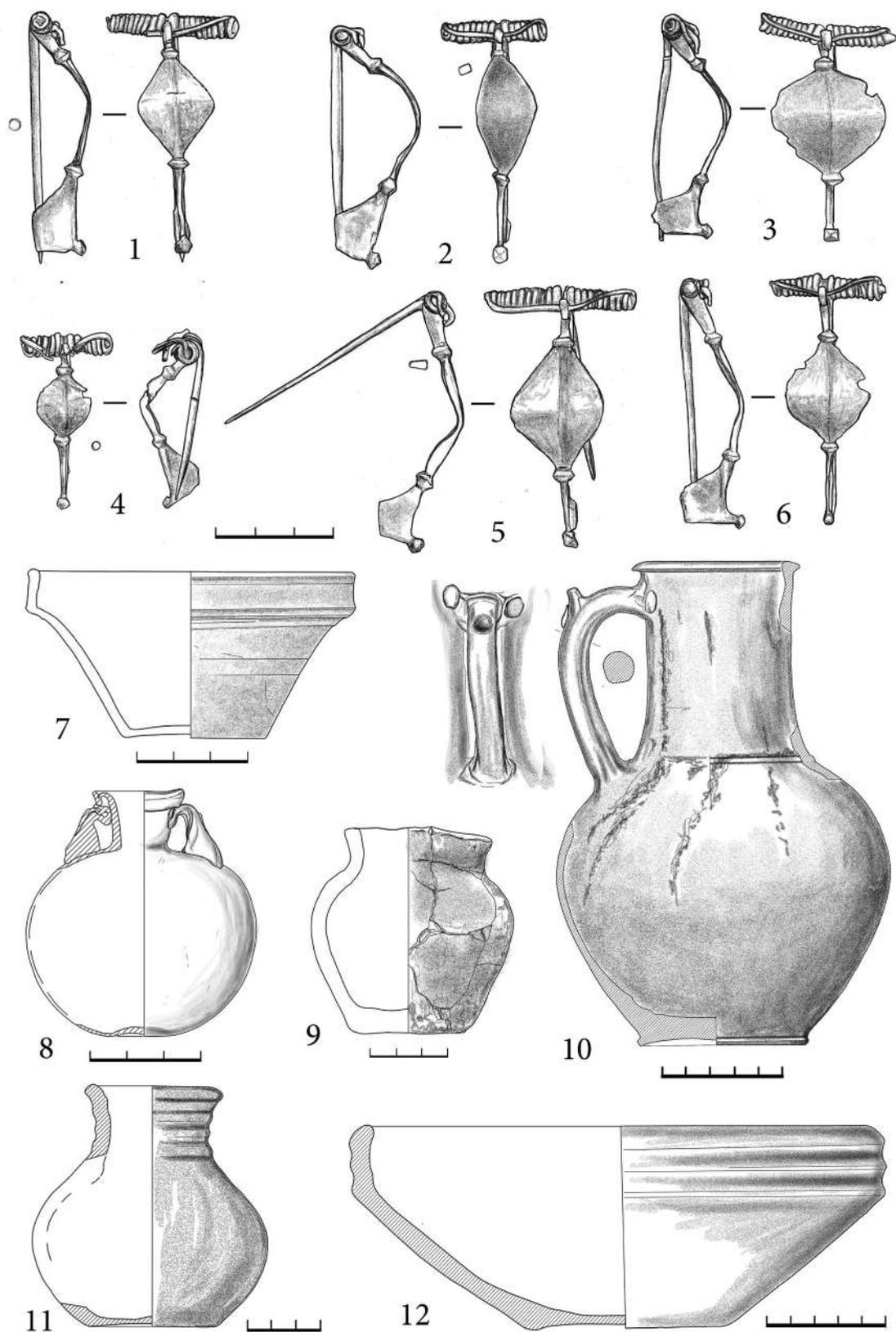

Рис. 5. Инвентарь погребения 20 2017 г. некрополя Темерницкого городища: 1–6 — бронзовые фибулы, 7 — краснолаковая чашка, 8 — стеклянный арибалл, 9 — лепной горшок, 10 — серолощенный кувшин, 11 — серолощенная кубышка, 12 — серолощенная миска

разновидности. Создается впечатление, что изделия с широкой спинкой и вертикальным ребром производились, в отличие от других вариантов профилированных фибул, в течение небольшого промежутка времени. В Причерноморье с ними в комплексах найдены римские броши с эмалью, лучковые фибулы 4 варианта по А. К. Амброзу, бальзамарии с сильно расширяющимся книзу туловом, светлоглиняные амфоры с профилированными ручками типа CIV–C (по С. Ю. Внукову), зеркала с центральной и боковой петлей с поздними вариантами орнамента, четырнадцатигранные сердоликовые бусы, серебряная фурнитура с фасетированным краем. Этот контекст характерен для конца II – рубежа II – III вв. н. э. Важным представляется следующий момент. В отличие от других разновидностей причерноморских сильно профилированных фибул, застежки с округлой или ромбической спинкой с ребром ни разу не были встречены в одних комплексах с находками, характерными для более раннего времени. В то же время стандартные профилированные фибулы 3 варианта Амброза (I группа, 2 тип по Косяненко), в целом характерные для второй половины II в. н. э., встречаются, например, в Кобяковском могильнике, вместе с более ранними застежками: с 4-х витковой пружиной, плоской или выпуклой орнаментированной пуансоном спинкой и кнопкой на конце пластинчатого приемника — группа II, типы 1; 2, варианты 1; 2 по В. М. Косяненко (Ларенок, 2007, т.1, с. 91, рис. 506, 2; 507, 3; т.3, с. 46, 47, рис. 1847–1849; Ларенок, 2016, с. 257, табл. 38, 2–7; с. 268, табл. 48, 6–9). Возможно, что фибулы с широкой спинкой с ребром занимают наиболее позднюю позицию среди сильно профилированных застежек, что в целом соответствует линии развития типа на увеличение размеров спинки. В качестве рабочей гипотезы можно допустить, что мы имеем дело с **самостоятельным хронологически значимым** вариантом фибул. Производство сильно профилированных

фибул 2 и 3 вариантов было зафиксировано в Танаисе (Шелов, 1972, с. 96, 97; Арсеньева, Беттгер, 1996, с. 42, №233). Можно предположить, что и фибулы из п. 20 были изготовлены именно там.

3. Не менее показательна в отношении хронологии рассматриваемого комплекса находка круглой шарнирной броши с эмалью и двумя стойками для крепления иглы. Диаметр изделия 4,2 см, высота вместе со стойкой для крепления иглы — 2,1 см (рис. 6, 3; 9, 2). В центре щитка расположен выступ-умбон, заполненный эмалью оранжевого цвета. От него радиально отходит пояс, выполненный в технике миллефiori из темно-синей эмали с вихревыми желтовато-зеленоватыми вкраплениями. За ним следует кольцо, образованное двумя узкими валиками-перегородками. Внутри него находятся косые радиальные отрезки из золотистого стекла или фольги на фоне темно-синей эмали. Внешний орнаментальный фриз представлен чередующимися прямоугольниками красной эмали, наложенной на желтый фон и полустертой белой эмалью на темно-синем фоне. По краю проходит ряд миниатюрных дуговидных золотистых шевронов на фоне темно-синей эмали. На нем имеются два округлых выступа, расположенных один напротив другого. В гнезде одного имеется круглая желтая вставка. Эмаль внутри другого не сохранилась. Эта разновидность эмалевых брошей с шарниром из двух стоек широко распространена в европейских памятниках римского времени: тип. 27 b.1 по М. Фежеру (Feugere, 1985, p. 371, pl. 153, 1918–1920); К. Экспер тип III, 26 (Expner, 1941, S. 35, Taf. 14), Э. Риха — тип 7.14 (Riha, 1994, S. 161, 162, Taf. 51, 7.14). Форма датируется второй половиной II – началом III в. н. э. и имеет некоторые вариации по морфологии и подбору эмали. В коллекции фибул из Курия Реторум (ныне швейцарский город Кур) имеется брошь, практически идентичная нашему образцу (Hochuli-Gysel et al., 1991, S. 123, Taf. XVI, 2). Такая же застежка, изданная

Беме, хранится в музее Зальцбурга (Bohme, 1972, Taf. 26, 993). Две очень близкие застежки приведены в работе Зигрид Томас, посвященной римским провинциальным фибулам с территории Свободной Германии (Thomas, 1966, S. 127, Abb. 2, 2; Taf. 10, Abb. 1). Дата перечисленных выше комплексов — вторая половина II в. н. э. Судя по описанию и не вполне четкой прорисовке, аналогичная круглая брошь, украшенная в стиле миллефиори, происходит из комплекса второй половины II в. н. э. Усть-Альмы (Пуздровский 2007, с. 191, 478, рис. 204, 22). В некрополях донских меотов имеется небольшая, но выразительная серия из 12 геометрических римских эмалевых брошей. Часть их сведена в недавно вышедшей статье, специально посвященной этой теме (Горбенко, Косяненко, 2018, с. 252–274). Две броши происходят из недавних исследований на некрополях Ростовского (п. 174 2017 г. — раскопки А. А. Нечипорука) и Нижне-Гниловского городищ (Р.6, п.1 2019 г. — раскопки С. М. Ильяшенко и В. К. Гугуева). Скорее всего, римские эмалевые фибулы поступали донским меотам из Танаиса. В некрополе города известны подобные застежки как геометрических форм, так и в виде животных, происходящие из могил второй половины II – начала III вв. н. э. (см. напр.: Арсеньева, 1977, с. 72, 96, табл. XXVIII, 2). Менее вероятно распространение римских фибул с сарматами, оседавшими на меотских поселениях, хотя исключить полностью такую возможность нельзя. Все известные нам комплексы донских меотов с геометрическими фибулами с эмалью в технике миллефиори датируются второй половиной II – началом III вв. н. э. Из этого ряда выбивается дата, приведенная исследователями погребения с брошью 1(Л) 2004 г. некрополя Крепостного городища. Авторы публикации отнесли комплекс к первой половине II в. н. э. При этом в качестве аналогии ими была привлечена единственная застежка, причем несколько иной конфигурации (Горбенко, Косяненко,

2011, с. 25, Табл. 1, 3, с. 420, рис.148, 1). Следует отметить, что найденная в могиле римская брошь, вопреки мнению авторов, издавших азовскую находку, отнюдь не является «редкой» (Экснер — тип III 26; Риха — тип 7.13). Подобные броши хорошо известны в римских провинциях и датируются второй половиной II в. н. э. (Riha, 1994, S. 161). О корректировке хронологии азовского погребения одному из авторов данной статьи уже приходилось высказываться в другой работе, что позволяет нам не останавливаться детально на данном вопросе (Гугуев, 2019, с. 99). Очевидно, что погребение из Азова не отличается по дате от других комплексов, содержащих эмалевые броши, в целом датирующиеся второй половиной II – началом III вв. н. э.

4. Стекланный арибалл (рис. 3, 25; 5, 8; 6, 5). Его находка необычна для некрополей донских меотов. Высота сосуда 8 см, диаметр — 7,5 см. Тулово сферической формы, горло короткое, цилиндрическое. Венчик в виде муфты, слегка расширяется кверху. Край закруглен, отогнут наружу. Две ручки в виде стилизованных дельфинов крепятся верхней частью под венчиком, нижней — к плечикам. Стекло тулова прозрачное желтовато-оливковое с золотистым отливом, ручки выполнены из зеленого стекла. Дно уплощено, слегка вогнуто. Эта форма (Айсингс 61), в отличие от бальзамариев, не была широко распространена в Причерноморье. Кроме того, она в основном характерна для жителей городов Боспора, редка в варварских некрополях и неизвестна в курганах кочевников. Большая часть сосудов этого типа происходит из Пантикапея и его окрестностей. Это вероятно связано со степенью цивилизованности населения. Вряд ли широкое применение масел, содержащихся в этих сосудах, было распространено вне греческой общины. К. Айсингс датировала наиболее ранние находки временем не ранее середины I в. н. э. (Isings, 1957, p. 79). На Боспоре эта форма появляется синхронно и в основ-

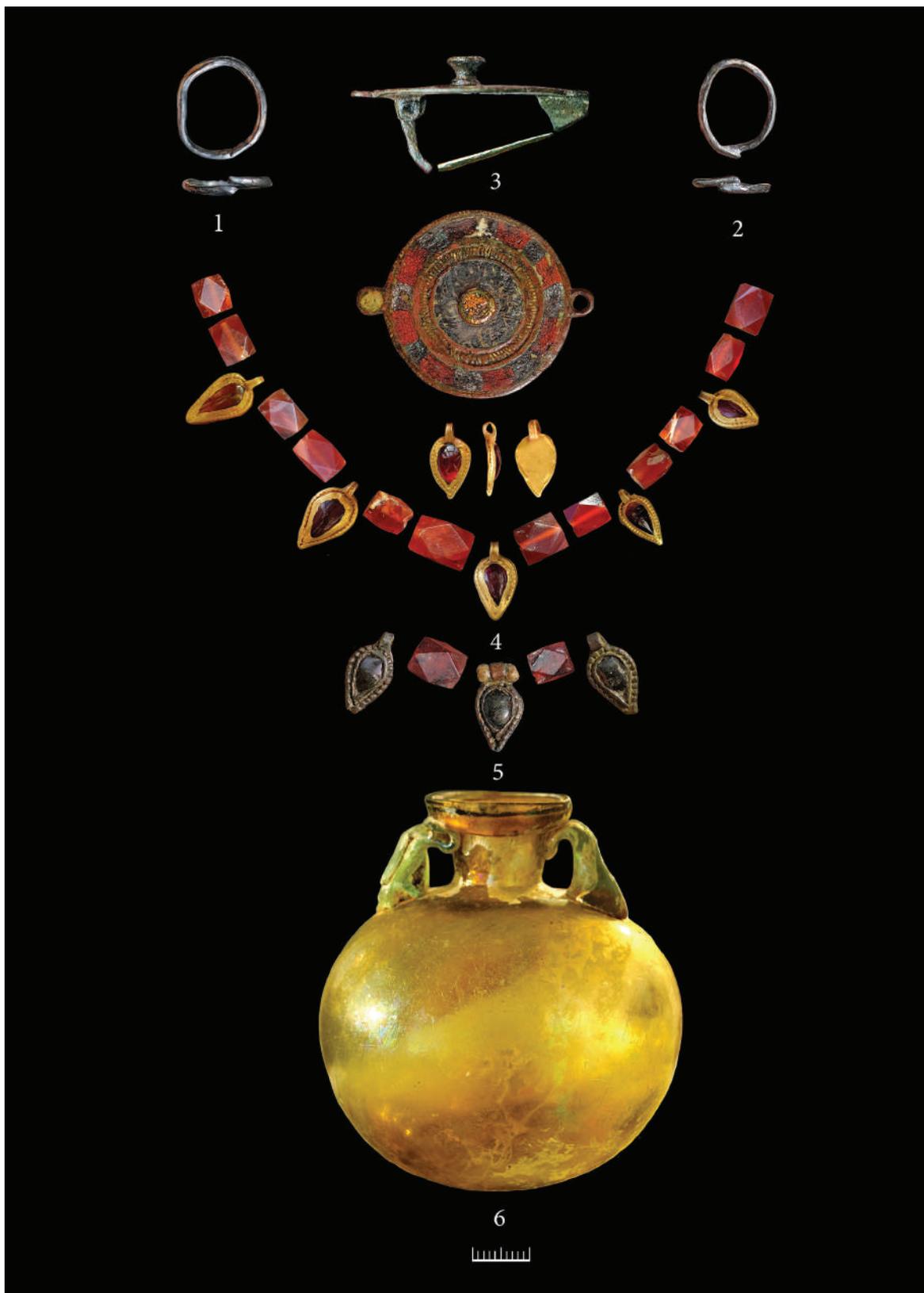

Рис. 6. Фотография находок из погребения 20 2017 г. некрополя Темерницкого городища (1–4, 6) и погребения 57 2019 г. Нижне-Гниловского могильника (5): 1–2 — серебряные серьги, 3 — эмалевая брошь, 4 — ожерелье из золотых подвесок с альмандинами и сердоликовых бусин, 5 — фрагмент ожерелья из бронзовых медальонов и сердоликовых бус, 6 — стеклянный арибалл

Рис. 7. Фотография бус из погребений некрополя Темерницкого (1–6), Ростовского (7) и Нижне-Гниловского городищ (8–9): 1 — деталь ожерелья п. 20 2017 г. Темерницкого некрополя *in situ*, 2 — бусы ожерелья, 3–5 — бисер у стоп, 6 — янтарные и коралловые бусы у запястий, 7 — фрагмент ожерелья из погребения 138 некрополя Ростовского городища, 8 — бусы из погребения 1 2019 г. раскопа 6 2019 г., 9 — бусы из погребения 23 раскопа 5 2019 г. Нижне-Гниловского некрополя

ном была распространена в I – II вв. н. э. (Гущина, Сорокина, 1984, с. 48). Форма арибаллов очень консервативна. Выделенные исследователями морфологические различия имеют в основном не хронологический характер, а в большей степени отражают место производства этих изделий. Наш экземпляр относится к разновидности с муфтообразным венчиком. Эту категорию выделили И. И. Гущина и Н. П. Сорокина и определили ее как продукцию малоазиатских мастерских (Гущина, Сорокина, 1984, с. 48). Отсутствие в представительной коллекции западных провинциально-римских мастерских арибаллов с муфтообразным венчиком подтверждает этот вывод. Однако нельзя исключить их производство в Сирии, где, например, известны сосуды разных форм с муфтообразным венчиком. К. Айсингс не рассматривала специально эту разновидность сосудов и ее наблюдения за хронологически значимыми различиями в форме венчика и характере прикрепления ручек в нашем случае не применимы. По профилировке венчика арибалл из п. 20 близок сосудам из могил 28 и 68 1900 г. некрополя Пантикапея, второй половины I – первой половины II вв. н. э. (Кунина, Сорокина, 1972, с. 155, рис. 5, 25, 33). Однако, аналогичный сосудик из могилы 65 1906 г. того же некрополя датируется уже второй половиной II в. н. э. (Кунина, Сорокина, 1972, с. 162, рис. 7, 24). При значительной морфологической близости сосуды из столицы Боспора имеют тулово в виде эллипса, а не шара, как ростовский образец. Такую же форму имеет арибалл из п. 312 некрополя Бельбек IV конца I – начала II вв. н. э. (Гущина, Журавлев, 2016, с. 210, табл. 208, 3). Более близкий по форме и идентичный по окраске стекла арибалл происходит из п. 197 рубежа I – II вв. н. э. того же могильника (Гущина, Журавлев, 2016, табл. 129, 6). Сосудик из ростовского погребения имеет лишь более уплощенный снаружи венчик. Два арибалла, морфологически практически идентичные нашему сосуду,

хранящиеся в музее Констанцы, были найдены в Томах (Bucovata, 1968, nos. 129; 131). По сопутствующей керамике они датированы I в. н. э. Точно такой по форме, но выдутый из зеленого стекла сосудик имеется в коллекции Йельского университета (Grossman, 2002, p. 11, fig. 10). Его дата: «I – II вв. н. э.». Единственный целый арибалл из п. 34 1980 г. в Танаисе надежно датируется концом II – первой половиной III вв. н. э. (Арсеньева и др., 2001, с. 130, табл. 47, №575). Однако он имеет отличный от нашего экземпляра отогнутый наружу венчик и широкое вогнутое внутрь дно. Близкий по времени танаисскому образцу арибалл из Широкой Балки имеет уже совсем иную морфологию: у него высокое сужающееся к низу горло и ручки крепятся к его нижней части, а не под венчиком (Малышев, 2011, с. 270, 271, рис. 210, 3). Согласно К. Айсингс, эта форма относится к разряду поздних (Isings, 1957, p. 79). По форме тулова и цвету стекла очень близкий ростовскому образцу туалетный сосудик происходит с территории римской Паннонии (Lejcek, 2012, p. 125, fig. 2a). Однако цвет и форма ручек, а также профилировка венчика иные, характерные для западных изделий. Наконец из с. Карадзи в Армении происходит «флакон шаровидный с двумя ручками» из ярко-зеленого стекла, очевидно, представляющий собой арибалл с «венчиком-муфтой», практически идентичный нашей находке (Аракелян и др., 1969, с. 44, №72). Авторы свода отнесли сосудик к продукции сирийских мастерских и датировали его III – IV вв. н. э. Однако в музее Истории Армении в Ереване он помещен в витрину с подписью «Стеклянные сосуды I в. до н. э. – I в. н. э.» (ИМА-N 2297-7). Таким образом, арибалл из п. 20 некрополя Темерницкого городища по форме оказался ближе к серии сосудов I – II вв. н. э. Однако в специальной литературе мы не нашли четких хронологических критериев, позволяющих узко датировать найденный сосуд.

5. Краснолаковая чашка (рис. 3, 22; 4, 12; 5, 7). Сосуд из п. 20 Темерницкого некрополя имеет прямой, слегка наклонный внутрь бортик, косые, чуть вогнутые внутрь стенки, уплощенное дно. Высота сосуда — 7 см, диаметр венчика — 13,7 см. Лак оранжевого цвета равномерно покрывает внутреннюю поверхность чашки, снаружи у дна имеет вид потеков. Край закруглен, оформлен желобком-врезкой, переход от бортика к стенкам — через уплощенное ребро. Сосуд принадлежит к одной из наиболее распространенных форм понтийской сигиллаты конца I – III вв. н. э. (Книпович, 1952, с. 303, тип. 12 (M), рис. 3, 3; Каменецкий, 1993, с. 60–63, тип II, вариант 3; Hayes, 1985, p. 95, pl. XXIII, 6 (FormV); Журавлев, 2007, с. 385, 386, форма 30.3; Kuhnelt, 2008, S. 113 (Form N–1A), S. 439, Кат. Nr. 190–198). В некрополе Илурата чашки с прямым, наклонным внутрь бортиком косыми стенками и уплощенным дном датированы В. А. Хршановским преимущественно концом I в. н. э. (Хршановский, 1998, с. 77–87). Примерно к тому же времени относятся наиболее ранние сосуды этой разновидности из Юго-Западного Крыма. Однако основная масса изделий формы 30.3 датируется концом II – началом III вв. н. э. (Журавлев, 2010, с. 146, табл. 28; Пуздровский, Труфанов, 2016, с. 55, 80, 226, табл. 9, 13, рис. 108, 2). Та же ситуация наблюдается в нижнедонских некрополях. К I – началу II вв. н. э. относится сравнительно небольшой процент сосудов формы 30.3. Из известных нам более чем трех десятков сосудов этого типа лишь три экземпляра надежно датируются I – началом II вв. н. э. (Арсеньева 1977, с. 52, с. 86, табл. XXIII, 6). Из них две чашки: из п. 202 и 290 Нижне-Гниловского некрополя (раскопки В. К. Гугуева 1990 г.) имеют такой отличительный от основной группы признак, как кольцевой поддон. Большая часть сосудов формы 30.3 по Д. В. Журавлеву найдена в нижнедонских комплексах, содержавших лучковые фибулы 4–5 вариантов по А. К. Амброзу, силь-

но профилированные фибулы 3 варианта, римские эмалевые броши, металлическую ременную фурнитуру с фасетками по краю, сердоликовые четырнадцатигранные и грушевидные бусы из цветного стекла, зеркала с центральной и боковой петельками с квадратом в центре и подобными хронологическими индикаторами второй половины II – первой половины III вв. н. э. (См. например: Гугуев, 1986, с. 124; Volkov, Guguev, 1986, Pl. 52, 5; Гугуев, 1989, рис. 59; Косяненко, 2008, с. 146, 348, 493, рис. 49, 7; 124, 12; Абоян, Ларенок, 2013, с. 68, Рис. 6, 10, 11; Ларенок, 2016, с. 110, 295, 300, табл. 76, 6; 81, 1; Беспалый, 2016, т. 1, рис. 159). Показательно, что в п. 152 1990 г. Нижне-Гниловского некрополя (раскопки В. К. Гугуева) чашечка интересующего нас типа (9AM3T КП349/АО26) была найдена вместе с двумя сильно профилированными фибулами с широкой ромбической спинкой, как и в п. 20 некрополя Темерницкого городища. Известны находки подобных краснолаковых сосудов в закрытых комплексах Танаиса второй половины II в. н. э. (Арсеньева, Науменко, 1992 с. 66, 173, рис. 57, 8). Учитывая широкое распространение формы 30.3 этот список можно было бы существенно расширить.

6. Бусы из погребения 20. Проници, вероятно составлявшие браслет или обшивку рукава, изготовленные из слегка подработанных янтарной гальки и веточек коралла, были широко распространены в Северном Причерноморье на протяжении всей римской эпохи и вряд ли пригодны в качестве хронологических реперов. Это в значительной степени относится к бисеру из гешира и египетского фаянса, которыми, вероятно, был расшит костюм погребенной. Исключение, пожалуй, составляют немногочисленные уплощенно-бочонковидные бисерины из яркого светло-зеленого стекла. Находки подобных бус не часты. Нам известны аналогичные бусы из катакомбы, исследованной Г. Е. Беспалым в Танаисе (Беспалый, 2016, с. 31, оп. №64, рис. 172–175).

Рис. 8. Бронзовый флакон из погребения 20 2017 г. некрополя Темерницкого городища:
 1 — сосуд после реставрации, 2, 4 — фрагменты гнезд и вставок из стекла,
 3 — фото флакона *in situ*

Как показывают новейшие исследования, склепы Танаиса оставлены представителями городской элиты. Они составляют довольно гомогенную группу в некрополе и датируются преимущественно концом II – первой половиной III вв. н. э. (Безуглов, Ильяшенко, 2016, с. 183). Показательно, что в танаисской катакомбе обнаружена краснолаковая чашка того же типа, что и в нашем погребении (форма 30.3 по Д. В. Журавлеву). Более интересен с точки зрения датировки состав ожерелья. Известно, что четырнадцатигранные сердоликовые бусы (тип 15 по Е. М. Алексеевой) приходят на смену округлым формам примерно в середине II в. н. э. и широко распространены в Северном Причерноморье до конца римской эпохи (Алексеева, 1982, с. 47). Гораздо менее известны обнаруженные в рассматриваемом погребении бусы в виде параллелепипеда, изготовленные из стекловидной зернистой в изломе пасты или смолы темно-коричневого цвета, покрытые слоем рыжей, местами ярко-желтой патины (рис. 7, 2). Часто они расслаиваются или полностью разрушаются при расчистке, неясен материал, из которого они изготовлены. Видимо поэтому сведения о них в литературе крайне скудны. Вместе с тем, они, вероятно, были широко распространены в римское время, вплоть до Южного Зауралья. Судя по описанию, именно эти бусы были найдены в позднесарматском погребении кургана 6 Селивановского могильника в Башкирии: «пронизи в форме параллелепипеда средним размером 0,6x0,3 см очень хрупкие, часть из них рассыпалась, светло-коричневого и бежевого цветов — сохранилось 20 шт.» (Федоров, 2011, с. 429). Нам известны четыре погребения второй половины II в. н. э., где были обнаружены бусы этого типа, в Кобяковском некрополе (Гугуев, 1984, с. 7, №2; Гугуев, 1985, с. 13, №35; Гугуев, 1988, с. 58, рис. 185, 6, оп. №216). Аналогичные бусы были обнаружены и в трех захоронениях Нижне-Гниловского и Темерницкого некрополей (рис. 7, 8, 9).

В состав инвентаря этих комплексов входили профилированные фибулы 3 варианта по А. К. Амброзу (включая разновидность с широкой ромбической спинкой), четырнадцатигранные сердоликовые пронизи и грушевидные стеклянные подвески, что позволяет датировать эти комплексы второй половиной II в. н. э.

7. Маркером статуса погребенной служит наличие в составе ожерелья золотых подвесок с альмандинами. Все 6 медальонов имеют одинаковую конструкцию. На золотом листе каплевидной формы напаяны пластинчатые гнезда, повторяющие форму основания. Верхний край гнезда загнут, удерживая альмандиновую вставку, обрамлен ложной зернью. Сверху к краю прикреплен кольцевидная петелька, профилированная широким желобком. Подобные медальоны, инкрустированные минералами или имитирующими их стеклянными вставками, были популярны в Северном Причерноморье в римскую эпоху. Они, вероятно, восходят к близким по форме позднеэллинистическим украшениям из Средиземноморья, имеющим дополнительные детали (Rudolf, 1996, p. 72, 73, pl. 52, 2). По технике и стилю к подобным эллинистическим украшениям можно отнести ожерелье из Соколовой Могилы (Ковпаненко, 1986, с. 29–31, рис. 25–28). Подробная сводка медальонов со вставками из минералов и стекла в Северном Причерноморье дана в специальной работе В. И. Мордвинцевой и М. Ю. Трейстера (Мордвинцева, Трейстер, 2007, с. 87, 88). Это позволяет нам ограничиться коротким экскурсом по теме с привлечением новых находок. Весьма близки медальонам из п. 20 Темерницкого некрополя «подвески миндалевидной формы в виде пластинчатого золотого гнезда со вставками альмандина», происходящие из кургана 15 так называемого «Золотого кладбища» у ст. Казанской. Авторы, издавшие комплекс, отнесли его ко II – III вв. н. э. (Гущина, Засецкая, 1994, с. 37, с. 58, 126, кат. №263, табл. 27).

Ожерелья, в состав которых входили каплевидные и круглые золотые подвески с гранатом или алмазными, неоднократно встречались в инвентаре степных позднесарматских комплексов (Беспалый, 1990, с. 213, 222, рис. 1, 19; 5, 19; Суботин, Дзиговский, 1990, с. 32, рис. 15, 10; Simonenko, 2008, Taf. 162, 8; Безуглов и др., 2009, с. 35, 69, рис. 16, 4; 40, 1). Источником поступления для части этих украшений мог служить Танаис. В катакомбе-склепе 186 Западного участка некрополя Танаиса конца II – первой половины III вв. н. э. были найдены каплевидные золотые подвески со вставками из граната с имитацией зерна по краю (Арсеньева и др., 2010, с. 20, рис. 8, 12). В погребении 470 2012 г. танаисского городского некрополя найдены, пожалуй, наиболее ранние на Нижнем Дону золотые медальоны каплевидной формы с гранатовыми и стеклянными вставками. Автор раскопок — Г. Е. Беспалый датирует захоронение второй половиной I в. н. э. (Беспалый, 2016, Том 4, с. 205, описание, с. 193, №1250–1252). Однако эти украшения отличаются от публикуемых в этой статье способом крепления петли для подвешивания. Уровень исполнения медальонов, как и материал, различны и очевидно они производились в разных мастерских. В этой связи следует упомянуть находку ожерелья из п. 57 2019 г. на Восточном участке некрополя Нижне-Гниловского городища (рис. 6, 5) (раскопки В. В. Алейникова, В. К. Гугуева). Комплекс надежно датируется фибулами и краснолаковой посудой концом II – началом III в. н. э. Подобно набору из рассматриваемого погребения Темерницкого некрополя в состав ожерелья входили четырнадцатигранные сердоликовые бусины и медальоны каплевидной формы. Однако выполнены украшения из бронзы и инкрустированы вставками из стекла. Очевидно, такие подвески являлись более дешевыми репликами драгоценных изделий. Известны золотые подвески с алмазными и далеко за пределами

Причерноморья: вплоть до Южного Зауралья, где они найдены в известном позднесарматском кургане №21 могильника Магнитный (Боталов, Иванов, 2012, с. 271, рис. 1, 2). К дериватам подобных подвесок В. И. Мордвинцева и М. Ю. Трейстер относят золотые бляшки похожей формы (Трейстер, Мордвинцева, 2007, с. 88). Оригинальный способ вторичного использования золотой каплевидной подвески с алмазным, закрепленной на рукояти меча гуннского времени зафиксирован при раскопках Восточного некрополя Фанагории (Трейстер, 2015, табл. 64, №191). Огрубленные варианты медальонов встречаются на Боспоре вплоть до постгуннского времени (Храпунов, Казанский, 2016, с. 203, 223, рис. 9, 1).

8. Бронзовое зеркало (рис. 4, 13; 9, 7). К сожалению, его сохранность не позволяет реконструировать орнаментальную схему на оборотной стороне изделия. Небольшой фрагмент орнаментального валика как будто бы свидетельствует о наличии в центре изображения квадрата, характерного для зеркал конца II – начала III вв. н. э. Однако такая реконструкция условна.

9. Серолощенный кувшин (рис. 4, 15; 5, 10). Сосуд имеет отогнутый наружу заостренный край, высокое цилиндрическое горло, округлое реповидное тулово и уплощенное, слегка вогнутое дно, оформленное снаружи узким валиком, наподобие рудиментарного поддона. Округлая в сечении ручка нижним краем прикреплена к плечу, верхний прилеп находится под венчиком. В верхней части ручка орнаментирована вертикальным выступом, под которым размещен круглый налеп. Два аналогичных налепа расположены по обе стороны от верхней части ручки. Горло и тулово сосуда покрывают фрагментарно сохранившиеся полосы белой краски. Кувшины подобной формы, в отличие от некоторых других типов серолощенной посуды не имеют четких хронологических рамок. То же относится и к особенностям украшения ручки. Подобные налепы встречаются

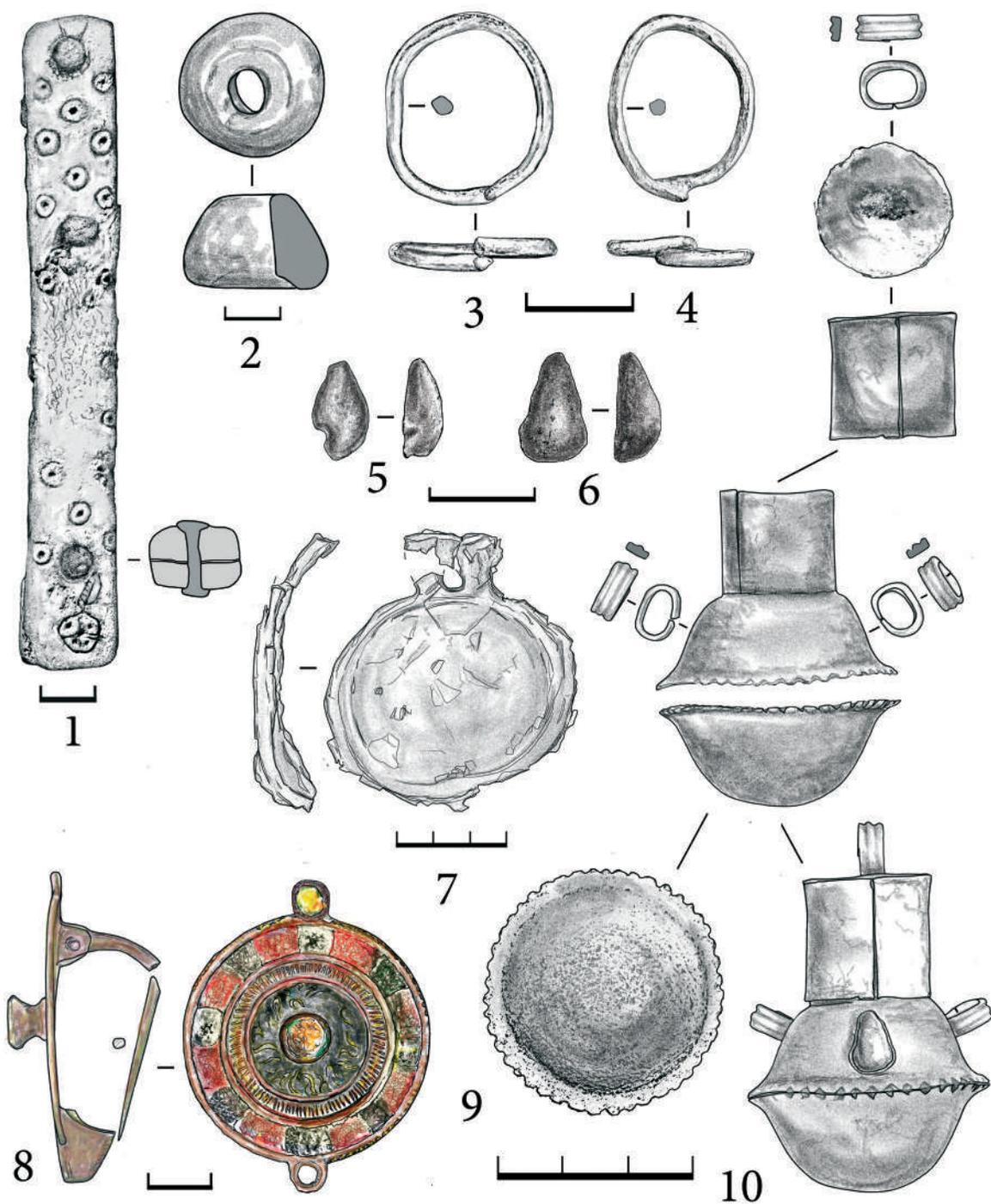

Рис. 9. Находки из погребения 20 2017 г. некрополя Темерницкого городища:
 1 — костяная ручка ножа, 2 — лепное пряслице, 3–4 — серебряные серьги, 5–6 — стеклянные
 вставки, 7 — бронзовое зеркало, 8 — брошь с эмалью, 9 — бронзовый флакон до реставрации,
 10 — реконструкция флакона

на меотской посуде на протяжении всего римского времени. Наиболее близкий по форме и по характеру орнамента кувшин был найден в погребении 14 2018 г. Темерницкого некрополя (Зоров, 2018, с. 13, рис. 68, 1, 2). Комплекс датируется профилированной фибулой 3 варианта по А. К. Амброзу второй половиной II в. н. э. На горле и верхней части тулова кувшина из п. 20 местами сохранились нанесенные белой краской вертикальные полоски. Обычай расписывать сосуды небрежно нанесенными полосами белого цвета — своеобразная черта культуры меотов. Подобный обычай зафиксирован в Прикубанье (Лимберис, Марченко, 2012, с. 268, 280, рис. 4, 11, 12) и на Нижнем Дону (Ларенок, 2007, с. 109, 122, рис. 1465, 1; 1534, 1). В упомянутых выше раскопках Восточного участка Нижне-Гниловского некрополя 2019 г. было найдено 3 сосуда с подобной росписью. Причем меоты в римское время раскрашивали не только собственную продукцию, но и краснолаковую посуду (Ларенок, 2014, табл. XVI, 8).

10. Серолощенная миска с закругленным краем, вертикальным желобчатым бортиком, косыми стенками и уплощенным, слегка вогнутым дном (рис. 4, 14; 5, 12) — Тип I, вариант 5 «миски с бортиком» по И. С. Каменецкому (Каменецкий, 1965, с. 149). Размеры: диаметр венчика — 22,3 см, высота сосуда — 9 см. Не располагая существенной выборкой, И. С. Каменецкий в своей диссертации не дал узкой даты для этого варианта мисок. На сегодняшний день из комплексов с надежными датами на Нижнем Дону происходят десятки аналогичных сосудов. По нашим наблюдениям эта форма является наиболее распространенной у меотов во второй половине II в. н. э. Более ранние миски с бортиком имеют отогнутый наружу край и заметно более рельефную профилировку желобками. На рубеже II – III вв. н. э. происходит постепенная замена этой формы на миски с гладким бортиком и выступающим краем. К сере-

дине III в. н. э. миски с гладким бортиком практически вытесняют посуду, орнаментированную желобками. Об этом свидетельствуют находки в слое пожара середины III в. н. э. в Танаисе

11. Серолощенный горшочек-кубышка с закругленным краем, слегка расширяющимся кверху профилированным желобками горлом, округлым реповидным туловом и слегка вогнутым дном (рис. 4, 9; 5, 11). Размеры: высота — 12 см, диаметр венчика — 7 см, диаметр тулова — 12 см. Тип IX серолощенной керамики по классификации И. С. Каменецкого (Каменецкий, 1965, с. 160). Одна из наиболее распространенных форм посуды в некрополях меотов. Учитывая малую емкость подобных закрытых сосудов, их предназначение неясно. В культурном слое меотских городищ эта форма представлена не столь заметно, как в некрополях, и часто встречается в паре с миниатюрными чашечками на ножке с куском мела внутри. Особый интерес представляет находка на Восточном участке некрополя Нижне-Гниловского городища кубышки и чашечки на ножке, вылепленных из одного куска глины. Вероятно, мы имеем дело с использованием подобных сосудов в паре в процессе погребального ритуала.

12. Лепной трехчленный горшок с прямым, расширяющимся кверху горлом, округлым туловом, наибольший диаметр которого приходится на среднюю треть высоты, и плоским дном. Обжиг слабый, тесто рыхлое с примесью извести (рис. 4, 10; 5, 9). Группа В, тип XXVI, по классификации Т. М. Арсеньевой (Арсеньева, 1969, с. 178). Размеры: диаметр венчика — 12,5 см, диаметр тулова — 17 см, высота — 17,5 см.

13. Рукоять ножа (клинок в реставрации) (рис. 4, 11; 9, 1). Состоит из двух прямоугольных полированных костяных пластин, скрепленных посредством трех сквозных железных заклепок. На одной из сторон имеется нанесенный гравировкой циркулярный орнамент. Длина рукояти — 12 см, ширина — 1,8 см. Использовать для

уточнения даты комплекса данный предмет не представляется возможным.

Подводя итог анализу находок из погребения 20 2017 г. с точки зрения хронологии, можно констатировать, что наиболее вероятная дата погребения лежит в пределах конца II – начала III вв. н. э. Культурная принадлежность погребения 20 2017 г. некрополя Темерницкого городища должна рассматриваться в контексте так называемой сарматизации меотских городищ и Танаиса. Этот процесс, начавшийся еще в I в. н. э. (Гугуев, 2017, с. 135, 136), в среднесарматскую эпоху, получил новый импульс во второй половине II в. н. э. Широкое распространение подбойных могил, северной ориентировки погребенных, обычая деформации черепа в некрополях донских меотов — прямое свидетельство инфильтрации кочевников в состав жителей нижнедонских городищ. Однако эти явления не носили тотальный характер. Погребальные традиции меотов сохранились. К ним относятся: высокий удельный вес погребенных в катакомбах, сопутствующий этим гробницам набор ориентировок, специфическое употребление чучел и туш

жертвенных животных. Сохранился и архаичный меотский обычай класть под голову погребенного миску или какой-либо другой сосуд. Кроме того, можно допустить, что значительный процент погребенных в подбоях с северной ориентировкой не связан с кочевой традицией, т. к. меоты также практиковали аналогичный обряд, причем еще до того, как он получил распространение у сарматов. Таким образом, если в подбойной могиле отсутствуют надежные этнические индикаторы — курильницы сарматских типов или меотский ритуал помещения под голову миски — этническая атрибуция такого захоронения становится произвольной, зависимой от пристрастий исследователя. В этой связи перспективным представляется проведение генетических исследований антропологического материала из нижнедонских некрополей римского времени. Результаты этих исследований должны быть изучены на предмет корреляции с типами погребального ритуала. Без проведения подобных исследований вопрос об этнической принадлежности жителей нижнедонских городищ римского времени нельзя признать окончательно решенным.

Литература

- Абрамова М. П.* Фибулы Хумаринского могильника (II – III вв. н. э.) // Историко-археологический альманах. Вып. 2 / Отв. ред. Р. М. Мунчаев. М. – Армавир: б. и., 1996. С. 100–105.
- Абоян Ю. В., Ларенок В. А.* Раскопки некрополя Сухо-Чалтырского городища в 2011 году // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2011 г. Вып. 27 / Отв. ред. А. А. Горбенко. Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника, 2013. С. 69–97.
- Алексеева Е. М.* Античные бусы Северного Причерноморья. М.: Наука, 1982. 105 с. (САИ. Вып. Г I–12).
- Амброз А. К.* Фибулы из раскопок Танаиса // Античные древности Подонья — Приазовья / Отв. ред. Д. Б. Шелов. М.: Наука, 1969. С. 248–272. (МИА. №154).
- Арсеньева Т. М.* Лепная керамика Танаиса // Античные древности Подонья — Приазовья / Отв. ред. Д. Б. Шелов. М.: Наука, 1969. С. 173–219. (МИА. №154).
- Арсеньева Т. М., Беттгер Б.* Отчет о работах российско-германского отряда Нижне-Донской археологической экспедиции ИА РАН в 1996 г. Архив ГУК РО «АМЗ Танаис». Т.1.

- Арсеньева Т. М., Ильяшенко С. М., Науменко С. А.* Археологические исследования и открытия о хронологии древнего Танаиса // SYMBOLA. Вып. 1 / Ред. кол. А. А. Масленников, Н. А. Гаврилюк, А. А. Завойкин. М. – Киев: б. и., 2010. С.11–21.
- Арсеньева Т. М.* Некрополь Танаиса. М.: Наука, 1977. 152 с.
- Арсеньева Т. М., Науменко С. А.* Усадьбы Танаиса. М.: Эвтектика, 1992. 232 с.
- Арсеньева Т. М., Безуглов С. И., Толочко И. В.* Некрополь Танаиса. Раскопки 1981 – 1995 гг. М.: Палеограф, 2001. 273 с.
- Балахванцев А. С., Мимоход Р. А., Успенский П. С.* Древнееврейская печать из сарматского погребения на Нижнем Дону // РА. 2017. №4. С.155–159.
- Боталов С. Г., Иванов А. А.* Новый комплекс аристократии гуннского времени в Южном Зауралье // ПИФК. 2012. №4. С. 269–287.
- Безуглов С. И.* Позднесарматский курган у станицы Камышевской на Дону // Вестник Танаиса. Вып. 4 / Отв. ред. В. И. Перевозчиков. Хутор Недвиговка Мясниковского р-на Ростовской обл.: АМЗ «Танаис», 2017. С. 84–127.
- Безуглов С. И., Глебов В. П., Парусимов И. Н.* Позднесарматские погребения в устье Дона (курганый могильник Валовый I). Ростов-на-Дону: Медиа-Полис, 2009. 127 с.
- Безуглов С. И., Ильяшенко С. М.* Социальная элита во II – III в. н. э. // Элита Боспора и Боспорская элитарная культура. Материалы международного Круглого стола 22–25 ноября 2016 г. / Отв. ред.-сост. В. Ю. Зуев, В. А. Хршановский. СПб.: «Палаццо», 2016. С. 181–186.
- Безуглов С. И., Копылов В. П.* Катакомбные погребения III – IV вв. н. э. на Нижнем Дону // СА. 1989. №3. С. 171–183.
- Беспалый Е. И., Лукьяшко С. И.* Древнее население междуречья Дона и Кагальника. Курганый могильник у с. Высочино. Т. 1. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2008. 224 с.
- Беспалый Г. Е.* Отчет о проведении археологических раскопок на участках строительства музейного здания, объектов структуры и экспозиционного показа в границах объекта культурного наследия федерального значения «Археологический музей-заповедник Танаис» в 2012 г. Том. 4. Ростов-на-Дону, 2016. Архив ГУК РО АМЗ «Танаис».
- Горбенко А. А., Косяненко В. М.* Некрополь Паниардиса (Крепостного городища). Азов: Азовский ист.-археол. и палеонт. музей-запов., 2011. 512 с. (Донские древности. Вып.11).
- Гугуев В. К.* Отчет об исследовании Кобяковского грунтового могильника отрядом археологической лаборатории РГУ в 1985 г. Архив ИА РАН. Р-1, №12141. Альбом а.
- Гугуев В. К.* Отчет об исследовании участка некрополя Нижне-Гниловского городища в Железнодорожном районе г. Ростова-на-Дону. Архив ИА РАН. 1988 г., №12912, 12913.
- Гугуев В. К.* Отчет об исследованиях некрополя Нижне-Гниловского городища в 1989 г. Архив ИА РАН. 1989 г., № 14232, 14233.
- Гугуев В. К.* Структура ритуала некрополей донских меотов (о роли сарматов в формировании населения городищ) // Вестник Танаиса. Вып. 4 / Отв. ред. В. И. Перевозчиков. Хутор Недвиговка Мясниковского р-на Ростовской обл.: АМЗ «Танаис», 2017. С. 128–148.
- Гугуев В. К.* Курганы на Восточном участке некрополя Танаиса // Вестник Танаиса. Вып. 5 / Отв. ред. С. М. Ильяшенко. Ростов-на-Дону: Альтаир, 2019. С. 92–123.
- Гущина И. И., Сорокина Н. П.* Новые находки стеклянных сосудов в могильнике Бельбек IV в юго-западном Крыму // Древности Евразии в скифо-сарматское время / Под ред. А. И. Мелюковой, М. Г. Мошковой, В. Г. Петренко. М.: Наука, 1984. С. 43–53.

- Гущина И. И., Засецкая И. П. Золотое кладбище римской эпохи в Прикубанье. СПб.: Фарн, 1994. 172 с.
- Журавлев Д. В. Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма I – III вв. н.э. (По материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины). Симферополь: б. и., 2010. 320 с. (МАИЭТ. Supplementum. Вып. 9).
- Засецкая И. П. Сокровища кургана Хохлач. Новочеркасский клад. СПб: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2011. 328 с.
- Зоров Ю. Н. Технический отчет по выполнению охранно-спасательных археологических раскопок, направленных на обеспечение сохранности объекта археологического наследия федерального значения «Грунтовой некрополь Темерницкого городища» в зоне строительства выставочного зала в г. Ростове-на-Дону по ул. Тургеневская 18. Архив ГАУК РО «Донское наследие». Ростов-на-Дону. 2018 г. Д.162/18.
- Казакова Л. М., Каменецкий И. С. Курганы Танаиса // КСИА. 1970. Вып. 124. С. 81–87.
- Каменецкий И. С. Население нижнего Дона в I – III вв. н.э. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Архив ИА РАН. Р. 2, №1934.
- Каменецкий И. С. Городища донских меотов: вопросы датировки. М.: Авто, 1993. 176 с.
- Книпович Т. Н. Краснолаковая керамика первых веков н. э. из раскопок Боспорской экспедиции 1935 – 1940 гг. // МИА. 1952. Вып. 25. С. 289–326.
- Ковпаненко Г. Т. Сарматское погребение на Южном Буге. Киев: Наукова думка, 1986. 152 с.
- Кунина Н. З., Сорокина Н. П. Стекланные бальзамарии Боспора // ТГЭ. 1972. Вып. XIII. С. 146–177.
- Косяненко В. М. Некрополь Кобякова городища (по материалам раскопок 1956 – 1962 гг.). Азов: Азовский музей-заповедник, 2008. 544 с., (Донские древности. Вып. 9).
- Кропотов В. В. Фибулы сарматской эпохи. Киев: АДЕФ-Украина, 2010. 384 с.
- Ларенок В. А. Отчет «Спасательные раскопки некрополя Кобякова городища на площадке строительства торгового комплекса «Метро кэш энд керри» по ул. 40-летия победы в г. Ростове-на-Дону в 2007 г.» Том 2. Архив РОМК. Ф.2, оп.12.
- Ларенок В. А. Меотские древности. Каталог погребальных комплексов некрополя Кобякова городища из раскопок 1999 – 2000 гг. Ч. I. Ростов-на-Дону: Донской издательский дом, 2013. 448 с.
- Ларенок В. А. Меотские древности. Каталог погребальных комплексов из раскопок 2000 – 2001, 2002, 2004 гг. Ч. II. Ростов-на-Дону: Донской издательский дом, 2016. 320 с.
- Ларенок В. А., Ларенок П. А. Новые комплексы средне-сарматского времени из раскопок 2014 г. близ Ростова-на-Дону // V «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа в древности и средневековье. Материалы Международной археологической конференции. Краснодар: Вика Принт, 2015. С.153–159.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Погребение сарматского всадника на некрополе меотского городища // Евразия в скифо-сарматское время. Памяти И. И. Гущиной / Отв. ред. Д. В. Журавлев, К. Б. Фирсов. М.: б. и., 2012. С. 144–154. (Труды ГИМ. Вып. 191).
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Две катакомбы позднесарматского времени из Пашковского могильника №2 // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. Ист. 2015. №5 (35). С.126–138.
- Малышев А. В. Погребальный инвентарь некрополя в Широкой Балке // Население предгорий северо-западного Кавказа в римскую эпоху: по материалам некрополя в Широкой Балке / Отв. ред. А. А. Малышев. М.: ИА РАН, 2011. С. 242–303. (Некрополи Черноморья. Т. IV).

- Мордвинцева В. И., Трейстер М. Ю.* Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье 2 в. до н. э. – 2 в. н. э. Т. 1. Симферополь – Бонн: б. и., 2007. 308 с.
- Пуздровский А. Е.* Крымская Скифия II в до н. э. – III в. н. э. Погребальные памятники. Симферополь: Бизнес-Информ, 2007. 480 с.
- Пуздровский А. Е., Труфанов А. А.* Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2008 – 2014 гг. Симферополь: ИП Бровко А. А., 2016. 308 с.
- Сазонов А. А.* Могильник первых веков нашей эры близ хутора Городского // Вопросы археологии Адыгеи / Отв. ред. Д. Х. Мекулов. Майкоп: АНИИ ЭЯЛИ, 1992. С. 241–271.
- Скрипкин А. С.* Фибулы Нижнего Поволжья по материалам сарматских погребений // СА. 1977. №1. С. 100–120.
- Суботин Л. В., Дзиговский А. Н.* Сарматские древности Днестро-Дунайского междуречья. Вып. III. Курганные могильники Васильевский и Кубэй. Киев: ИА АН УССР, 1990. 48 с.
- Скалон К. М.* О культурных связях Восточного Прикаспия в позднесарматское время // АСГЭ. 1961. Вып. 2. С. 114–140.
- Трейстер М. Ю.* Золото Фанагории. Типологический, стилистический и хронологический анализ // Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 2 / Ред. В. Д. Кузнецов, М. Ю. Трейстер. М.: ИА РАН, 2015. С. 77–181.
- Федоров В. К.* Коленопреклоненные: необычное позднесарматское погребение из Южного Зауралья // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии / Отв. ред. Г. Г. Матишов, Л. Т. Яблонский, С. И. Лукьяшко. Ростов-на-Дону: б. и., 2011. С. 212–216. (Материалы и исследования по археологии Юга России. Вып. III).
- Храпунов И. Н., Казанский М. М.* Погребение №114 на могильнике Нейзац (Предгорный Крым) и древности кочевников Северного Причерноморья второй половины V – первой половины VI в. // КСИА. 2015. Вып. 238. С. 171–194.
- Хршановский В. А.* Погребения I – II вв. н. э. с краснолаковой керамикой из некрополя Илурата // Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье / Отв. ред. Д. В. Журавлев. М.: б. и., 1998. С. 77–85. (Труды ГИМ. Вып. 102).
- Шелов Д. Б.* Некрополь Танаиса (раскопки 1955 – 58 гг.) // МИА. 1961. №98. 95 с.
- Шелов Д. Б.* Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М.: Наука, 1972. 351 с.
- Bohme A.* Die Fibeln der Kastele Saalburg und Zugmantel // Saalburg Jahrbuch. 1972. 29. S. 5–112.
- Bucolova M.* Vase antice de sticla la Tomis. Constanta: Muzeul de archeologie Constanta, 1968. 173 pp.
- Exner K.* Die provinzialrömischen Emailfibeln der Rheinlande // Bericht der RGK. 1941. Bd. 29. S. 31–121.
- Feugère M.* Les fibules en Gaule méridionale, de la conquête à la fin du Ve siècle ap. J.-C. Paris: Ed. CNRS, 1985. 503 pp. (Suppl. 12 à la Rev. Arch. Narb.)
- Grossmann R. A.* Ancient Glass. A Guide to the Yale Collection. New Heaven – Connecticut: Yale University Art Gallery, 2002. 42 p.
- Guguev V. K.* Complex of the Gold Jewelry from Barrow 10 of the Kobiakov Pit Burial // International Symposium: Ancient Jewellery and Archaeology / Ed. A. Calinescu. Bloomington, 1991. P. 51–61.
- Hayes J.* Sigillate Orientali // Enciclopedia dell'Arte Antica. Classica e Orientalia. Atlante delle forme ceramiche. Roma: Istituto della Enciclopedia Italiana, 1985. 96 P.

- Hochuli-Gysel A., Nauli S., Siegfried-Weiss A.* Chur in römischer Zeit. Band II: A. Ausgrabungen Areal Markthallenplatz; B. Historischer Überblick. Basel: Verlag Schweizerische Gesellschaft für Ur- und Frühgeschichte, 1991. 501 S.
- Isings C.* Roman Glass from dated Finds. Djacarta – Croningen: J. B. Wolters, 1957. 185 P.
- Kuehnelt E.* Terra Sigillata aus Alma Kermen, Sudwest-Krim. Typologie, Datierung, Rohstoffgruppen der Pontischen Sigillata. Band 1: Text., Band 2: Anhang, Band 3: Tafeln. Berlin: Freien Universität, 2008. <https://refubium.fu-berlin.de/handle/fub188/13807> (дата посещения: 28.10.2019).
- Leljak M.* Roman glass vessels from the Croatian part of the province Pannonia // HAEMUS Jornal. 2012. Vol. 1. P. 121–133.
- Riha E.* Die römischen Fibeln aus Augst und Kaiseraugst. Die Neufunde seit 1975 // Forschungen in Augst. 1994. Band 18. 205 S.
- Rudolph W.* Ancient Jewellery from the Collection of Burton Y. Berry at the Indiana University Art Museum: Indiana University Press, 1996. 247 p.
- Simonenko A. V.* Römische Importe in sarmatischen Denkmälern des nordlichen Schwarzmeergebietes // A. Simonenko, I Marčenko, N. Limberis. Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern zwischen Unterer Donau und Kuban. Mainz: Verlag Phillip von Zabern, 2008. 626 s. (Archaeologie in Eurasien. Band 25).
- Thomas S.* Die provinzialrömischen Scheibenfibeln der römischen Kaiserzeit in freien Germanien // Berliner Jahrb. für Ur- und Frühgeschichte. 1966. 6. 119 S.
- Treister M. Yu.* Gold Vessels, Perfume Flasks and Pyxides from Sarmatia // Pontus and the Outside World. Studies in Black Sea History, Historiography and Archaeology. / Ed. C. Tuplin. Leiden – Boston – Köln: Brill, 2004. 288 P. (Colloquia Pontica 9).
- Volkov I. V., Guguev Yu. K.* A Late Sarmation Burial in Rostov-on-Don Cemetery // B. A. Raev. Roman Imports in the Lower Don Basin. Oxford: British Archaeological Reports, 1986. P. 73, 74 (BAR Intern. ser. 278).

С. И. Безуглов, Л. Ю. Нидзельницкая

Позднесарматский курган у станицы Мариинской на Дону

Ключевые слова: Подонье, Танаис, позднесарматская культура II – III вв., античные импорты, римская бронза, конский убор, фалары, военная аристократия

Резюме

В статье рассматриваются материалы, обнаруженные в богатом позднесарматском погребении, исследованном экспедицией ЗАО «ОКН-проект» летом 2017 г. в составе курганной группы «Большевик II», располагавшейся на правом берегу Дона, в 200 км к ВСК от г. Ростова-на-Дону. Выразительный инвентарь позволяет датировать комплекс концом II – началом III вв. н. э. и отнести его к группе «всаднических» погребений позднесарматской элиты. Импортные вещи (бронзовый ковш, фрагменты серебряной ложки и стеклянного стакана) свидетельствуют о тесных связях степного Подонья с располагавшимся в устье Дона очагом оседлой культуры, центром которого был подвластный царям Боспора Танаис. Богатые погребения того же времени и культурного типа были обнаружены в этом районе и ранее. Можно предполагать, что в эту эпоху здесь располагалась мощная и влиятельная группа кочевников, в которой ведущую роль играла прослойка профессиональной воинской знати.

Sergei Bezuglov, Larisa Nidzel'nitskaia

A Late Sarmatian Barrow at Mariinskaia Cossack Village in the Don Area

Keywords: Don area, Tanais, Late Sarmatian culture in the second and third century, Greco-Roman imports, Roman bronze ware, horse tack, phalerae, military elite

Abstract

This paper addresses the materials of a rich Late Sarmatian grave excavated by a team of the OKN-Project, CJSC in summer 2017, within the Bolshevik II barrow group, which was located on the right side of the Don, 200 km east-north-east of the city of Rostov-on-Don. According to the informative grave goods, this assemblage dates from the late second to early third century AD; it was related to the group of the so-called horse-riders' graves of the Late Sarmatian elite. The finds of imported artefacts (a bronze scoop and fragmented silver spoon and glass tumbler) inform of the steppe Don area's close ties with the nest of settled culture in the Don estuary which centre was the town of Tanais subordinated to the Bosporean kings. There also are rich graves of the same chronology and same cultural type discovered in the area in questions in previous years. One can suppose that in the period in question there lived an important and influential nomadic group, where the leading role was plaid by professional military elite.

В июле-августе 2017 г. отряд ЗАО «ОКН-проект» проводил раскопки курганов в зоне проектируемого строительства участка высоковольтной линии, идущей от Ростовской АЭС в северо-западном и западном направлении. Исследованная курганная группа была выявлена в 2002 г.

на пахотных землях ныне реорганизованного колхоза «Большевик» и находилась в 4,7 км к северу от ст. Мариинской Константиновского района Ростовской области, на высоком правом берегу р. Дон (рис. 1). В государственной учетной документации группа была поименована как

«Большевик II». Она состояла из 4 насыпей — двух довольно крупных, сооруженных в эпоху бронзы (курганы №№1–2), одной небольшой, неясной хронологической позиции (№4), и одной позднесарматской (№3). Именно последней посвящена предлагаемая статья.

Насыпи располагались достаточно компактно, в линию, по оси ЗСЗ – ВЮВ, на доминирующей водораздельной возвышенности (рис. 4), в южную сторону от которой начиналось пологое понижение в сторону коренного берега р. Дон, в северную и северо-западную — понижение к отрогам, составляющим исток крупной балки Малой

Вербовой, а в восточную и юго-восточную — плавное понижение в сторону балки Бекреневской, подходящей к коренному донскому берегу через ст. Камышевскую (рис. 2; 3).

Курган 3. Располагался на пахотном поле, между крупными курганами №№ 1 и 2. Представлял собой небольшую, сильно распаханную возвышенность, полы которой плавно сливались с поверхностью современного поля (рис. 7, 1). Высота кургана — 0,57 м, диаметр — 32 м. В кургане исследованы 2 объекта — не потревоженное погребение и разрушенная яма (рис. 5).

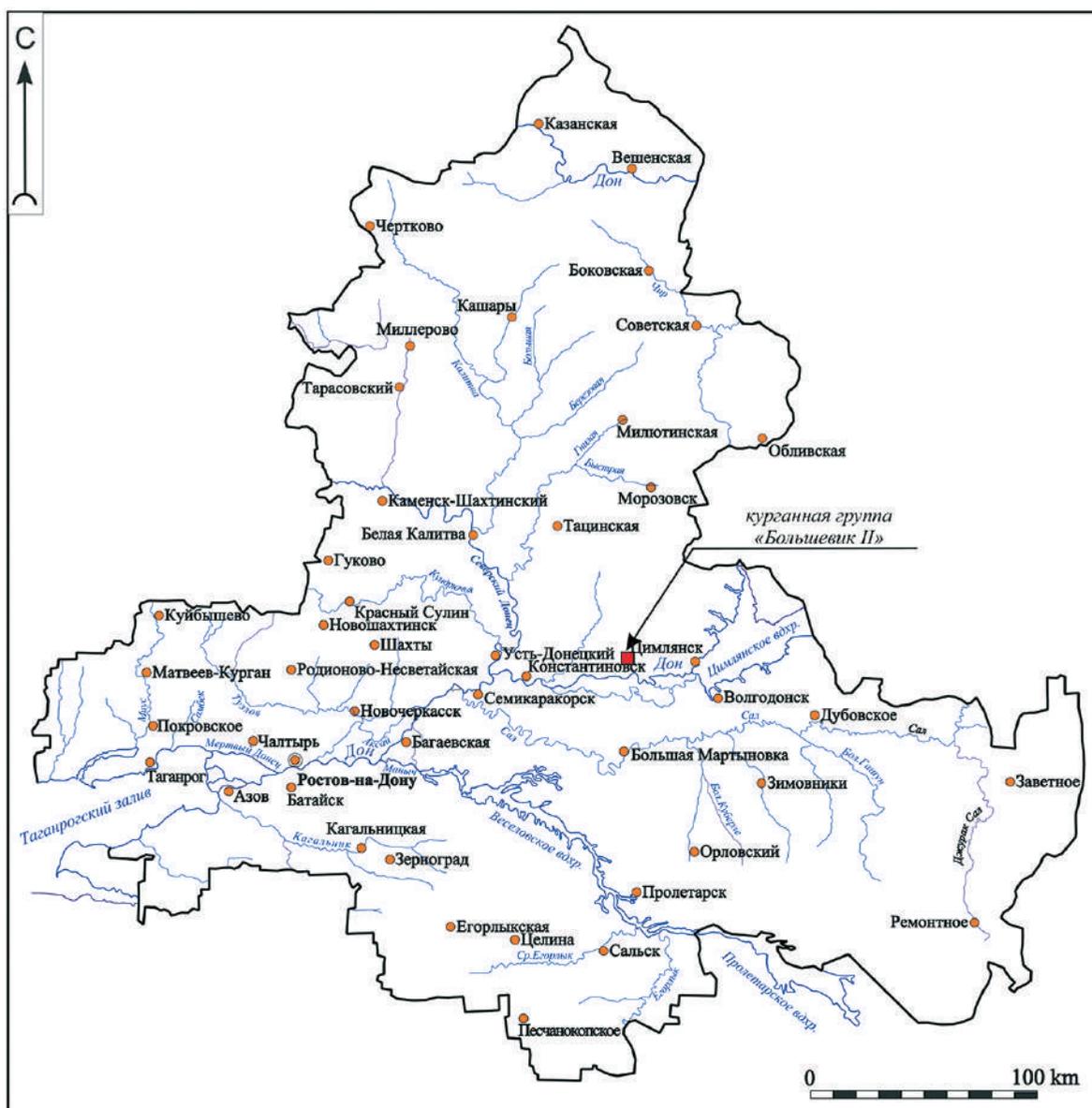

Рис. 1. Курганная группа «Большевик II» на карте Ростовской области

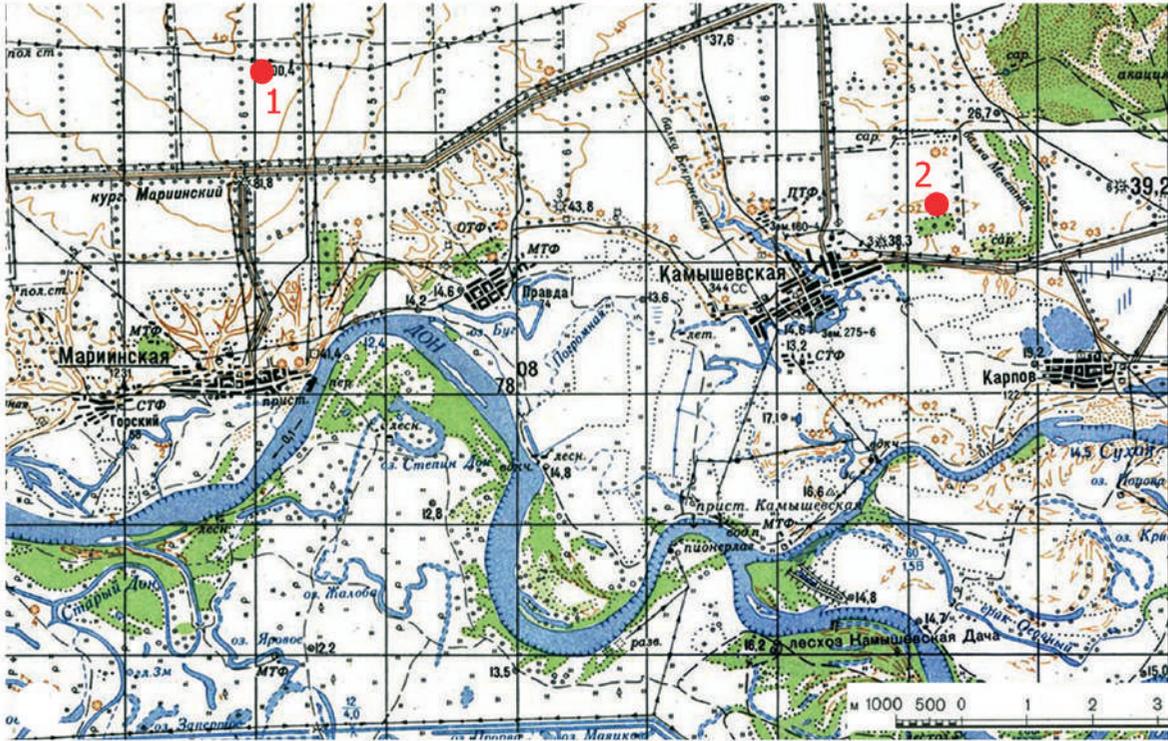

Рис. 2. Схема расположения курганных групп: 1 — «Большевик II», 2 — «Камышевский I»

Погребение 1. Располагалось в ЮЗ секторе, в 6 м к югу от центра кургана (до СВ края); его восточный край входил в бровку. Глубина — 1,92 м от Р0. Подбойная могила, ориентированная по линии В–3 (рис. 6; 7, 2).

Входная яма в плане имела форму неправильного удлинённого овала, ориентированного по линии В–3. Стенки неровные, сильно повреждены грызунами. Северная продольная стенка входной ямы рухнула вместе со сводом камеры и не могла быть прослежена. Протяженность входной ямы по продольной оси — 2,06 м.

Камера была сооружена в продольной северной стенке входной ямы во всю ее длину и отделялась от нее наклонной ступенькой высотой 0,45 м. Наклон ступеньки от южной стенки входной ямы до ее края в центральной части составлял 0,04 м. В плане ступенька имела легкий

дуговидный изгиб; она также повреждена норами грызунов. Камера в плане имела форму неправильного вытянутого овала, расширенного в восточной части и зауженного в западной. Ее протяженность по дну 2,12 м, ширина в восточной части — 0,67 м, в западной — 0,40 м.

На дне камеры обнаружен скелет взрослого человека (мужчина 40–50 лет)¹, лежавший вытянуто, на спине, головой на восток. **Череп с искусственной деформацией** слегка повернут лицевой частью влево (в южную сторону), возможно, случайно, в процессе распада мягких тканей. Позвоночник прямой, правая рука вытянута вдоль скелета, левая кистью уложена на левое крыло таза. Ноги сведены в районе пяточных костей. Между костями правой руки и ноги и северной стенкой камеры прослежен белесый тлен.

¹ «Искусственная деформация черепа. Диастема между верхними первыми резцами. Зубной камень. Прижизненная утрата нижних вторых коренных зубов. Травма мозгового черепа — следы ранения лобной кости, нанесенные рубящим орудием. Периаостит левой теменной кости — следы воспалительного процесса. Травма правого локтевого сустава. Артроз, деформирующий артроз грудино-ключичных суставов. Спондилез» (определение Е. Ф. Батиевой).

Рис. 3. Космическая съемка местоположения курганных групп «Большевик II» и «КамышевскийI»

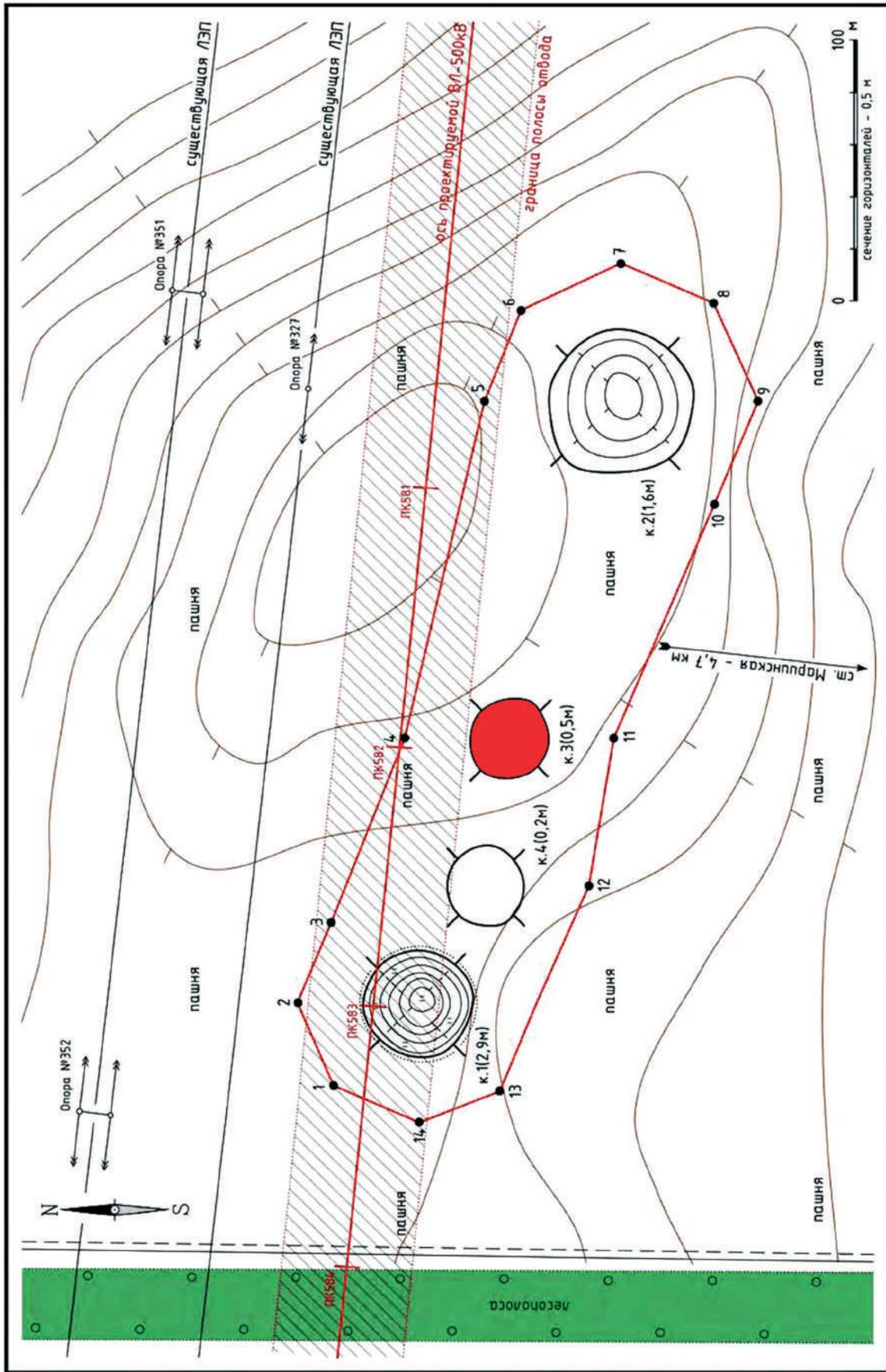

Рис. 4. План курганной группы «Большевик II». Курган 3 выделен красным цветом

Инвентарь погребения:

- К Ю и ЮЮВ от левого плечевого сустава погребенного, между ним и ступенькой подбоя найдены два комплекта серебряных ременных принадлежностей: пара пряжек и пара наконечников ремней (рис. 6, 1, 2; 7, 1–4; 9, 1–4).

1. Пряжки с прямоугольными рамками и прямоугольными щитками (рис. 8, 1, 2; 9, 1, 2)². Края рамок (кроме основания) скошены, с тыльной стороны рамки слегка вогнуты и имеют следы проковки. На щитках петли для удержания рамок выделены с внешней стороны уступчиками. Нижняя (тыльная) часть щитков также со следами проковки, овальных очертаний. Язычки прогнуты и расплющены в средней части таким образом, что образуют овальные площадки. С ремнем щитки соединялись с помощью серебряного штифта с выступающей на лицевую сторону полусферической головкой. Размеры пряжек со щитками — 3,3x1,9 см, рамок — 2,1x1,5 см.

2. Пластинчатые наконечники ремней, один из коротких концов которых срезан прямым углом, а второй оформлен в виде смягченного тупого угла; в профиле слегка изогнуты (рис. 8, 3, 4; 9, 3, 4). У прямоугольного конца — серебряные заклепки, крепившие с тыльной стороны прямоугольные серебряные пластинки, зажимавшие ремни. В верхней трети на лицевой стороне — имитация соединения обоймы и пластинчатой подвески двусоставного наконечника, выполненная глубокой врезной линией. Нижние половины наконечников по краю украшены продольными срезами-фасетками. Пластинки с тыльной стороны — со следами проковки, в верхней части крепились заклепкой, а в нижней — пайкой. Индивидуальные характеристики наконечников: 1) 5,2x1,2–1,3 см, пластинка с тыльной стороны — 2,4x1,2 см (рис. 8, 3; 9, 3); 2) 5,1x1,2–1,3 см, пластинка — 2,3x1,2 см, продольная фасетка с левой стороны не обозначена (рис. 8, 4; 9, 4).

- Здесь же лежала бронзовая одночленная лучковая подвязная фибула с четырехвитковой пружинной и фигурной обмоткой дужки — сплошной в сочетании с серпантинном (рис. 6, 3; 8, 5; 9, 7). Завязка фрагментирована. Длина фибулы — 6,6 см, высота дужки — 2,8 см, ширина ножки — 0,5 см.

- У левой плечевой кости, к югу от нее обнаружен фрагмент серебряной ложки — выпукло-вогнутый черпачок овальной формы (рис. 6, 4; 8, 6; 9, 8). Фрагмент тонкий, металл слоистый, грубо затерт в древности; внутренняя (вогнутая) поверхность покрыта многочисленными беспорядочными царапинами и мелкими вмятинами. В месте перехода к рукояти ложка грубо обломана. Размеры — 4,7x3,8 см.

- В районе левого плечевого сустава погребенного собраны мелкие фрагменты стеклянного сосуда, практически в состоянии стеклянной крошки. Размеры двух самых крупных фрагментов — 2,4x2,0 и 2,9x1,3 см (рис. 15, 12). Достоверно форма и размеры сосуда не восстанавливаются. Первый из больших фрагментов представляет собой обломок верхней части открытого сосуда с отогнутым наружу, слегка изогнутым и приподнятым краем. На некоторых обломках различается тонкая сдвоенная гравированная линия, горизонтально проходившая по тулову сосуда. Стекло прозрачное, бесцветное.

- У левого локтевого сустава, вплотную к нему, лежали 2 серебряные бусины (рис. 6, 5):

1 — округлая пустотелая, с одной стороны уплощена, протерта в уплощенной части (рис. 8, 7; 9, 5). Размеры — 2,0x2,1x2,3 см. Отверстие округлое, диаметром 1,1 см.

2 — овальных очертаний, с продольным отверстием, 8-гранная в сечении, с четко обозначенными ребрами (рис. 8, 8; 9, 6). Внутри сохранилась мастика — плотная белесая масса. Размеры — 3,1x2,2x2,0 см, отверстие овальное, 1,1x0,8 см.

² Все рисунки вещей из кургана 3 выполнены А. И. Мищенко.

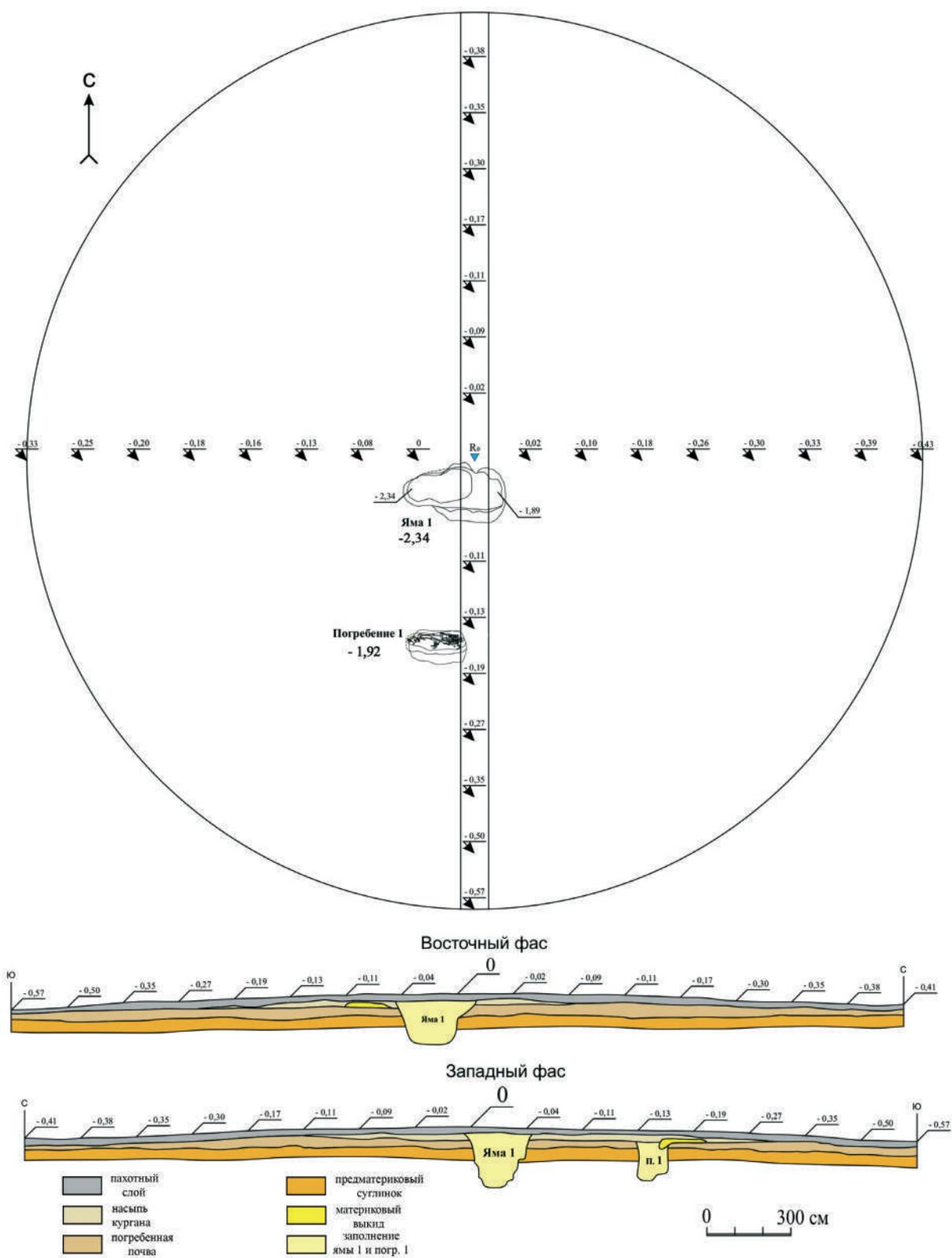

Рис. 5. «Большевик II». План кургана 3

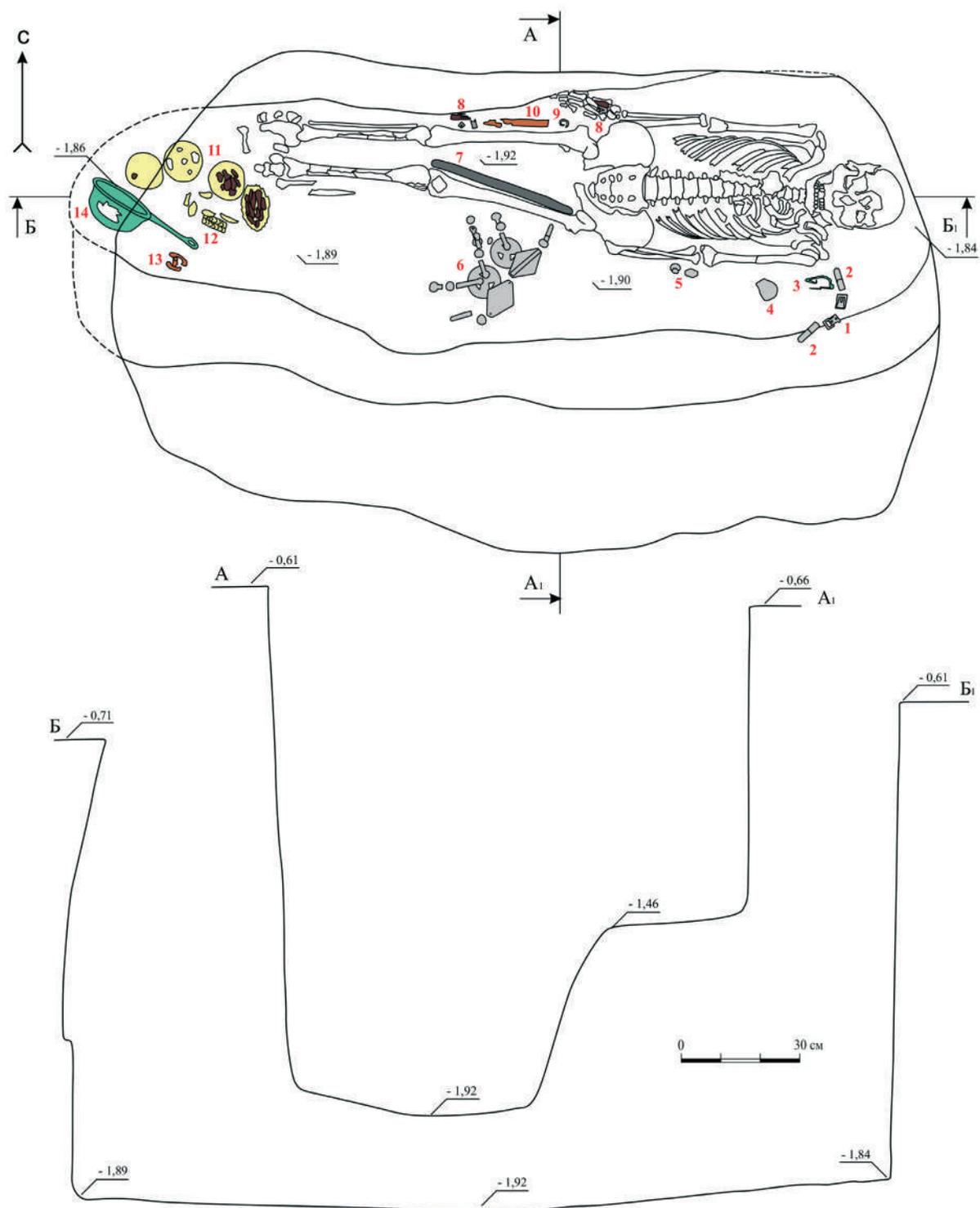

Рис. 6. «Большевик II», курган 3. План погребения 1. 1 — пряжки, 2 — наконечники ремней, 3 — фибула, 4 — фрагмент ложки, 5 — бусины, 6 — уздечный набор, 7 — оселок, 8 — остатки плоти, 9 — скобочка, 10 — кинжал и нож, 11 — фалары, 12 — накладки сбруйных ремней, 13 — пряжки, 14 — ковш (1, 2, 4, 5, 9 — серебро, 3, 14 — бронза, 6 — серебро, бронза, 7 — камень, 8 — дерево, серебро, 10, 13 — железо, 11, 12 — золото, дерево, бронза, кожа)

• Между левой бедренной костью погребенного и ступенькой подбоя обнаружен **узdechный набор** (рис. 6, б), состоявший из следующих деталей:

1) пары выпукло-вогнутых пластинчатых серебряных колесовидных псалиев (рис. 10, 1, 2; 11, 1, 2). Внешняя (выпуклая) сторона заглажена, покрыта многочисленными мелкими царапинами. В центре — круглое отверстие, в котором сохранились следы ржавчины и фрагменты железных стержней внешних концов удил. На поверхности — три треугольных прорези, обращенные вершинами к центру и расположенные под углом 120° друг к другу. С тыльной стороны металл в нескольких местах расслоен. По внешнему периметру обоих псалиев с тыльной стороны припаяна кольцевидная бронзовая полоска шириной 0,5 см со сведенными внахлест концами; нахлест составлял 2 см.

Псалий 1 (рис. 10, 1; 11, 1): диаметр 8,5 см, размер прорезей — 2,3x1,4 см, диаметр отверстия в центре — 0,9 см, диаметр бронзового кольца с тыльной стороны — 8,5 см. В центральной отверстии — небольшой фрагмент железного стержня.

Псалий 2 (рис. 10, 2; 11, 2): диаметр 8,4 см, размер прорезей — 2,3x1,3 см, диаметр отверстия в центре — 0,8 см, диаметр бронзового кольца с тыльной стороны — 8,4 см. С внешней стороны у отверстия прикипел фрагмент железного кольца. С тыльной стороны вокруг отверстия металл интенсивно потерт, размеры потертости — 2,1x1,8 см.

2) двух пар разновеликих зажимов узdechных ремней — длинных и коротких (рис. 10, 3–6; 11, 3–6).

Длинные зажимы — довольно массивные узкие серебряные пластины с округлой головкой с отверстием для петли удил; слегка расширяются к скошенному торцу. Прилегающая к головке половина пластины по краям украшена продольными срезами-фасетками. С тыльной стороны — бронзовые прижимные пластинки, крепившиеся к зажимам с помощью пайки и двух сере-

бряных штифтов.

Зажим 1 (рис. 10, 3; 11, 3): общая длина — 7,3 см, размеры головки — 1,6x1,6 см, размеры отверстия в ней — 0,7x0,8 см, ширина пластины у головки — 1,1 см, у торца — 1,2 см, длина бронзовой пластинки с тыльной стороны — 3,1 см.

Зажим 2 (рис. 10, 5; 11, 5): общая длина — 7,3 см, размеры головки — 1,5x1,7 см, в отверстии — фрагмент железного кольца, ширина пластины у головки — 1,1 см, у торца — 1,2 см, длина бронзовой пластинки с тыльной стороны — 3,4 см.

Короткие зажимы — округлая головка с отверстием для железных колец, переходящая в удлиненную пластину. Все края пластины скошены, с тыльной стороны — бронзовые прижимные пластинки, крепившиеся с помощью пайки и двух серебряных штифтов, заполированных с лицевой стороны (рис. 10, 5, 6).

Зажим 1 (рис. 10, 4; 11, 4): общая длина — 5,4 см, диаметр головки — 1,6 см, диаметр отверстия в ней — 0,8 см, ширина зажима — 1,1 см, размеры бронзовой пластинки с тыльной стороны — 4x1 см. В отверстии зажима — железное кольцо: диаметр — 2,2 см, сечение — 0,5 см.

Зажим 2 (рис. 10, 6; 11, 6): форма аналогична короткому зажиму 1, но в древности он был сломан и отремонтирован. Общая длина — 5 см, размеры головки — 1,5x1,6 см, диаметр отверстия в ней — 0,8 см. Прилегающая к головке часть пластины длиной 0,9 см была обломана. Сверху внахлест наложена серебряная пластина размерами 3,8x1 см, грубо, со смещением скрепленная с головной частью крупной медной заклепкой. Фасетировка на добавленной части зажима отсутствует. С тыльной стороны — бронзовая прижимная пластинка размерами 4x1 см, скреплявшаяся с зажимом тремя заклепками — двумя серебряными и одной медной. У головки зажима на бронзовой пластинке — лишнее, неиспользованное отверстие. В отверстии головки — фрагмент железного стержня.

3) две пары пластинчатых серебряных блях ромбической формы (рис. 12, 1, 2; табл. 13, 1, 2). Внешняя поверхность слегка выпуклая, тщательно отполирована, края отогнуты книзу. У краев по длинной оси блях — отверстия, в которых закреплены бронзовые штифты, удерживавшие с тыльной стороны удлиненные прямоугольные бронзовые пластинки, прижимавшие бляхи к уздечным ремням. У отверстий на лицевой стороне блях — круговые потертости диаметром ок. 0,8 см и ряды мелких продольных царапин.

Бляха 1 (рис. 12, 1; 13, 1): размеры — 10,5x7,3 см, размеры бронзовой пластинки с тыльной стороны — 10,4x1 см, высота штифтов — 0,8 и 1 см.

Бляха 2 (рис. 12, 2; 13, 2): размеры — 10,2x7,3 см, размеры бронзовой пластинки с тыльной стороны — 10x1 см, высота штифтов — 0,9 см.

4) здесь же, в скоплении уздечных деталей найдены две серебряные пластинчатые подвески с прямоугольным выступом в верхней части. Обе подвески овальной формы, их внешняя поверхность отполирована, с тыльной стороны — бронзовые подкладки, полностью повторяющие контуры подвесок. Их нижняя (овальная) часть по всей площади припаяна к подвескам; прямоугольная часть отходит под углом от подвески, образуя щель для крепления ремня. Помимо пайки, с подвесками подкладки крепились с помощью 1 серебряной заклепки, пропущенной сквозь отверстие в прямоугольном выступе. Индивидуальные характеристики подвесок:

Подвеска 1 — общая высота 3,3 см, размеры овальной части — 2,6x1,9 см, прямоугольного выступа — 1,4x1 см (рис. 12, 3; 15, 1).

Подвеска 2 — общая высота 3,3 см, размеры овальной части — 2,5x2 см, прямоугольного выступа — 1,3x1,1 см (рис. 12, 4; 15, 2).

5) две пары серебряных пластинчатых наконечников ремней с гравированной ими-

тацией соединения обоймы и пластинчатой подвески (рис. 14, 1, 2; 15, 3, 4). Они очень похожи на наконечники, обнаруженные у левого плеча погребенного (см. выше, рис. 8, 3, 4; 9, 3, 4) и отличаются от них рядом мелких деталей:

— прижимные пластинки с тыльной стороны — бронзовые;

— ниже врезной имитации соединения обоймы и подвески продольные стороны наконечников украшены фасетками-зубчиками, а еще ниже — продольными срезами.

Индивидуальные характеристики наконечников:

1. 5,6x1,1–1,0 см, по краям — по 4 зубчика-фасетки, пластинка с тыльной стороны — 2,1x1,0 см (рис. 14, 1; 15, 3);

2. 5,5x1,1–1,0 см, справа — 5 зубчиков-фасеток, слева едва различаются 2, пластинка — 2x1,1 см (рис. 14, 2; 15, 4).

6) между псалиями и левой бедренной костью обнаружено массивное овальное, слегка утолщенное в передней части бронзовое кольцо (рис. 14, 3; 15, 5). Закреплено в пластинчатой обойме из согнутой вдвое серебряной пластины. Обойма охватывает кольцо широкой петлей, для которой в его основании специально выделены уступчики. Лицевая часть обоймы овальной формы, отделена от петли для удержания кольца едва намеченными уступами. С тыльной стороны обойма прямоугольная, по ширине равна петле, охватывающей основание кольца. С ремнем обойма скреплялась с помощью одной заклепки, пропущенной через ее центр. Размеры бронзового кольца — 2,5x2 см, сечение — 0,7 см, размеры лицевой стороны серебряной обоймы с петлей — 2,2x1,5 см, ширина обоймы с тыльной стороны — 1,2 см.

7) здесь же обнаружена небольшая серебряная пряжка с овальной рамкой, прямоугольным щитком из согнутой вдвое пластины равномерной ширины и железным язычком. Рамка круглая в сечении, слегка утолщена в передней части, щиток узкий, петли для удержания рамки не выделены

Рис. 7. 1 — Курганная группа «Большевик II», курган 3, вид с В; 2 — «Большевик II», курган 3, погр. 1, вид с ЮЮВ, 3 — погр. 1. Деталь. Кинжал и остатки плети, вид с Ю, 4 — погр. 1. Деталь. Предметы конского убора *in situ*, вид с Ю

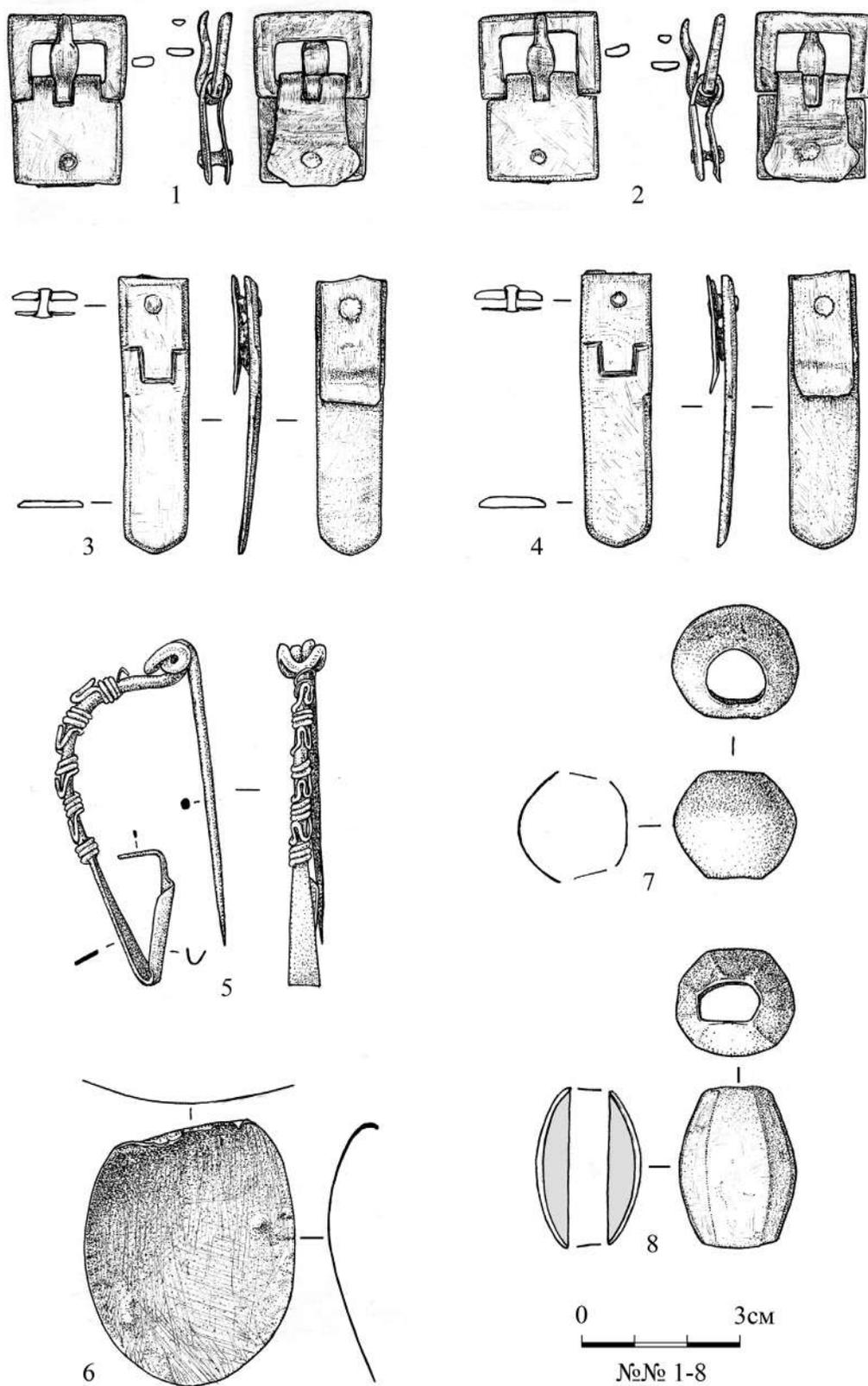

Рис. 8. «Большевик II», курган 3. Вещи из погребения. 1, 2 — пряжки, 3, 4 — наконечники ремней с гравировкой, 5 — фибула, 6 — фрагмент ложки, 7, 8 — бусы (1-4, 6, 7 — серебро, 5 — бронза, 7, 8 — серебро, мастика)

с внешней стороны. Язычок прямоугольный в сечении, слегка прогнут в средней части, сужается к острию, явно поставлен взамен утраченного изначального. Размеры рамки — 1,6x2 см, щитка — 2,2x1 см (рис. 14, 4; 15, 6).

8) в скоплении уздечных деталей, в разных позициях обнаружено 6 бус, изготовленных из серебряной пластины высокой пробы. Все бусины округлые, уплощенные с одной стороны; продольное отверстие смещено к уплощенной стороне. Бусы плохой сохранности, на некоторых различаются вмятины, металл кристаллизован и сильно поврежден коррозией. Во всех бусинах сохранились остатки мастики — белесой плотной пасты, заполнявшей их внутреннее пространство кроме отверстия для ремешка. Индивидуальные характеристики бусин:

8.1) сильно корродирована, разорвана в уплощенной части; на поверхности — вмятины, полученные в процессе использования, 2,6x2x2,2 см (рис. 14, 5; 17, 1);

8.2) сильно корродирована, уплощенная часть практически утрачена, несколько вмятин на поверхности, 2x2,3x1,9 см (рис. 14, 6; 17, 2);

8.3) подобна бусине 2, но больше вмятин, 2,1x2,3x2,1 см (рис. 14, 7; 17, 3);

8.4) отверстие в уплощенной части, 2,1x2,3x2,1 см; отверстие для ремня — 1,1x1 см (рис. 14, 8; 17, 4);

8.5) деформирована, разорвана, фрагментирована в уплощенной части, 2x2,6x2,2 см (рис. 14, 9; 17, 5);

8.6) одна из наиболее сохранных, 2x2,4x2,2 см, отверстие для ремня — 1,3x1,1 см (рис. 14, 10; 17, 6);

8.7) у одного из псалиев лежала уплощенно-биконическая бронзовая пронизь с выраженным ребром. Диаметр — 1,85 см, высота — 0,9 см, диаметр отверстия — 0,7 см (рис. 14, 11; 15, 10).

8.8) среди уздечных деталей были обнаружены 2 маленькие фрагментированные С-видные серебряные скобочки сегментовидного сечения с уплощенными

концами (рис. 16, 4, 5; 15, 9а-б).

- Вдоль левой бедренной кости, вплотную к ней, с внутренней стороны бедра лежал оселок — удлиненный, прямоугольный в сечении камень, тщательно заглаженный и плавно сужающийся к концам (рис. 6, 7). Вырезан из плотной, мелкозернистой породы слоистой структуры с красноватыми прожилками, длина — 39,2 см, сечение в средней части — 2,8x1,8 см (рис. 16, 1; 17, 12).

- Под правой кистью погребенного обнаружено скопление золотых нитей — тлен парчи. Это тончайшие полоски листового золота, изначально свитые в спиральки вокруг истлевших нитей. Часть их вытянута, часть сложена «гармошкой» (рис. 15, 11).

- Между северной стенкой камеры подбоя и правой бедренной костью погребенного, вплотную к последней лежал небольшой железный кинжал (рис. 6, 10; 7, 3). Клинок двулезвийный, линзовидного сечения, разорван и деформирован коррозией. Лезвия плавно сходятся к острию. Черенок рукояти фрагментирован, изначально прямоугольный в сечении. На обеих плоскостях клинка — следы продольных древесных волокон — остатки ножен (рис. 16, 2; 17, 10). Общая сохранившаяся длина кинжала — 19,2 см, длина клинка — 16 см, ширина клинка у основания — 3,4 см.

- Под кинжалом обнаружен железный нож с прямой спинкой и удлиненно-трапециевидным черенком рукояти. Клинок в сечении клиновидный, плавно сужается к острию. Черенок также сужается к округленному концу. На черенке и на клинке — древесный тлен (рис. 16, 3; 17, 11). Общая длина ножа — 15,5 см, длина клинка — 11,2 см, черенка — 4,4 см, ширина клинка в средней части — 1,9 см, ширина черенка — 1,6 см.

- К северу от правой бедренной кости погребенного, вдоль нее обнаружены остатки плети (рис. 6, 8). Сохранились лишь верхняя и нижняя ее части, окованные металлом (рис. 16, 7). Плеть была уложена поверх вышеописанных кинжала и ножа.

Верхняя часть плети лежала у правого коленного сустава. Сохранился фрагмент рукояти — круглая в сечении, треснувшая вдоль палочка, покрытая корой (длина — 4,6 см; рис. 15, 7) и остатки сильно поврежденной коррозией серебряной пластинчатой обоймы, крепившей к рукояти несохранившуюся ременную часть плети.

Судя по фрагментам, обойма имела 8-образные очертания с заведенными внахлест концами и крепилась к рукояти с помощью пропущенного сквозь нее продольного штифта. Ширина обоймы — 1,3 см. В треснувшей палочке рядом с первым отверстием было проделано второе, параллельное ему.

Нижняя часть рукояти плети обнаружена поверх правой кисти погребенного. Она представляла собой фрагмент сильно истлевшей палочки, обернутой вокруг серебряной пластинкой, свернутой в трубочку. Оковка сохранилась плохо, она сильно фрагментирована, была грубо пробита поперечным штифтом, скреплявшим ее с деревом.

- Между правой кистью и верхней частью правой бедренной кости найдена серебряная С-видная скобочка сегментовидного сечения с уплощенными концами (рис. 6, 9; 15, 8; 16, 6;). Ее размеры 1,35x1 см, ширина — 0,4 см.

- В западной части камеры, у стенки найден бронзовый ковш с плоской горизонтальной рукоятью, лежавший на боку, рукоятью к ЮВ (рис. 6, 14; 18, 1; 19). Тулово округлое, слегка сужающееся к плоскому дну, профилированному глубокими концентрическими окружностями. Округленный венчик нависает над краем. Рукоять заужена в средней части, вдоль длинных сторон профилирована двумя глубокими желобками. Окончание рукояти полукруглое, расширенное, с двумя прорезями — круглой, обведенной по периметру врезным желобком, и в виде трилистника. Венчик изнутри отчеркнут глубокой врезной линией; несколько едва намеченных горизонтальных линий различаются

и на наружной поверхности ковша. Дно ковша изнутри слегка выгнуто, покрыто концентрическими бороздками. Дно и придонная часть внутри ковша и наружная часть под венчиком сохранили отчетливые следы лужения — тонкого оловянного покрытия. Высота ковша — 9 см, диаметр венчика — 17,1 см, длина рукояти — 15,3 см, ее ширина у венчика — 6,2 см, в средней части — 2,5 см, у окончания — 5,7 см, диаметр дна — 10,6 см.

- Между костями стоп погребенного и описанным ковшом обнаружено скопление предметов конского убора (рис. 6, 11, 12):

- 1) 4 круглых фалара, два из которых — большего размера (диаметр 10,6–10,8 см), а два других — меньшего (диаметр 9,5 см). Все фалары выполнены в одной технике. Их основу составляли круглые деревянные диски с плоской тыльной и слегка выпуклой лицевой стороной. Сквозь деревянную основу фаларов с лицевой стороны на тыльную были пропущены бронзовые П-образные скобы, после чего лицевая сторона была плакирована золотой фольгой, крепившейся при помощи загиба краев. Скобки проступали сквозь обжимающую их фольгу на лицевой поверхности.

Плакировка двух фаларов (одного большего и одного меньшего) была гладкой. В двух других золотых обкладках — по 5 прорезей (1 в центре, 4 — крестообразно расположены вокруг центральной), в которых были закреплены стеклянные вставки. Фалары крепились к сбруйным ремням с помощью вышеописанных бронзовых скоб, свободные концы которых проходили сквозь ремни и были загнуты. Помимо этих скобок, у края фаларов крепились небольшие овальные, замкнутые с тыльной стороны петельки, к которым, вероятно, крепились дополнительные декоративные элементы конского убора. Все фалары лежали лицевой стороной вниз. Индивидуальные характеристики фаларов:

Фалар 1 — гладкий, большего диаметра (рис. 20, 1; 21, 1), лежал в западной части

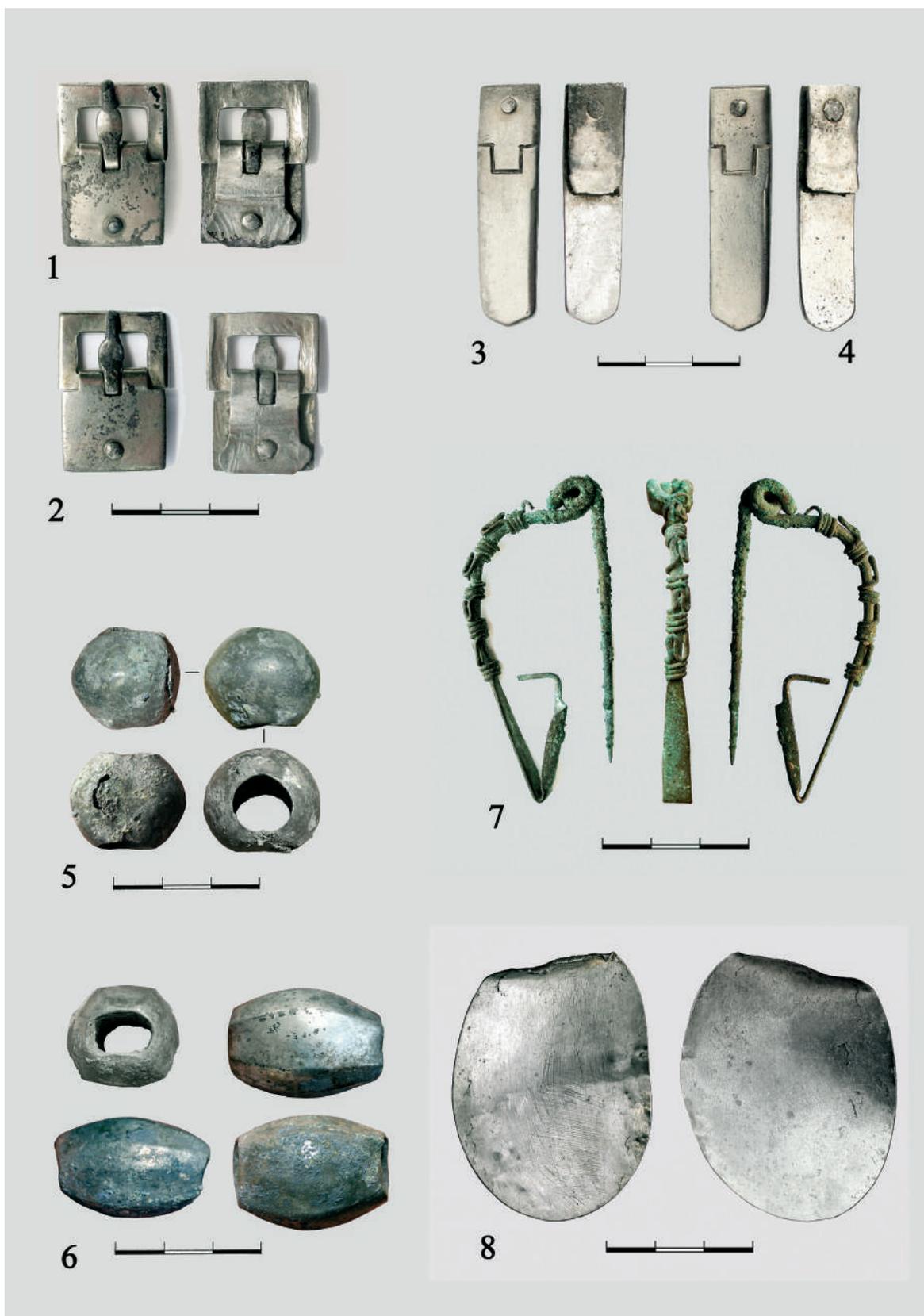

Рис. 9. «Большевик II», курган 3, погр. 1. Вещи у левого плеча: 1, 2 — пряжки, 3, 4 — наконечники ремней, 5, 6 — бусы, 7 — фибула, 8 — фрагмент ложки (1-6, 8 — серебро, мастика, 7 — бронза)

скопления предметов конского убора. От деревянной основы сохранился небольшой фрагмент с овальной скобкой. Золотая обкладка (диаметр 10,8 см) деформирована, с многочисленными надрывами и загибами у краев; на поверхности — многочисленные риски-расчесы и следы обжаты фольгой бронзовых скобок.

Фалар 2 — прорезной, большего диаметра (рис. 20, 2; 21, 2), лежал к востоку от фалара 1, частично перекрывая его край. От деревянной основы сохранились два фрагмента с П-образными скобами, концы которых загнуты. Обкладка (диаметр 10,6 см) также деформирована и надорвана. В центре — круглая прорезь с поднятыми краями (размеры — 1,1x1,2 см), по сторонам которой крестообразно расположены четыре прорези — три круглых и 1 квадратная. К фалару 2, вероятно, относятся две специально изготовленные вставки из синего стекла, в плане — неправильно-округлой формы, в сечении линзовидные. Их размеры — 0,6x0,6 см и 0,6x0,7 см.

Фалар 3 — прорезной, меньшего диаметра (рис. 20, 4; 21, 4), лежал в 1 см к востоку от фалара 2. Обкладка (диаметр 9,5 см) деформирована, надорвана; ветхие, оборванные ее края перекрыты двумя специально вырезанными полосками золотой фольги сегментовидных очертаний, на одном из которых различается оттиск бронзовой скобки. В центре — круглая прорезь с поднятыми краями (размеры — 1,3 см), по сторонам которой крестообразно расположены четыре прорези — пара круглых и пара каплевидных. Прорези одинаковой формы лежат друг против друга, каплевидные обращены заостренной частью к краю.

Как и у фалара 2, от деревянной основы сохранились два фрагмента с П-образными скобами, концы которых загнуты с тыльной стороны. На лицевой стороне обоих фрагментов, у скоб в дереве вырезаны углубленные круглые гнезда, в которых закреплены (вклеены?) стеклянные вставки (диаметр — 0,8 см) сегментовидного сече-

ния — с плоским основанием и выпуклой лицевой стороной.

По всей видимости, к фалару 3 относятся и две каплевидные стеклянные вставки, крепившиеся в прорезях золотой обкладки. Они, несомненно, изготовлены из осколков стенок сосудов из синего стекла; края их довольно грубо обломаны. Вставки (заостренный конец одной из них отбит) — выпукло-вогнутые, сохранили кривизну стенок сосуда, из которых были изготовлены.

Фалар 4 — гладкий, меньшего диаметра (рис. 20, 3; 21, 3), лежал к юго-востоку от фалара 3, вплотную к нему. Деревянная основа — наиболее сохранный из четырех. Сохранилась большая часть деревянного диска (9,8x6,3 см), по периметру которого на лицевой стороне выделен рельефный бордюр шириной 0,8 см, две П-образные и одна овальная скобки, а также фрагмент ремня на П-образной скобе (рис. 17, 7; 22, 1а-е). Ремень шириной 3,6 см с подвернутыми краями прошит несколькими рядами продольных стежков. Обкладка (диаметр — 9,5 см) с меньшим, чем у предыдущих экземпляров, количеством помятостей и надрывов. Как и у фалара 3, два ветхих края обкладки прикрыты сегментовидными полосками фольги.

2) две прямоугольные накладки из золотой фольги, украшенные тисненым орнаментом в виде паркета или елочки с продольными разделительными линиями. Обе примяты и надорваны. Размеры: 6,1x3 см (рис. 20, 5; 21, 5); 6,9x3,2 см (рис. 20, 6; табл. 21, 6).

3) в этом же скоплении обнаружены деформированные обкладки каплевидной (или листовидной) формы, а также обрывки и обрезки золотой фольги — аморфные и треугольные. Нет никаких сомнений, что они крепились к деревянной основе в той же манере, что и фольга фаларов — путем наложения на основу заплаток и обрезков. Поскольку эти детали, по большей части, смещены с мест изначального положения, их комплектация между собой в значитель-

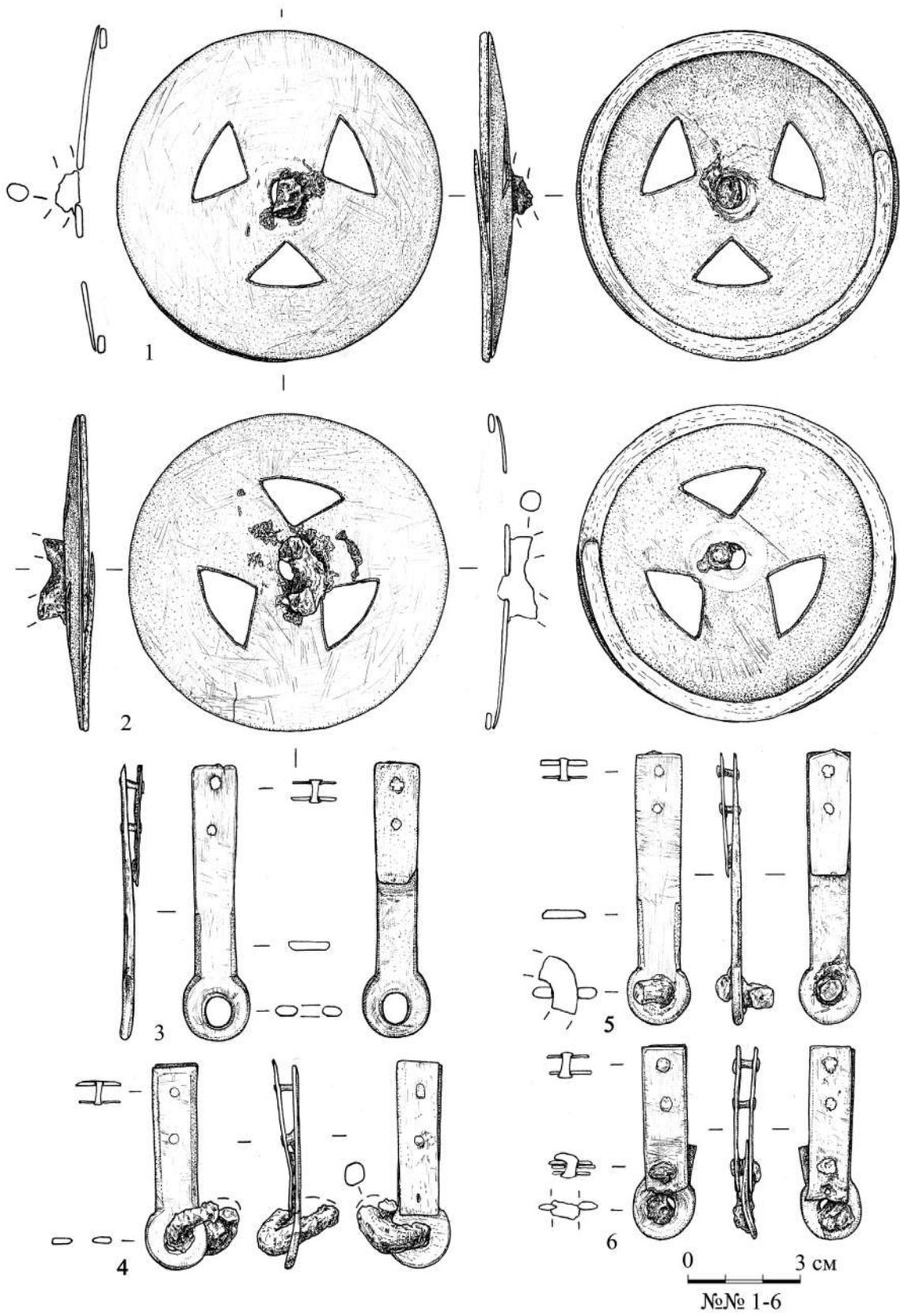

Рис. 10. «Большевик II», курган 3. Уздечные детали. 1, 2 — псалии, 3–6 — ременные зажимы (1, 2, 4–6 — серебро, бронза, железо, 3 — серебро, бронза)

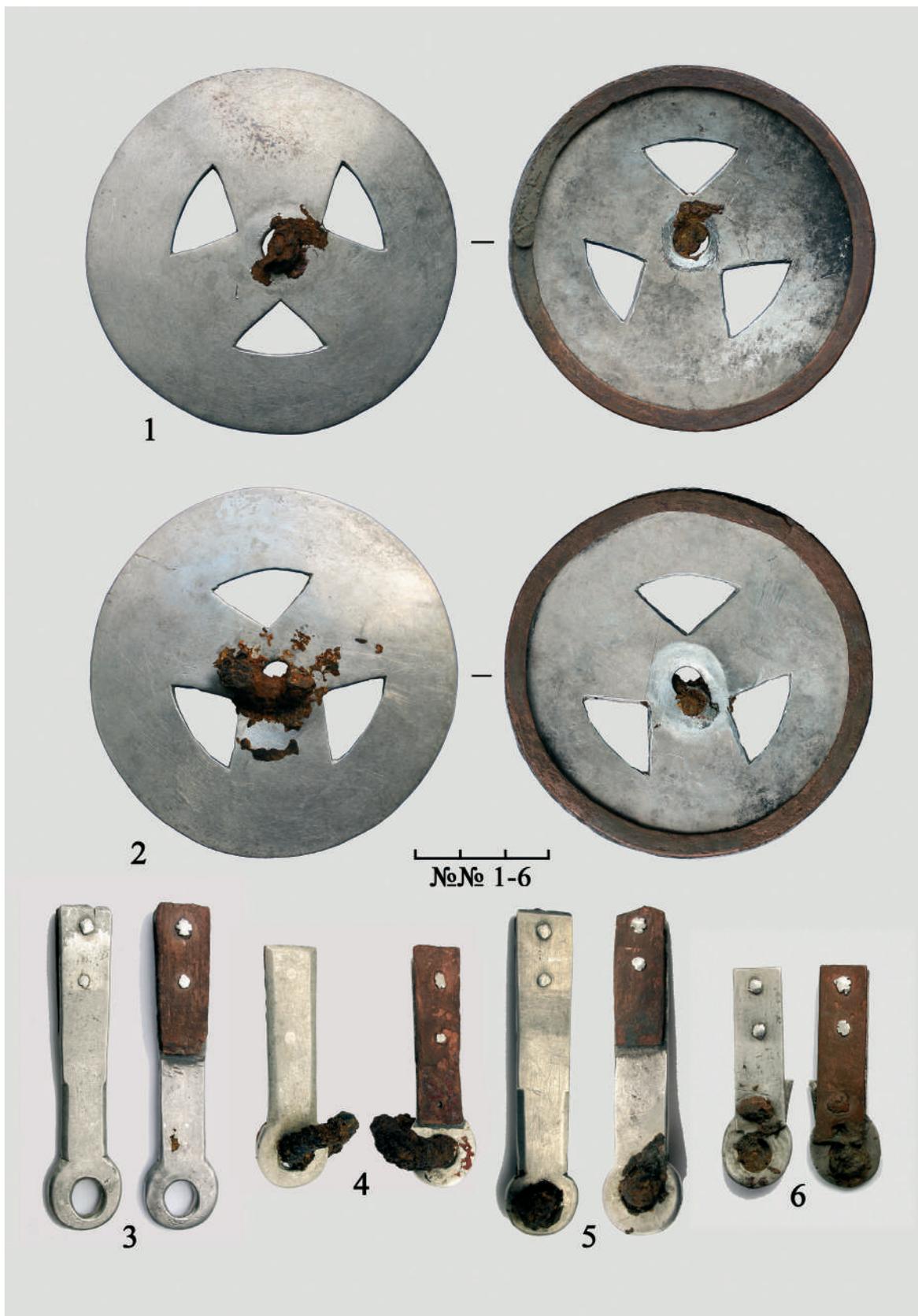

Рис. 11. «Большевик II», курган 3, погр. 1. Уздечные детали: 1, 2 — псалии, 3–6 — ременные зажимы (1, 2, 4–6 — серебро, бронза, железо, 3 — серебро, бронза)

ной степени предположительна. Тем не менее, подбор фрагментов по размерам, вмятинам и рискам на поверхности позволяет выделить наиболее вероятные сочетания основных обкладок и соответствующих им обрезков фольги.

- треугольная, слегка выпуклая, без следов загиба краев, с продольными рисками на поверхности, 4,1x2,3 см. Судя по габаритам и совпадению вмятин, ей соответствует обрезок фольги сегментовидной формы размерами 2,3x1,7 см (рис. 20, 7; 21, 8);

- удлинено-каплевидных очертаний, деформирована, края по периметру загнуты, поверхность выпуклая, зауженный край слегка загнут набок, 4,5x1,9 см (рис. 20, 8; 21, 9);

- каплевидная, смята, деформирована, округлый расширенный край оборван, в нынешнем состоянии — 3,5x2,2 см. Возможно, к ней подбираются три аморфных обрывка золотой фольги и один из обрезков треугольных очертаний размерами 2x1,1 см (рис. 20, 9);

- удлиненная, у одного конца — обжата по фольге выпуклина со следами медных окислов с тыльной стороны, 4,8x1,9 см. Сохранился соответствующий этой обкладке фрагмент деревянной основы с бронзовой скобой, выступающая верхняя часть которой и была обжата по фольге. Возможно, к этой обкладке относится обрезок фольги треугольной формы размерами 3x2 см (рис. 20, 10; 21, 7).

4) среди описанных предметов конского убора обнаружены следующие мелкие металлические предметы:

а) небольшие полусферические бляшки (4 целых, 4 фрагмента). Со следами припоя с тыльной (вогнутой) стороны. Среди целых — 1 серебряная и 3 бронзовых:

— серебряная, диам. 8 мм (рис. 22, 5);

— бронзовая, диам. 9 мм (рис. 22, 6);

— бронзовая, диам. 1,2 см (рис. 22, 7);

— бронзовая, диам. 1,3 см, с небольшой закраиной (рис. 22, 8).

Из 4 фрагментов 2 без закраины, 2 — с закраиной.

б) по всей видимости, вышеописанные бляшки крепились на скобках (4 экз., высота — 0,8–1,3 см), небрежно согнутых вдвое из бронзовой полоски. Концы их разогнуты в стороны, на одной сохранился фрагмент кожи.

в) 2 фрагмента тонких бронзовых пластинок, один — с отверстием у края, 1,6x1,2 см.

г) бронзовая пластинка, слегка сужающаяся к зауженному концу; длина — 1,9 см, сечение — 0,15x0,25 см. Более всего напоминает обломленный язычок небольшой пряжки.

д) пластинчатая бронзовая обойма 8-видных очертаний; свободные концы сведены внахлест, сквозь обойму по продольной оси пропущен штифт (рис. 22, 9). Совершенно аналогична 8-видным обоймам плетей, но значительно меньше размерами. Размеры — 1,1x1,3 см, ширина пластины — 0,9 см.

е) две скобы из узкой уплощенной бронзовой пластинки:

1 — П-образная, с загнутыми внутрь кончиками, 2,6x1,8 см (рис. 22, 10)

2 — деформирована, концы также загнуты, 2,3x1,3 см (рис. 22, 11)

ж) небольшой прямоугольный щиток серебряной пряжки из согнутой вдвое пластинки со следами сильной изношенности. Петли для удержания рамки перетерты в результате использования, верхняя и нижняя части соединены заклепкой, крепившей ремень. Размеры — 2,1x1 см (рис. 22, 12).

- Между рукоятью бронзового ковша и ступенькой подбоя обнаружены железные пряжки — 2 фрагментированные и 1 целая (рис. 6, 13; 22, 2–4).

Яма 1. Глубина — 2,34 м от Р0. Располагалась в центральной части кургана, к северу от Р0, вплотную к нему. В плане имела форму неправильного овала с сильно искаженными контурами и была ориентирована по линии 3–В (рис. 23). С южной стороны — аморфные уступы, спускающиеся ко дну. Протяженность ямы на уровне материка — 3,64 м, ширина в западной части — 1,13 м, в восточной — 2,0 м. Размеры ямы у дна — 3,35x1,44 м. Дно неровное;

наиболее заглубленной оказалась западная часть ямы, дно понижается с В на З на 0,45 м. В заполнении встречены небольшие включения обожженного до красного цвета грунта.

Рассматриваемое нами погребение хорошо дополняет серию ярких донских комплексов позднесарматской «всаднической» группы. Убедительно обозначена его сопряженность с нижнедонским культурным кругом, сочетавшим черты варварской (как кочевой, так и оседлой) и античной южнорусской цивилизаций. Отличительной чертой комплекса является, пожалуй, лишь очень скромное вооружение погребенного — миниатюрный, почти игрушечный кинжал без какой-либо фурнитуры и дополнительных деталей. Убедительного объяснения этому мы не знаем. Важнейший атрибут позднесарматского степного конного воина — длинный меч с набором деталей отделки и портупейных аксессуаров. В абсолютном большинстве случаев погребения с характерными предметами конского убора содержат такие мечи. Но иногда, несмотря на богатый инвентарь, мечи, как и в нашем случае, отсутствуют. Мы можем лишь отметить, что, несмотря на господствующую тенденцию, существовали и отклонения от нее.

К характеристике погребального комплекса. Скромная насыпь без каких-либо дополнительных сооружений, узкая подбойная яма небольшой глубины — все это хорошо соответствует позднесарматским похоронным нормам, где погребальные сооружения социальной элиты и рядового населения (за редким исключением) практически не различались размерами и затратами труда на их сооружение. Нео-

бычной следует признать лишь восточную ориентировку погребенного. Так или иначе, абсолютное большинство погребений позднесарматского культурного типа в донском бассейне ориентировано в северный сектор (часто с отклонениями). В отклонениях, несомненно, преобладает восточное направление. Ближе других к рассматриваемому, пожалуй, лишь погребение в кургане 12 могильника Высочино VII на Дону-Кагальницком водоразделе близ Азова, где скелет с деформированным черепом, уздечным набором и оружием был уложен головой на ВСВ (Безуглов, 1997, с. 133, рис. 1, 1)³.

Неясным остается и соотношение погр. 1 и ямы 1, обнаруженной в центре кургана. На наш взгляд, возможны следующие варианты объяснения ямы 1:

- это неудачная грабительская мина;
- это полностью разрушенное погребение, не сохранившее ни останков, ни фрагментов инвентаря;

— это пустая ритуальная яма, сооруженная одновременно с погр. 1, вынесенная в сторону от геометрического центра насыпи⁴ и разрушенная впоследствии при попытке ограбления кургана.

К сожалению, яма искажена поздним перекопом настолько, что убедительно предпочесть какой-то из этих вариантов затруднительно.

Анализ инвентаря. Недавно одним из авторов настоящей статьи были подготовлены к печати материалы, обнаруженные в позднесарматском кургане, исследованном у ст. Камышевской в 1990 г. (Безуглов, 2017, с. 84–127). Этот комплекс во всех отношениях очень близок рассматриваемому и синхронен ему. Он располагался

³ В том же курганном массиве исследована еще одна насыпь (Высочино II, курган 8), содержащая погребение с восточной ориентировкой, определенное как позднесарматское (Беспальный, Лукьяшко, 2008, с. 29, 30, табл. XXV; XXVI). Это — результат недоразумения. Обнаруженный при снятии насыпи уздечный набор (Беспальный, Лукьяшко, 2008, табл. XXV, 5; XXVI, 1–11) действительно относится к **кругу позднесарматских древностей** и не имеет никакого отношения к обнаруженному в кургане женскому погребению **половецкого времени**, ориентированному на В. Хронологическая разница между этими объектами составляет около тысячелетия.

⁴ Этот тип памятников выделен на материалах курганных древностей донского левобережья (Ильюков, 2000, с. 112–115; Гугуев, 2000, с. 146–148) и вполне реален в донских позднесарматских древностях II – середины III вв. н. э. (Безуглов, 2010, с. 106, 107).

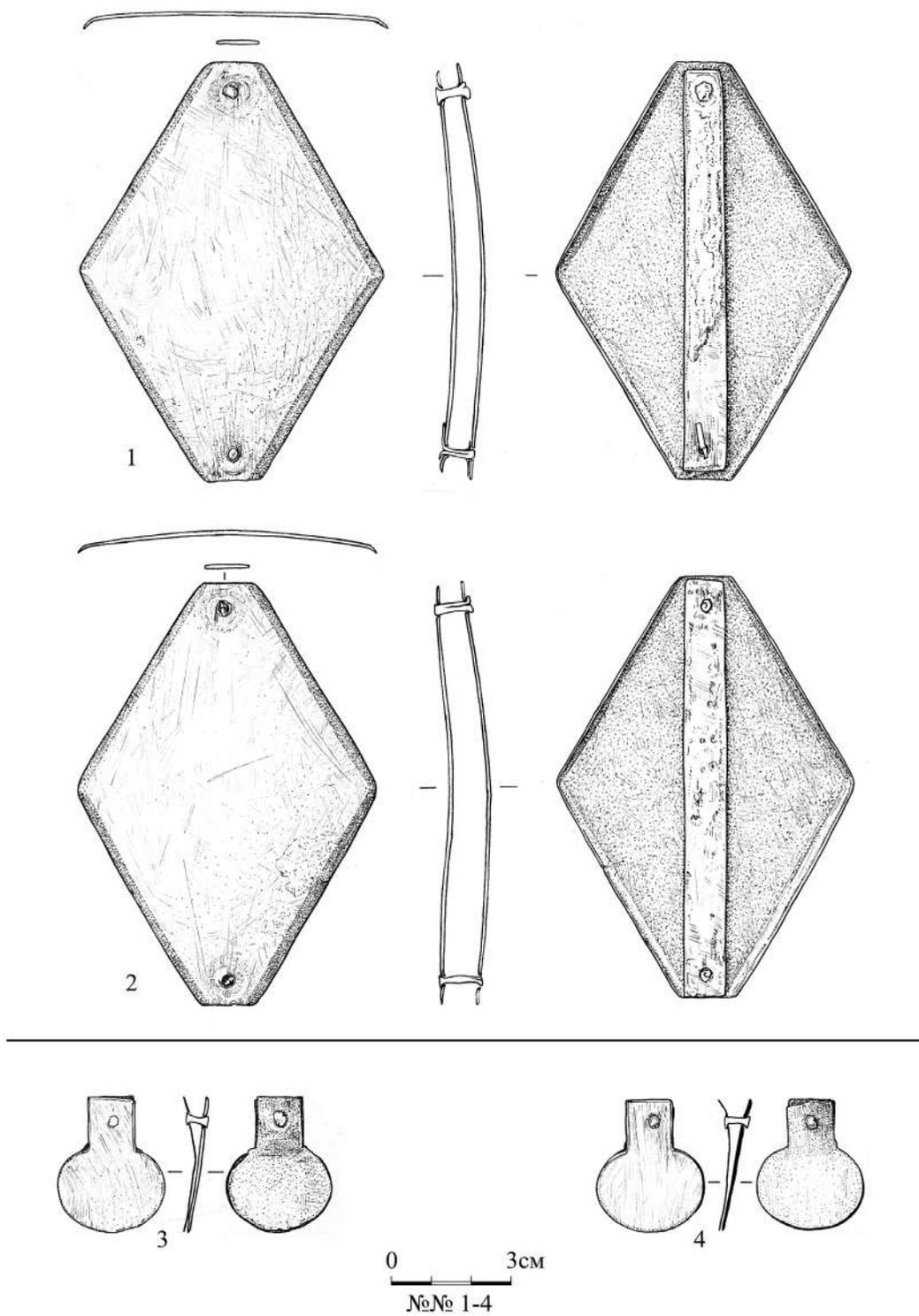

Рис. 12. «Большевик II», курган 3. Уздечные детали. 1, 2 — ромбические бляхи, 3, 4 — подвески (1-4 — серебро, бронза)

Рис. 13. «Большевик II», курган 3, погр. 1. Уздечные детали: 1, 2 — ромбические бляхи (серебро, бронза)

в сходных топографических условиях — на участке правого берега р. Дон, возвышающемся над широкой заболоченной поймой и ограниченном с востока балкой Мечетной, а с запада — проходящей через ст. Камышевскую балкой Бекреневской (рис. 2, 2). Группа «Большевик II» расположена всего в 10 км к ЗСЗ от Камышевского могильника (рис. 2, 1).

Когда статья о камышевском кургане уже была окончена, курган 3 группы «Большевик II» еще стоял на поле нетронутым. Для многих вещей из мариинского кургана применимы аналитические характеристики вещей камышевских. Поэтому мы не видим смысла в их копировании, а отсылаем читателя к соответствующему разделу цитированной статьи о камышевском комплексе.

Конский убор. Состоял из двух элементов — уздечки с металлическими украшениями и системы ремней, украшенных фаларами и подвесками.

Уздечные детали:

1. Пластинчатые колесовидные псалии (рис. 10, 1, 2; 11, 1, 2) с двумя комплектными парами разновеликих зажимов (рис. 10, 3–6; 11, 3–6) дополняют список из шести позиций, обнаруженных в Подонье, Поволжье и Приуралье (Безуглов, 2017, с. 101, 102). Наиболее близки друг другу в этой группе псалии из Камышевской и Центрального с четырьмя крестообразно расположенными прорезями; мариинские отличаются наличием только трех треугольных прорезей. Неизвестная ранее конструктивная деталь — бронзовые кольца, припаянные по периметру с тыльной стороны псалиев.

2. Гладкие серебряные ромбические бляхи (рис. 12, 1, 2; 13, 1, 2) также имеют ряд близких параллелей. Список аналогий, опубликованный в 1988 – 1989 гг. (Безуглов, 1988, с. 110; Безуглов, 1989, с. 26) ныне можно дополнить:

а) Центральный VI, курган 16, погр. 8 (Волгодонский р-н Ростовской обл.). Под-

бойное погребение, впущенное в курган эпохи бронзы. В составе инвентаря — оружие и богатейший конский убор (уздечка и сбруя, украшенная фаларами). Среди металлических деталей уздечки — две серебряные ромбические бляхи. На поверхности одной из них — гравированный тамгообразный знак, украшенный наложенной золотой фольгой, прикрепленной рядами начеканенных точек; в центре другой — овальный полированный камень темно-красного цвета в золотом гнезде, обведенном по периметру насеченной проволокой (Безуглов, 1988, с. 108, 110, рис. 3, 3, 4).

б) Высочино VII, курган 12, погр. 1 (Азовский р-н Ростовской обл.). В прямоугольной яме — скелет с деформированным черепом, ориентированный на ВСВ. Среди инвентаря погребения «всаднической» группы — уздечный набор, в том числе — две гладкие серебряные ромбические бляхи с прижимными бронзовыми полосками с тыльной стороны (Безуглов, 1997, с. 134, 136, рис. 1, 4, 5).

в) Хапры (Мясниковский р-н Ростовской обл.), находка 4 мая 1924 г. В обвале стенки песчаного карьера собраны: верхняя часть гончарного сероглиняного кувшина, пара бронзовых псалиев с секировидными окончаниями, пара ромбических блях (одна во фрагментах), две полусферических бляшки, «пряжка», фрагменты бронзы и костей. Сохранились лишь псалии, хранящиеся ныне в РОМК (инв. № 5772/281), остальные вещи утрачены. Ромбическая бляха известна нам по зарисовке А. А. Миллера (Безуглов, 1989, с. 25, 26, рис. 1, 3).

г) Кобяковский грунтовой могильник (восточная окраина г. Ростова-на-Дону), погр. 73/2000 г. В катакомбном погребении с выразительным инвентарем (керамика, оружие, конский убор) найден комплект бронзовых уздечных украшений, в том числе пара ромбических блях (Ларенок, 2013, с. 81, 82, табл. 51, 14, 15).

⁵ Раскопки Л. С. Ильюкова 1986 г.

д) Московский II, курган 2, погр. 1 (Мартыновский р-н Ростовской обл.)⁵. Подбойное погребение с северной ориентировкой, в инвентаре которого найдены бронзовые уздечные детали — псалии с секировидными окончаниями и пара ромбических блях.

е) Старицкий могильник, курган 60, погр. 1 (Черноярский р-н Астраханской обл.). Ограбленная широкая прямоугольная яма, ориентированная по линии ССЗ–ЮЮВ. В северо-восточном углу — набор металлических деталей уздечки, в том числе бронзовые псалии с секировидными окончаниями и гладкие бронзовые ромбические бляхи с загнутыми краями (1 фрагментирована) (Шилов, 1961, с. 162–164, табл. LII, 2).

Самые роскошные из всей серии — бляхи из могильника Центральный VI, мариинские ромбы ближе всего к более скромным высочинским. За единственным исключением (Старица, 60/1), все они обнаружены в донском бассейне. Очевидно, они крепились к нащечным ремням оголовья (Безуглов, 1988, с. 110).

3. Бляшки с вертикальным выступом (рис. 12, 3, 4; 15, 1, 2). Часто встречающийся, диагностирующий элемент уздечных наборов позднесарматского типа. Хорошо известны как в степных курганных комплексах Подонья — Поволжья — Приуралья, так и в среде оседлых и полuosедлых народов, тесно связанных с кочевым миром — на Тамани (Васюринская гора), в Центральном Крыму (Нейзац), в Танаисе (курган 12/1972 г.), погребение «в саду черкеса Абул-Кады», исследованное близ Ульского аула Н. И. Веселовским в 1909 г. и др.

Анализ уздечки, обнаруженной в камышевском кургане *in situ*, позволил достоверно установить, что бляшки с вертикальным выступом крепились на скрещении поперечных ремешков оголовья (налобного и наносного) с продольными нащечными

ремнями. Именно этим объясняется их комплектность в хорошо документированных комплексах — два или четыре экземпляра (Безуглов, 2017, с. 102). В рассматриваемом нами кургане 3 обнаружены лишь две маленьких гладких подвески — как в погр. 8 кургана 16 могильника Центральный VI (Безуглов, 1988, с. 106, рис. 3, 32, 33).

4. Наконечники ремней и пряжка. Парные фасетированные наконечники (рис. 14, 1, 2; 15, 3, 4) и маленькая пряжка с железным язычком (рис. 14, 4; 15, 6), по всей видимости, служили для подгонки уздечных ремешков на голове лошади (Безуглов, 2017, с. 102). Любопытная декоративная деталь — имитация гравировкой двусоставного наконечника, состоящего из обоймы и пластинчатой подвески (вторая пара таких же наконечников обнаружена у левого плеча — рис. 7, 3, 4; табл. 2, 3, 4). Такие же наконечники были обнаружены в позднесарматском погребении могильника Центральный VI (Безуглов, 1988, с. 106, рис. 3, 24–25⁶).

5. Металлические бусы. В состав мариинского комплекса входил еще один важный элемент декора позднесарматских уздечек — округлые серебряные бусы, также украшавшие оголовные ремешки. Известны они очень широко — вплоть до Приуралья, в нескольких разновидностях, среди которых преобладают массивные цельнолитые с полированной поверхностью или пластинчатые, составленные из двух половинок; внутри последних иногда, как и в рассматриваемом нами комплексе, сохраняются остатки мастики. Отличительная особенность — уплощенное основание и смещенное к нему округлое или неправильно-овальное отверстие для уздечного ремешка. В нашем случае бусы были изготовлены из серебряной пластины без различимых следов скрепления или пайки⁷.

Всего в комплексе найдено восемь бусин. Две из них лежали отдельно от скоп-

⁶ Еще один комплект наконечников с гравированной имитацией обоймы-подвески был обнаружен в позднесарматском кургане близ Танаиса (могильник Мокро-Чалтырский I, курган 2, погр. 2 — раскопки В. В. Яценко 2015 г.).

⁷ Следует, конечно, учитывать состояние бус из кургана 3. Они покрыты продуктами коррозии — роговым серебром, очень хрупкие и не подлежат химической расчистке. Это затрудняет их визуальное изучение.

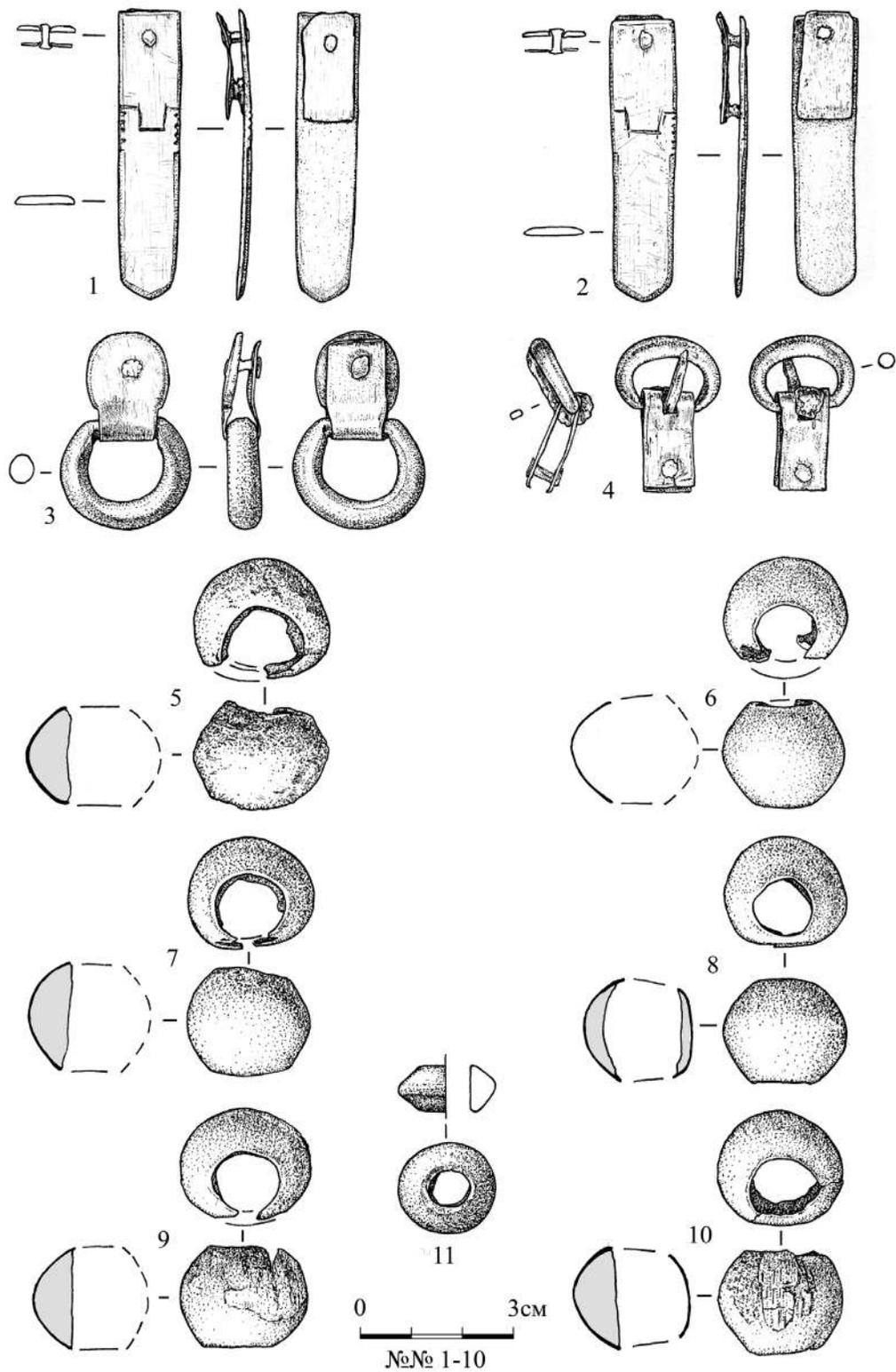

Рис. 14. «Большевик II», курган 3. Уздечные детали. 1, 2 — наконечники ремней, 3 — кольцо в обойме, 4 — пряжка, 5–10 — уздечные бусы, 11 — пронизь (1–3 — серебро, бронза, 4 — серебро, железо, 5–10 — серебро, мастика, 11 — бронза)

Рис. 15. «Большевик II», курган 3, погр. 1. Находки: 1, 2 — уздечные подвески, 3, 4 — наконечники ремней, 5 — кольцо в обойме, 6 — пряжка, 7 — фрагмент плети, 8, 9 — скобочки, 10 — пронизь, 11 — фрагменты парчи, 12 — фрагменты стакана (1–5 — серебро, бронза, 6 — серебро, железо, 7 — дерево, бронза, 8, 9 — серебро, 10 — бронза, 11 — золото, 12 — стекло)

ления уздечных деталей, у локтевого сустава левой руки, и скорее всего не имели прямого отношения к уздечным ремням. Одна из них (округлая) совершенно сходна с бусами уздечного комплекта (рис. 8, 7; 9, 5). Вторая отличается формой и большими размерами (рис. 8, 8; 9, 6). Очень близка ей граненая бусина из ограбленного погребения 1 в кургане 4 могильника Валовый I у Танаиса (Безуглов, Глебов, Парусимов, 2009, с. 17, рис. 4, 9). Это неординарное погребение, к сожалению, разрушено настолько, что остается лишь гадать о его изначальном составе. Важно лишь, что оно содержало целый ряд характерных индикаторов «всаднической» группы высокого ранга.

Той же формы железные бусы, инкрустированные серебром из погребения у с. Оланешты (Олонешты) на Днестре (Курчатов, Бубулич, 2003, с. 289, рис. 8, 1–3). Помимо этих трех бусин там же была найдена бронзовая пронизь совершенно такой же формы, украшенная такой же серебряной сеткой (Курчатов, Бубулич, 2003, с. 294, рис. 4, 4). В публикации 1962 г. она воспроизведена без атрибуции (Мелюкова, 1962, с. 204, рис. 6, 3), а в 2003 г. эта вещь почему-то была обозначена как «обойма нагайки».

В этом ряду, видимо, следует рассматривать и три удлинённые ребристые бронзовые пронизи, найденные в составе уздечного набора в погр. 183 некрополя Нейзац в Центральном Крыму (Антипенко, 2015, с. 111, рис. 3, 1).

Остальные шесть бусин (рис. 14, 5–10; 17, 1–6) украшали ремни оголовья.

Необычно комбинацией металлов бронзовое кольцо в серебряной обойме (или пряжка без язычка) (рис. 14, 3; 15, 5). В позднесарматском контексте их, как правило, по два и исполнены они в бронзе (например, Безуглов, 1988, с. 107, рис. 3, 18, 19; Безуглов, 2017, с. 102, 103, рис. 7, 8, 9).

Также среди уздечных деталей найдена уплощенная бронзовая пронизь или бусина (рис. 14, 11; 15, 10). В Центральном VI таких

пронизок было две (Безуглов, 1988, с. 108, рис. 3, 17), еще одна найдена среди уздечных деталей в погр. 186/2008 в Танаисе. Назначение этих вещей не ясно. Отметим лишь, что они сопряжены с уздой и всегда бронзовые, даже в составе богатых серебряных наборов.

Особо примечательны остатки конского убора, сложенные в ногах погребенного. Как указано выше, он состоял из довольно широких прошитых кожаных ремней, на которых бронзовыми скобками были укреплены деревянные фалары, плакированные золотой фольгой. Помимо характеристик, приведенных в описательной части, отметим следующие моменты:

Фалары составляли две размерные группы: большего (10,6–10,8 см, рис. 20, 1, 2; 21, 1, 2) и меньшего (9,5 см, рис. 20, 3, 4; 21, 3, 4) диаметра; предположим, что большие бляхи крепились на плечах, а малые — на крупе коня.

Декор фаларов был асимметричен — одна пара разновеликих блях была гладкой, вторая имела на поверхности крестообразные прорезы, в которых крепились стеклянные вставки. Это позволяет полагать, что с одной стороны коня крепились гладкие бляхи, а с другой — прорезные.

Поражает низкое качество исполнения конского убора. Он, без сомнения, представлял собой важный индикатор высокого социального ранга погребенного. Но даже по сохранившимся фрагментам органики видно, насколько небрежно был изготовлен сбруйный комплект. Бронзовые скобы, скреплявшие дерево и кожу, вставлены наспех, их концы едва загнуты и торчат в стороны (см., например, рис. 22, 16, е). Удивляет и состояние плакировки — она мятая, оборванная, ветхие края были прикрыты грубо вырезанными кусками фольги (рис. 20, 3, 4; 21, 3, 4). Также грубо вырезаны и гнезда для вставок. Да и сами вставки не отличаются высокой аттрактивностью и изготовлены кое-как. Важно отметить, что на лицевой поверхности деревянной основы фалара 4

по периметру выделен бордюр (рис. 17, 7; 22, 1a), а на золотой обкладке он отсутствует — она не была обжата по дереву. Заплаты по краям, скорее всего, были наклеены, т. к. специальных следов крепления (загнутых краев и отверстий) на них нет.

Общее впечатление: конский убор с фаларами из погребения был выполнен кустарно, без претензий на хорошую работу и был абсолютно непрактичен⁸. Был ли он создан специально для похорон? На современный взгляд сомнительно, слишком много хлопот и издержек.

Стилистика исполнения фаларов вполне традиционна для южнорусских древностей позднесарматского круга — деревянные или бронзовые бляхи, плакированные листовым золотом (Безуглов, Глебов, Парусимов, 2009, с. 101–104). Выпуклые деревянные бляхи (круглые и каплевидные), плакированные гладким золотым листом, хорошо известны в составе конских уборов древностей пазырыкского круга (см., например, Баркова, 1979, с. 58, рис. 1, 8–10 и др.).

Фалары с прорезями (рис. 20, 2, 4; 21, 2, 4) стилистически ассоциируются с вещами типа небольшой золотой бляхи из гробницы II/1975 из Анапы (Новичихин, Галут, 2015, рис. на с. 36). В обоих случаях, несмотря на огромную разницу в классе исполнения, они выполнены в рамках единой орнаментальной схемы и очень близки во времени⁹.

Другой важный компонент конского убора — небольшие выпуклые накладки удлиненно-каплевидных очертаний (рис. 20, 7–10; 21, 7–10). Их было не менее четырех; как убеждает наиболее сохранный (рис. 20,

10; 21, 7), они также имели деревянную основу, покрытую обрезками золотой фольги. Схема расположения этих блях в уборе, увы, неясна. Как мы указывали выше, на сохранившихся фрагментах деревянной основы круглых фаларов сохранились закрепленные в них бронзовые проволочные петли. Скорее всего, ремешки с каплевидными бляхами крепились именно к ним.

О местоположении прямоугольных блях, от которых сохранились золотые обкладки с «паркетным» тиснением (рис. 20, 5, 6; 21, 5, 6), данных нет. Парность позволяет предполагать, что они крепились по обе стороны коня.

Конские убрания с фаларами — редкость в позднесарматских древностях Подонья. Полностью сохранных мы знаем лишь четыре (Центральный VI, 16/8; Валовый I, 25/1; Кобяково, 5/1; Ростов-на-Дону, ул. Вятская, 6/8) (Безуглов, Глебов, Парусимов, 2009, с. 98, 99). Более других близок рассматриваемому комплект украшений из погр. 8 в кургане 6 на ул. Вятской. Он также состоял из деревянных элементов, обложенных листовым золотом с тисненными изображениями и прорезями для вставок (Volkov, Guguev, 1986, с. 73, 74, табл. 58; 59). Как и в нашем случае, прочность и практичность этого убора вызывает большие сомнения. Остатки конского убранства этого же стиля обнаружены в погр. 1 кургана 4 могильника Валовый I близ Танаиса — здесь сохранились россыпь стеклянных вставок и смятые клочки золотой фольги, в том числе с тисненой косой сеткой (Безуглов, Глебов, Парусимов, 2009, с. 17, рис. 4, 2).

⁸ Совсем иначе выглядел комплект украшений сбруи в погребении 8 в кургане 16 могильника Центральный VI. В далеком 1979 г. одному из авторов довелось присутствовать при обнаружении этого комплекса. Очень аккуратно выполненные бронзовые бляхи, ровно положенная плакировка, многослойная, тщательно прошитая кожаная основа, соединенная с фаларами и сохранившимися фрагментами пурпурной ткани с помощью тонкого шнура — этот набор был сделан очень тщательно. К великому сожалению вскоре все эти детали были уничтожены «реставрацией», проведенной трудившейся тогда в археологической лаборатории РГУ Т. А. Прохоровой, экспериментировавшей в те времена с несчастными вещами из цветных металлов. Вся сохранившаяся за счет близости к металлу органика (в том числе остатки ткани, кожа и соединявшие их шнурки) была уничтожена, а плакировка содрана с фаларов и затем неумело надета на них заново. Вещи сбруйного убора из Центрального утратили аутентичность. В публикации комплекса 1988 г. об этом пришлось умолчать.

⁹ Удаленная в пространстве и времени античная аналогия орнаментальной схемы мариинских фаларов — круглая фибула II в. до н. э. из Артюховского кургана на Тамани (Максимова, 1979, с. 69, рис. 20, № Арт. 83).

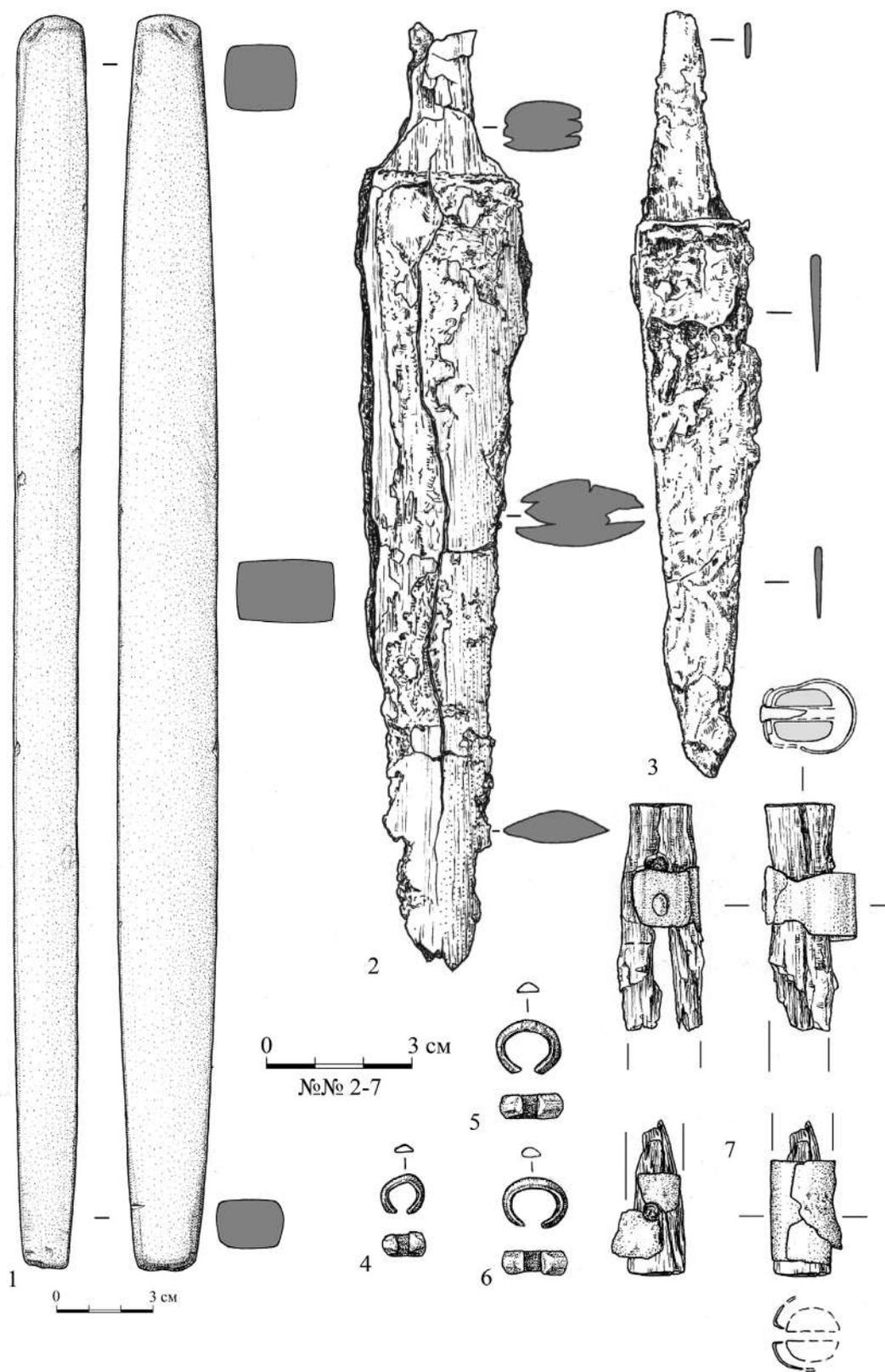

Рис. 16. «Большевик II», курган 3. Вещи из погребения.
 1 — оселок, 2 — кинжал, 3 — нож, 4-6 — скобочки, 7 — фрагменты плети
 (1 — камень, 2, 3 — железо, 4-6 — серебро, 7 — дерево, серебро)

Рис. 17. «Большевик II», курган 3, погр. 1. Находки: 1, 6 — уздечные бусы, 7 — фрагмент фалара, 8 — пряжка, 9 — щиток пряжки, 10 — кинжал, 11 — нож, 12 — оселок (1-6 — серебро, мастика, 7 — дерево, бронза, кожа, 8, 10, 11 — железо, 9 — серебро, 12 — камень)

Резюмируем наши наблюдения:

1) основу набора составляли четыре круглых бляхи, несомненно, крепившиеся на плечах и крупе лошади. Нам неоднократно приходилось упоминать и аналогии наборам позднесарматских конских украшений Подонья, и иконографические параллели (Безуглов, 1988, с. 107, 108, рис. 5; Безуглов, Гугуев, 1990, с. 172; Безуглов, Глебов, Парусимов, 2009, с. 103). Именно так размещены основные элементы парадного убора — круглые бляхи (гладкие или с декором) на самых различных изобразительных памятниках на огромной территории — боспорских терракотовых статуэтках и некоторых всаднических надгробных рельефах; кушанских монетах — меди Вимы Такто (= Сотер Мегас, ок. 80 – 100 г. н. э.), редких золотых динарах времени Канишки (ок. 127 – 151 г. н. э.); рельефах Гандхары; нескольких монументальных раннесасанидских скальных рельефах III в. н. э., самым знаменитым из которых является сцена триумфа Шапура I над Валерианом I (260 г. н. э.) (см., например, Grenet, Lee, Martinez, Ogu, 2007, с. 253, рис. 7, табл. 6). Но, несмотря на этот самый общий принцип декора сбруи, в конкретных наборах всегда существовало множество частных конструктивных особенностей. Именно поэтому, при отсутствии достоверных данных, мы чаще не знаем, как размещались на ремнях другие элементы, также плакированные золотом.

2) наиболее вероятно, что рассматриваемый убор был изготовлен в степной позднесарматской среде. В основе скупой орнаментальной схемы прорезных фаларов лежат античные образцы.

3) несмотря на грубость исполнения, набор конских украшений из кургана 3 был важным индикатором значимого социального ранга погребенного здесь персонажа.

Фибула. Обнаруженная в погребении фибула с фигурной обмоткой дужки (рис. 8, 5; 9, 7) — еще один случай устойчивой связи этого типа с выразительными древностями

«всаднического» горизонта (Безуглов, 2017, с. 100). Именно эта сопряженность является важнейшим хронологическим репером к датировке типа. Мы не беремся оценить хронологическую позицию таких фибул в широких пределах Юга России и прилегающих степей; остановимся лишь на древностях Нижнего Дона.

С 80-х гг. ушедшего века по настоящий момент раскопками на некрополях нижнедонских поселений, прилегающих к донской дельте, получен огромный вещевой материал, в том числе и многие сотни фибул. Экземпляров интересующей нас разновидности сравнительно немного. Достаточно просмотреть 4 объемные публикации, вышедшие в свет за последние 10 лет (Косяненко, 2008; Горбенко, Косяненко, 2011; Ларенок, 2013; Ларенок, 2016). Более всего лучковых фибул с фигурной обмоткой происходит из старых раскопок Кобяковского могильника (1956 – 1962 гг. — см. Косяненко, 2008, с. 100, табл. 10, 1–9). В значительной части эти фибулы обнаружены в слабом хронологическом контексте, где наиболее выразительны как раз именно они. В двух случаях они встречены вместе с имперскими эмалевыми брошами второй половины II – начала III вв. н. э. (Косяненко 2008, с. 395–399, рис. 72, 3–5, 7; с. 481, 482, рис. 118, 2, 3; ср. Трейстер, 2016, с. 350). Знаковой для Дона можно считать находку обломков серебряной фибулы с характерной фигурной обмоткой (ее атрибуция не вызывает сомнений) в погр. 186/2008 в Танаисе, в богатом комплексе с оттиском боспорской монеты 495 г. босп. эры (=198 г. н. э.).

По всей видимости, при рассмотрении хронологии этой разновидности может иметь значение и ранее не упоминавшаяся нами находка в погр. 10 Цемдолинского некрополя у Новороссийска, где фибула с фигурной обмоткой встречена в составе комплекса, содержавшего статер Реметалка 440 г. босп. эры (=143 г. н. э.), лежавший под черепом лошади, сопровождавшей погребенного (Довгалюк, Малышев, 2008,

с. 28–30, рис. 21, 8; 22, 9). Судить о непосредственных датировках этой монеты сложно, т. к. в погребениях боспорские монеты высшего номинала практически не встречаются. Тем не менее, этот случай должен быть учтен, в первую очередь, для обозначения *нижней* временной границы бытования этого типа фибул.

Таким образом, время наибольшего распространения лучковых фибул типа Амброс 15/1-4-5 в разновидности с фигурной обмоткой дужки, сочетающей кольцевую навивку и серпантин, на Дону совпадает со временем существования «всаднического» позднесарматского горизонта в степи и его проявлений в мире местных оседлых куль-

тур (Танаис, нижнедонские городища типа Кобякова–Гниловской). Не случайно самые выразительные степные комплексы с оружием и серебряными уздечными наборами содержат именно такие фибулы (Валовый I, 25/1, Центральный VI, 16/8, Камышевский I, 8/1, Мехзавод в Ростове, погр. 2, рассматриваемый нами комплекс). Все они могут быть отнесены к концу II – ранней части III вв. н. э. При отсутствии противоречащих данных эта дата может быть правомерной и для древностей сопредельных территорий (см., например, Лимберис, Марченко, 2015, с. 127, рис. 2, 4). Судя по всему, подобные фибулы были популярны, что подтверждается находками, весьма удален-

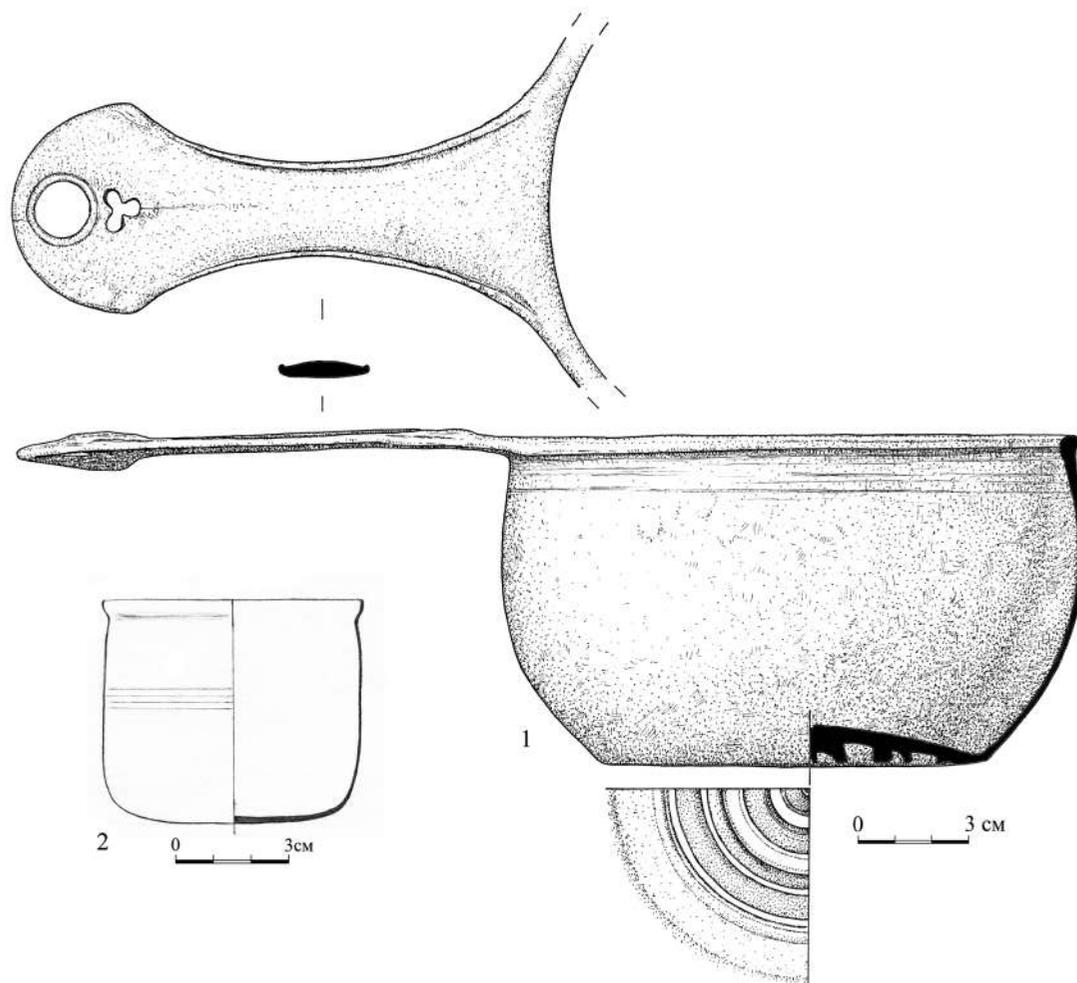

Рис. 18. «Большевик II», курган 3. 1 — ковш (бронза), 2 — аналог находки в кургане 3 — стеклянный стакан из погребения 20 в кургане 10 некрополя Танаиса (раскопки 1975 г.)

Рис. 19. «Большевик II», курган 3, погр. 1. Бронзовый ковш

ными от Нижнего Дона (Зубов, Багаутдинов, 2019, с. 107, рис. 2, 4).

Особо примечательна поныне самая роскошная из фибул рассматриваемой разновидности, обнаруженная в саркофаге 2 гробницы II/1975 в Анапе. Набор атрибутов позволяет соотнести это погребение с древностями «всаднической» группы (Безуглов, Глебов, Парусимов, 2009, с. 102). Здесь обнаружены длинный меч с большой рукоятью, парадный кинжал в ножнах с 4 лопастями, конский убор. Вещи воина из этого саркофага не похожи на скромное, почти кустарное полированное серебро из позднесарматских курганов. Они исключительны вследствие высочайшего социального статуса их хозяина. Что же касается хронологической позиции анапского комплекса, то нам представляется наиболее правомерной дата, предложенная Е. М. Алексеевой — последняя четверть II – первая треть III вв. н. э. (Алексеева, 2017, с. 13, 14, рис. 3, 1).

Импортные вещи. К их числу могут быть отнесены бронзовый ковш, фрагменты серебряной ложки и стеклянного сосуда.

Ковш. Обнаруженный в погребении бронзовый ковш (рис. 18, 1; 19) принадлежит к редкой разновидности, донныне неизвестной в южнорусских находках. Он относится к группе изделий с прорезью в виде трилистника (т. н. «листка клевера») на конце рукояти (типы 145–147 у Г. Ю. Эггерса — Eggers, 1951, с. 173, Veilage, 61), но отличается наличием рядом с трилистником дополнительного круглого отверстия. Абсолютно таких же ковшей мы не знаем. По морфологическим признакам он более всего близок типу Эггерс-146 — «с полукруглым окончанием рукояти и плоским дном» (Eggers, 1951, с. 173) или Петровский VI, 2a — «с трилистником и закругленным концом рукояти» (Petrovszky, 1993, с. 85). Значение дополнительного типологического признака — круглого отверстия (хронологическое, морфологическое) нам оценить сложно — это, скорее, сюжет для специали-

стов по римской бронзе, каковыми мы себя ни в коей мере не считаем.

Эггерс упоминает единственную датированную находку ковша типа 146 — погр. *Faurskov* на о. Фюн, относящееся к хронологической ступени B2, т. е. около последней трети I – двух третей II вв. н. э. (Eggers, 1951, с. 173).

Время бытования ковшей с прорезью в виде трилистника определял и Р. Петровский. Он сделал специальный акцент на находках ковшей его разновидности VI, 2a (= Эггерс-146), относящихся либо к эпохе Клавдия, либо ко времени Нерона—Веспасиана (с клеймами Публия Циппия Полибия) (Petrovszky, 1993, с. 87). Как бы то ни было, по мнению Петровского, существование типа укладывается в рамки I в. н. э., возможно, даже без конца столетия.

С. Тассинари предположительно датировала подобные ковши I или I – II вв. н. э. Она отмечала, что ковши с прорезями-трилистниками часто снабжены клеймами известных мастеров; отмечен экземпляр с комбинацией двух прорезей — трилистной и полукруглой. Рукояти этой формы известны в «городах Везувия» (Tassinari, 1975, p. 18, 32, №19).

Наша находка дополняет группу степных донских комплексов, содержащих бронзовую имперскую посуду. Как и во многих других случаях в южнорусском контексте, для нее характерен определенный разрыв между датами, установленными для бронзового сосуда и комплекса, в составе которого он обнаружен.

Ложка. Фрагмент серебряной ложки из погребения — грубо обломленный черпачок со следами жесткого механического воздействия с обеих сторон. Форма и фактура его отличны от типовых имперских изделий, также известных на Дону — как в курганных сарматских погребениях (Ильюков, Власкин, 1992, с. 42, рис. 7, 12; с. 242; Прохорова, Гугуев, 1992, с. 152, рис. 3, 2), так и в древностях оседлых жителей, в частности, в Танаисе (Арсеньева и др., 2001, с. 68,

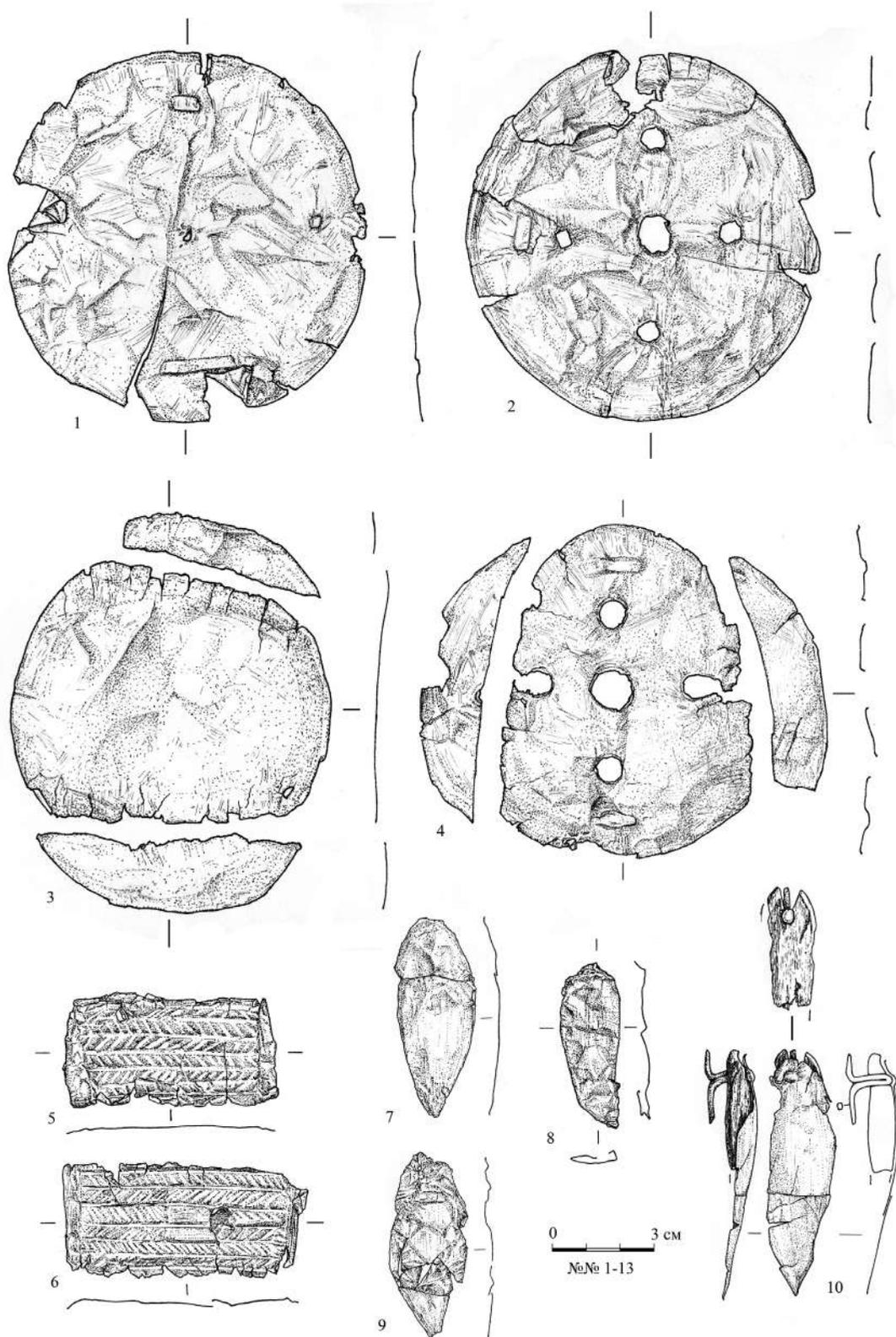

Рис. 20. «Большевик II», курган 3. Детали конского убора. 1-4 — обкладки деревянных фаларов, 5-10 — обкладки и детали ременных украшений (1-9 — золото, 10 — золото, дерево, бронза)

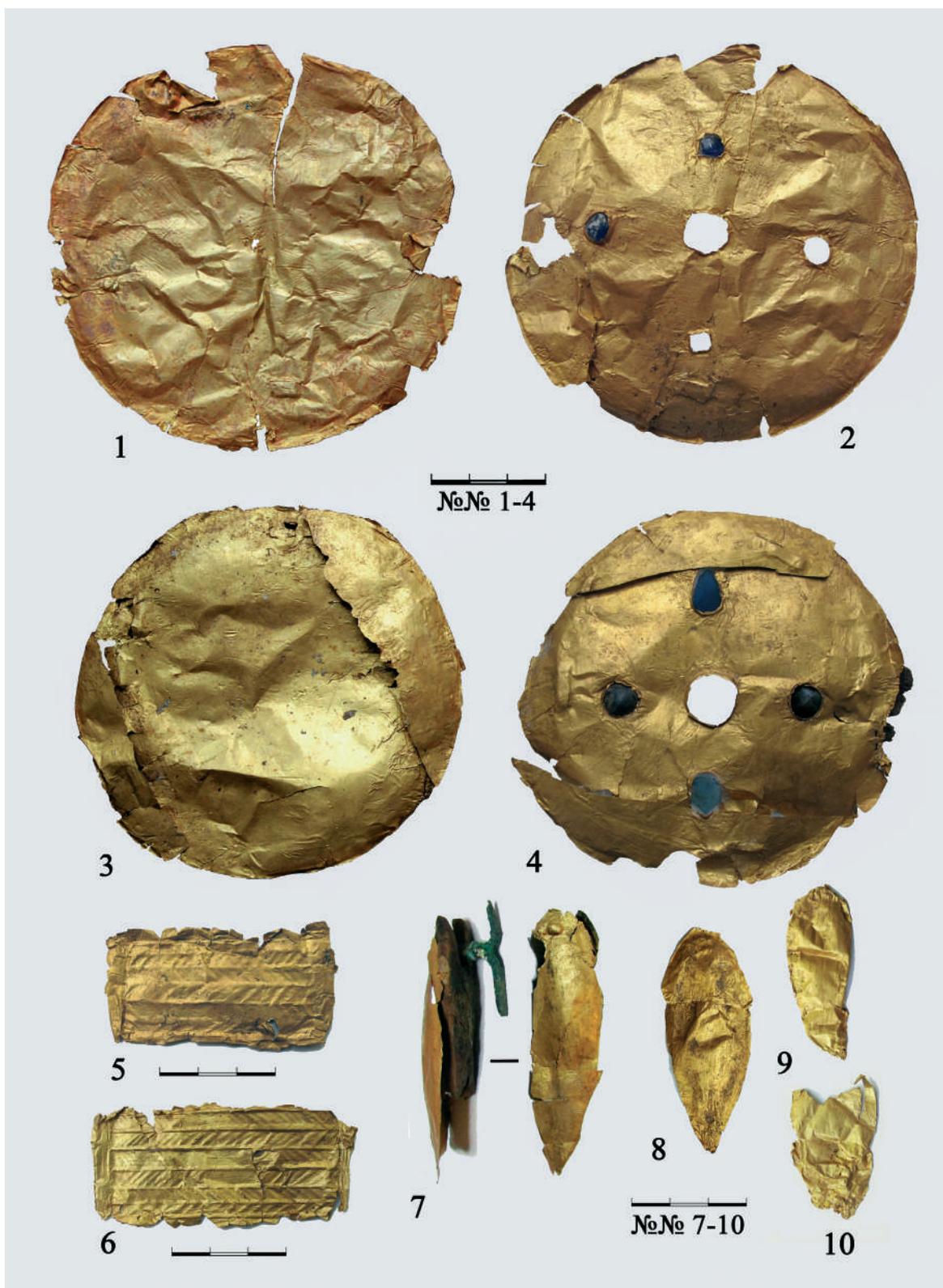

Рис. 21. «Большевик II», курган 3, погр. 1. Обкладки украшений конского убора: 1-4 — фалары, 5, 6 — тисненные накладки, 7-10 — подвески листовидной формы (1, 3, 5, 6, 8-10 — золото, 2, 4, 7 — золото, дерево, бронза, стекло)

табл. 99, №№ 1074, 1152). Рассматриваемый нами фрагмент слишком тонок, специфичен по форме и, судя по расслоенному металлу, проработан ковкой. Ближайшая параллель находке — черпак ложки, обнаруженной в составе богатого погребального комплекса, обнаруженного в 1972 г. близ Танаиса (Безуглов, Захаров, 1989, с. 52, 53, рис. 1, 4). Недвиговская ложка — это, безусловно, реплика, кустарное изделие, изготовленное в подобие имперских вещей. Очевидно, эту характеристику следует отнести и к скромному фрагменту из кургана 3.

Стеклянный сосуд. Несмотря на полную разрушенность стеклянного сосуда из погребения, его типологическое определение по сохранившимся фрагментам не вызывает особых затруднений. Без сомнения, изначально это был небольшой тонкостенный цилиндрический стакан с отогнутым наружу краем и горизонтальными гравированными линиями по тулову. Это одна из самых распространенных категорий стеклянной посуды первых столетий христианской эры на Боспоре, в том числе и в самом близком к Мариинской центре северопонтийской античности — Танаисе, где эти сосуды известны как в городских слоях, так и в погребениях (Яценко, 2007, с. 178, 179, табл. II, 34; там же основная литература). Иногда такие стаканы встречаются и в позднесарматских курганных комплексах окрестностей Танаиса (например, Ново-Александровка I, 20/1 — Беспалый, 1990, с. 217, рис. 4, 3 и др.). К сожалению, по сохранившимся осколкам мы не можем достоверно восстановить размеры и пропорции стакана из кургана 3. Поэтому в качестве наглядной аналогии мы приводим стакан, обнаруженный в 1975 г. при раскопках некрополя Танаиса (курган 10, погр. 20 — рис. 18, 2). При тождестве деталей нам представляется, что сосуд из кургана 3 выглядел практически так же.

Мы полагаем, что обнаруженные в мариинском кургане вещи античного происхождения (ковш, фрагменты ложки и ста-

кана) были получены их последними владельцами в низовьях Дона, и, скорее всего, происходят из Танаиса. Поиск экзотических путей попадания всегда привлекающих внимание имперских бронз в позднесарматские курганные погребения II – первой половины III вв. н. э. в качестве военной добычи или представительских даров при дипломатических контактах, наверное, тоже имеет право на существование, но требует аргументированных доказательных данных. При отсутствии таковых кажется более вероятным распространение античного металла в степи вследствие нормальной системы контактов самого различного рода между оседлым и кочевым мирами в рамках значительного культурного единства, сложившегося в регионе в указанных выше хронологических рамках.

Клиновое оружие представлено в погребении, как уже отмечалось, лишь небольшим кинжалом, уложенным вместе с ножом. В близких по времени позднесарматских погребениях такая комбинация повторяется часто (Максименко, Безуглов, 1987, с. 183, рис. 1, 5, 6, рис. 2, 15, 21; с. 185, рис. 3, 6, 7, рис. 4, 6, 11; Шепко, 1987, с. 160, рис. 2, 9, 10, с. 168, рис. 8, 1, 6, с. 169, рис. 9, 2, 6; ср.: Кривошеев, 2013, с. 248). Никаких конструктивных деталей ножен не выявлено, отмечен лишь древесный тлен на обеих плоскостях клинка. Нож крупный и размерами немногим уступает кинжалу. Он мог находиться либо в дополнительном кармане на ножнах кинжала, либо крепиться к нему в собственном чехле.

Типичный атрибут «всаднических» позднесарматских погребений — небольшая, отделанная серебром *плеть*. В кургане 3 она сохранилась плохо, но, тем не менее, была типична во всех деталях: тонкая деревянная палочка в коре, пластинчатая 8-образная обойма на продольном штифте (Безуглов, 1997, с. 136; Безуглов, Глебов, Парусимов, 2009, с. 106). Оковка конца рукояти имеет прямую параллель в составе позднесарматского воинского комплекса той

же эпохи — это «остатки деревянного стерженька с серебряным навершием» (Ново-Александровка I, к. 20, п. 2 у Азова — Беспалый, 1990, с. 220, рис. 4, 13; Беспалый, Лукьяшко, 2018, с. 76, рис. 42, 9). Не вполне ясно назначение второго отверстия в дереве рукояти у 8-образной обоймы. Иногда встречаются плети с двумя такими обоймами (например, Ново-Александровка I, к. 17, п. 1 — см., Беспалый, 1990, с. 215, рис. 2, 11), но в нашем случае отверстие расположено слишком близко к обойме сохранившейся. Может быть, здесь крепилась утраченная дополнительная декоративная металлическая деталь, подобная накладке на торец рукояти плети, найденной в цитированном выше погребении (Беспалый, 1990, с. 217, рис. 2, 13; ср.: Бруяко и др., с. 234, рис. 4, 7). В полном соответствии с нормами позднесарматской экипировки у плети найдена серебряная С-видная скобочка с уплощенными концами (рис. 12, 6).

В кургане 3 повторен хорошо известный в позднесарматском контексте набор ременных деталей — пара небольших пряжек и комплектные им наконечники ремней (рис. 8, 1–4; 9, 1–4). Иногда такие комплекты находили неподалеку от кинжалов, что позволило предположить их принадлежность несохранившимся ножнам (Максименко, Безуглов, 1987, с. 183, 185 и др.). Но в других случаях эти предметы лежат в стороне от кинжалов, и явно никак не связаны с ними (Камышевский I, 8/1 — Безуглов, 2017, с. 86, 87, рис. 5, 2–5; Большевик II, к. 3). Несомненно лишь, что они крепились к двум небольшим одинаковым ремешкам, которые укладывали в погребение вместе.

Пряжек, совершенно аналогичных найденным в кургане 3 (рис. 8, 1, 2; 9, 1, 2), мы не знаем. Тем не менее, в мелких деталях декора и фактуры они вполне типичны. Небольшие серебряные пряжки с прямоугольными рамками и щитками иногда встречаются в донских комплексах «всаднического» круга (Вятская 6/8 — Volkov, Guguev,

1986, с. 73, рис. 51, 4; Центральный VI, 16/8 — Безуглов, 1988, с. 105, рис. 2, 23). Как уже отмечалось выше, наконечники ремней с гравированной имитацией обоймы и подвески из этого комплекта (рис. 8, 3, 4) очень близки уздечным (рис. 14, 1, 2) и отличаются от них лишь мелкими незначительными деталями. Привлекает внимание удивительная близость вещей из Центрального и Мариинской с ременными деталями (пряжка и наконечник ремня), обнаруженными в погр. 298 на городище Картал у с. Орловка в устье Дуная (Бруяко и др., с. 234, рис. 4, 1, 2); в последнем гравировкой имитировано соединение рамки и обоймы *пряжки*.

В погребении в кургане 3 обнаружен и типичный позднесарматский *оселок* — как всегда крупный, без отверстий, сужающийся к концам (рис. 9, 6; 16, 1; 17, 12). Иногда их считают атрибутами, сопровождающими длинные мечи, но они известны и в комплексах, где такие мечи, как и в рассматриваемом случае, отсутствуют (Безуглов, 2017, с. 103). Встречаются они почти исключительно в степных курганных погребениях на огромной территории. В мире стационарных населенных пунктов нам известна лишь единственная находка такого оселка в некрополе Кобякова городища (Ларенок, 2016, с. 142, 143, табл. 23, 12).

При работе с материалами мариинского комплекса мы обратили внимание на деталь, до сих пор не привлекавшую внимания. При просмотре оригиналов нескольких экземпляров оселков рассматриваемой разновидности (Центральный VI, 16/8, Камышевский I, 8/1, Большевик II, 3/1, Мокро-Чалтырский I, 2/2) создается впечатление, что все они вырезаны из камня, извлеченного в одно и то же время в одном и том же месте. Из этого же материала вырезан и оселок, найденный в погр. 642/2012 г., исследованном Г. Е. Беспалым в некрополе Танаиса. Он небольших размеров (13,4 см), с отверстием и по форме отличается от позднесарматской серии, но обнаружен в составе выразительного

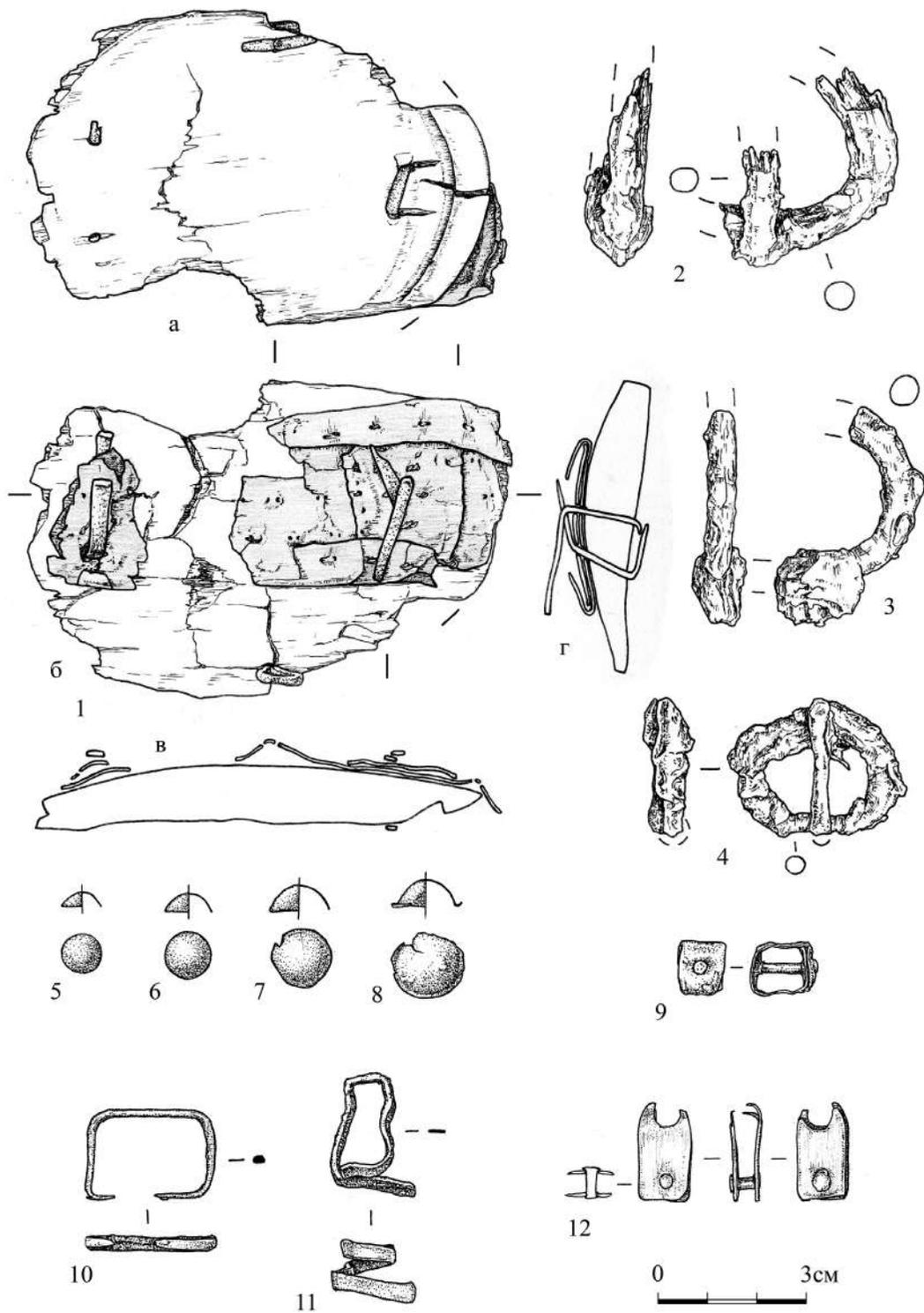

Рис. 22. «Большевик II», курган 3. Вещи из погребения.
 1а-г — фрагмент деревянного фалара с остатками ремня и бронзовыми скобами,
 2-4 — фрагментированные пряжки, 5-8 — полусферические бляшки, 9 — обойма,
 10, 11 — скобы крепления фаларов к ремням, 12 — фрагмент щитка пряжки
 (2-4 — железо, 5, 12 — серебро, 6-11 — бронза)

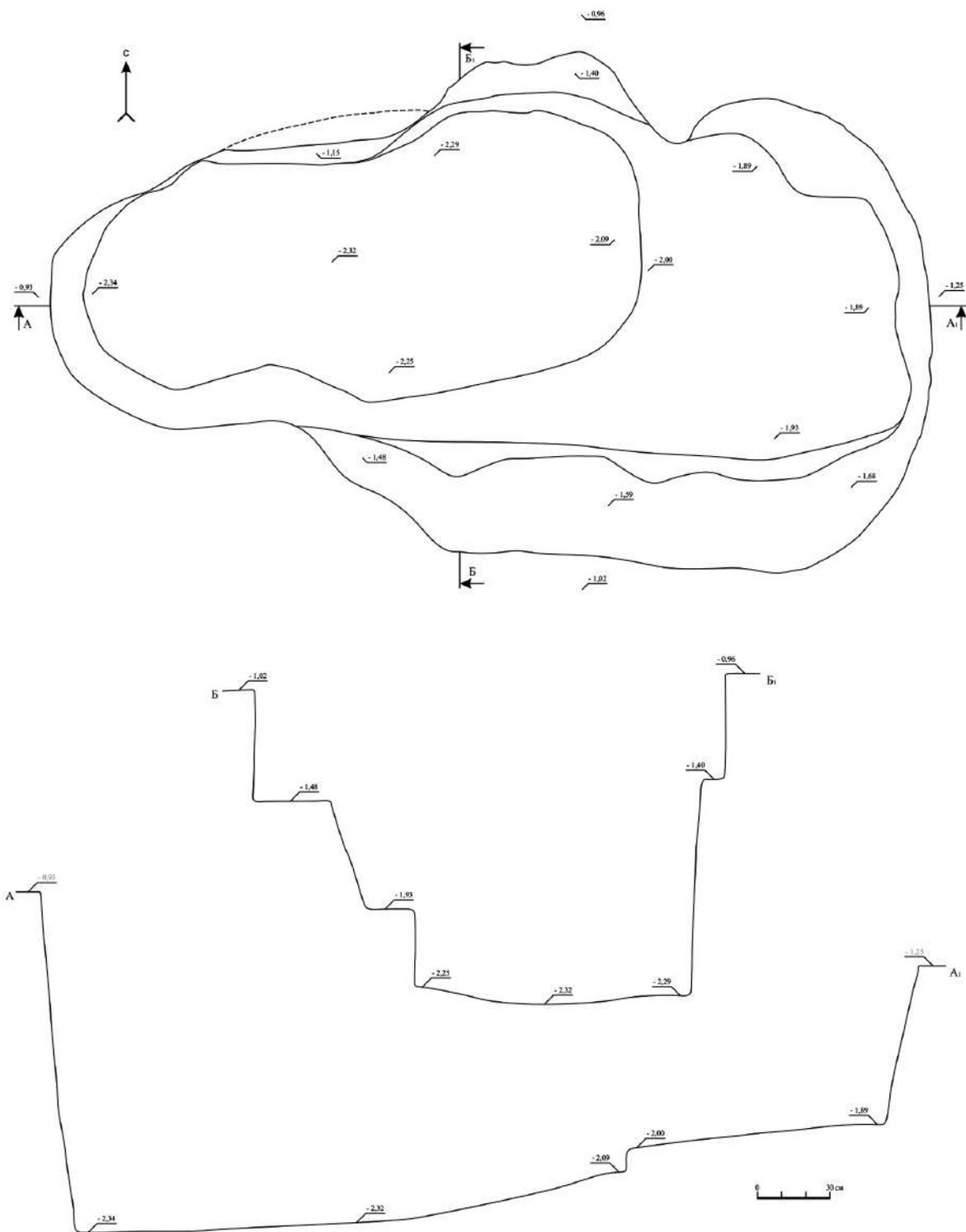

Рис. 23. «Большевик II», курган 3, яма 1. План и разрезы

воинского комплекса того же культурно-хронологического горизонта, что и рассматриваемые нами.

Показать это сходство в публикации сложно. Это материал очень своеобразного облика — камень характерного серого цвета, мелкозернистый, плотный, с хорошо выраженной слоистостью — проходящими в нем тонкими нитевидными темными полосками и важной отличительной особенностью — повсеместно заключенными в нем темно-красными включениями. Все фактурные особенности описываемого материала трудно передать даже на хороших фото — лучше держать вещи в руках. С учетом огромного ареала больших оселков и условий их современного хранения задача тяжелая...

Сказанное, на наш взгляд, может лишь уточнить и усилить высказанное ранее мнение о том, что длинные позднесарматские оселки из специфического материала сопряжены с особым кругом древностей в узком хронологическом диапазоне (Безуглов, 2017, с. 103).

Хронология. Нам неоднократно приходилось обращаться к вопросам датировки богатых позднесарматских воинских погребений с оружием и предметами конского убора. Поэтому мы не будем повторять ранее приведенные аргументы, а укажем лишь на место кургана 3 группы «Большевик II» среди других схожих памятников. Наиболее близки ему, по большей части, уже многократно упомянутые курганные комплексы:

1. Могильник Центральный VI, к. 16, погр. 8 (Безуглов, 1988, с. 103–115).

2. Могильник Камышевский I, к. 8, погр. 1 (Безуглов, 2017, с. 84–127).

3. Могильник Высочино VII, к. 12, погр. 1. (Безуглов, 1997, с. 133–142).

Все эти погребения археологически синхронны и были датированы в широких рамках второй половиной II – первой половиной III вв. н. э., где может быть выделен *наиболее вероятный* хронологический интервал

их совершения — около последней четверти II – первой трети III вв. н. э. Чаше других приходится встречать верхнюю дату как первую половину III столетия. Чтобы совсем уж никак не ошибиться, пожалуй, да... Но наблюдения за нумизматическими основаниями датировки всей группы позволяют утверждать, что к самой середине III в. (ну, «около 250 г.») историко-культурное явление, оставившее в земле «всаднические» погребения от Среднего Дуная до Средней Азии и волго-уральских лесов, уже состоялось. Без сомнения, традиции, элементы этого культурного феномена сохранялись в южнорусско-понтийской зоне и в развитой-поздней частях III столетия в качестве исчезающего, растворяющегося «шлейфа», но это уже отдельная аналитическая тема.

Наиболее пространно основы датировки «всаднического» горизонта сформулированы в работах, посвященных курганам могильника Валовый I (Безуглов, Глебов, Парусимов, 2009, с. 110–113) и кургану у ст. Камышевской (Безуглов, 2017, с. 105–107). В уточнении нуждается лишь один пункт из статьи о Камышевской. Речь идет о важном репере крымской и позднесарматской хронологии — находке в склепе 222 некрополя Нейзац в Центральном Крыму. В этом комплексе с прекрасным набором важнейших культурно-хронологических индикаторов была найдена монета — денарий Коммода (180 – 192 гг.). Первое ее воспроизведение появилось в публикации комплекса, вышедшей в 2006 г. (Храпунов, 2006, с. 104, рис. 3, 23). Здесь была приведена прорисовка; легенда реверса монеты в форме — LIBERT AVG PM TRP XI IMP VIII COSSV (так), и дата — 184 – 189 гг. н. э. со ссылкой на определение и описание монеты, выполненное Н. А. Алексеенко (Храпунов, 2006, с. 115, примечание 1).

В 2009 г. вышла в свет статья Н. И. Храпунова, посвященная нумизматическим материалам, обнаруженным при раскопках могильника Нейзац (Храпунов Н., 2009, с. 55–82; иноязычная версия той же

статьи — Khrapunov N., 2013, p. 270–298). В ней приведено уточненное определение монеты из погр. 222; по сочетаниям титулатуры она была отнесена к 186 г. н. э. (Храпунов Н., 2009, с. 56, № 1, рис. 1, 1; Khrapunov N., 2013, p. 271, fig. 1, 1).

В немецкой публикации 2013 г. появилось фото монеты, по которому один из авторов настоящих строк попытался уточнить ее дату как 192 г. н. э. (Безуглов, 2017, с. 106). Уже после выхода статьи о Камышевской, благодаря любезности И. Н. Храпунова, мы получили крупную фотографию реверса монеты с комментарием Н. И. Храпунова. Монета посредственной сохранности; изображения реверса, на котором размещена датирующая титулатура — оплывшие, размазанные, с нечеткими контурами, что бывает при работе изношенного штемпеля. Чтобы поставить точку в уже сложившейся истории нейзацкой монеты, следует признать самое ее адекватное определение — в цитированной работе Н. И. Храпунова. Финал ее легенды, несмотря на плохо пробитые буквы, следует читать COSVPP, а не COSVII, как было предложено в статье о камышевском кургане. Таким образом, по сочетанию консульского, императорского и трибунского титулов монету следует отнести не к 192, а к 186 г. н.э. «Подвижка вниз» в 6 лет ровным счетом ничего не меняет в общем обосновании хронологических рамок позднесарматского «всаднического» горизонта и его проявлений в смежных культурных группах, но любые возникающие неточности, вне всякого сомнения, следует устранять.

Таким образом, курган 3 группы «Большевик II» может быть признан совершенно синхронным и однокультурным с располо-

женными неподалеку погребениями Центральный VI, 16/8 и Камышевский I, 8/1 и датирован с наибольшей вероятностью концом II – ранней частью III вв. н. э. Указанные нами комплексы принадлежали представителям позднесарматской знати и располагались на ограниченном пространстве по обе стороны русла р. Дон. Это обстоятельство позволяет предполагать наличие в районе, очерченном находками упомянутых погребений мощного кочевого образования с доминирующей ролью профессиональной военной элиты.

Рассмотренный нами погребальный комплекс еще более отчетливо обозначает сопряженность позднесарматской кочевой элиты донского бассейна с располагавшимся в устье Дона очагом оседлости, важнейшим экономическим и военно-политическим центром которого был Танаис. Степень культурно-исторического единства военизированной знати степи и социальной верхушки Танаиса была очень высокой. Важно отметить, что с приближением к Танаису и располагавшимся близ него поселениям, плотность находок импортных вещей, в том числе и бронзовой посуды, в позднесарматских комплексах возрастает.

Хронологический отрезок с середины II до середины III вв. н. э. — время наивысшего расцвета Танаиса как культурно-экономического и военно-политического центра. Ныне можно утверждать, что в эту эпоху в сферу самого непосредственного влияния нижнедонского очага северопонтийской цивилизации были плотно вовлечены кочевые племена Приазовья и донского бассейна, включая и русла его крупнейших лево- и правобережных притоков (Сала, Маныча, Северского Донца).

Литература

- Алексеева Е. М.* Некрополь Горгиппии, погребальный комплекс 1975 – 1976 гг.: датировка и принадлежность // ДБ. 2017. Вып. 21. С. 9–39.
- Антипенко А. В.* Реконструкция снаряжения верхового коня III в. н. э. из могильника Нейзац // ПИФК. 2015. №2 (48). С. 109–120.
- Арсеньева Т. М., Безуглов С. И., Толочко И. В.* Некрополь Танаиса. Раскопки 1981 – 1995 гг. М.: «Палеограф», 2001. 274 с.
- Баркова Л. Л.* Погребения коней в кургане Шиббе // АСГЭ. 1979. Вып. 20. С. 55–65.
- Безуглов С. И.* Позднесарматское погребение знатного воина в степном Подонье // СА. 1988. №4. С. 103–115.
- Безуглов С. И.* Позднесарматское погребение у ст. Хапры // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1988 г. (тезисы докладов к семинару). Азов: б. и., 1989. С. 25–29.
- Безуглов С. И.* Воинское позднесарматское погребение близ Азова // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1994 г. Вып. 14 / Отв. ред. В. Я. Кияшко. Азов: Азовский краеведческий музей, 1997. С. 133–142.
- Безуглов С. И.* Позднесарматская культура и Нижний Дон (современное состояние проблемы) // Становление и развитие позднесарматской культуры (по археологическим и естественнонаучным данным). Материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. Вып. III. Волгоград, 2010. С. 93–116.
- Безуглов С. И.* Позднесарматский курган у станицы Камышевской на Дону // Вестник Танаиса. Вып. 4 / Отв. ред. В. И. Перевозчиков. Хутор Недвиговка Мясниковского р-на Ростовской обл.: АМЗ «Танаис», 2017. С. 84–127.
- Безуглов С. И., Глебов В. П., Парусимов И. Н.* Позднесарматские погребения в устье Дона (курганный могильник Валовый I). Ростов-на-Дону: «Медиа-Полис», 2009. 128 с.
- Безуглов С. И., Захаров А. В.* Богатое погребение позднеримского времени близ Танаиса // Известия Ростовского областного музея краеведения. Вып. 6 / Ред. кол. Т. Н. Абрамова и др. Ростов-на-Дону: Ростовское книжное издательство, 1989. С. 42–66.
- Беспалый Е. И.* Погребения позднесарматского времени у г. Азова // СА. 1990. №1. С. 213–223.
- Беспалый Е. И., Лукьяшко С. И.* Древнее население междуречья Дона и Кагальника. Т. 1. Курганный могильник у с. Высочино. Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2008. 224 с. (Материалы и исследования по археологии Юга России. Вып. I).
- Беспалый Е. И., Лукьяшко С. И.* Древнее население междуречья Дона и Кагальника. Т. 2. Курганный могильник у с. Новоалександровка. Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2018. 224 с. (Материалы и исследования по археологии Юга России. Вып. I).
- Бруяко И. В., Дзиговский А. Н., Мадыда-Легутко Р.* Studia Baltica et Pontica (Сармато-германский комплекс на городище Картал в низовьях Дуная) // Stratum plus. 2017. №4. С. 233–264.
- Горбенко А. А., Косяненко В. М.* Некрополь Паниардиса (Крепостного городища). Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника, 2011. 512 с. (Донские древности. Вып. 11).
- Гугуев Ю. К.* О месте комплексов из могильников Кировский I, III, IV в системе памятников позднесарматской культуры // Сарматы и их соседи на Дону / Отв. ред. Ю. К. Гугуев. Ростов-на-Дону: ООО «Терра»; НПК «Гефест», 2000. С. 141–155. (Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. 1).

- Гугуев В. К., Безуглов С. И. Всадническое погребение первых веков нашей эры из курганного некрополя Кобякова городища на Дону // СА. 1990. №2. С. 164–175.
- Довгалюк Н. П., Малышев А. А. Описание погребальных комплексов. Каталог // Аспургиане на юго-востоке азиатского Боспора: по материалам Цемдолинского некрополя. М.: Гриф и К, 2008. С. 8–128. (Некрополи Черноморья. II).
- Зубов С. Э., Багаутдинов Р.С. Новые материалы позднесарматского времени в Самарском Заволжье (курганный могильник Конезавод I) // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). V. Материалы X Международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории» / Отв. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: ООО «Фирма «Салта» ЛТД», 2019. С. 103–111.
- Ильюков Л. С. Позднесарматские курганы левобережья реки Сал // Сарматы и их соседи на Дону / Отв. ред. Ю. К. Гугуев. Ростов-на-Дону: ООО «Терра»; НПК «Гефест», 2000. С. 100–140. (Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. 1).
- Ильюков Л. С., Власкин М. В. Сарматы междуречья Сала и Маныча. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1992. 288 с.
- Косяненко В. М. Некрополь Кобякова городища (по материалам раскопок 1956 – 1962 гг.). Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника, 2008. 544 с. (Донские древности. Вып. 9).
- Кривошеев М. В. Наборы клинкового вооружения из позднесарматских погребений // Археология восточно-европейской лесостепи. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 10 / Под ред. В. А. Лопатина. Саратов: б. и., 2013. С. 245–250.
- Курчатов С., Бубулич В. «Сарматское погребение у с. Олонешты» — 40 лет спустя // Взаимодействие культур и хронология Северо-Понтийского региона / Отв. ред. Е. Сава. Кишинев: Ин-т археологии и этнографии АН РМ, 2003. С. 285–312.
- Ларенок В. А. Меотские древности. Каталог погребальных комплексов Кобякова городища из раскопок 1999 – 2000 гг. Часть I. Ростов-на-Дону: ООО «Донской Издательский Дом», 2013. 448 с.
- Ларенок В. А. Меотские древности. Каталог погребальных комплексов некрополя Кобякова городища из раскопок 2000 – 2001, 2002, 2004 годов. Часть II. Ростов-на-Дону: ООО «Донской Издательский Дом», 2016. 320 с.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Две катакомбы позднесарматского времени из Пашковского могильника №2 // Вестник Волгоградского гос. университета. Сер. 4. Ист. 2015. №5 (35). С. 126–138.
- Максименко В. Е., Безуглов С. И. Позднесарматские погребения в курганах на реке Быстрой // СА. 1987. №1. С. 183–193.
- Максимова М. И. Артюховский курган. Л.: Искусство, 1979. 152 с.
- Мелюкова А. И. Сарматское погребение из кургана у с. Олонешты // СА. 1962. №1. С. 195–208.
- Новичихин А. М., Галут О. В. Золото Горгиппии. Анапа – Краснодар: Платонов, 2015. 112 с.
- Прохорова Т. А., Гугуев В. К. Богатое сарматское погребение в кургане 10 Кобяковского могильника // СА. 1992. №1. С. 142–161.
- Трейстер М. Ю. Провинциально-римские шарнирные броши с эмалью и мозаичным стеклом в позднесарматских погребениях Урала и Западного Казахстана // Актуальные проблемы археологии Евразии. Сборник материалов международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию независимости Республики Казахстан и 25-летию Института археологии им. А. Х. Маргулана / Отв. ред. Б. А. Байтанаев. Алматы: б. и., 2016. С. 345–354.

- Храпунов И. Н.* Склеп III в. н. э. из могильника Нейзац // ПИФК. 2006. Вып. XVI/1. С. 104–118.
- Храпунов Н. И.* Монеты из могильника Нейзац (находки 1996 – 2008 гг.) // ПИФК. 2009. №3 (25). С. 55-82.
- Шепко Л. Г.* Позднесарматские курганы в Северном Приазовье // СА. 1987. №4. С. 158–174.
- Шилов В. П.* Отчет о раскопках Астраханской экспедиции 1961 г. Архив Института археологии РАН. Р-1. №2380.
- Яценко Е. Г.* Стекланные сосуды римского и позднеантичного времени из Танаиса (по материалам из раскопа XIX, исследования 1993 – 2000 гг.) // Вестник Танаиса. Вып. 2 / Отв. ред. В. И. Перевозчиков. Хутор Недвиговка Мясниковского р-на Ростовской обл.: АМЗ «Танаис», 2007. С. 173–210.
- Eggers H. J.* Der römische Import im freien Germanien. Atlas der Urgeschichte. I. Hamburg: Museum für Volkerkunde und Vorgeschichte, 1951. 185 S.
- Grenet F., Lee J., Martinez Ph., Ory F.* The Sasanian relief at Rag-I Bibi (Northern Afganistan) // After Alexander. Central Asia before Islam / Ed. J. Cribb, G. Herrmann. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 246–269.
- Khrapunov N.* Coins in the Cemetery of Neyzats (1996 – 2008 finds) // Exploring the Cemetery of Neyzats / Ed. I. Khrapunov. Simferopol – Kristiansand: Dolya Publishing House, 2013. P. 270–298.
- Petrovsky R.* Studien zu römischen Bronze gefäßen mit Meisterstempeln // Kölner Studien zur Archäologie der Römischen Provinzen. 1993. Bd. 1. 460 S.
- Tassinari S.* La vaisselle de bronze romaine et provinciale au Musée des Antiquités nationales // XXIXe supplément à "GALLIA". Paris: Éditions du CNRS, 1975. 83 p.
- Volkov I. V., Guguev Yu. K.* A Late Sarmatian burial in Rostov-on-Don // B. A. Raev. Roman Imports in the Lower Don Basin. Oxford: British Archaeological Reports, 1986. P. 73, 74. (BAR Intern. ser. 278).

Деятельность Тавро-скифской экспедиции: к 75-летию научного предприятия

Ключевые слова: Крым, Тавро-скифская экспедиция, поздние скифы, Неаполь Скифский, история археологии

Резюме

Работа представляет собой опыт реконструкции истории Тавро-скифской экспедиции – одного из крупнейших научно-исследовательских археологических предприятий в Крыму во второй половине XX в. Определяются причины образования и основные этапы деятельности экспедиции. Существенное внимание уделено малоизвестным эпизодам исследований. Анализируется взаимовлияние организационной среды, практических исследовательских мероприятий, генезиса и эволюции ключевых идей.

Nikolai Chemodurov

The Works of the Tauric-Scythian Expedition: To the 75th Anniversary of the Scholarly Project

Keywords: Crimea, Tauro-Scythian expedition, Late Scythians, Scythian Neapolis, history of archaeology

Abstract

This paper suggests an essay reconstructing the history of the Taurian-Scythian Expedition as one of the largest archaeological research projects in the Crimea in the second half of the twentieth century. The reasons behind the establishment of the Expedition and the main stage of its works have been determined. Much attention has been paid to the little-known episodes of the researches. The mutual influence of the organizational environment, practical research works, and the genesis and evolution of the key ideas have been analysed.

Послевоенный период в истории археологического изучения Крыма связан с деятельностью комплексных экспедиций. Первая среди них, получившая название Тавро-скифской, была образована уже в 1945 г. Многими исследователями признана высокая результативность ее работ, материалы раскопок легли в основу огромного числа публикаций. Тем не менее, спустя 75 лет история Тавро-скифской экспедиции в научной литературе представлена фрагментарно. Различные аспекты отражены в статьях и монографиях участников

раскопок (Бабенчиков, 1957; Высотская, 1979; Дашевская, 1957; Домбровский, 1957; Карасев, 1950; Шульц, 1951). Некоторые направления деятельности экспедиции раскрыты в современной историографии (Колтухов, Юрочкин, 2004; Зайцев, 2004; Зайцев, 2015; Манаев, 2015; Майко, 2015; Юрочкин, Майко, 2017; Шкрибляк, 2015). В то же время, недостаточно освещенными остаются причины организации, работы отдельных отрядов, периодизация и последние годы исследований. С целью дополнить имеющиеся представления, в настоящей статье

предлагается вариант реконструкции истории экспедиции.

Причины организации экспедиции.

В корпусе привлеченных источников наиболее ранним свидетельством замысла о создании Тавро-скифской экспедиции является обоснование от 23 октября 1944 г., составленное П. Н. Шульцем (1900 – 1983), занимавшим в те годы должность заведующего античным отделом ГМИИ им. А. С. Пушкина. Согласно документу, задачей экспедиции было «исследование и собирание памятников искусства и культуры скифов и тавров в Крыму». Значимость их культурного наследия подтверждалась предшествующими «находками из Куль-Обского и Золотого курганов, скульптурных портретов скифских царей из Неаполиса¹ Скифского, скифских изваяний Западного Крыма, таврских каменных ящиков, статуэтки «Девы» из святилища в Ялте и т. д.». В число запланированных работ П. Н. Шульц включил раскопки городища Керменчик в Симферополе и широкие разведки в Байдарской долине. Отдельно автор обоснования подчеркнул важность дальнейшего изучения городища Кара-Тобе, где в 1934 г. им были обнаружены остатки «уникального памятника — скифской юрты» (Шульц, 1935, с. 254).

Обращение к памятникам Западного Крыма в обосновании не случайно. П. Н. Шульц впервые осуществил археологические изыскания на полуострове в качестве руководителя Евпаторийской экспедиции ГАИМК в 1933 – 34 гг. Работы экспедиции охватили участок северо-западного побережья от д. Караджа (ныне — пос. Оленевка Черноморского района) до городища Кара-Тобе. Исследования были рассчитаны на три года, но последний полевой сезон в 1937 г. так и не состоялся. В этот год планировалось изучить вопрос распространения скифских поселений в направ-

лении Херсонеса (Шульц, 1941, с. 277), а также довести разведочные работы до Перекопа, с целью соединения с «экспедицией УССР, поставившей задачу исследования проблемы Перекопского вала» (Шульц, 1935, с. 254). Но приступить к реализации этих идей удалось лишь после окончания войны, в рамках Тавро-скифской экспедиции, в плане работ которой отмечена преемственность от Евпаторийской экспедиции ГАИМК (План..., л. 1).

Не до конца понятным остается упоминание о соединении с «экспедицией УССР». По-видимому, П. Н. Шульц подразумевал Никопольскую экспедицию Б. Н. Гракова, которая в 1936 – 38 гг. проводила археологические обследования в нижнем течении Днепра (Граков, 1954, с. 154). В контексте выяснения обстоятельств образования Тавро-скифской экспедиции факт творческого сотрудничества двух исследователей представляет немалый интерес (рис. 1). На Всесоюзном археологическом совещании, которое проходило в Москве с 24 февраля по 1 марта 1945 г., П. Н. Шульц и Б. Н. Граков представили совместный доклад, посвященный изучению Каменского городища. Центральное положение предложенной исследователями концепции единой истории скифской государственности состояло в перенесении в III в. до н. э. столицы из Каменского городища в Неаполь Скифский (Материалы..., 1945, с. 89).

По мнению П. Н. Шульца, выявить археологические следы этого процесса было возможно путем изучения памятников Северо-Западного Крыма — региона, расположенного между Поднепровьем и предгорными областями полуострова (Шульц, 1946, с. 101). В Научном архиве ИАК РАН сохранилась редакция плана работ Тавро-скифской экспедиции на 1945 г. В соответствии с планом, раскопки должны были производиться силами трех отрядов:

¹ До 1946 г. в историографии было принято наименование «Неаполис». Решение об изменении греческого названия на более адаптированное к русскому языку «Неаполь» было принято на Пленуме Крымской комиссии Президиума АН СССР в ноябре 1946 г.

Рис. 1. Б. Н. Греков (слева) и П. Н. Шульц. Коктебель. 1958 г.
(фотография из Научного архива Института археологии Крыма РАН)

Симферопольского (работы на городище Кермен-Кыр), Евпаторийского (обследование окрестностей о. Донузлав, проведение разведок от оз. Сакского до р. Альма и от Ак-Мечети (ныне — пгт. Черноморское) до Перекопа), а также Никопольского. Руководство последним возлагалось на Б. Н. Грекова (План..., л. 2). Задачи Никопольского отряда, в отличие от двух других, не кон-

кретизировались. Отмечалось, что его сотрудниками будут произведены раскопки «одного скифского кургана средних размеров», «раскопки на городище», а также «археологические обследования р. Молочной и р. Белозерки» (План..., л. 3). Однако, этот проект остался нереализованным².

По-видимому, решающее значение в вопросе создания Тавро-скифской экспе-

² В материалах Всесоюзного археологического совещания помещен перспективный план полевых работ ГМИИ им. А. С. Пушкина. Согласно документу, для исследований в Крыму образовывалась Тавро-скифская экспедиция, раскопки севернее Перекопского перешейка поручались Скифо-сарматской экспедиции (Материалы..., 1945, с. 178).

диции имела докладная записка, составленная П. Н. Шульцем на имя заведующего отделом археологических экспедиций и раскопок ГМИИ им. А. С. Пушкина В. Д. Блаватского (Докладная..., л. 1). В качестве главной задачи предлагалось выяснить вопрос о перенесении центра скифской державы в Крым и об образовании в Крыму тавро-скифского государства Скилура и Палака (Докладная..., л. 2). Для этого планировалось создание археологической карты, а также произведение раскопок «главнейших скифских и таврских поселений и некрополей» (Докладная..., л.2). Осуществление всех предприятий экспедиции, за исключением раскопок на Неаполисе, рассчитывалось на пять лет (1945 – 1949 гг.).

К докладной записке прилагался перспективный план работ на пять лет (План..., л. 1). Тавро-скифская экспедиция подразделялась на отряды. Два из них, Симферопольский и Евпаторийский, должны были приступить к работам в августе – сентябре 1945 г. Перед Симферопольским отрядом стояли задачи съемки генерального плана и нивелировки городищ Керменчик и Кермен-Кыр, обследования катакомб в окрестностях Керменчика, а также проведение небольших раскопок на местотроения И. П. Бларамбергом плит с рельефными изображениями (План..., л. 3). Проведение раскопок на городище Кара-Тобе, исследование кургана близ д. Чокрак, архитектурное обследование районов Ак-Мечеть – Перекоп, берега оз. Донузлав, а также территорий от оз. Сакского до р. Альма возлагалось на сотрудников Евпаторийского отряда (План..., л. 3).

Рассмотрение отдельных положений плана позволяет сделать ряд замечаний. Грандиозность запланированных работ придавала экспедиции комплексный характер: каждый ее отряд соединял в своей деятельности изучение одного или нескольких крупных объектов с масштабными разведочными работами. Так, усилия Симферопольского отряда были направ-

лены на сплошное обследование памятников Симферопольского района, а также на исследование городищ Керменчик и Кермен-Кыр. В 1946 г. образовывался Бахчисарайский отряд, в задачи которого входили разведки и раскопки таврских памятников в Байдарской долине. Примечательно, что в действительности работы экспедиции последующих лет практически не затронули этот район (План..., л. 6). Основным объектом внимания Евпаторийского отряда в 1946 – 1947 гг. являлось городище Кара-Тобе, с окончанием раскопок которого предполагалось сосредоточить усилия на исследовании прилегающих к городищу курганов. В течение 1948 г. работы отряда должны были охватить укрепление Беляус и крупные курганы в районе оз. Донузлав.

Большое значение придавалось обследованию и раскопкам Перекопского вала, а также сплошным разведками в Перекопском районе. Перспективность изучения Перекопского вала П. Н. Шульц объяснял тем, что в расположении скифских городищ полуострова «заметна продуманная система», включавшая три линии обороны. Первая проходила у Перекопа, вторая тянулась вдоль долины р. Салгир, а третья — на границе предгорий и гор, по течению р. Альма (Шульц, 1946, с.100). Необходимость проверки этой гипотезы определила круг практических задач Тавро-скифской экспедиции в первые годы ее деятельности.

Особенности организационной среды. Подготовка экспедиционных работ началась в марте 1945 г. Средства на их организацию представило руководство ГМИИ им. А. С. Пушкина и ИИМК им. Н. Я. Марра АН СССР (Шульц, Головкина, 1951, с. 152). В апреле П. Н. Шульц уведомил будущих сотрудников экспедиции о том, что на июль намечены раскопки в Крыму (Домбровский, 2014, с. 65). Первый, сформированный в 1945 г., научный состав был довольно небольшим, но включал разноплановых и компетентных специалистов, представлявших как центральные,

так и крымские научные учреждения. Помимо начальника экспедиции П. Н. Шульца, от музея изобразительных искусств в раскопках приняли участие Е. А. Болотникова (реставратор, заместитель по административно-хозяйственной части), А. Н. Карасев (начальник Симферопольского отряда), Н. Н. Погребова, В. О. Милорадович, а также сотрудник ГИМ В. Б. Гиршберг, О. И. Домбровский (художник), В. Н. Рябов (фотограф), В. Радухин (топограф-чертежник) (Дневник..., 1945, л. 3).

В экспедиции приняли участие некоторые крымские исследователи: сотрудники Центрального музея Крыма В. П. Бабенчиков и Т. Я. Кобец, Херсонесский музей представлял А. К. Тахтай. Кроме археологов в работах были задействованы представители смежных наук: А. Т. Глобенко (специалист по костному материалу), В. В. Познышев (геолог), Н. А. Троицкий (биолог, специалист по органическим остаткам) и В. В. Бобин (антрополог) (Дневник, 1945, л. 3).

Дневниковые записи П. Н. Шульца сообщают, что после преодоления больших трудностей в договоренностях с сотрудниками Наркомата путей сообщения, Управления Московской железной дороги и руководства Курского вокзала, 13 августа состав с участниками Тавро-скифской экспедиции, оборудованием и продовольствием отправился в Крым (Дневник, 1945, л. 4). Сложность организации вполне объяснима, учитывая условия послевоенного восстановления страны. Время, в которое начинались работы экспедиции, характеризует в своих воспоминаниях о трехдневном путешествии в Симферополь О. И. Домбровский, художественно описывая участников экспедиции: «мы, все еще мыслями солдаты» (Домбровский, 2014, с. 65).

По прибытии на полуостров исследователи вместе со всем имуществом были размещены на базе Тавро-скифской экспедиции по адресу Петровская балка, 19. База имела всего лишь три комнаты (Дневник, 1946, л. 6). Только в 1947 г. П. Н. Шульцу

удалось добиться выделения еще двух комнат для проживания сотрудников (Дневник, 1947, л. 11). Несмотря на довольно стесненные условия, уже в первые дни были предприняты необходимые мероприятия, полностью или частично разрешившие сложности организации экспедиции. К ним следует отнести нехватку рабочей силы, в частности квалифицированных работников, проблему обеспечения безопасности открытых раскопками участков, отсутствие транспорта, необходимость дополнительного финансирования.

Призванное обратить внимание общественности к планируемым раскопкам, а также наладить связи с местными историками и краеведами, 18 августа в Центральном музее Крыма состоялось расширенное заседание Краеведческого совета г. Симферополя. П. Н. Шульц представил доклад, посвященный скульптурным портретам Скилура и Палака, после чего сделал сообщение о задачах и плане работ Тавро-скифской экспедиции (Дневник, 1945, л. 9). Текст сообщения опубликован в газете «Красный Крым» в номере от 21 августа. Задача экспедиции сформулирована следующим образом: «исследование вопросов о возникновении и развитии в Крыму скифского государства и взаимосвязях культуры поздних скифов с культурой тавров с одной стороны, и греков с другой» (Дневник, 1945, л. 10). До окончания работ 1945 г. сотрудники экспедиции совместно с руководством Центрального музея Крыма провели еще пять открытых заседаний Ученого совета музея, на которых с докладами выступили В. П. Бабенчиков («Готы в Крыму») и П. Н. Шульц («Результаты Евпаторийской археологической экспедиции», «Итоги работ Тавро-скифской экспедиции») (Дневник, 1945, л. 34). Сообщение о достижениях экспедиции было продублировано П. Н. Шульцем в радиообращении 8 октября 1945 г. (Дневник, 1945, л. 41).

Таким образом, формировались основы взаимопольного сотрудничества Цент-

рального музея Крыма и Тавро-скифской экспедиции. В 1946 г., когда новым директором музея стал полковник В. Н. Мельников, с Тавро-скифской экспедицией был заключен договор о софинансировании. Руководству ЦМК удалось привлечь финансовую помощь других музейных и краеведческих учреждений, и выделить из собственных средств на нужды археологических исследований 2000 руб. (Дневник, 1946, л. 5). По условиям договоренностей большая часть находок экспедиции передавалась в фонды ЦМК (Письмо..., л. 1). Договор о совместных работах поддерживался в последующие годы: в 1948 г. ЦМК заложил в бюджет расходы на проведение Тавро-скифской экспедиции в размере 25000 руб. (Письмо..., л. 1).

Немаловажной была методическая помощь музейных учреждений — предоставление доступа к собраниям научной литературы и коллекциям археологических находок, важность предварительного изучения которых П. Н. Шульц подчеркивал в плановой документации Тавро-скифской экспедиции (План..., л. 1). Благодаря сотрудничеству с музеями и работе с общественностью к участию в экспедиции удавалось привлечь добровольцев. Так, в состав экспедиции попали студентка Крымского пединститута Т. Н. Троицкая и местный краевед, капитан запаса Ф. Г. Вольный (Дневник, 1946, л. 8).

Следует отметить значительный вклад целого ряда научно-исследовательских и музейных учреждений, которые присоединились к археологическим исследованиям в 1946 – 1947 гг. Их сотрудники расширили научный состав Тавро-скифской экспедиции. В 1946 г. участие от Русского музея приняли В. Е. Фармаковская (специалист по инвентаризации и первичной обработке находок) и А. Д. Соколов (помощник художника и фотографа). Начальником Бахчисарайского отряда стал сотрудник ГИМ Е. В. Веймарн, роль которого в истории экспедиции можно назвать ключевой.

Деятельную помощь оказали директор Музея Пещерных городов Крыма П. П. Бабенчиков, директор Евпаторийского краеведческого музея И. Н. Штин, сотрудник МГУ Х. И. Крис (Дневник, 1946, л. 3).

Вместе с тем, оставалась нерешенной проблема нехватки рабочей силы. В связи с этим, руководством экспедиции была предпринята попытка получить содействие от руководства Крымского пединститута. По просьбе П. Н. Шульца В. П. Бабенчиков обратился к декану исторического факультета Ф. С. Загородских с просьбой о предоставлении студентов для участия в раскопках, но помощи так и не получил (Полевой..., 1946, л. 4). Этот факт объясним, учитывая, что в это время факультет переживал существенный недобор студентов, а первый послевоенный выпуск историков в институте состоялся только в 1947 г. (Сто лет..., 2018, с. 86). Встреча П. Н. Шульца с командующим Таврическим военным округом генерал-майором К. С. Мельником, на которой начальник экспедиции просил выделить для работ 20 красноармейцев, также закончилась безрезультатно (Дневник, 1945, л. 15).

Исправить практически безнадежную ситуацию позволила поддержка секретаря Обкома ВКП(б) В. А. Чурсина. Благодаря его посредничеству Наркомат внутренних дел предоставил в распоряжение начальника экспедиции 20 военнопленных (Дневник, 1945, л. 26). В первые годы работ пленные немцы, венгры, румыны, а также заключенные советские граждане составляли значительную часть рабочей силы экспедиции. Помощь партийного руководства имела существенное значение и в последующем. Так, 2 августа 1946 г. состоялось совещание Областного комитета ВКП(б), на котором решался вопрос о поддержке Тавро-скифской экспедиции. Было решено ассигновать 20000 руб. из областного бюджета на совместные с Центральным музеем Крыма работы (Дневник, 1946, л. 12). Обком обязался ходатайствовать перед

наркомом внутренних дел Крымской АССР генералом-лейтенантом В. Т. Сергиенко о выделении для работ экспедиции тридцати военнопленных (20 на Неаполь, 10 на Кермен-Кыр) (Дневник, 1946, л. 13). Собрание постановило превратить Неаполь в государственный археологический заповедник, обнести его территорию колючей проволокой протяженностью 6 км и просить помощи в этом у Штаба Таврического округа (Дневник, 1946, л. 13). Наконец, положительно решились вопросы о выделении штатной единицы сторожа и обеспечения экспедиции грузовой полутонной машиной (Дневник, 1946, л. 14).

Участие военнопленных оценивалось неоднозначно. Формально, рабочих было достаточно, однако в полевых дневниках сотрудников экспедиции нередко встречаются замечания об их отсутствии, обусловленном трудностями с конвоированием или изменением наряда временных работ (Полевой..., 1946, с. 14). В 1945 г. на раскопки отправляли пленных «из числа выздоравливающих». При этом работать они могли лишь в первой половине дня с 10 до 14 часов. П. Н. Шульц отмечал, что до Неаполя пленные добирались более полутора часов и часто опаздывали. По каким-то причинам руководитель экспедиции отдавал предпочтение пленным венграм и румынам, отсеивая немцев (Дневник, 1945, л. 29). Вероятно, это было связано и с качеством выполнения работ.

Страницу истории Тавро-скифской экспедиции об участии в раскопках военнопленных дополняет письмо венгерских офицеров на имя «Господина профессора Шульца» от 29 августа 1947 г. (Письмо..., 1947, л. 1). По содержанию письмо представляло собой жалобу венгерских офицеров на их перевод с раскопок «чрезвычайно важных, венгров так интересующей» на строительство здания МВД. Возможно, археологические работы представлялись пленным делом предпочтительным, более простым, поэтому заверение в том, что

«среди 1000 пленных лагеря, рабочих, знающих важность археологических раскопок, кроме венгерских офицеров, едва можно находить» следует воспринимать как фигуру речи.

Вместе с тем, помимо просьбы о содействии в возвращении, офицеры выразили благодарность за хорошее обращение и пожелание дальнейших научных успехов. Отправитель также прилагал три книги, предоставленные сотрудниками экспедиции. Таким образом, некоторые работники из числа военнопленных вполне могли проявлять живой интерес к археологическим исследованиям. В дневнике В. П. Бабенчикова в связи с этим событием оставлена запись от 29 августа: «Начальство лагеря военнопленных переменяло команду: вместо офицерской бригады венгров, толковых и заинтересовавшихся работой, прислали немцев-солдат. Расчищать костяк с такими рабочими я не решился...» (Полевой..., 1947, л. 9).

Работы Тавро-скифской экспедиции в 1945-1947 гг. Принципиальной задачей первого года деятельности Тавро-скифской экспедиции стало выяснение местоположения Неаполя Скифского (План..., л. 1). Локализовать столицу крымских скифов были призваны раскопки двух памятников: Керменчика и Кермен-Кыра. Открытие в ходе исследований на Керменчике О. В. Милорадовичем фундамента южной оборонительной стены со следами неоднократных перестроек, обнаружение Н. Н. Погребовой остатков винодельни, а также многочисленные находки импортной эллинистической керамики разрешили вопрос в пользу первого городища (Шульц, 1946, с. 96).

Работами на Кермен-Кыре руководил научный сотрудник ГМИИ им. А. С. Пушкина В. Б. Гиршберг. Раскопки, проводившиеся с 26 августа по 9 сентября, открыли остатки внешней стены поселения, сооружение которой В. Б. Гиршберг отнес к рубежу III – II вв. до н. э. Стена была устроена поверх земляного вала (Краткий..., 1945, л. 4).

Примечательное открытие при осмотре обрезов траншеи в центре городища совершил О. И. Домбровский. На этом участке были обнаружены следы древней керамической обжигательной печи. С подобной находкой на позднескифском городище в Крыму исследователи столкнулись впервые. Оригинальная техника изучения печи и его результаты отражены в многочисленных публикациях (Домбровский, 1957, с. 191–201; Власов, 2014, с. 153–169).

9 сентября 1945 г. сотрудники Тавро-скифской экспедиции начали раскопки на городище Залесье, расположенном на возвышенности на пути из района долины Салгира в район долины реки Альмы. Здесь, по мнению П. Н. Шульца, пролегал древний путь из степи к южному берегу. Залесское городище в плане имеет округлые очертания. В ходе его раскопок выявлены несколько линий кольцевой обороны (Дневник..., 1945, л. 30). Раскопки производились в центре городища, где возвышался целый ряд мощных зольных холмов. В срезах культурного слоя в немецких окопах были обнаружены остатки сооружений. В результате зачисток удалось выяснить границы каменного прямоугольного здания, сохранившаяся высота стен которого достигала более 2 метров. Кроме того, были раскопаны несколько круглых ям, выложенных камнем и обмазанных глиной. Интересной находкой стали остатки круглых каменных сооружений, построенных с применением приема кладки «ложного свода». Городище, датированное рубежом IV – III вв. до н. э. – IV в. н. э., по замечанию П. Н. Шульца, имело, в силу своего местоположения, крупное военно-стратегическое значение (Шульц, 1947, с. 280).

В 1945 г. силами Симферопольского отряда были обследованы городище Таш-Джарган и укрепленное поселение у д. Саблы. Открытые памятники, отнесенные к культуре поздних скифов, наряду с городищами Неаполь Скифский, Кер-

мен-Кыр, Залесье, П. Н. Шульц назвал «составными звеньями» в цепи городищ предгорного Крыма, объединенной единой стратегической задачей: «создать надежную оборону основных жизненных центров скифов в Крыму и обеспечить им выход на запад и юг к морю» (Шульц, 1947, с. 289).

В 1946 – 1947 г. задачей работ Симферопольского отряда стало исследование Неаполя Скифского — «города-государства» скифов в Крыму (Шульц, 1947, с. 280). Одно из крупнейших достижений этого периода связано с исследованиями в центральной части оборонительной стены городища, где в 1946 г. Н. Н. Погребовой был обнаружен пристенный каменный мавзолей³ (рис.2.). В этом же году выдающееся открытие в изучении погребального обряда поздних скифов совершил В. П. Бабенчиков. Первоначально исследователь руководил работами на раскопе «В» к северо-западу от раскопа Н. Н. Погребовой. Исследования здесь не принесли существенных результатов, после чего ученый обратился к обследованию некрополей города. В ходе работ удалось установить, что катакомбы, открытые в 1885 г. Х. Х. Ящуржинским, тянулись по скалистым склонам Петровской балки, западному и восточному далеко за предполагаемые границы города. Второй район катакомб выявлен В. П. Бабенчиковым на восточном краю Петровских скал у начала склона к долине Салгира (Полевой..., 1946, л. 6).

Фиксируя изменения в характере растительного покрова, В. П. Бабенчиков обнаружил две неразрушенные катакомбы. В одной из них на скальных стенах сохранился орнамент, нанесенный охрой, обрамлявший архитектурные формы. На стене сохранилось фигурное изображение скифа с луком, коня и двух танцующих женских фигур (Краткий..., 1946, л. 4). Открытие этой композиции принадлежало Е. А. Болотниковой, удалившей с поверхности росписи перекрывавшие ее соли (Полевой..., 1946,

³ О мавзолее (Погребова, 1947, с. 22–32).

Рис. 2. П. Н. Шульц в мавзолее Неаполя Скифского. 1946 г.
(фотография из Научного архива Института археологии Крыма РАН)

л. 18). В качестве аналогий В. П. Бабенчиков привел наиболее близкие, на его взгляд, росписи склепа Сабазиастов в Керчи (Полевой..., 1946, л. 21). Находки в катакомбах впервые познакомили исследователей с монументальной живописью поздних скифов. Их обнаружение стало одной из самых крупных удач экспедиции. В целом за два года работ были открыты и изучены 28 таких погребальных сооружений.

13 августа 1947 г. была открыта катакомба №9, на стенах которой представлены художественные композиции, превосходившие все прочие, обнаруженные на некрополе Неаполя Скифского⁴ (Полевой..., 1946, л. 26). 19 августа после реконструкции, выполненной Е. А. Болотниковой, и фиксации росписей О. И. Домбровским, В. П. Бабенчиков замечает, что контуры изображений процарапаны, «как это делали греческие мастера на расписной керамике»

(Полевой..., 1946, л. 27). Но вскоре делает вывод: «сходство с русским искусством в орнаментике несомненно» (Полевой..., 1946, л. 28).

На страницах полевого дневника В. П. Бабенчикова есть свидетельство возникшей по поводу росписей в катакомбе №9 дискуссии, участие в которой принял начальник экспедиции П. Н. Шульц, руководитель Симферопольского отряда А. Н. Карасев и другие сотрудники, задействованные в раскопках Неаполя Скифского. Высокий уровень техники изображений в склепах некрополя ставил вопрос о роли в их создании греческих мастеров. В. П. Бабенчиков выступил против идеи об участии греков. В полевом дневнике он отмечал: «Не вижу никакой надобности лишать скифов, проживавших здесь более тысячелетия, возможности расти и развиваться как все люди» (Полевой, 1946, л. 34). Сравнивая

⁴ В историографии их описанию и анализу посвящена серия работ (Бабенчиков, 1957).

архитектурные особенности катакомб Неаполя со склепами эллинистического и римского времени в Крыму, ученый пришел к выводу об отличиях последних, связанных со сложными строительными приемами и детализацией строительных форм. Гораздо более близкими он посчитал склепы «так называемых готских» могильников Эски-Кермена и Суук-Су. П. Н. Шульц допускал факт влияния эллинистической художественной традиции на создание неапольских росписей. Изображение всадника сравнивается им с мотивами боспорского искусства. Примеры живописи в склепах Неаполя, наряду с художественной традицией Боспора, исследователь отнес к сложному культурному образованию, которое называл «причерноморской античностью» (Шульц, 1947, с. 287).

Гипотеза о существовании стратегической системы обороны государства крымских скифов требовала археологических доказательств. В 1945 г. Тавро-скифской экспедицией начаты масштабные разведки, в ходе которых обследованию подверглись районы Курцово-Сабловской и Альминской долин (Дневник разведок, 1945, л. 2). Вместе с разведками, запланированными на следующие годы в долинах р. Салгир и р. Ангара, они должны были выявить следы дорог, которые вели от Неаполиса Скифского в трех направлениях: на южное побережье, к Инкерману и Херсонесу, и к Керкинитиде (Дневник разведок, 1945, л. 21). Разведки, по-видимому, преследовали еще две цели. Для определения характера взаимоотношений скифского и таврского населения, по мнению П. Н. Шульца, было необходимо проследить археологически границу между ареалами двух культур (Шульц, 1946, с. 114). Второй мотив был связан с результатами раскопок Евпаторийской экспедиции 1933 – 34 гг. Выявленные следы плотного заселения северо-западного побережья полуострова в античное время, наводили на мысль о складывании аналогичной ситуации в Южном Крыму. Этот район казался

перспективным также и потому, что здесь могли быть обнаружены свидетельства прямых контактов скифского и таврского населения (Дневник разведок, л. 13).

Обследованием памятников Курцово-Сабловской и Альминской долин занималась группа в составе П. Н. Шульца, О. И. Домбровского, В. Н. Рябова и Е. А. Болотниковой. Маршрут разведок был следующим: Симферополь — балка Таш-Джарган — д. Саблы — русло р. Саблинка — долина р. Альма — долина р. Сухая Альма — г. Бабуган-яйла — Аю-Даг. В течение восьми дней с 25 сентября по 1 октября 1945 г. группа обнаружила следы поселения в балке Таш-Джарган и сняла план городища Саблы. В урочище Аппалах, в верхнем течении р. Сухая Альма осмотрены пять групп таврских каменных ящиков, включавших в общем 83 конструкции. В дневнике указано: «Все они перекопаны и ограблены. Находок нет. В годы войны ящики использовались партизанами в качестве укрытия» (Дневник разведок, 1945, л. 10). На г. Аю-Даг группой выявлены остатки стен и каменных сооружений. Признаков культурного слоя и подъемного материала обнаружено не было, из-за этого П. Н. Шульц отмечал неуверенность в датировке (Дневник разведок, 1945, л. 15). Округлая форма укрепления напомнила ученому городище Красный курган, известное в наши дни под названием Кульчукское. Однако особенность кладки стен, состоящая в отсутствии внутренней забутовки, отличала объект от других позднескифских памятников такого типа. О. И. Домбровский снял план городища, а В. Н. Рябов произвел фотосъемку (Дневник разведок, 1945, л. 16).

В дневнике разведок отмечено, что «результаты дают право полагать, что скифы, смешиваясь с таврами, вышли на южное побережье Черного моря, и не исключена возможность того, что мощный укрепленный пункт на г. Аю-Даг со скифами связан» (Дневник разведок, 1945, л. 24). Более уверенные выводы помещены

в Кратком отчете о работах за 1945 г. Так, П. Н. Шульц заключал, что в результате разведок удалось выявить стройную стратегическую систему городищ поздних скифов, которые тянутся к западному и южному побережьям. Время их возникновения он относил к IV – III вв. до н. э., а прекращение существования к IV в. н. э. (Краткий..., 1945, 6). В данном случае достижения экспедиции были явно преувеличены.

Существенные результаты, подтверждавшие гипотезу о системности в расположении скифских городищ, преподнесли разведки Бахчисарайского отряда в районах д. Саблы, д. Мангуш, р. Марта и г. Бахчисарай, выполненные с 1 по 12 сентября 1946 г. Е. В. Веймарном, П. П. Бабенчиковым, Х. И. Крис, А. А. Трапезаровым (фотограф), Я. А. Дубинским. Главными достижениями стало открытие городищ на г. Таш-Джарган и у д. Балта-Чокрак, поселений и убежищ на г. Красная и г. Долгий бугор, а также ряда погребальных комплексов, среди которых наибольший интерес представляли грунтовые склепы в балке Ашлама-Дере (Отчет..., 1946, л. 14). Обнаруженные поселения были предварительно отнесены «либо к скифской, либо к таврской культуре». Так, следы укрепленного убежища с хорошо сохранившейся стеной на р. Бодрак названы таврскими (Отчет..., 1946, л. 11). Исследования последующих лет опровергли некоторые из выводов участников разведок. Например, упомянутое таврское убежище оказалось позднесредневековым укреплением Сарымамбаш-Кермен (Мыц, 2018, с. 89).

В 1947 г. работы Тавро-скифской экспедиции начались с разведок в Курцово-Сабловской долине. 17 августа группа в составе П. Н. Шульца, Е. В. Веймарна, В. П. Бабенчикова, О. И. Домбровского, Е. А. Болотниковой и В. А. Головкиной, получив сообщение «краеведа из Симферополя» А. А. Щепинского, обнаружившего следы поселения, выехали для проведения обследований. Объект внимания исследова-

телей располагался в Курцово-Сабловской долине, к западу от городища Таш-Джарган, «на самой возвышенной точке гребня, почти над Змеиной пещерой» (Дневник..., 1947, л. 3.). Выступ гребня ограничивался каменным валом «подковообразной» формы, к северу от его линии фиксировался еще один земляной вал. Размеры городища составляли 200x170 м. Описывая памятник П. Н. Шульц отметил, что «по своему характеру оно представляет собой переходный тип между скифским городищем и таврским укрепленным убежищем (Дневник..., 1947, л.4). Городище было названо в честь открывателя Аскольдовым⁵ (Дневник, 1947, л. 5).

В 1947 г. Бахчисарайским отрядом выявлены и обследованы городище близ д. Тахта-Джами и небольшое укрепленное поселение у д. Доброе, где, по мнению Е. В. Веймарна, древняя дорога из Неаполя Скифского к побережью поворачивала в сторону г. Чатыр-Даг (Отчет..., 1947, л. 9). В районе д. Тавель (совр. Краснолесье) и д. Биюк-Янкой (совр. Мраморное) Е. В. Веймарн отметил «границу скифских и таврских владений», на которой «заканчивается распространение скифских курганов и чаще обнаруживаются таврские каменные ящики и каменные курганы» (Отчет..., 1947, л. 11). Важное значение имела находка у подножья г. Чатыр-Даг остатков стены, сооружение которой П. Н. Шульц и Е. В. Веймарн связали с культурой тавров. (Отчет..., 1947, л. 12). На линии укрепления фиксировались два воротных проема: на верхнем и нижнем участке. Небольшие раскопки на нижнем участке затронули остатки примыкающего строения, которое, по мнению исследователей, исполняло функцию цитадели (Отчет..., 1947, л. 12).

Вторым этапом работ стало обследование южного побережья в районе г. Сераус и г. Кастель, на вершинах которых были открыты следы стен, «циклопического характера», сложенных насухо из местного бутового камня (Отчет..., 1947, л. 17).

⁵ В наши дни общепринятым является наименование Змеиное (Смекалова и др., 2015, с. 86).

Укрепления также были отнесены к таврскому времени. Близкое расположение защищенных поселений на вершинах гор Аю-Даг, Сераус и Кестель, а также протяженной стены, перекрывавшей предполагаемую древнюю дорогу из Неаполя, позволили Е. В. Веймарну заключить, что эти объекты составляли единую стратегическую систему, служившую для защиты таврских владений как от греков, так и от скифов (Отчет..., 1947, л. 25).

В урочище Малаба на склонах г. Демерджи над пос. Семидворье, а также на г. Церковный Бугор и в урочище Япаллах разведками обнаружены крупные таврские могильники с каменными ящиками. Дополнительно произведены раскопки кромлеха с разграбленным в древности каменным ящиком в окрестностях г. Алушта (Отчет..., 1947, л. 31). На 1948 г. намечалось обследование южного побережья на участке от г. Аю-Даг до г. Ай-Тодор, горных районов Юго-Западного Крыма и верховий рек Альма, Кача и Марта (Отчет..., 1947, л. 34).

Результаты трехлетних работ по обнаружению следов скифского и таврского присутствия в Предгорном и Южном Крыму оценивались П. Н. Шульцем как полностью подтвердившие предположения о существовании в древности системы расположения городищ скифов, границы таврских и скифских владений, а также дорог, соединявших столицу Крымской Скифии и прибрежные районы. Открытие ряда укреплений на южном побережье и у подножья г. Чатырдаг свидетельствовали о высоком уровне таврской культуры (Дневник, 1947, л. 44). В 1947 г. П. Н. Шульц отметил, что благодаря разведкам удалось установить основные отличия таврской и скифской фортификации. Так, скифские укрепления соединяли в себе функции крепости и поселения (Краткий..., 1947, л. 7). Очевидно, вывод обусловлен тем, что на памятниках, оставленных, по мнению П. Н. Шульца, таврами, не удалось обнаружить существенных признаков культурного слоя.

Рис. 3. П. Н. Шульц (слева) и О. И. Домбровский. Неаполь Скифский. 1948 г. (фотография из Научного архива Института археологии Крыма РАН)

В составе Тавро-скифской экспедиции в 1947 г. образовался Белогорский отряд в составе П. Н. Шульца, Ф. Н. Пащенко, О. И. Домбровского и В. Н. Рябова. Его задача состояла в обнаружении и обследовании киммерийских, скифских и сарматских памятников, расположенных вдоль древнего пути, соединявшего Неаполь Скифский и Пантикапей (Отчет..., 1947, л. 2). Интерес был обусловлен практически полным отсутствием предшествующих исследований в этом регионе (Отчет..., 1947, л. 3). В ходе работ исследованию подверглись два объекта: курган с каменной гробницей в окрестностях Белогорска и городище у д. Аргин.

Подкурганное погребение, располагавшееся на северо-западной окраине г. Белогорск, было раскопано в октябре 1947 г. (Отчет..., 1947, л. 15) (рис. 4). Под двойной насыпью из земли и камня обнаружен каменный склеп с дромосом и камерой, размерами 3x2 м, облицованной хорошо отесанными известняковыми плитами.

Перекрытие составляли шесть продолговатых плит, с максимальной длиной 4,2 м, положенных одна на другую. Особенности кладки, в частности угловые камни в форме буквы «Г» позволили П. Н. Шульцу провести аналогию с конструкцией мавзолея Неаполя Скифского. В связи с этим, им высказано предположение, что открытая гробница являлась примером формы, предшествующей мавзолею. Однако в характере перекрытия отмечалось влияние боспорских традиций (Отчет..., 1947, л. 16). Склеп оказался разграбленным, но по фрагментам аттического чернолакового канфара и гераклейской амфоры с клеймом он датирован III в. до н. э. (Отчет..., 1947, л. 18).

Белогорский отряд также произвел осмотр городища, получившего впоследствии название Аргинского. Расположенное на высоком холме, оно имело две кольцевые линии оборонительных стен. В районе открытого городища были известны обнаруженные в 1928 г. Н. Л. Эрнстом поселения

Рис. 4. Курган у г. Белогорск. Каменный склеп. 1947 г.
(фотография из Научного архива Института археологии Крыма РАН)

у д. Тайган и д. Чердаклы, а также городище на г. Ак-Кая, заслугу открытия которого тогда отдавали А. П. Булавенко (Тункина, 2015, с. 29). В связи с близким расположением этих пунктов П. Н. Шульц сделал вывод об очевидности их роли в системе скифских укреплений в Предгорном Крыму (Краткий, 1947, л. 8). В отчете о разведках отмечалась вероятность взаимосвязи поселений и многочисленных курганных насыпей (Отчет, 1947, л. 7).

Тавро-скифская экспедиция в 1948 – 1950 гг. 23 декабря 1947 г. постановлением Президиума АН СССР была образована Крымская научно-исследовательская база. Деятельное участие в ее организации принимал П. Н. Шульц, о чем свидетельствует Удостоверение уполномоченного Президиума АН с правом производить «приемку зданий и осуществлять денежные операции в Госбанке» (Удостоверение..., 1947, л. 1). В июне 1948 г. ученый возглавил Сектор истории и археологии Крымской базы, в ведение которой перешла Тавро-скифская экспедиция. Сектор расположился в трех комнатах здания по ул. Ленина, 7 в Симферополе. Учитывая, что работникам приходилось размещаться вместе с оборудованием и материалами раскопок, условия работы признавались совершенно неудовлетворительными (Протоколы..., л. 29).

Ограниченным оказалось финансирование археологических исследований. Основные источники поступления средств КНИБ составляли ассигнования по союзному бюджету, перечисления за выполнение работ по договорам и спецассигнования Президиума АН СССР (Положение..., л. 6). Привлечения средств из внешних источников не допускалось. Разница в размере бюджета научно-исследовательских работ КНИБ АН СССР, выраженная в абсолютных цифрах, демонстрирует несомненный рост затрат: так, в 1948 г. — это 1120 тыс. руб., а в 1949 г. — 2362 тыс. руб. (Стенограмма, 1949, л. 18). Однако, если в 1949 г. общая сумма, выделенная на научные работы,

составила по базе около 2400 тыс. руб., то на отдельный сектор приходилось в среднем по 40 тыс. руб. Средств, таким образом, было критически мало с учетом того, что только на организацию Тавро-скифской экспедиции в 1948 г. затрачено свыше 60 тыс. руб. (Стенограмма, 1949, л. 22).

В 1949 – 1951 гг. наблюдается сокращение финансирования работ Сектора истории и археологии. Так, в 1949 г., в связи с недостаточным обеспечением, полностью исключалась из плана работ тема «Фортификационные сооружения средневекового времени в Юго-Западном Крыму», сокращались исследования по разделам «Земский вопрос в Крыму», «Славяне в Крыму» и «Скифы в Крыму» (Планы..., л. 56). В 1950 г. ассигнования вновь резко сократили. Кроме того, отмечалось, что даже в случае уменьшения числа разрабатываемых тем, полученные от Академии Наук средства «нет возможности использовать, потому что их выдачу задерживает на полтора месяца Крымская контора Госбанка» (Стенограмма, 1949, л. 54).

В докладной записке заместителю директора КФ АН СССР Д. Я. Козину П. Н. Шульц конкретизирует недостаточность оснащения материальной базы Сектора истории и археологии. Потребности заключались в предоставлении дополнительных сменной оптики для аппаратов ФЭД, нивелира, слесарного и столярного инструмента, вакуумного насоса, вагонеток и рельсовых путей, тачек, палаток и брезента, ленточного конвейера и мотора, а «также различного мелкого, крайне нужного оборудования» (Стенограммы..., л. 57).

Существенным недостатком материального обеспечения научных исследований была непоследовательность в планировании. Составление планов работ происходило до формирования бюджета. Лишь после утверждения положений плана под них подводилась финансовая база. Как правило, в 1948 – 1950 гг. Сектор истории и археологии получал $\frac{1}{4}$ требуемых средств

(Краткий..., 1951, л. 3). В связи с этим П. Н. Шульц сообщал Я. Д. Козину: «Мы бываем вынуждены, чтобы не срывать план в какой-то части, хотя в части экспедиционных работ приходится иной раз идти по линии нарушения законов по труду, то есть разрешать научным сотрудникам выезд в поле без оплаты, как это было в 1950 г. или же сократить объем полевых работ, как это имело место в 1951 г.» (Краткий..., 1951, л. 4).

В условиях специфической политико-административной атмосферы конца 1940-х гг. руководство КФ АН СССР требовало от крымских археологов и историков определения места и роли Крыма как неотъемлемого звена истории народов СССР (Протоколы..., 1949, л. 46). Особое значение приобрела сгенерированная в местном научном сообществе и поддержанная дирекцией ИИМК им. Н. Я. Марра в лице А. Д. Удальцова концепция автохтонного славянского анклава в средневековом Крыму (Юрочкин, 2013, с. 392). Публичное провозглашение П. Н. Шульцем принципиальной важности вопроса появления и присутствия славян в Крыму поспособствовало существенному увеличению масштабов археологических работ, в особенности на памятниках позднескифской культуры, наследие которой, наряду с таврским и сарматским, объявлялось составляющей славянского этногенеза. В выступлениях на собраниях сотрудников КФ АН СССР П. Н. Шульц неоднократно подчеркивал, что Крым «издавна принадлежал предкам» русского народа (Шульц, 1946, с. 116).

Вместе с тем, ни один из докладов П. Н. Шульца не был опубликован. В немногочисленных работах ученого, напечатанных в 1948 – 1950 гг., фактор скифо-славянской преемственности либо не упоминается вовсе, либо отмечается с большой осторожностью (Шульц, 1947; 1949; Шульц, Головкина, 1951). Такой подход был характерен и для других археологов, в результате чего наблюдалось снижение публикационной

активности сотрудников Сектора истории и археологии. Так, в отчете о деятельности СИА КФ АН СССР за 1948 – 1954 гг. констатировалось, «что публикации осуществляются крайне медленно», и за первое трехлетие из печати вышли лишь 6 статей (Краткий, 1951, л. 44).

В 1950 г., касаясь раскопок городища Тепсень, П. Н. Шульц отмечает, что его население было смешанным: «аланским, славянским, а может быть и хазарским, и греческим» (Шульц, 1950, с. 155). На это замечание отреагировал В. П. Бабенчиков, сторонник славянской принадлежности городища, причислив вывод П. Н. Шульца к ошибочным, наряду с заключением И. И. Ляпушкина, убежденного в салтовомаяцком происхождении памятника (Бабенчиков, 1953, с. 105). В. П. Бабенчиков долгое время оставался искренним приверженцем идеи присутствия славян в Крыму, их генетической связи с другими народностями полуострова, в первую очередь с аланами (Бабенчиков, 1953, с. 115).

Иначе смотрел на этот вопрос П. Н. Шульц, отмечая: «Нельзя, недопустимо сложнейшую, хотя и неотложную проблему о роли древнего и раннесредневекового Крыма и его коренных народов в этногенезе славян, проблему, кстати сказать, требующую накопления и исследовательской обработки громадного фактического материала, решать с кондачка, путем лозунгов, логическим путем» (Юрочкин, 2016, с. 199). В действительности, отношение к фактам у исследователей отличалось. П. Н. Шульц не допускал подведения конкретных свидетельств под умозрительные, тенденциозные построения. Этим следует объяснить некоторую паузу в его публикационной деятельности, которая приходится на время актуализации «славянского вопроса». Когда в 1950 г. адепты вопроса лишились теоретической базы в связи с пересмотром учения Н. Я. Марра, в серии публикаций, основанных на фактических данных, П. Н. Шульц отразил представления об истории поздних

скифов, не акцентируя внимание на связях с культурой славян.

Несмотря на трудности организационных условий, период 1948 – 1950 гг. в истории Тавро-скифской экспедиции следует признать наиболее результативным. Беспрецедентные по масштабу археологические работы охватили все районы Крымской области за исключением северных областей и Керченского полуострова. В число организаторов экспедиции входили КФ АН СССР, ИИМК им. Н. Я. Марра, ГМИИ им. А. С. Пушкина, ГИМ, ИА АН УССР, Крымский краеведческий музей и другие музеи полуострова. Тавро-скифская экспедиция включала Симферопольский (1948 – 1950 гг., руководитель А. Н. Карасев), Бахчисарайский (Горный) (1948 – 1950 гг., возглавлен Е. В. Вемарном), Евпаторийский (1948 – 1950 гг., М. А. Наливкина), Коктебельский (1948 – 1950 гг., В. П. Бабенчиков), Сурожский (1948 г., И. В. Пятышева), Белогорский (1948 г., П. Н. Шульц), Феодосийский (1949 г., И. И. Бабков), Ялтинский (1950 г., П. Н. Шульц) и Алуштинский (1950 г., И. В. Пятышева, Е. В. Веймарн) отряды, а также действовавший совместно с Бахчисарайским Отдельный отряд группы истории СИА КНИБ (1948 – 1949 гг.) (Отчет..., 1948, л. 1; Краткий..., 1949, л. 4; Отчет..., 1950 л. 1; Отчет..., 1950, л. 2).

Поиски свидетельств «исконности русского присутствия» актуализировали изучение позднескифских памятников. Поэтому значительное внимание уделялось исследованиям Неаполя Скифского и его округа, разведкам в Симферопольском и Белогорском районах (Краткий..., 1949, л. 48). В 1948 г. П. Н. Шульцу удалось возобновить исследования на западном побережье Крыма и, таким образом, достичь изначальной цели организации экспедиции. Широкомасштабные обследования проводились в Южном и Центральном Крыму. Поскольку многие аспекты этих исследований нашли свое отражение в историографии, следует остановиться на малоизвестных сторонах

деятельности Тавро-скифской экспедиции в период 1948 – 1950 гг.

Разведки П. Н. Шульца на территории Симферопольского, Зуйского и Белогорского районов открыли два скифских городища и селища, два средневековых поселения и пещеру со следами искусственно вырубленных ниш. Наибольший интерес руководителя экспедиции привлекло скифское городище, расположенное на правом берегу р. Чуюнча, около д. Брусилово. Его остатки занимали вершину скалистого мыса. Поселение защищали две линии оборонительных стен с башнями, обустроенными по краям скалистого обрыва. Собранный подъемный материал позволил датировать памятник первыми веками нашей эры. К востоку располагалось селище, соотнесенное с укреплением на мысу (Краткий..., 1949, л. 21).

Второе городище в Зуйском районе у д. Подгорное представляло собой небольшое убежище на скалистом мысу, огражденное «полукругом стен». К укреплению примыкали большое селище и некрополь, в обресе культурного слоя которого хорошо фиксировались погребальные сооружения с каменными закладами. По предположению П. Н. Шульца, оба городища представляли тип укрепленных убежищ, защищавших подступы к Неаполю Скифскому со стороны Боспора (Краткий..., 1949, л. 22). Еще одно скифское селище было открыто в Феодосийском районе, около д. Дальние Камышлы (Краткий..., 1949, л. 23).

В течение 1947 – 1948 гг. В. П. Бабенчиковым производились раскопки некрополя, расположенного на средней террасе долины р. Салгир, на склоне второй гряды Крымских гор. Открытие этого памятника произошло случайно. 6 августа 1947 г. после работ на Восточном некрополе В. П. Бабенчиков принял решение проверить сообщение местного жителя, указавшего на то, что к юго-востоку от Неаполя, на средней террасе склона к Алуштинскому шоссе, он видел в «большом глинище

человеческие кости». Могильник мог остаться без внимания, если бы не настойчивость практиканта экспедиции А. А. Щепинского, предварительно, посетившего место обнажения захоронений (Полевой, 1947, л. 12). В результате, в известняковом слое В. П. Бабенчиков обследовал «искусственно сделанные выемки, из которых выглядывали человеческие кости» (Полевой, 1947, л. 14). Открытые на объекте грунтовые могилы располагались вдоль склона в два ряда и включали подбойные конструкции и земляные склепы. Всего за два года работ изучению подверглись 29 погребений (Отчет..., 1948, л. 2).

Е. В. Веймарн сконцентрировался на проведении широких разведочных работ по выявлению новых таврских памятников. В 1949 г. им были обследованы убежища на г. Басман, от подножья которой тянулась цепь обжитых пещер с керамикой кизилкобинского и средневекового времени, укрепление на г. Кермен. Значительное внимание исследователь уделил крепостям Сюрень, Мангуп-Кале, Эски-Кермен. На скалах Кызык-Кулак-Кая отрядом под руководством Е. В. Веймарна найдено святилище со следами наскальной росписи⁶, «требовавшее незамедлительных исследований» (Краткий, 1949, лл. 43, 44).

В условиях недостаточного финансирования завершить работы Тавро-скифской экспедиции в 1949 г. не удалось. Дальнейшие исследования также были поставлены под вопрос. В августе 1949 г. ходатайство руководства КФ АН СССР о предоставлении П. Н. Шульцу открытого листа на раскопки Неаполя Скифского не было удовлетворено. Среди причин отказа отмечалось, что «в течение пяти лет П. Н. Шульцем не подготовлено ни одного отчета». В качестве «беспрецедентного исключения, принимая во внимание высокую квалификацию исследователя» комитет разрешил составить сводный отчет за 1945 – 1949 гг. к 1 июня

1949 г. (Переписка..., 1949, л. 151). Но и он не был принят: «отсутствовали разделы о раскопках Неаполя Скифского и его некрополя» (Переписка..., 1949, л. 152). Примечательно, что в плане работ экспедиции 1945 г. ежегодная отчетность не предполагалась, вместо этого П. Н. Шульц должен был подготовить материалы сразу за пять лет (План..., 1945, л. 3).

В непростой ситуации П. Н. Шульц обратился к руководству ЛОИИМК с просьбой командировать в 1950 г. А. Н. Карасева для руководства раскопками Неаполя Скифского. В результате договоренностей с дирекцией ИИМК им. Н. Я. Марра и Комитетом полевых исследований, «чтобы не прерывать исследования первоклассного объекта», открытый лист был выдан А. Н. Карасеву, с условием, что он завершит отчет своевременно и самостоятельно» (Переписка..., 1949, л. 155). В 1950 г. П. Н. Шульц практически не принимал участия в раскопках Неаполя Скифского.

Пятилетний план исследовательских работ КФ АН СССР (1951 – 1955 гг.) предполагал проведение трех экспедиций: Тавро-скифской, Горно-крымской (путем преобразования Бахчисарайского (Горного) отряда) и Херсонесской. Существенные коррективы в работу Крымского филиала внесло Постановление Совета министров СССР «О строительстве Каховской ГЭС на реке Днепр, Южно-Украинского и Северо-Крымского каналов и об орошении земель южных районов Украины и северных районов Крыма», опубликованное 21 сентября 1950 г. О новых задачах археологических исследований Я. Д. Козин писал следующее: «Проектируются большие экспедиционные работы, так как ввиду проведения трассы канала будет вскрыто около 200 курганов. Будучи в Киеве, мы разработали проект комплексной экспедиции АН СССР и УССР» (Решения, 1950, л. 46). Руководство новой Северо-Крымской экспедицией было поручено П. Н. Шульцу.

⁶ Комплекс Кызык-Кулак-Кая повторно открыт в ходе обследования округа Мангупского городища в 2018 г. (Герцен и др., 2019, с. 52).

Возрождение Тавро-скифской экспедиции. Изменения в планах научно-исследовательских работ Отдела истории и археологии⁷ произошли в 1953 г., когда Бюро Совета филиалов АН СССР 22 мая 1953 г. приняло решение прекратить работы вдоль трассы Северо-Крымского канала. В сентябре 1954 г. трест «Водоканал» г. Симферополя начал прокладку траншеи для водопровода на территории южной части Неаполя Скифского. Мероприятия с применением землекопной техники удалось приостановить руководству КФ при поддержке органов охраны памятников культуры Крымского Облисполкома, по решению которого ОИА начал в 1955 г. охранные раскопки. В 1956 г. работы на городище продолжила Симферопольская археологическая экспедиция,

образованная Институтом археологии АН УССР.⁸

Преобразование Симферопольской экспедиции в Тавро-скифскую произошло в 1957 г. и, по-видимому, было обусловлено перспективными планами П. Н. Шульца. В отчете о работах в 1957 г. он отмечал: «по масштабу и значению работ мы приблизились к Тавро-скифской экспедиции 1945 – 1949 гг.» (Отчет..., 1957, л. 3). Отчет 1958 г. открывался замечанием «Раскопки Неаполя Скифского проводились в широком масштабе, не меньшем, чем в лучшие годы его раскопок Тавро-скифской экспедицией 1945 – 1949 гг.» (Отчет..., 1958, л. 1). В заключении автор подчеркнул необходимость ежегодных раскопок памятника «на бюджетной, а не хоздоговорной основе» (Отчет...,

Рис. 5. П. Н. Шульц и О. И. Домбровский (стоят справа) перед практикантами. Неаполь Скифский. 1949 г. (фотография из Научного архива Института археологии Крыма РАН)

⁷ В 1951 г. в связи со структурными изменениями в КФ АН СССР секторы были преобразованы в отделы. (2019, с. 52)

⁸ Включение Крымской области в состав УССР в 1954 г. обусловило перевод Крымского филиала из системы всесоюзной Академии наук в республиканскую (Переписка, 1954, л. 164). 1 августа 1956 г. на основании постановления Совета министров УССР № 682 от 27.06.1956 Крымский филиал был ликвидирован, а группа археологии ОИА стала Отделом античной и средневековой археологии ИА АН УССР (Историческая..., л. 5)..

1958, л. 154). Следует также обратить внимание на увеличение числа исследуемых объектов. С 1957 г. разведочные работы и небольшие раскопки проводились под руководством П. Н. Шульца и А. А. Щепинского в Симферопольском и Белогорском районах (Отчет..., 1958, л.5]. Таким образом, наименование «Симферопольская» экспедиция теряло всякий смысл.

Разведочным отрядом Тавро-скифской экспедиции в 1958 г. исследовалось таврское убежище на г. Агармыш и ряд курганов эпохи бронзы в окрестностях Старого Крыма (Отчет..., 1958, л. 4]. С целью выявления новых памятников в следующем году руководством ОАСА формировались Судакский, Симферопольский и Евпаторийский отряды. Судакским отрядом в урочище Тапшан обнаружен клад боспорских монет III в. н. э., а также открыты стоянки эпохи бронзы на м. Меганом, таврское поселение близ г. Сюрюк-Кая, средневековый храм у с. Курское (Отчет..., 1959, л. 5). П. Н. Шульцем, А. А. Щепинским и В. М. Маликовым раскапывались 10 курганов с погребениями ямной, катакомбной, срубной и кизил-кобинской культуры у сел Дружное и Зольное в Симферопольском районе (Отчет..., 1959, л. 5). Работы Евпаторийского отряда по обследованию поселения у санатория «Чайка» положили начало его многолетним исследованиям (Отчет..., 1959, л. 6). Сотрудниками Тавро-скифской экспедиции в 1960 г. найден могильник с каменными ящиками у с. Кизил-Таш Судакского района, а также раскопаны 4 кургана у сел Доброе и Дружное (Отчет, 1960, л. 5). Краткий обзор разведочных предприятий экспедиции, очевидно, свидетельствует о намерениях придать ей масштабы конца 1940-х гг.

Объектом основного внимания экспедиции являлся Неаполь Скифский. На памятнике действовало сразу несколько отрядов. Неапольский отряд раскапывал участки в районе южной оборонительной стены. Помимо руководителя П. Н. Шульца, он включал Т. Н. Высотскую, Е. Н. Черепанову,

О. А. Махневу, А. Н. Щеглова и С. К. Себекина. Некропольский отряд под началом сотрудников ИИМК АН СССР Э. А. Сымоновича и ГМИИ им. А. С. Пушкина И. Д. Марченко проводил исследования восточного могильника при участии А. А. Щепинского, Е. В. Черненко, а с 1958 г. О. А. Махневой. Эти отряды относились к Тавро-скифской экспедиции. Совместно с ними в центральной и северной части города работал скифский отряд Крымской экспедиции ИИМК АН СССР, в научный состав которого входили А. Н. Карасев, И. В. Яценко, О. Д. Дашевская, С. А. Беляев и Н. Н. Ковалев (Отчет..., 1957, лл. 7, 8).

Определенный отпечаток на условия экспедиции накладывал ее хозяйственный характер. С одной стороны, это было связано с невысоким качеством труда работников, предоставленных Управлением Водоканализации, а с другой — сложностью координации работ с заказчиком. Особенности сотрудничества археологов и строителей отражают несколько эпизодов полевого сезона 1958 г. Согласно записи в дневнике О. А. Махневой, необходимость археологических исследований в этом году наступила значительно раньше запланированного, поскольку 2 февраля без согласования с ОАСА началось расширение котлована водоочистных сооружений. Результатом стало полное уничтожение южной оборонительной стены восточнее раскопа «Е» на протяжении 30 м, где толщина сооружения составляла в среднем 8 м (Дневник..., 1958, л. 2).

После этого случая сотрудники отдела не прекращали наблюдений на памятнике. 1 мая 1958 г. А. А. Щепинский, занимавшийся обследованием кизил-кобинского поселения на восточном склоне плато, отметил, что в результате застройки «Симферопольское поселение для науки уже почти погибло» (Дневник..., 1958, л. 3). Однако наибольший ущерб исследованиям наносили рабочие-землекопы. Запланированные объемы работ оказались несоразмерными

числу квалифицированных сотрудников, в результате археологи нередко не успевали проконтролировать ситуацию. Так, 5 апреля на западном участке некрополя рабочие раскопали два костяка: женщины и ребенка. О находке сообщили О. А. Махневой, находившейся в этот момент на восточном участке. Прибыв на «место происшествия», исследовательница обнаружила, что «рабочие уже вытащили черепа, кости и вещи. Решив, что они сделали доброе дело, они отдали все найденное мне» (Дневник..., 1958, л. 2).

19 апреля завершить изучение склепа №79 помешал мастер-инженер участка, запретив углубляться, поскольку на месте погребения должны были пройти трубы, которые могли осесть. После «жаркой дискуссии, — отметила в дневнике О. А. Махнева, — мы начали собирать инструменты, сделав вид, что уходим. Когда мастер отошел, я выбралась наверх, чтобы, в случае приближения кого-либо из руководства Водоканала, предупредить своих рабочих, продолживших углубление» (Дневник, 1958, л. 19). В недобранном грунте оказался склеп, который не удалось зачистить за рабочий день. В связи с этим О. А. Махнева записала: «Боюсь, что в понедельник нас и близко не подпустят к траншее» (Дневник, 1958, л. 19). К счастью, 21 апреля из командировки вернулся П. Н. Шульц, разрешивший проблему с представителями заказчика (Дневник, 1958, л. 19).

В истории Тавро-скифской экспедиции 1960 г. стал последним. Финансирование исследований Неаполя Скифского в связи с завершением строительства водоочистных сооружений постепенно сокращалось. Уже в 1959 г. несколько начатых раскопов из-за недостатка средств пришлось оста-

вить недоследованными (Отчет, 1959, л. 2). Небольшими раскопками на Неаполе Скифском в 1960 г. руководила И. В. Яценко. В этом же году возобновились работы по строительству Северо-Крымского канала, под руководством П. Н. Шульца образуется одноименная экспедиция (Отчет, 1960, л. 7).

Итоги. Многогранность работ Тавро-скифской экспедиции составляет яркую страницу в истории крымской археологии. Причины ее организации обусловили задачи выяснения вопросов генезиса, развития и гибели скифского государства, его взаимоотношений с таврским и греческим населением полуострова, места культурного наследия крымских скифов во всемирной и отечественной истории. За десять лет работ, разделенных шестилетним промежутком, сотрудниками экспедиции выявлены и обследованы 20 из 46 известных в наши дни позднескифских городищ⁹. Раскопки многих из них стали единственными за всю историю исследований. Выдающиеся открытия на Неаполе Скифском, Кермен-Кыре, Заветном и других крупных памятниках связаны с результативной деятельностью Тавро-скифской экспедиции.

Помимо итогов практических предприятий, ее научное наследие включает значительный корпус публикаций, раскрывающих многочисленные проблемы древней и средневековой истории и археологии полуострова. Наконец, Тавро-скифская экспедиция стала научной школой для многих ученых: Т. Н. Троицкой, Э. И. Соломоник, О. И. Домбровского, Т. Н. Высотской, Е. В. Черненко, А. А. Щепинского, Е. Н. Черепановой, О. Д. Дашевской, Э. А. Сымоновича, О. А. Махневой, Х. И. Крис, — с именами которых связаны выдающиеся открытия в истории крымской археологии.

⁹ Количество памятников приведено по состоянию на 2015 г. (Смекалова и др., 2015).

Литература

- Бабенчиков В. П.* Некрополь Неаполя Скифского // История и археология древнего Крыма / Отв. ред. П. Н. Шульц. Киев: Изд-во Академии Наук Украинской ССР, 1957. С. 94–141.
- Бабенчиков В. П.* Средневековое поселение близ села Планерское (раскопки 1949 – 1951 гг.) // КСИИМК. 1953. Вып. XLIX. С. 104–116.
- Высотская Т. Н.* Неаполь — столица государства поздних скифов. Киев: Наукова думка, 1979. 207 с.
- Герцен А. Г., Науменко В. Е., Душенко А. А., Ганцев В. К., Михайлов А. М., Набоков А. И.* Новые материалы к археологической карте округа Мангупского городища // Ученые записки КФУ имени В. И. Вернадского. Исторические науки. 2019. Т. 5 (71). №1. С. 52–74.
- Граков Б. Н.* Каменское городище на Днестре МИА. 1954. №36. 238 с.
- Дашевская О. Д.* Отчет о разведках и раскопках в Симферопольском районе в 1951 г. Институт археологии Крыма РАН. Научный архив ИАК РАН НА. Ф. 1. Тавро-скифская экспедиция. Оп 2. 1951 г. Д. 8. 48 л.
- Дашевская О. Д.* Скифское городище Красное (Кермен-Кыр) // КСИИМК. 1957. Вып. 70. С. 108–118.
- Дневник Тавро-скифской экспедиции за 1945 г. ИАК РАН НА. Ф. 1. Оп. 2. 1945 г. Д. 1. 87 л.
- Дневник Тавро-скифской экспедиции за 1946 г. ИАК РАН НА. Ф. 1. Оп. 2. 1946 г. Д. 2. 44 л.
- Дневник разведок 1945 г. ИАК РАН НА. Ф. 1. Оп 2. Д. 1. 49 л.
- Дневник охранных наблюдений и раскопок на Неаполе Скифском (некрополь) О. А. Махневой. Февраль – Март. ИАК РАН НА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 22. 48 л.
- Дневник охранных археологических работ, проведенных на некрополе Неаполя Скифского в мае 1958 г. ИАК РАН НА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 22. 51 л.
- Дневник охранных наблюдений и раскопок на Неаполе Скифском (некрополь) О. А. Махневой. Апрель. ИАК РАН НА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 22. 44 л.
- Докладная записка П. Н. Шульца В. Д. Блаватскому. ИАК РАН НА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1. 4 л.
- Докладные записки в СФ АН СССР, Крымский Обком ВКП(б) по научно-организационным и научно-исследовательским вопросам. ГАРК. Ф. Р–3383. Оп. 1. 1949 г. Д. 12. 179 л.
- Домбровский О. И.* Керамическая печь на скифском городище Красное // История и археология древнего Крыма / Отв. ред. П. Н. Шульц. Киев: Изд-во Академии Наук Украинской ССР, 1957. С. 191–209.
- Домбровский О. И.* Тавро-скифская экспедиция // Его называли «Шеф»: к 100-летию со дня рождения Олега Ивановича Домбровского: воспоминания, литературное творчество / Отв. ред. А. В. Проценко. Симферополь: Н. Орианда, 2014. С. 65–67.
- Зайцев Ю. П.* История изучения Неаполя Скифского (1945 – 1999 гг.) // У Понта Евксинского (Памяти Павла Николаевича Шульца) / Ред-сост. С. Г. Колтухов, С. Б. Ланцов, А. Е. Пуздровский. Симферополь: Изд-во Крымского научного центра, 2004. С. 36–40.
- Зайцев Ю. П.* Начало. По страницам дневника П. Н. Шульца «Тавро-Скифская экспедиция ГМИИ и ИИМК Академии наук СССР» 1945 года // 70 лет Тавро-Скифской экспедиции в Крыму. Материалы научной конференции, посвященной началу работы Тавро-Скифской экспедиции на Неаполе Скифском и других памятниках Крыма / Ред.-сост. Ю. П. Зайцев, И. И. Шкрибляк. Симферополь: Тарпан, 2015. С. 6–8.

- Карасев А. Н.* Раскопки Неаполя Скифского в 1948 г. // ВДИ. 1950. №4. С. 179–187.
- Колтухов С. Г., Юрочкин В. Ю.* От Скифии к Готии. Симферополь: «СОНАТ», 2004. 240 с.
- Краткий предварительный отчет о раскопках Неаполя Скифского в 1945 г. ИАК РАН НА. Ф. 1. Оп 2. Д. 2. 18 л.
- Краткий отчет о работах Тавроскифской экспедиции в 1949 г. ИАК РАН НА. Ф. 1. Оп 2. Д. 5. Т. 1-2. 129 л.
- Краткий отчет о раскопках Восточного некрополя Неаполя Скифского в 1946 г. ИАК РАН НА. Ф. 1. Оп 2. Д. 2. 66 л.
- Краткий отчет о работах в 1947 г. ИАК РАН НА. Ф. 1. Оп 2. Д. 3. 22 л.
- Краткий отчет о работе КФ АН СССР в 1948-1951 гг. ГАРК. Ф. Р-3383. Оп. 1. 1951 г. Д. 142. 59 л.
- Майко В. В.* Судакский и Коктебельский отряды Тавро-Скифской экспедиции в 1948–1950 гг. // 70 лет Тавро-Скифской экспедиции в Крыму. Материалы научной конференции, посвященной началу работы Тавро-Скифской экспедиции на Неаполе Скифском и других памятниках Крыма / Ред.-сост. Ю. П. Зайцев, И. И. Шкрибляк. Симферополь: Тарпан, 2015. С. 14–15.
- Манаев А. Ю.* Историческая наука в СССР в послевоенные годы и возобновление археологических исследований в Крыму // Крымское историческое обозрение. 2015. №3. С. 131–149.
- Материалы к всесоюзному археологическому совещанию / Под ред. В. П. Потемкина. М.: Институт истории материальной культуры им. Н. Я. Марра, 1945. 200 с.
- Мыц В. Л.* Сарымамбаш-Кермен — укрепленная резиденция XIV – XVIII беков Яшлавских-Сулешевых // Поволжская археология. 2018. №2 (24) . С. 89–112.
- Обоснование Тавро-скифской экспедиции. ИАК РАН НА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1. 3 л.
- Отчет о разведках Бахчисарайского отряда в 1946 г. ИАК РАН НА. Ф. 1. Оп 2. Д. 2. 56 л.
- Отчет о разведках Бахчисарайского (Горного) отряда в 1947 г. ИАК РАН НА. Ф. 1. Оп 2. Д. 4. 73 л.
- Отчет о работах Белогорского отряда Тавро-Скифской экспедиции в 1947 г. ИАК РАН НА. Ф. 1. Оп 2. Д. 3. 54 л.
- Отчет о раскопках Евпаторийского отряда в 1948 г. ИАК РАН НА. Ф. 1. Оп 2. Д. 4. 47 л.
- Отчет о раскопках Евпаторийского отряда в 1950 г. ИАК РАН НА. Ф. 1. Оп 2. Д. 7. 67 л.
- Отчет о раскопках Ялтинского отряда в 1950 г. ИАК РАН НА. Ф. 1. Оп 2. Д. 7. 62 л.
- Отчет о раскопках Неаполя Скифского в 1957 г. ИАК РАН НА. Ф. 1. Оп. 2. 1957 г. Д. 22. 118 л.
- Отчет о раскопках Неаполя Скифского в 1958 г. ИАК РАН НА. Ф. 1. Оп. 2. 1958 г. Д. 22. 162 л.
- Отчет о работе Отдела античной и средневековой археологии ИА АН УССР в 1958 г. ИАК РАН НА. Ф. 1. Оп. 2. 1958 г. Д. 22. 132 л.
- Отчет о раскопках грунтового могильника Неаполя Скифского в 1947 – 1948 гг. ИАК РАН НА. Ф. 1. Оп 2. 1948 г. Д. 4. 118 л.
- Отчет о работах Отдела античной и средневековой археологии ИА АН УССР в 1959 г. ИАК РАН НА. Ф. 1. Оп. 2. 1959 г. Д. 22. 111 л.
- Отчет о раскопках квадрата «Ж» на городище Неаполь Скифский. ИАК РАН НА. Ф. 1. Оп. 2. 1959 г. Д. 22. 26 л.

- Отчет о работах Отдела античной и средневековой археологии ИА АН УССР в 1960 г. ИАК РАН НА. Ф. 1. Оп. 2. 1960 г. Д. 22. 47 л.
- Переписка с Советом филиалов АН и Президиумом АН. ГАРК. Ф. Р-3383. Оп. 1. 1949 г. Д. 36. 253 л.
- Переписка с СФ АН СССР по научно-исследовательским вопросам. ГАРК. Ф. Р-3383. Оп. 1. 1954 г. Д. 275. 309 л.
- Переписка с научно-исследовательскими учреждениями. ГАРК. Ф. Р-3383. Оп. 1. Д. 39. 388 л.
- Письмо военнопленных П. Н. Шульцу. ИАК РАН НА. Ф. 1. Оп. 2. 1947 г. Д. 3. 1 л.
- Письмо Областного отдела Культпросветработы. ИАК РАН НА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 7. 1 л.
- Письмо П. Н. Шульца директору Крымского Областного краеведческого музея И. Г. Лобову. ИАК РАН НА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 21. 1 л.
- План работ Тавро-скифской экспедиции на 1945 г. (редакция). ИАК РАН НА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1. 3 л.
- План работ Тавро-скифской экспедиции на 1945 г. ИАК РАН НА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1. 6 л.
- Планы научно-исследовательских работ Крымского филиала и секторов. ГАРК. Ф. Р-3383. Оп. 1. Д. 40. 344 л.
- Погребова Н. Н.* Мавзолей Неаполя Скифского // КСИИМК. 1947. Вып. 21. С. 22–32
- Полевой дневник В. П. Бабенчикова. ИАК РАН НА. Ф. 1. Оп. 2. 1946 г. Д. 2. 48 л.
- Полевой дневник В. П. Бабенчикова. ИАК РАН НА. Ф. 1. Оп. 2. 1947 г. Д. 4. 57 л.
- Положение о КНИБ. ГАРК. Ф. Р-3383. Оп. 1. Д. 5. 23 л.
- Постановления и распоряжения ПАН СССР за 1948 г. ГАРК. Ф. Р-3383. Оп. 1. 1948 г. Д. 2. 198 л.
- Программа исследований Неаполя Скифского на 1958 – 1968 гг. ИАК РАН НА. Ф. 1. Оп. 2. 1957 г. Д. 23. 3 л.
- Протоколы совещаний и заседаний сотрудников КНИБ. ГАРК. Ф. Р-3383. Оп. 1. Д. 35. 48 л.
- Протоколы заседаний Президиума КФ АН СССР. ГАРК. Ф. Р-3383. Оп. 1. 1949 г. Д. 179. 283 л.
- Решения и распоряжения Исполкома Крымского областного Совета депутатов трудящихся и переписка с ним в 1950 г. ГАРК. Ф. Р-3383. Оп. 1. Д. 115. 249 л.
- Смекалова Т. Н., Колтухов С. Г., Зайцев Ю. П.* Атлас позднескифских городищ Предгорного Крыма. СПб.: «Алетейя», 2015. 248 с.
- Стенограмма расширенного заседания Ученого совета КНИБ 17–18.09.1948. ГАРК. Ф. Р-3383. Оп. 1. 1948 г. Д. 6. 282 л.
- Стенограмма расширенного заседания Ученого совета КНИБ 22.08.1949. ГАРК. Ф. Р-3383. Оп. 1. 1949 г. Д. 33. 212 л.
- Стенограммы заседаний Ученого совета КФ АН СССР. ГАРК. Ф. Р-3383. Оп. 1. Д. 124. 256 л.
- Сто лет служения науке и просвещению: исторический факультет Крымского федерального университет имени В. И. Вернадского. Симферополь: АРИАЛ, 2018. 355 с.
- Тункина И. В.* Открытие позднескифских памятников Крыма в 1820 – 1830-х годах // Очерки истории отечественной археологии. 2015. Вып. IV. С. 8–40.

- Удостоверение уполномоченного по организации КНИБ. ИАК РАН НА. Ф. 1. Оп 2. Д. 4. 1 л.
- Шкрибляк И. И.* Археологические исследования позднескифского городища Залесье: по материалам полевого дневника Тавро-Скифской экспедиции 1945 г. // 70 лет Тавро-Скифской экспедиции в Крыму. Материалы научной конференции, посвящённой началу работы Тавро-Скифской экспедиции на Неаполе Скифском и других памятниках Крыма / Ред.-сост. Ю. П. Зайцев, И. И. Шкрибляк. Симферополь: Тарпан, 2015. С. 28–30.
- Шульц П. Н.* Отчет о раскопках Тавро-скифской экспедиции в 1945–1949 гг. ИАК РАН НА. Ф. 1. Оп. 2. 1949 г. Д. 6. Т. 3–5. 122 л.
- Шульц П. Н.* Отчет о работах Отдела истории и археологии в 1954 г. ИАК РАН НА. Ф. 1. Оп. 2. 1954 г. Д. 16. 58 л.
- Шульц П. Н.* Отчет об охранных археологических раскопках на Неаполе Скифском в 1954 – 1955 гг. ИАК РАН НА. Ф. 1. Оп. 2. 1955 г. Д. 17. 89 л.
- Шульц П. Н.* Отчет о раскопках Неаполя Скифского в 1957 г. ИАК РАН НА. Ф. 1. Оп. 2. 1957 г. Д. 22. 94 л.
- Шульц П. Н.* Тавро-скифская археологическая экспедиция в Крыму // Советский Крым. 1946. №2. С. 97–116.
- Шульц П. Н.* Тавро-скифская экспедиция // Известия Академии Наук СССР. Серия истории и философии. 1947. Т.4. Вып.3. С. 275–293.
- Шульц П. Н.* О работах Евпаторийской экспедиции // СА. 1935. Вып. 3. С. 252–254.
- Шульц П. Н.* Евпаторийский район: 1933 – 1934 гг. // Археологические исследования в РСФСР: 1934 – 1936 гг. / Под ред. В. В. Гольмстен. М.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 265–277.
- Шульц П. Н.* Работы Тавро-скифской экспедиции // КСИИМК. 1949. Вып. XXVII. С. 56–66.
- Шульц П. Н.* Историко-археологические исследования в Крыму (1920 – 1950 гг.) // Крым. 1950. Вып. 6. С. 145–157.
- Шульц П. Н., Головкина В. А.* Неаполь Скифский // По следам древних культур / Под ред. Г. Б. Федорова. М: Госкультпросветиздат, 1951. С.143–168.
- Юрочкин В. Ю.* «Готский» и «славянский» вопросы в послевоенном Крыму // Нартекс. Byzantina Ucrainensis. Т. 2 / Глав. ред. С. Б. Сорочан. Харьков: Майдан, 2013. С. 392–412.
- Юрочкин В. Ю.* Сессии по истории Крыма и становление археологической науки в послевоенном Крыму // ИАК. Вып. 4 / Отв. ред. В. В. Майко. Симферополь: б. и., 2016. С. 187–204.
- Юрочкин В. Ю., Майко В. В.* Готы, скифы, славяне: этнические кульбиты крымской археологии послевоенной эпохи // Неизвестные страницы археологии Крыма: от неандертальцев до генуэзцев / Отв. ред. Л. Б. Вишняцкий. СПб.: Нестор История, 2017. С. 157–231.

Список сокращений

АЗМ КП	Инвентарный номер предмета по Книге поступлений Азовского музея-заповедника
АИАПМЗ	Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник
АМЗТ КП	Инвентарный номер предмета по Книге поступлений Археологического музея-заповедника «Танаис»
АСГЭ	Археологический сборник Государственного Эрмитажа
БИ	Боспорские исследования
ВДИ	Вестник древней истории
ГАИМК	Государственная академия истории материальной культуры
ГАРК	Государственный архив Республики Крым
ГАУК РО	«Донское наследие» — Государственное автономное учреждение культуры Ростовской области
ГИМ	Государственный исторический музей
ГЛИАМЗ	Государственный литературный и историко-архитектурный музей-заповедник. Таганрог
ГМИИ	Государственный музей изобразительных искусств
ГЭ	Государственный Эрмитаж
ДБ	Древности Боспора
ИАК	История и археология Крыма
ИАК РАН НА	Институт археологии Крыма Российской Академии Наук. Научный архив
ИА РАН	Институт археологии РАН

ИИМК	Институт истории материальной культуры
ИКОГО	Известия Крымского отделения Географического общества СССР
ИМА-Н	Инвентарный номер предмета по Книге поступлений Музея истории Армении г. Ереван
КБН	Корпус боспорских надписей
КНИБ	Крымская научно-исследовательская база
КСИА	Краткие сообщения Института археологии
КФ	Крымский филиал
ЛОКМ	Липецкий областной краеведческий музей
МАИЭТ	Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР
МИАЮР	Материалы и исследования по археологии Юга России
НАВ	Нижеволжский археологический вестник
НИЧ ЮФУ	Научно-исследовательская часть Южного Федерального Университета
НЭ	Нумизматика и эпиграфика
ОАСА	Отдел античной и средневековой археологии ИА АН УССР
ПИФК	Проблемы истории, филологии и культуры
РА	Российская археология
РОМК	Ростовский областной музей краеведения
СА	Советская археология
САИ	Свод археологических источников
СФ	Совет филиалов АН СССР
ТГЭ	Труды Государственного Эрмитажа
Труды ГИМ	Труды Государственного исторического музея
ЮНЦ РАН	Южный научный центр Российской академии наук. Ростов-на-Дону
AIHV	Association Internationale pour l'Histoire du Verre
BAR	British Archaeological Reports
JGS	Journal of Glass Studies
LGPN	Lexicon of Greek Personal Names
PAM	Polish Archaeology in the Mediterranean

Сведения об авторах

- Безуглов Сергей Иванович** (Ростов-на-Дону),
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Археологической лаборатории Института истории
международных отношений Южного федерального университета.
E-mail: sergbez@mail.ru;
- Гугуев Владимир Константинович** (Ростов-на-Дону),
научный сотрудник ГАУК «Донское наследие».
E-mail: guguev@mail.ru
- Иштванович Эстер** (Ньиредьхаза, Венгрия),
кандидат исторических наук,
археолог-музеевед музея имени Андраша Йожа.
E-mail: istvanov@josamuzeum.hu
- Кульчар Валерия** (Сегед, Венгрия),
кандидат исторических наук, доцент Сегедского университета.
E-mail: vkulcsar58@gmail.com
- Намойлик Анна Сергеевна** (Севастополь),
кандидат исторических наук, научный сотрудник
Государственного музея-заповедника «Херсонес Таврический».
E-mail: anna_namoilik@mail.ru.
- Нечипорук Александр Александрович** (Ростов-на-Дону),
археолог-специалист ООО «Археологическое общество Кубани».
E-mail: nechip25@mail.ru
- Нидзельницкая Лариса Юрьевна** (Ростов-на-Дону),
старший научный сотрудник ЗАО «ОКН-проект».
E-mail: nidzel2014@mail.ru.
- Стоянова Анастасия Анзоровна** (Симферополь),
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Института археологии Крыма РАН.
E-mail: ancient2008@mail.ru

Трейстер Михаил Юрьевич (Берлин, Германия),
доктор исторических наук, научный сотрудник
Германского археологического института.
E-mail: mikhailtreister@yahoo.de, mikhailtreister@yahoo.de.
ORCID iD: [0000-0001-7451-3325](https://orcid.org/0000-0001-7451-3325)

Труфанов Александр Анатольевич (Симферополь),
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Института археологии Крыма РАН.
E-mail: trufanov.a67@mail.ru

Храпунов Игорь Николаевич (Симферополь),
доктор исторических наук, профессор
Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.
E-mail: igorkhrapunov@mail.ru

Шабанов Станислав Борисович (Симферополь),
руководитель проектов и программ
Благотворительного фонда «Наследие тысячелетий».
E-mail: neizats2004@mail.ru

Чемодуров Николай Николаевич (Симферополь),
аспирант Крымского федерального университета
им. В. И. Вернадского.
E-mail: pasternatskiy@bk.ru

Научное издание

КРЫМ В САРМАТСКУЮ ЭПОХУ
(II в. до н. э. – IV в. н. э.)
VI

Перевод на английский язык: Никита Храпунов
Оригинал-макет: Юрий Борозна
Технический редактор: Анастасия Стоянова

Подписано печать 10.11.2020 г. Формат 60x84 1/8
Бумага офсетная, печать офсетная. Гарнитура Arial
Тираж 300 экз.

Благотворительный фонд «Наследие тысячелетий»
Тел.: +7 978 849 08 94, e-mail: ancient2008@mail.ru
295051, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Чернышевского 10а
Институт археологии Крыма РАН
Республика Крым, г. Симферополь, проспект Вернадского 2